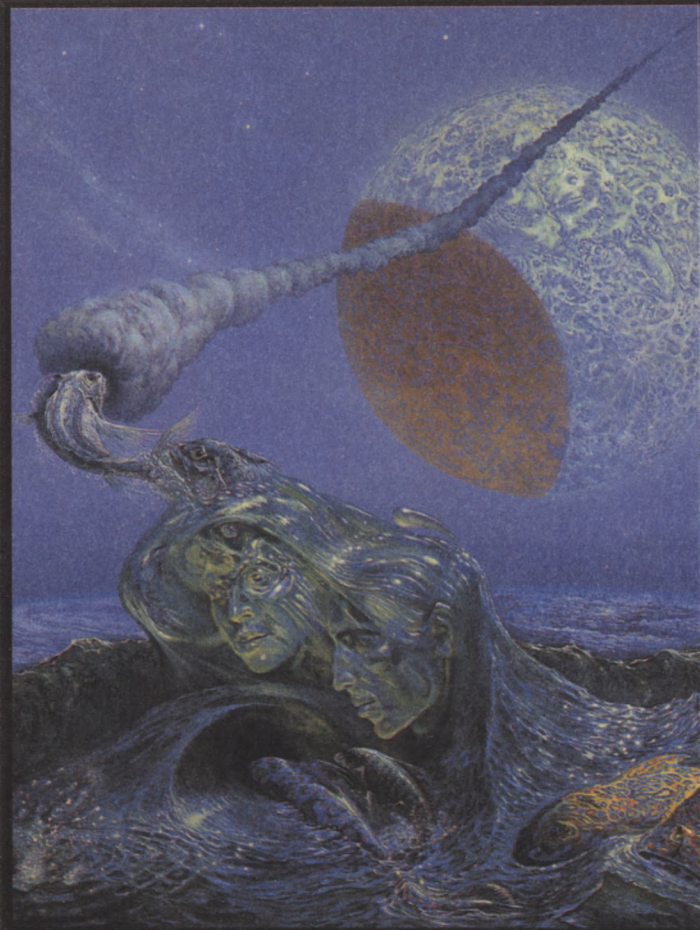
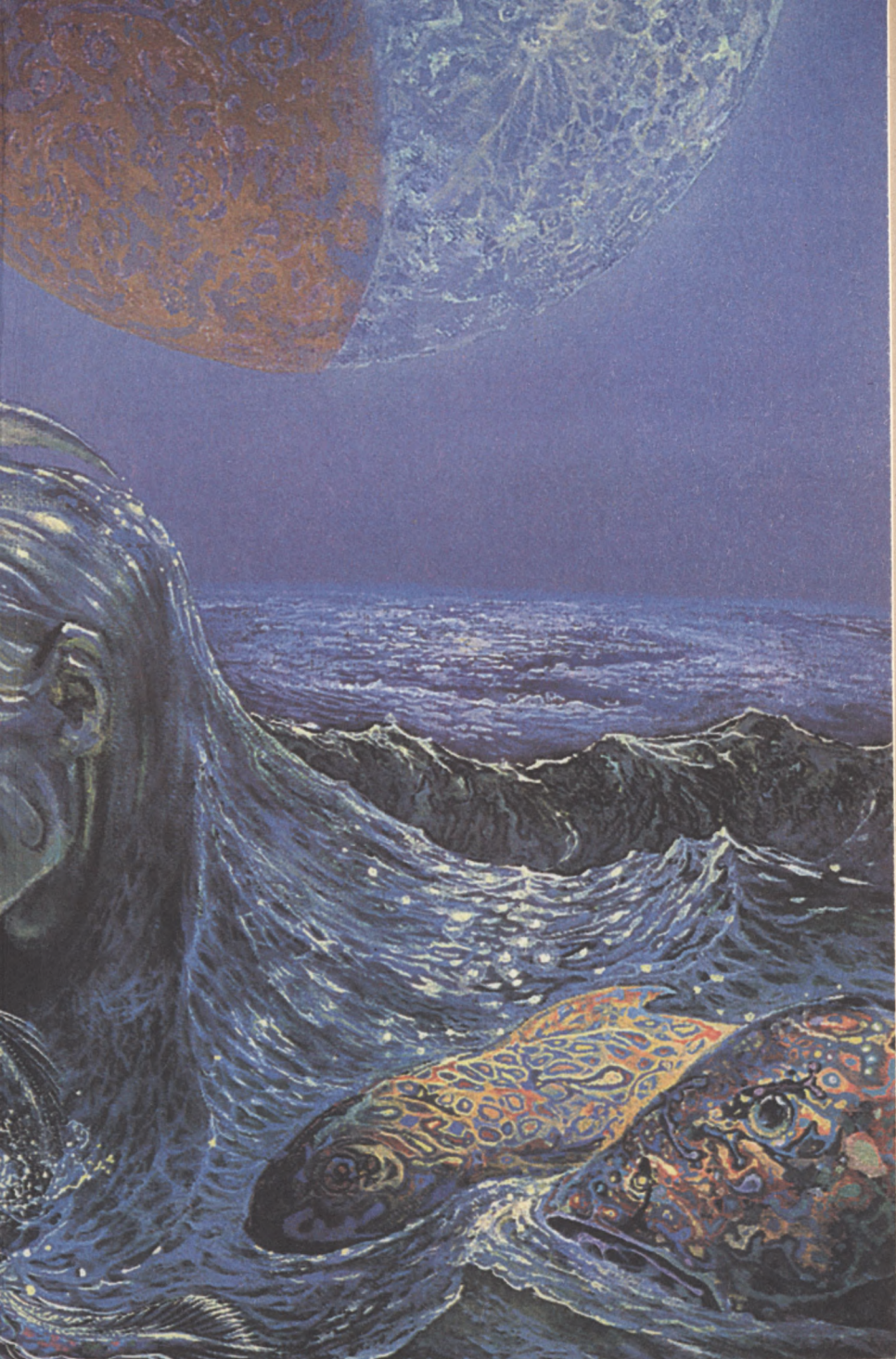

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрания фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести		
14	Терранская империя —1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume one

**THE WINTER
OF THE WORLD**

FIRE TIME

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том первый

ЗИМА НАД МИРОМ

ОГНЕННАЯ ПОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО, «ПОЛЯРИС».
1995

*В оформлении
использована работа
Игоря Леонтьева
«Альбего»*

Миры Пола Андерсона. Т. 1 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1995. — 415 с.

Среди коллег-писателей и читателей Пол Андерсон давно приобрел репутацию «творца миров». Оба романа, открывающие его собрание, дают читателю прекрасную возможность оценить эту сторону творчества писателя. Продуманные автором до мельчайших подробностей климат и география, история и обычаи инопланетян, их язык и верования, особенности биологии и отношений с людьми создают особую атмосферу достоверности.

В романе «Зима над миром» действие происходит на Земле, изуродованной ядерной войной, охваченной новым ледниковым периодом. Варварская империя, раскинувшаяся на месте Флориды, стремится захватить богатые северные земли, но нелегко подчинить народ, в чьих генах заложена свобода...

Во втором — «Огненная пора» — красный гигант приближается к планете Иштар, выжигая ее своими лучами; орды дикарей устремляются к экватору из полярных областей планеты, и земные поселенцы вынуждены бороться за выживание среди враждующих племен аборигенов.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Winter of the World
Copyright © 1975 by Poul Anderson
Fire Time
Copyright © 1974 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, составление,
название серии, 1995

ISBN 5-88132-190-1

От издательства

Этой книгой издательство «Полярис» открывает тридцатитомное собрание сочинений Пола Андерсона, необычайно плодovitого и одаренного писателя, в профессиональных переводах на русский язык. Настоящее собрание построено по тематическому принципу и не придерживается четкой хронологии написания произведений, напротив, хронологически выстроены и выверены произведения, охватывающие развитие той или иной Вселенной, созданной талантом известного фантаста.

В первых десяти томах собрания представлены романы, не объединенные в циклы, в том числе никогда ранее не издававшиеся на русском языке «Орион взойдет» (том 3), «Челн на миллион лет» (том 4) и «Сага о Хрольфе Жердинке» (том 10). Кроме них, стоит отметить диологию «Три сердца и три льва» и «Буря в летнюю ночь» (том 9), из которой прежде на русском языке выходила лишь первая книга, а также более знакомые русскому читателю «Тау — ноль», «Полет в навсегда» (том 2), «Операция «Хаос»» (том 8) и «Дети морского царя» (том 10).

Многотомная «История будущего» занимает в собрании девять томов — с 11-го по 19-й. Произведения, составляющие цикл о Торгово-Технической лиге, занимают тома с 11-го по 13-й, «Терранская империя» — романы и рассказы о Доминике Флэндри и примыкающие к ним — тома с 14-го по 19-й. Следует указать, что автор создавал эти произведения на протяжении трех десятилетий, не придерживаясь какой-либо системы, так же беспорядочно они и публиковались. Американский критик Сандра Мизель взяла на себя труд составить подробную хронологию «Истории будущего», указывающую основные исторические события в промежутке между выходом человечества в космос и распадом Терранской империи, а также время действия всех относящихся к циклу рассказов и романов. В соответствии с этой хронологией, приведенной в 11-м томе, и расположены произведения. Это первое и единственное издание обоих циклов на русском языке, которое является не просто полным, но и соответствует порядку описываемых событий. В 19-й том вошел также сборник рассказов «Орбита не ограничена», повествующий о колонизации системы эпсилон Эридана.

В 20-м и 21-м томах читатель сможет ознакомиться со «звездной» диологией — романами «Звездные нивы» и «Звезды тоже из огня», последними пока

произведениями Пола Андерсона. Затем следует хорошо известный читателю цикл «Патруль времени», который займет три тома (с 22-го по 24-й).

Тома с 25-го по 27-й включают рассказы и романы о Психотехнической лиге, к которым также приложена подробная хронологическая таблица, составленная С. Мизель. Все они издаются на русском языке впервые.

Завершают собрание роман «Аватара» и два тома лучших рассказов и повестей Пола Андерсона, в том числе все удостоенные престижнейших литературных премий «Хьюго» и «Небьюла», за исключением рассказа «Возмездие Эвелит» (Хьюго-69), помещенного в 19-й том: рассказ «Самое долгое путешествие» (Хьюго-61), повесть «Нет пощады королям» (Хьюго-64), повесть «Царица ветров и тьмы» (Небьюла-71, Хьюго-72), рассказ «Певец» (Небьюла-72, Хьюго-73), рассказ «Охотничья луна» (Хьюго-79), повесть «Игра» (Небьюла-81, Хьюго-82).

Не вошли в состав собрания романы, написанные Полом Андерсоном в соавторстве с другими писателями (в том числе тетралогия «Король Иса», созданная им вместе с женой), романы о придуманном Ларри Найвеном мире Известного Космоса, а также исторические романы, детективы и книги для детей. Кроме того, из состава собрания исключены несколько романов, хорошо известных русскому читателю. Это романы «Звездный лис», «Долгая дорога домой», «Коридоры времени», «Настанет время», «Сломанный клинок» и «Щит». Главная задача собрания — представить читателю, с одной стороны, лучшие произведения писателя, а с другой стороны — новые, еще неизвестные в нашей стране романы последних лет, продемонстрировав эволюцию его взглядов и стиля за полвека творческой деятельности.

В первый том собрания сочинений Пола Андерсона включены романы «Зима над миром» (1975) и «Огненная пора» (1974), мало известные в нашей стране. Оба эти романа исследуют реакцию человеческого общества на необычные условия. «Зима над миром» не привлекла внимания критики. Свойственное Андерсону почтение к женщинам, доходящее порой до идеализации, достаточно сильно проявилось в этой книге, чтобы вызвать обвинения в неумеренности и даже обвинить автора в скатывании до уровня самопародии. Разумеется, это неверно. Роман читается с большим интересом, захватывая читателя полностью. На Земле, пережившей ядерную войну, долгие тысячелетия продолжается ледниковый период. Цивилизация прекратила свое существование, варварская империя стремится распространить свое влияние на северные пустоши, населенные странным народом — рогавиками, которых еще никому и никогда не удавалось покорить. Не станем раскрывать их тайну — пусть читатель сам пройдет вместе с главным героем Джоссереком по извилистым тропам оледеневшего мира, прежде чем найдет разгадку. Скажем лишь, что Андерсон и в этом романе остается верен себе, исследуя происхождение свободы личности. Что заставляет одного человека подчиняться другому — или отвергать подчинение?

«Огненная пора» повествует о взаимоотношениях людей и аборигенов далекой планеты Иштар, выжигаемой каждую тысячу лет яростным светом соседней

звезды. Люди уже доказали, что могут вести звездную войну — история конфликта земных поселенцев с жителями планеты Накса красной нитью пронизывает роман. Но как научиться жить в мире, чтобы Огненная пора не смела ни примитивную цивилизацию аборигенов, ни хрупкое поселение землян на Иштар, в то время когда кентавроподобные туземцы воюют друг с другом, а из далеких пустошей выходят даири — последние остатки негуманоидной расы, бежавшей с родной планеты, когда их солнце превратилось в красного гиганта, угрожающего ныне Иштар?.. Никто не поможет им найти правильное решение — но ошибка может оказаться роковой...

Нескончаемый взрыв

Кто-то назвал Пола Андерсона человеком, «провалившимся между двух поколений». Действительно, пришел он в литературу позже создателей «золотого века» американской НФ, и к «новой волне» 60-х причислить его нельзя — ни по стилю, ни по эпохе. Но вот «провалившимся» его назвать...

Точнее другое выражение, брошенное Дж. Блишом, — «нескончаемый взрыв». Вот уже на протяжении почти пяти десятков лет Пол Андерсон не перестает радовать нас все новыми романами и рассказами. Потрясает спектр его работ — от рассказов до объемистых романов, от «твердой» НФ до фэнтези, от работ, поражающих своей оригинальностью (первые рассказы «Патруля времени» появились задолго до азимовского «Конца вечности» и лаумеровского «Берега динозавров»), до радостного постмодернизма «Операции «Хаос»» и дополнений к созданному Л. Найвеном миру Известного Космоса (три тома Map-Kzin Wars — «Войн людей и кзинов», написанные с 1988 по 1991 год).

А началась литературная карьера потомка выходцев из Норвегии Пола Уильяма Андерсона, родившегося 25 ноября 1926 года в городе Бристоль (нет, не в Англии, а в штате Пенсильвания), еще в студенческие годы, когда в журнале «Astounding Science Fiction» появился его первый рассказ «Дети завтрашнего дня», написанный им в соавторстве с Г. Уолтропом. Рассказ в своем роде уникальный — первое произведение во всей истории научной фантастики, в котором предугадана «ядерная зима» задолго до того, как эту идею выдвинули ученые. Вот и говори после этого о предвидении... Было это в 1947 году, а уже на следующий год новоиспеченный выпускник Миннесотского университета, бакалавр физических наук Андерсон решил, по его собственным словам, «повременить с наукой и провести пару лет за пишущей машинкой». К науке он с тех пор так и не вернулся иначе, как в своих произведениях, и не сожалеет об этом. «Обдумав начало своей карьеры, — говорит он, — я пришел к выводу, что в любом случае не стал бы первоклассным ученым. Хотя бы по той причине, что не обладаю математическим воображением. А перспектива стать ученым второго эшелона не очень-то привлекательна». Но наука служит ему и источником вдохновения, как в романе «Тау — ноль», и способом постановки проблем, как в «Возмездии Эвелит» и «Ближней планете», и фоном, на котором разворачивается действие грандиозных циклов Торгово-Технической лиги, Терранской империи и Психотехнической лиги.

В 1952 году выходит в свет первая книга Андерсона (до этого он публиковался лишь в журналах) — детский роман «Хранилище эпох», а через год писатель женится — на Карен Круз, своем будущем соавторе. Первый роман Андерсона для взрослых — «Сломанный меч», мрачноватая фэнтези в духе скандинавских саг, вышел лишь в 1954 году. Кстати, любви своей к культуре предков-викингов писатель не скрывает — к этой теме он вернется еще не раз. Следующий роман — «Волна мозга» (1954) — сразу же стал классическим. Некоторые критики и ныне считают этот роман лучшим, что создал Андерсон в своей жизни. Сам автор на подобные высказывания, улыбаясь, отвечает: «Каждый писатель полагает, что лучший его роман еще не написан».

Два направления в творчестве Андерсона развивались как бы параллельно, почти не затрагивая друг друга. Первое — «жесткая» научная фантастика, которая и принесла писателю славу и множество литературных премий (удивительно, но ни один роман Андерсона никаких премий не получил — все семь «Хьюго» и три «Небьюла», заработанные им с 1961 по 1981 год, присуждены рассказам и повестям). Начатое «Волной мозга», это направление было продолжено и развито многочисленными рассказами и романами из циклов «Истории будущего».

«История» творилась на протяжении 30 лет, бессистемно и беспорядочно (как говорит Андерсон, «я никогда не задавался целью написать эпопею в духе Толстого»). На протяжении этого времени Пол Андерсон сумел описать пять тысяч лет галактического пути человечества — от первого выхода человека к звездам до медленного возрождения после распада могущественной Терранской империи. Одиннадцать романов и пять сборников рассказов и повестей, объединенных в два цикла — «Торгово-Техническая лига» и «Терранская империя», — развертывают перед нами грандиозную панораму взлетов и падений, величия духа и отвратительной низости. Быть может, это еще не предел — последний роман «Игра Империи» был дописан к циклу в 1985 году, и Андерсон вполне способен порадовать нас новыми романами и рассказами. Сам он, правда, заявляет, что «история ван Рийна выработана, как рудник. Чем больше накапливается материала, тем меньше пространства для маневра, если хочешь оставаться последовательным».

Конечно, большинство писателей-фантастов создают собственные миры — «вторичные», пользуясь терминологией Дж. Р. Р. Толкиена. Но не случайно в «Иллюстрированной энциклопедии научной фантастики» приведены три «истории будущего» — по Олафу Стэплдону, по Роберту Хайнлайну... и по Полу Андерсону. И по сей день остаются непревзойденными детальность и масштаб написанного Андерсоном полотна.

Каждый цикл имеет своих героев, общих для большинства произведений. Для «Торгово-Технической лиги» это торговый магнат Николас ван Рийн и космический торговец Дэвид Фолкейн, для «Терранской империи» — Доминик Флэндри, чей жизненный путь от мичмана космического флота до капитана мы можем проследить.

Несколько особняком стоит цикл О Психотехнической лиге. Он меньше первых двух и по объему — три романа и три сборника рассказов, и по количеству оригинальных идей — в сущности, Андерсон лишь перенес канву азимовской «Академии» на земную почву, в вариант альтернативной истории, где

противостояние великих держав в начале 60-х завершилось ядерной войной. Но талант автора и эту работу поднял на уровень достижения в научной фантастике.

Есть у Андерсона и романы, которые нельзя причислить ни к одному из циклов, — в основном ранние («Волна мозга» (1954), «Долгая дорога домой» (1955), «Враждебные звезды» (1959), «Сумеречный мир» (1961) и многие другие). Но и в позднем своем творчестве Андерсон не остановился на детализации уже созданных миров. В романе «Орион взойдет» (1984) и дилогии «Звездные нивы» (1993) и «Звезды тоже из огня» (1994) он смело отбрасывает все созданное им за долгие годы и начинает игру заново. Роман «Орион взойдет» особенно показателен в этом смысле. Возвращаясь к уже разработанной в «Психотехнической лиге» теме постапокалиптического мира, пережившего ядерную войну, Андерсон не сосредоточивается на историческом развитии этого мира, а развертывает перед читателем его панораму, демонстрируя удивительные (но всегда логичные!) выводы из, казалось бы, очевидной посылки — если наша промышленная цивилизация потерпит по какой-либо причине крах, то восстановить ее мы уже не сможем — и не по той причине, что для этого не хватит знаний, а просто потому, что уже исчерпаны те богатые минеральные ресурсы, на которых она основывалась вначале.

«Звездную» дилогию, последнее (пока) произведение писателя, нельзя отнести к научной фантастике в строгом смысле слова, границы жанра в ней несколько смазываются; теперь писателя больше интересуют не экзотические условия, а поведение человека в этих условиях.

Второе направление в творчестве Андерсона связано с историей. Андерсон не получил исторического образования, но собственная эрудиция позволяет ему писать и исторические романы в чистом виде (трилогия «Последний викинг», 1980—1981), и героическую фэнтези на основе скандинавской мифологии («Сломанный меч», «Сага о Хрольфе Жердинке» (1973), «Дети морского царя» (1979)), и книги об альтернативной истории, как, например, знаменитый цикл рассказов о Патруле времени и тетралогия «Король Иса» (1988), созданная им в соавторстве с женой Карен. К этой теме Андерсон возвращался много раз на протяжении своего творческого пути. История и мифология для него сплетаются воедино, как сосуществуют смертные люди и Волшебный народ в «Детях морского царя» и «Сломанном мече». Эта сторона творчества Андерсона меньше известна нашему читателю, несмотря на то что в 1978 году писатель был удостоен Мемориальной премии Дж. Р. Р. Толкиена, чаще называемой премией «Гэндальф», а такие романы, как «Три сердца и три льва» (1961) и «Буря в летнюю ночь» (1974), по праву считаются классическими. Любовь Андерсона к мифам проявилась и в его переложениях скандинавских саг — для детей («Лис, пес и грифон» (1966)) и взрослых («Сага о Хрольфе Жердинке» является переложением норвежской Hrolfs Saga Kraka, а «Печаль гота Одина» из цикла «Патруль времени» — переложением «Саги о Вольсунгах»).

В некоторых произведениях оба направления сплетаются воедино. В «Танцовщице из Атлантиды» (1971) неисправная машина времени заносит героя на Крит времен Минойской империи; «Челн на миллион лет» (1989), один из последних романов писателя, повествует о судьбе восьми от природы бессмертных людей со времен Перикла до наших дней. А в знаменитой «Операции

“Хаос”» веселая игра со штампами фэнтези — тут и оборотни, и демоны, и сам Сатана, и даже... ведьма на помеле — позволяет автору создать забавный, но вполне убедительный мир, где технология основывается на магии. Но для Андерсона это скорее исключение, чем правило.

В каком бы жанре ни работал Пол Андерсон, его книги легко узнать. Богатство фантазии, яркость описаний, щедрое использование поэзии, ставшее как бы торговой маркой автора, — вот его отличительные черты. Во многом Андерсон схож со своим кумиром Кипплингом. И не только по стилю — сходны и их взгляды. Андерсон воспекает западную цивилизацию, считая, что она «оправдала себя и оказалась наиболее материально продуктивной, и, что самое важное, предоставила индивидууму больше возможностей для реализации своего потенциала или просто для того, чтобы насладиться жизнью». Наиболее привлекательно для него феодальное общество. Сам он утверждает, что «такие общественные отношения очень интересны. Во-первых, они исторически возникают снова и снова. В одном из своих рассказов я зашел настолько далеко, что высказал предположение о том, что, возможно, для крестьян одна из разновидностей феодализма наиболее естественна, и они к ней непроизвольно стремятся, а все прочие формы цивилизации нестабильны. Во-вторых, они приводят вас к размышлениям на очень важную тему о взаимоотношениях между феодалом и вассалами, или, если хотите, — между лидером и его подчиненными. Каковы обязанности обеих сторон? Например, история совершенно ясно показывает, что аристократия, отказывающаяся служить и начинающая откровенно эксплуатировать, подписывает себе смертный приговор».

Однако подобный научный интерес не мешает Андерсону быть активным членом «Общества за творческий анахронизм», занятого реконструкцией прошлого — того самого, феодального. Там писатель — точнее, сэр Бела из Восточной Марки — ладит доспехи, участвует в турнирах, и даже был удостоен рыцарского звания за совершенство владения одним из старинных единоборств. Так что отнюдь не безличен интерес писателя к средневековью.

Немногие авторы удостоиваются такого внимания со стороны критиков, какое привлекает к себе Андерсон. Еще при жизни писателя издаются объемистые литературоведческие труды, пишутся статьи и очерки. Есть специалисты по Андерсону — например, Сандра Мизель, автор книги «Против стрелы времени: Крестовый полет Пола Андерсона». Есть даже прилагательное особое — «поландерсоновский» (*roulanderson*) — для обозначения стиля, который безуспешно пытаются повторить многие писатели.

А живет астрофизик по образованию, знаменитый писатель Пол Андерсон в солнечной Калифорнии, в местечке Оринда под Сан-Франциско, вместе с женой — дочь его, уже взрослая, проживает отдельно, как принято у американцев. По словам знающих его лично, это человек очень вежливый, даже застенчивый. Он редко дает интервью (и никогда — у себя дома), а если дает — старается не допускать категорических высказываний; на вопрос одного журналиста: «Правда ли, что вы каждый вопрос рассматриваете с обеих сторон?» — он ответил: «Ну, и да и нет...» Он предпочитает работать — методично и упорно.

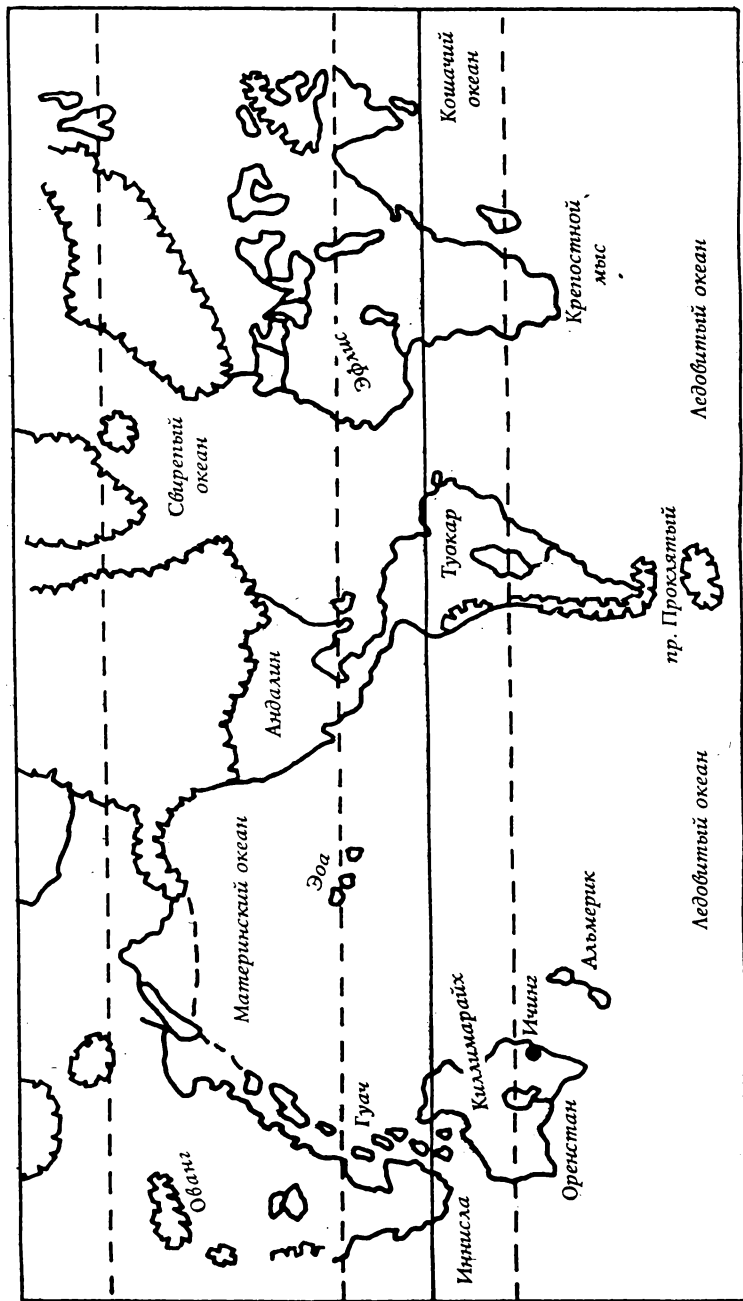
В течение года он был президентом Американской ассоциации писателей-фантастов, но этим не ограничивается его общественная деятельность. Он явля-

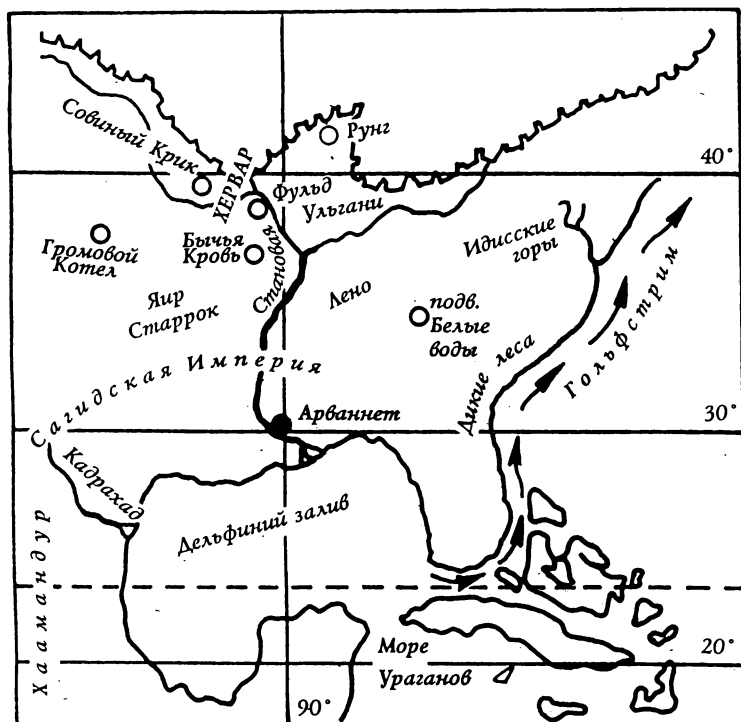
ется членом не только Ассоциации писателей-фантастов, но и Ассоциации писателей детективного жанра, а также состоит в Гильдии американских меченосцев и волшебников (имеются в виду, конечно, писатели), является активистом местной экологической группы и... альпинистом. Убежденный либертарианец (есть в Америке такое движение, выступающее за приоритет прав личности над интересами государства), в политику он предпочитает не лезть, хотя имел в свое время стычки и с «правыми», и с «левыми», выступал в поддержку действий американцев во Вьетнаме. Разумеется, писатель с подобными политическими взглядами долгое время оставался в нашей стране «персоной нон грата». За весь советский период нашей истории были напечатаны лишь несколько рассказов и повестей, в основном из цикла «Патруль времени». Перестройка открыла его произведениям путь к нашему читателю, однако злоключения его продолжают-ся и по сей день — качество большинства появившихся в последнее время на книжном рынке переводов не выдерживает никакой критики. Начиная издание собрания сочинений Пола Андерсона, издательство «Полярис» надеется исправить эту несправедливость.

Д. Смушкович

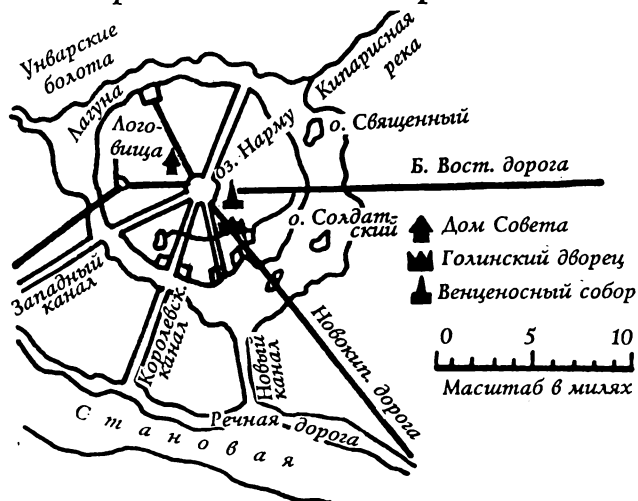

ЗИМА НАД МИРОМ

Арваннет и его окрестности

*Джорджу Скизерсу в память о множестве
путешествий на электричке
Вокзал—Олсвик—Фут Мадж*

Глава 1

Однажды в Ледовый век трое мужчин ехали верхом в Совинный Крик, где было зимовье Донии из Хервара. Стояло оно на Жеребьячей реке в четырех днях пути на северо-запад от ближайшего поселения Фульда, и гостю из Арваннета тяжело давалось путешествие.

Солнце в том месяце вошло в знак Лося и теперь оставалось на небе дольше, чем длилась ночь. Однако вокруг еще было белым-бело; затверделый снег скрипел под копытами. Ветер, дувший наискосок низким лучам вечернего солнца, приносил из-за горизонта дыхание тундры, а из-за нее — дыхание ледовых гор.

Местность же, окружавшая путников, скорее напоминала тайгу: она была холмистая, большей частью открытая, вся изрезанная синими тенями, но и лесистая — здесь росли темные сосны, плакучие ивы, березы, ветви которых пока покрывали только льдинки. Цвет неба разнился от лилового на востоке, где уже проглянули первые звезды, до бледной голубизны зенита и зелени вокруг кроваво-красного диска. Вверху в своих гнездах каркали вороны. Высоко над ними парил ястреб, озаренный предзакатным сиянием. Перепела, словно на колесах, разбегались направо и налево от всадников. Из зарослей ежевики величественно взмыл фазан. На гряде холмов, ограничивающей кругозор с юга, паслось, добывая из-под снега мох и остатки травы, несколько сотен больших копытных животных: степные олени, лошади, буйволы и карликовые бизоны рядом. Время от времени слышался лай невидимой дикой собаки, и койот воем отвечал ей. Обильна была земля, которой владел род Хервар.

Двое мужчин были местные уроженцы — истые рогавики. На это указывали высокий рост — стремени на их лохматых пони были опущены низко, — широкие плечи, поджарые тела, а еще светлая кожа, длинные головы, широкие скулы, короткие носы, раскосые глаза. Они и одеты были похоже —

в отороченные бахромой рубахи и штаны из оленьей кожи, расшитые крашеными иглами дикобраза, мягкие полусапожки, шерстяные плащи с капюшонами. У каждого было по два ножа: тяжелый резак и легкий — для метания; у седла — крепкое кабанье копьё, топорик, лук, колчан и аркан. Рыжий Згано заплетал волосы в косички и закручивал на затылке, темно-русый Кириан стригся ниже ушей. В их возрасте — семнадцать и восемнадцать лет — настоящая борода еще не растет, поэтому оба чисто брились. Згано был старшим сыном Дони, Кириан — ее младшим мужем.

Третий путник был Касиру — отпетый вор, мошенник и головорез, а ныне еще и правая рука атамана Братства Костоломов, то есть глава воров, мошенников и головорезов. У него была янтарная кожа и черные глаза жителя Арваннета, но присущей арваннетянам статью он не обладал. В свои пятьдесят он был мал, тощ и остролиц. Коротко подстриженные волосы, бородку и остроконечные усы давно пронизала проседь. Пеньки зубов, еще сохранившиеся во рту, постукивали от холода. Его изящный, мягких тонов наряд — туника, облегающие рейтузы, башмаки — был уместен на юге, но не здесь. Он кутался в предложенный ему плащ и угрюмо поругивался. Позади у него торчала шпага, словно замерзший хвост.

Згано и Кириана попросили доставить его в Совиный Крик как можно быстрее, как только спешный гонец привез Дони весть, что Касиру едет дилижансом в Фульд, поэтому в дороге они не охотились, а загрузили вьючную лошадь мясом, медом и сушеными фруктами. Вторая лошадь везла палатку — нельзя же заставлять горожанина спать в мешке прямо под открытым небом; третья — пожитки Касиру. Четвертая, без поклажи, оставалась в запасе на всякий случай — опять-таки ради гостя; больше запасных лошадей не было: пешему горожанину не угнаться за рогавиками.

За этот день они трижды видели дымок от жилья, и Касиру спрашивал, не это ли цель их пути. Спутники отвечали «нет». Общаться им было трудно — он плохо знал их язык, они — его. Беседа велась в основном на рагидийском, которым Касиру владел бегло, а они — достаточно для торговых или военных целей. Кое-как они объяснили ему, что тут живут те, кто принадлежит к сообществу Дони (более близкого перевода слова «горозди» найти они не могли), и что это семейное сообщество — самое большое во всем Херваре. Касиру считал, что все это — владения Дони, поскольку она, как он понял, каким-то не совсем ясным ему образом возглавляла сообщество.

Наконец, когда всадники поднялись на очередную возвышенность, Згано, указывая вперед, крикнул с усмешкой: «вон оно!», ударил лошадь пятками и с воплем понесся вниз. Кириан затрусил следом, показывая дорогу гостю и выючным лошадям.

Касиру напряг зрение. В распадке уже стояли сумерки. Холм, на который они въехали, справа бугрился, переходя на севере в огромную крепкую стену. Это, без сомнения, были развалины древнего города — Касиру казалось, что он различает меж деревьев и кустов следы раскопок. К югу и западу местность была ровнее, но там защитой от ветра служил густой покров вечно-зеленой растительности на берегах Жеребьячьей реки. Касиру смотрел с вершины через серо-стальной застывший поток на бесконечные снега, розовые от заходящего солнца. Дальше кругозор замыкался. Ну что ж — сюда хотя бы не проникает проклятый леденящий ветер, и конец пути уже близок.

Высокие березы осеняли зимовье. Его постройки образовывали обширный четырехугольник, вымощенный внутри. Касиру казалось, что он различает амбары, коптильню, мастерские, а также конюшню, псарню и соколиный вольер — помещения для тех трех видов животных, которых разводили рогавики. Службы были бревенчатые, под дерновыми крышами, но прочные. Жилой дом занимал целиком одну сторону двора — длинный, широкий, но низкий, ниже служб. Это объяснялось тем, что большая его часть помещалась под землей, а бревенчатые стены служили только световой надстройкой. На крыше торчало множество труб, две из них дымили. На южной стороне чернел за стеклом большой плоский солнечный коллектор, сделанный в Арваннете. В середине двора, как скелет, возвышался ветряк рагидийского производства.

Собаки бросились навстречу — кого приветствовать, кого облаять. Высокие, серые, поджарые, они напоминали своих диких сородичей. Из их пастей валил пар, инеем оседая на мордах.

Згано унял их.

Открылась дверь выступающих наружу сеней, и мужчина, черный на фоне желтого света, поздоровался с приезжими. По лестнице вниз он провел их в переднюю, а оттуда — в большую горницу. Ногам было тепло на дощатом полу, устланном где шкурами, где привозными коврами. Раздвижные перегородки были отделаны причудливой резьбой и ярко раскрашены. На побеленных земляных стенах среди росписи, изображающей зверей, растения и стихии, сверкало оружие. На полках стояли ряды книг; от рагидийской печи, выложенной красивыми изразцами, шло тепло; освещало горницу около дюжины привезенных с юга масляных ламп. Среди плодов и зелени, гроздьями

свисавших со стропил, помещались цветочные саше для освежения воздуха. Когда вошли путники, одна из девушек отложила в сторону струнный инструмент с выгнутой декой, на котором только что играла мелодичную песню. Последние ноты еще висели в воздухе, скорее заунывные, чем бравурные.

На помосте, вдоль стен, на подушках вокруг низкого стола, скрестив ноги, сидели люди. Здесь были шестеро детей Донии — от Згано до трехлетней Вальдевании; жена Згано, на время его отсутствия оставшаяся здесь, поскольку он пока был ее единственным мужем; двое мужей Донии, считая Кириана, — остальные уехали по своим делам; четыре незамужние родственницы — пожилая, средних лет, молодая и девочка — и сама Дония. Их облик свидетельствовал о том, что все присутствующие здесь — рогавики. В остальном они мало походили друг на друга — одевались и причесывались все по-разному; правда, сейчас, в жарко натопленной горнице, сидели почти без одежды, а кое-кто и вовсе нагишом.

Дония соскочила с помоста, где лежала на медвежьей шкуре, и, мимоходом быстро и горячо обняв Кириана, схватила Касиру за руки.

— Добро пожаловать, друг. — Ее хриловатый голос немного спотыкался на южных словах. — Эй, погоди-ка! — засмеялась она. — Прости, подзабыла. — Она скрестила ладони на груди, низко поклонилась и произнесла вежливое приветствие, принятое в городе: — О гость, да воссияет среди нас бог домашнего очага!

— Ко мне это не очень-то подходит, — усмехнулся уголок рта Касиру. — Или ты забыла за эти три года?

Она посерьезнела и ответила, тщательно подбирая фразы:

— Нет, помню... ты злодей... но достоин доверия, когда у тебя есть на то причина. А зачем же было ехать в такую даль... трястись по ухабам в дилижансе... вместо того чтобы спокойно плыть на пароходе... не будь у тебя нужды в нас... а у нас, возможно, в тебе?

Она смотрела на него пристальным, испытующим взглядом. Он посматривал на нее как бы ненароком, обводя взглядом горницу, но была в этом взгляде воровская острота.

Она не очень изменилась со времен их последней встречи в Арваннете. В свои тридцать пять она сохранила стройность, плавность движений и крепкую хватку. Касиру хорошо видел ее, ибо на ней была только матерчатая юбочка, надетая из-за карманов, да ожерелье из ракушек и звериных зубов. Кожу покрывал узор из красных и синих петель. Она была полнее большинства рогавикских женщин, но тело ее было упругим,

мускулистым. Грудь ее набухла от молока: матери-северянки продолжают кормить грудью еще несколько лет после родов, и не только младшего, но и старших детей, детей своих друзей, а то и взрослых, желающих полакомиться. Внешность ее поражала: раскосые серо-зеленые глаза; широкие ноздри, большой рот, квадратный подбородок. Волнистые желтовато-каштановые волосы, схваченные расшитой бисером повязкой, падали на плечи. Кожа к концу зимней ночи сделалась ярко-белой, и на коротком носу виднелось несколько веснушек — воспоминание о летней золотой россыпи.

— Садись и располагайся, — пригласила Дония, сказав что-то средним детям и женщинам, и те вышли.

Скорее всего она послала их распаковать пожитки Касиру и приготовить еду. Но Касиру, хотя и поднабрался в пути рога-викских слов — а тот, кто входит в Ножевое Братство много-язычного Арваннета, должен схватывать чужую речь с лету, иначе не видать ему удачи, — не понял, что она сказала. Не понимал он ничего и потом, когда члены семьи переговаривались меж собой. Знакомы были только отдельные слова. Он и раньше слышал, что здесь в каждой семье свои традиции и свой диалект, но огорчился, когда это подтвердилось.

В свое время, при встрече на юге, он почитал Донию варваркой: пусть умной, пусть великолепной в дружеском кругу (хотя она и отказала ему в любви, несмотря на все слухи о распутстве северянок), но все-таки наивной дочерью первобытных охотников. Арваннет, старейшая метрополия мира; был лабиринтом, где кишели хитрости и секреты. Никогда безлюдному северу не постичь их!

Привыкший к стульям Касиру присел на край помоста, опустив ноги на пол. Дония улыбнулась и подсунула ему под спину подушки, чтобы он мог опереться. Сама села по правую руку от него, а Ивен, ее первый муж — по левую. Ивен был на пару лет старше Донии, жилистый, с бледно-голубыми глазами, коротко подстриженными рыжевато-каштановыми волосами и бородой с проседью. Туника из привозного полотна не скрывала внушительного шрама на бедре — следа от рогов дикого быка.

Остальные члены семьи расположились на ковре. Их глаза выдавали интерес, но вели они себя сдержанно и замкнуто — в точности так, как отмечали все цивилизованные путешественники, посещавшие север. Только Згано и его юная жена вышли, обняв друг друга за талию. Шестилетняя дочка Донии, Лукева, принесла на подносе стеклянные кубки с горячим медом. Касиру с благодарностью принял кубок, согрел о него ладони,

вдохнул аромат и откинулся назад, покая свое изнуренное в дороге тело.

— Если хочешь, о цели твоего приезда поговорим утром, — предложил Ивен на неожиданно хорошем рагидийском. Может быть, он каждый год или два ездит торговать на юго-запад, в долину Кадрахада, подумал Касиру; а может быть, выучил язык на войне — Дония рассказывала, как ее род вместе с другими отражал вторжение Империи десять лет назад: она была там, и ее муж, возможно, был тоже. — Сейчас мы поедим, а потом можешь отправляться прямо в постель.

— Да, пожалуй, подробно поговорим завтра. — Касиру отпил глоток меда, терпкого и пахнущего травами. — Но главная мысль... Однако как вы тут поживаете? Что нового?

— На севере-то — ничего, — ответила Дония. Свой нетвердый арваннетский она подкрепляла рагидийским, то и дело останавливаясь, чтобы перевести в уме. — Зима сменяет лето своим чередом. У нас в семье прибавилась Вальдевания — хотя ты еще не видел никого из наших. И Кириан. Мы поженились в прошлое зимнее солнцестояние. Мой третий муж погиб два года назад, утонул — его лодка перевернулась, и он ударился об нее головой.

— Сожалею, — промолвил Касиру.

— Нам не хватает его, — сказал Ивен.

— Да. — Дония подавила вздох, нагнулась потрепать Кириана по голове и улыбнулась Ивену через грудь Касиру. — Одни приходят, другие уходят; в конце концов мы отдаем земле то, что ей задолжали. А как жил ты все это время?

— По-всякому, — пожал плечами горожанин, — то под гору, то в гору, в суете, как всегда. До самого завоевания Арваннета.

Дония выжидающе оперлась на локоть. Ее пальцы стиснули кубок, и по освещенному лампой лицу прошла тень. За темными окнами послышалось одинокое уханье совы.

— Зная вашего брата-мошенника, Касиру, я не подумал бы, что вы в чем-то изменились, — медленно сказал Ивен. — Сколько разных властителей сменил Арваннет на протяжении стольких тысячелетий? И каждый властитель считал, что Арваннет принадлежит ему, пока время не сметало его прочь и Арваннет не возвращался к старому.

Касиру, кашлянув, подавил смешок.

— И Логовища оставались в стороне, так? Мы живучи, словно крысы. Это, в общем, верно. Только горе крысам, когда приходят хорьки. Боюсь, что как раз это и случилось. — Он наклонился вперед. — Выслушайте меня, прошу вас. Что вы

могли слышать в своем Херваре, куда даже пароходы не доходят по Становой реке? Что Рагидийская Империя двинулась к восточному побережью Дельфиньего залива, захватила и заняла Арваннет? Ну так что же, думаете вы. Южанам по-прежнему нужен металл. Торговля будет идти своим чередом, и наши роды будут свободно кочевать по своим землям. Но я говорю тебе, Дония, и говорю всем северянам: теперь не то, что было раньше. Империя распалась триста лет тому назад. Сейчас ее восстановили бароммцы, жители южных гор. Их мощь и честолюбивые планы — вот что угрожает нам: и вам, и мне. Я, сознаюсь, не ожидал от их завоевания ничего дурного. Наоборот — казалось бы, в суматохе Братья смогут поживиться. Но на поверку оказалось не так. Хорьки забрались в наши подземные переходы. Отчаявшись, я заказал себе место в первой же почтовой карете, едущей на север в этом году, под вымышленным именем. На станции в Агамехе я нашел рогавикского гонца и заплатил ему, чтобы он отвез тебе, госпожа, письмо с известием о моем приезде. — Он перевел дух.

От горячего меда уже гудело в его усталой голове, словно далеким летом он слышал гудение пчел над полями клевера.

— Так ты полагаешь, что бароммские властители Рагида нападут потом на нас? — спросил Ивен.

— Уверен, — ответил Касиру.

Дония отбросила назад свои локоны цвета пумы.

— Наши предания говорят, что южане с незапамятных времен желали занять наши земли под пашни и пастбища. Но когда бы они ни пытались, их ждала гибель. Уже и на моем веку били их на Пыльных равнинах, пока они не уползли к себе за Кадрахад — с теми же бароммцами во главе. Если урок им не впрок — пусть идут теперь по Становой. Будет пожива коршунам.

— Говорю тебе — военачальник, взявший Арваннет, не такой, как другие до него, — возразил Касиру. — Я понимаю, что мое слово для вас еще ничего не значит. Но приезжайте — послушайте, разнюхайте и подумайте сами.

У Донии загорелись глаза. Последние годы она жила слишком спокойно по сравнению со своей прошлой жизнью.

— Пожалуй, — тихо сказала она. — Поговорим после.

Они говорили целый месяц. Дония собирала к себе глав семейств со всей округи, даже из родов, которые жили за пределами Хервара. Все внимательно слушали, вдумчиво совещались и соглашались с тем, что интересы Братств и северян здесь совпадают. Касиру тем временем наслаждался щедрым гостеприимством. Ему оказывали внимание одинокие женщины, движимые

любопытством, которое вскоре угасло. Однако, при всей учтивости северян, ему ни разу не удалось заглянуть в глубину их душ, и у него так и не появилась надежда, что он сумеет мобилизовать рогавиков. У них даже слова такого не существовало. Все его попытки объяснить не попадали в цель.

Когда Становая освободилась ото льда и в Фульд пришел первый пароход из Арваннета, Касиру отправился на нем домой. Дония пообещала, что сама приедет расследовать, верны ли его предупреждения. Но прошел год, прежде чем она всерьез занялась этим.

Глава 2

Джоссерек Деррэн, словно торнадо, вырвался из каюты, где сидел под замком, оставив в ней второго помощника Риджела Гэрлоха с разбитым в кровь лицом. Нож помощника сверкал в руке у Джоссерека.

Матросы, работавшие на палубе «Сконнамора», подняли крик, увидев, как несется на них этот великан. Трое попытались остановить его. Он взвился над палубой и правой ногой ударил одного в живот. Тот свалился, лоя ртом воздух. Второго Джоссерек встретил ножом, одновременно вывернув руку третьему. Потом бросился к правому борту, выхватил клин, придерживающий канат на кнехте, и съездил им по черепу четвертого матроса, почти схватившего его. Еще один прыжок — и Джоссе́рек оказался за бортом.

Брызги взлетели вверх, и холод пронизал его до костей. Когда он открыл глаза, кругом стоял желтовато-зеленый сумрак. Он едва различал свет, мерцающий на поверхности, и расплывчатый корпус судна. Сунув нож за пояс, он нырнул еще глубже в холодную, тяжелую массу воды. Надо проплыть под килем... Он оцарапался о наросты на днище, и за ним потянулся кровавый след... Вот борт, а вот стенка причала.

Когда легкие готовы были лопнуть, а в голове колотился мрак, Джоссерек снова всплыл. Он выставил наружу только нос и рот, заставив себя не дышать громко. Воздух был полон портовых запахов — пахло солью, дымом, дегтем, рыбой. Джоссерек слышал топот ног по доскам, сердитые крики, тревожные гудки. Он прятался между причалом и «Сконнамором», в густой тени корабля. Сваи и стайка лодок у стены обеспечивали ему добавочное укрытие. Пока все идет как надо, подумалось.

Он позволил себе немного расслабиться и отдохнуть, держась за носовую фалинь. Переполох наверху прекратился. Никто не рвался преследовать беглого бунтовщика: опасная это охота. Офицеры, должно быть, сожалеют о его бегстве — доставка его обратно в Ичинг на суд и расправу послужила бы примером другим. Но теперь розыск — дело портовой стражи. Если же его не разыщут, так тому и быть. Джоссереку, чужеземцу вне закона, некуда податься, кроме как на самое дно, что не сулит ему ничего хорошего. Вероятнее всего, вскоре его с перерезанным горлом найдут в темном переулке или на берегу в час отлива. И если корабль к тому времени не отчалит, команде это послужит еще более назидательным примером, чем каторга, присужденная беглецу.

А вот бароммцы, может статься, приложат все силы, чтобы схватить его. Как только здешний комендант получит известие о побеге, то сразу разошлет стражников на поиски. А возможно, не ограничится местной береговой стражей и даст в помощь своих солдат. Властям не нравится, когда на их территории скрывается опасный беглец. Кроме того, это будет жест доброй воли: боги видят, как напряжены отношения между Киллимарайхом и Рагидом. Так что, сынок, лучше тебе двигать в Арваннет, да побыстрее.

Джоссерек поглядывал вокруг и размышлял. Когда корабль вошел в Дельфиний залив, тот уже сидел в пустой каюте на корме, привязанный к скобе. В иллюминатор ему едва было видно, как «Сконнамор» пришел в Новый Кип и встал на причал. Это его укрытие было ненамного лучше.

«Сконнамор» загораживал почти весь вид. Корабль был большой, четырехмачтовый, снабженный к тому же паровой машиной и винтом, рассчитанный на долгие месяцы пути. В этот раз он совершил рейс длиннее обычного. Как правило, торговцы, плававшие между Киллимарайхом и Рагидом, просто пересекали Материнский океан и приставали в одном из западных портов Империи. Но Арваннет еще полтора года назад к Империи не принадлежал. Не рискуя плыть через Проклятый залив, капитан Бахин повел свое судно на юг от Оренстана, затем на запад через Кошачий океан, обогнул Эфлис и, наконец, держа на северо-запад, пришел через Свирепый океан к своей цели. Он привез кожи, шерсть и солонину — на эти товары всегда спрос, особенно после войны. (Почему варвары, заселяющие Северный Андалин, не захватят этот рынок? Путешественники говорят, что там земля дрожит под копытами диких стад.) Однако рейс «Сконнамора», хоть и долгий, не выходил за рамки путешествий, совершаемых Людьми Моря.

Джоссерек посматривал за нос и корму, вправо, влево и назад. Вдоль устья Становой тянулись причалы и склады. У многих стояли суда, еще больше кораблей толпилось на рейде. «Сконнамор» был здесь единственным океанским судном. Остальные были каботажные шхуны и люгеры, рыболовные посудины, никогда не выходившие из Залива, неуклюжие пароходики, курсировавшие вверх по реке. На берегу вздымались укрепления, стены и башни Нового Кипа. Только взошедшее солнце играло на замшелых камнях, зажигало высокие окна, заставляло сверкать красный с золотом имперский штандарт, реявший высоко в воздухе.

От таких наблюдений мало проку. Придется положиться на то, что он помнит по картам, книгам и рассказам моряков. Несмотря на название, Новому Кипу больше трех тысяч лет. До этого Арваннет сам был морским портом, но море отступило от него, дельта заилилась, а река стала глубже. Теперь *древнейший из древних* стоял почти за сто миль от моря.

Теперь? Многие цивилизации отжили свой век, умерли, и из их пепла возникли новые, пока длилось это «теперь».

Джоссерек потряс мокрой головой. Довольно мечтать, пора действовать.

Преследователи сочтут, что он попытается спрятаться в Новом Кипе. Но этот городок, окруженный стенами, мало что мог предложить ему. Иное дело Арваннет, где больше дыр и переходов, чем в источенном червями корабле, и полмиллиона жителей, среди которых легче затеряться. Не говоря уж о... Но это пусть подождет. Сначала надо добраться туда незамеченным, а потом уж думать, как выжить там.

Джоссерек ощутил какую-то нарастающую пульсацию в воде и в воздухе и насторожился. Вот она, удача, подобная которой вряд ли выпадала ему за все его тридцать два бурных года. В его сторону шел буксир, тащивший за собой три баржи. Буксир был колесный и, судя по дыму, валившему из высокой трубы, работал на дровах. Стало быть, он местной постройки. Рагидийцы за недостатком дерева на своих равнинах использовали для своих немногих машин нефть, пока бароммские завоеватели не запретили расходовать это драгоценное топливо где-либо, кроме военной техники и судоходства. Теперь Империя перенимала у Людей Моря спиртовые и метановые двигатели. Баржи были гружены бочками, судя по запаху — с рыбой, и ящиками с разным товаром, выгруженным, должно быть, с кораблей для доставки в столицу.

Джоссерек поплыл наперерез, почти весь оставаясь под водой, почти невидимый среди плавучего сора. Когда буксир подо-

шел поближе, Джоссерек нырнул, пропустил его и выплыл у хвостовой баржи, на противоположном от «Сконнамора» борту. Борт был не выше двух футов. Джоссерек подтянулся, ухватился за какой-то конец с палубы и поплыл за баржой, держась за него. Вода бурлила вокруг — холодная теперь, когда пыл побега остыл. Холодная, как зубы акулы.

Джоссерек отважился чуть высунуть голову. На передней барже сидели в будке двое стражников с копьями, охраняющие груз от бандитов. За корму они не смотрели, и никого, кроме них, на барже не было. Джоссерек перевалился через борт и быстро скользнул на палубу.

Три больших ящика надежно и уютно загородили его от взоров стражи. Он даже втянул в укрытие разлохмаченный канат, свернул его кольцом и уселся — это лучше, чем доски. И невольно щелкнул пальцами. Он приобрел эту привычку в своих скитаниях — так игрок благодарит эльфов за то, что кости легли, как надо. Суеверие? Может — да, а может — и нет. Джоссерек не принадлежал к какой-то определенной вере. Родной культ, в котором боги вечно борются друг с другом — не добрые и злые, а просто разные, как зима и лето, — вполне устраивал его, но он не приносил жертвы с самого детства.

Осторожно разделся и разложил одежду для просушки. Она слишком выдавала его принадлежность к Восточному Оренстану, чтобы показываться в ней тут: свободная блуза и расклешенные штаны из цветной ткани. С лодыжки свисал обрывок веревки, которой он был привязан. Сидя за ящиками, Джоссерек обрезал ее. Потом нашел какую-то тряпицу, обвязал ее вокруг бедер — зачем зря пугать людей. И, придя в хорошее расположение духа, расслабил на время мускулы.

Он был крупным мужчиной даже для оренстанца, ростом шесть с четвертью футов, и ширина плеч соразмерна росту. Черты лица словно высечены из камня, серые глаза, орлиный нос. Обычно он брился, но в заключении отпустил бороду, частично скрывавшую шрам на левой щеке. Черные волосы были обрезаны точно по мочки ушей, в которых Джоссерек носил маленькие медные сережки. Мощное правое предплечье украшала татуировка — змея вокруг якоря, на левом была орка — хищный кит. Кожа в местах, прикрытых одеждой, была бледно-коричневой: среди его предков, как у большинства киллимарайхцев, имелись аборигены Западного Оренстана. Открытые части тела были намного смуглее.

«Мы проплываем мимо многих любопытных глаз, красавчик мой Джоссерек, — подумал он, — и вряд ли можем сойти за маленького, тощего, желтолицего арваннетянина или за коре-

настого, краснокожего, почти безбородого бароммца, так ведь? Но вполне сойдем за рагидийца, если не рассматривать нас чересчур близко — а имперская армия состоит в основном из рагидийцев; и авось не слишком странным покажется то, что солдат Империи решил прокатиться и не стесняется появиться на людях полуголым после купания. Что скажешь?» Он небрежно, по-хозяйски развалился и стал махать рукой в ответ на слишком пристальные взоры.

Движение здесь было слабее, чем в любом порту Людей Моря, но оживленнее, чем он ожидал. Захват страны Империей, очевидно, ненадолго нарушил торговлю. Бароммцы скорее ожили деятельность одряхлевшего государства.

Навстречу Джоссереку вниз по реке шла цепочка барж, груженных болванками и брусьями ржавого железа. Должно быть, это и есть тот металл, который северяне поставляют в обмен на промышленные товары и чрезвычайно ценные специи. Но вряд ли этот груз предназначен для Рагида — рагидийские торговцы всегда покупали этот товар у купцов Арваннета и везли домой по суше. А новые власти должны только поощрять такую практику: они в душе сухопутные крысы и побоялись бы доверить ценный груз морю.

У бароммцев, горцев и наездников из суровой страны к югу от Рагида не было никаких интересов, связанных с морем, пока они не захватили и не восстановили вновь Империю. Теперь же — хм-м... Джоссерек поскреб бороду, которая чесалась, высыхая. Они поощряют торговые экспедиции за пределы Залива, на острова Моря Ураганов и в леса Туокарского побережья. А это чревато неприятностями, поскольку у торговцев из Киллимарайха и союзных ему королевств Материнского океана есть свои интересы в этих краях.

Ну что ж, мы и раньше это знали. Этот груз железа, идущий за пределы Рагида, не сюрприз, а симптом. И все-таки зрелище поразительное. Нигде больше не увидишь такого превосходного металла. Что это за сказочные залежи, которые раскапывают варвары?

Еще мимо проплывали лодки, длинные плоты, проследовала патрульная галера, солдаты которой пристально посмотрели на него, но ни о чем не спросили. С многовесельной, разукрашенной золотом яхты какой-то аристократки или фаворитки, прошедшей с музыкой и в облаке ароматов, его наградили более ласковым взглядом. Дважды из бухточек, заросших тростником и сумрачными кипарисами, скользил челнок, управляемый коротконогим, одетым в травяную юбку дикарем с Унварских

болот. Земли вокруг были возделаны, прорезаны оросительными каналами, разбиты на большие помещичьи плантации.

Стояла весна, и все вокруг нежно зеленело; только фруктовые сады выделялись то огненным, то белоснежным цветом. Пахло зеленью. Иногда, когда они проплывали кучку крестьянских хижин с курятниками за шатким причалом, этот запах сменялся более резким.

На закате буксир пристал на ночлег к берегу. На баржу пришли люди отдать якоря и повесить бортовые огни. Джоссерека это предвидел. Он скользнул в воду и поплыл к берегу, держа узелок с одеждой на голове. Кто-то крикнул в быстро густеющих потемках: «Эй, что там такое?» Но другой ответил ему: «Аллигатор, поди — рано они приплыли в этом году».

Кусты на берегу скрыли Джоссерека, когда он выходил на сушу — берег был крутой и заросший. Отойдя недалеко, беглец нашел дорогу и пошел по ней, шлепая по камням, в которых бесчисленные ноги прошлых поколений протерли канавки. Вскоре он снова высох и оделся. Загорелись большие ласковые звезды на небе, но щупальца тумана, наплавившего с распаханых полей, обжигали холодом.

В животе у Джоссерека бурчало. На это можно и не обращать внимания, но лучше подумать теперь же, как ему, разыскиваемому бунтовщику, без гроша в кармане прожить несколько ближайших дней. Для начала надо постараться побыстрее попасть в Арваннет.

В возрасте пятнадцати лет Джоссерека приговорили к каторжным работам за нападение на морского офицера, который насмеялся над его лохмотьями. Их команду отправили в овцеводческое имение Центрального Оренстана. После двух лет Джоссерек бежал, долго скитался, голодал и наконец вышел на побережье и нанялся на торговое судно, хозяину которого слишком не хватало рук, чтобы задавать лишние вопросы. Позже он сменил много занятий, но помнил, как обращаться с лошадьми.

Та, которую он увел, была слишком хороша для ветхого сарая на краю деревушки, в котором стояла. Резвый меринок тихонько ржал, когда Джоссерек выводил его, и плясал, когда тот надевал на него нашаренную впотьмах уздечку, а потом понес моряка без седла чудесной ровной рысью. Хозяин плантации, как видно, выпустил его на травку после зимнего сена. Джоссерек жалел, что был вынужден убить при этом поднявшую шум собаку — он оттащил ее труп в сторону и выждал, пока разбуженный крестьянин не решил, что тревога ложная, и не вернулся ко сну. Может, эта псина была любимицей детей, если есть дети в этой хибаре.

К утру он добрался до Арваннета.

Впереди высились высокие и приземистые, пузатые и зубчатые башни, видевшие больше веков, чем насчитывает история; тесным кольцом их окружали стены, плоские или остроконечные крыши; в узких улочках лежала ночь, и они едва начинали вырисовываться на фоне меркнувших звезд. В городе царили мрак и тишина, лишь кое-где светила лампа в окне или слышались тихие голоса. Вода под стенами отливала маслянистым, жирным блеском. Когда-то давным-давно Арваннет лежал в излучине Становой, и оставшийся ров по-прежнему звался Лагуной, но река отступила миль на пять. Пространство между рвом и рекой пересекали каналы. Единственный мост находился на конце Большой Восточной дороги. Джоссерек видел горящие вдоль дамбы фонари и грозную сторожевую заставу на той стороне. Он решил расстаться со своим скакуном. Паром, который на рассвете отчалит от корчмы на Новокипской дороге, тоже не для таких нищих, как он. Однако пускаться вплавь Джоссерек не осмеливался. Мудрецы былых славных времен развели в этих глубинах странных прожорливых тварей... а зараза, которую можно подцепить в этой грязи, и того хуже.

У парома стоял на цепи ялик. Джоссерек выковырял из дерева штырь и снял с тумбы цепь вместе с замком — металл хорошо идет на Воровском рынке. Весел не было, но оказалось, что от полусгнившей пристани можно отодрать доску и грести ею.

Он не стал переправляться сразу же. На той стороне — Затон Сокровищ со складами и флотилией судов, где охрана, скорей всего, получше, чем здесь. Джоссерек повернул налево, продвигаясь с помощью своей доски медленно и с трудом. Но он был слишком увлечен тем, что видел при бледном сиянии светлеющего неба и воды, чтобы обращать на это внимание.

Он миновал Новый канал, пересекавший заказник и парк полуразрушенной усадьбы; миновал земли других поместий с искусно разбитыми садами; Королевский канал, на котором уже начиналось движение; Западный канал с его высоким мостом и бегущей рядом дорогой; дальше лежала Западная пустошь — заболоченная, заросшая сорняками, кустарником, карликовым дубом и сосной, тянувшаяся до самого Унвара. За Лагуной каналы вливались в город. У каждых таких ворот высились стены, сторожевые башни, стояли подъемные решетки: Ворота Моря, Большой бастион, Малый бастион. Пушки, катапульты, шлемы, острия копий сверкали при свете зари. Имперские знамена вяло свисали с шестов в тихом, сыром воздухе.

Начало восходить солнце, когда Джоссерек счел, что проплыл достаточно. Судя по всему, в этой части города и находятся

Логовища, куда честные люди без нужды не заходят. Безопаснее, конечно, было бы на северной стороне — говорят, квартал Пустых Домов почти полностью покинут, но что он там будет есть? Он направил лодку к маленькому пирсу. Камень — не то что гнилая паромная пристань, хотя железные планки и кольца давно сгнили и конторка на берегу зияет пустотой. Джоссерек постоял в лодке, раздумывая, не привязать ли ее как-нибудь — за нее тоже можно кое-что выручить. Да нет, не стоит: она скорей всего исчезнет, как только он уйдет. Пусть себе плывет дальше — авось хозяин подберет.

Джоссерек прыгнул на берег и услышал:

— Ни с места. Брось цепь. И держи руки подальше от ножа.

Он выполнил все, что ему приказали, прежде чем обернуться и посмотреть на троих человек, захвативших его.

Глава 3

Зимние снегопады уступили место дождям и туманам, которые ползли по извилистым улицам, превращая стены в тени, а прохожих в призраков. Чуть ли не с того самого дня, как его армия переправилась на плотках через ров, с боем пробилась по дамбе, подняла победные знамена над древними стенами и мертвыми телами, Сидир стал рваться прочь отсюда. Он скучал не столько по ласковому великолепию Наиса и его придворным церемониям — хотя там жила Недайин, его юная жена, взятая из древнего рагидийского рода, с их единственным, оставшимся в живых ребенком, — сколько по Черному Зангазенгу, где осталась Анг, жена его молодости, с выводком из шести крепких ребят, под сенью вулканов в белых венцах; а чаще всего вспоминался ему горный край вокруг того города, его Хаамандур: табуны коней, бароммские становища, костры и веселье под алмазными звездами, стада под охраной пастухов и пастушек, тоже вооруженных и не менее бесстрашных, скачка с ветром в ушах под музыку лая гончих, пока загнанный кабан или олень не остановится и рука не ляжет на копьё. В Арваннете он часто с грустной усмешкой повторял горскую пословицу: «Поймала рысь капкан».

Нынешнее утро было ясным, но к полудню собрались тучи, и ветер, дующий с Унварских болот и пахнувший ими, погнал пелену на город. Свинцовый небосвод опустился низко, мгла затянула весь запад и накатывала все ближе, со вспышками молний и громовыми раскатами. Несмотря на широкие окна, в

Лунной палате по углам уже залегла ночь, и фазы луны, изображенные серебром по лиловому, лишь тускло поблескивали. Гроза, вместо того чтобы освежить воздух, нагоняла влажную жару.

Сидир подался вперед, сжав поручни кресла в виде водяных змей.

— Верно ли я понял, ваша мудрость? — За месяцы своего правления он выучился бегло говорить по-арваннетски, но все дело портил грубый бароммский акцент, от которого Сидир никак не мог отделаться и когда говорил по-рагидийски. — Совет собирается высказать неодобрение новому начинанию Империи?

«Надеюсь, я взял верный тон, — подумал он. — Не надо излишней резкости; я мог бы снести головы всем этим жалким жрецам, если б не нуждался — если бы Империя не нуждалась — в их содействии. В то же время нельзя позволять им забыть, кто здесь хозяин. Может, надо было помятче? Поди разберись с этими проклятыми чужаками!» Во взгляде Эрсера эн-Хавана было выражение, которого Сидир не мог разгадать: обида, хитрость, доля страха, презрение или что-то еще? Мудрец давно достиг зрелых лет: раздвоенная борода оставалась темной, но на желтом лице вокруг тонкого носа и рта залегли морщины, морщинистыми были и руки с окрашенными розовыми ногтями, концы которых мудрец сложил вместе. Одеяние Серого ордена окутывало его от загнутых носов туфель до откинутого капюшона. На груди висел знак отличия — сфера из дымчатого хрусталя с вырезанной на ней картой мира, столь древней, что по ней можно было видеть, как наступали льды и мелели океаны. Мудрец состоял в должности Святейшего советника по светским делам.

На своем прозаическом бароммском Сидир называл его про себя гражданским градоначальником. Таким образом, Эрсер оставался единственным в совете священнослужителей, у кого было хоть какое-то дело. Имелся Святейший советник по божественным делам, но религия в Арваннете давно выродилась в интриги между храмами. Большинство населения впало в суеверие, в изуверские учения, в безбожие или же поклонялось чужим богам. Имелся Святейший советник по военным делам, но Империя сняла с него все полномочия, оставив только почетный титул.

Этот триумvirат возглавлял Великий мудрец Совета, бывший ставленником Империи. Его предшественник, возглавлявший силы сопротивления, вовремя умер в своем почетном заточении вскоре после вторжения. Сидир никогда не интересовался подробностями его смерти, и Юруссун Сот-Зора, скорее

всего, тоже. Намека, брошенного людям из рагидийской службы, искусной в таких делах, оказалось достаточно. Городское духовенство выбрало новым главой государства безобидного дряхлого старца, тактично предложенного завоевателями.

Поэтому Эрсер эн-Хаван стал естественным представителем бывших властей Арваннета при новых правителях. Позиция, которую ему следовало занять по отношению к захватчикам, обсуждалась, несомненно, на тайных собраниях высших кругов города. И все последние полтора года он оправдывал доверие этих кругов. Благодаря видимому почтению к новой власти, разумным советам и достоинству, не переступавшему грани, за которой начинается высокомерие, он добивался одной уступки за другой.

Однако нынешнее его заявление ошеломляло.

— Воеводе известно, что мы никогда не осмелились бы обсуждать то, что исходит от Блистательного Трона. — Его голос скользил, как змея по шелковому ковру. — Однако... простите мне мой вопрос... является ли предполагаемый поход прямой волей императора, или же это решение принято... в более низких и, следовательно, могущих ошибаться кругах... скажем, на провинциальном уровне?

— Вы хотите знать, Эрсер, не я ли это придумал, — отрывисто засмеялся Сидир, — и если нет, то насколько высоки головы, через которые вам нужно перескочить, чтобы отменить решение?

— Нет-нет! Бог, сущий во всем и надо всем, видит, что я говорю правду. Воевода и... — Едва заметная пауза, легкий поворот прикрытых веками глаз в сторону Юруссуну. — ...и Глас Империи представляют здесь Блистательный Трон. Их совместная воля не подлежит обсуждению. Но оба они проявили себя настолько мудрыми, что готовы выслушать совет... совет от тех, да позволено мне будет напомнить, чьи предки также имели некоторый опыт... в имперских делах.

Юруссун сидел неподвижно, с ничего не выражающим лицом. Возможно, он как ученый-философ размышлял о Девяти истинных принципах, что было гораздо оскорбительнее для Эрсера, чем следовало бы. Выждав несколько секунд, чтобы его оправитель мог ответить, Сидир ответил сам:

— Что ж, ваша мудрость, я подтверждаю то, к чему вы сами пришли в своих размышлениях. Очередь за севером. Я бы сказал, он всегда стоял на первом месте. Никто не умаляет значения Арваннета — это бесценный самоцвет в венце императора, но в стратегическом отношении он скорее опорный пункт,

нежели конечная цель. Там, — взмахнул он рукой, — лежит полконтинента.

— Нам это известно. — Этой фразой Эрсер снова напомнил о том, сколько веков их летописцы наблюдали вечное коловращение народов. — Рагид извечно желал заселить эти равнины своими крестьянами. Теперь же к ним подступил Баромм, желая пастьбищ для своих стад. Божественный Наказ перешел к потомкам Скейрада, и поход на север для них не просто решение, но судьба. Это так. Но могу ли я в невежестве своем спросить, почему бы имперскому войску не двинуться на север прямо из долины Кадрахада?

— Потому что так пробовали уже не раз, пробовали и при нынешней династии лет десять назад, и это никогда не получалось... как следовало бы знать столь ученому мужу. — Сидир подавил раздражение. — Наступление же по Становой расщелкает варваров надвое, отрежет их от залежей металла и от торговли с иноземцами, позволит нам заложить в этой обильной стране крепости, из которых мы подавим варваров окончательно. А позднее, когда они ослабеют, мы нанесем прямой удар из Рагида.

Эрсер выжидающе молчал. Сидир побарабанил пальцами по ручке кресла и наконец выпалил:

— Послушайте меня. Я расскажу вам о том, что очевидно. Очевидно иногда труднее постичь, чем сокровенное. Из трех высших слоев Арваннета самые недовольные, конечно, помещики. Мы низвели их до уровня землевладельцев, чья знатность в следующем поколении утратит всякое значение, ибо тогда уже мы станем командовать дружинами их селян. Когда же мы откроем для заселения северные земли, ваши старые дворянские роды лишатся и преимущества в продаже съестных припасов и хлопка. Неудивительно, что они ропщут, составляют заговоры и склонны к смуте.

Но зачем Церкви поддерживать их? Вам скорее бы следовало прислушаться к Гильдиям. Вы знаете, что ваши купцы довольны Империей, и это довольство постоянно растет. Империя разбилась цепи законов и обычаев, которые их сдерживали. Империя расширяет границы их торговли и делает ее более безопасной. Приобретая же деньги, они приобретают власть, и им безразлично, что это происходит за счет класса, ранее взиравшего на них свысока. Будущее за ними. Вы тоже можете закрепить его за собой. И Совет, и ордена, из которых выбираются советники и набирается их штат, и храмы, питающие эти ордена, — все мудрецы могут играть видную роль в Империи. Более видную в действительности, если не по названию, чем играли вы рань-

ше... — Сидир проглотил бароммскую поговорку «когда были главными покойники на кладбище» и сказал по-другому: — Но для этого вы должны меняться согласно с ходом времени. Живите и процветайте вместе с Гильдиями — не прозябайте вместе с помещиками.

— Не всегда перемены, согласные с временем, идут нам на пользу, — медленно ответил Эрсер. — Народы, которые менялись, исчезли и ныне забыты. Арваннет же остался. — И он продолжил более деловым тоном: — Мы говорили с многими купцами. Некоторые встревожены. Они с незапамятных времен ведут с рогавиками торговлю металлом. Вокруг нее создались целые учреждения. Нарушение древних договоров разорит многих и прекратит поступление металла.

— Только на время, — отрезал Сидир. — Вы же слышали — мы собираемся выдавать субсидии, чтобы облегчить убытки. Вскоре поступления возобновятся и будут гораздо больше тех, что обеспечивали вам кучки варваров. Недовольство купцов пройдет, когда я объясню им все это.

Во взгляде Эрсера появилось нечто новое — не страх ли? А голос стал таким тихим, что бушевавший за окнами ветер почти заглушал его:

— И вы действительно хотите дойти... до самого Неведомого Рунга?

— Возможно. Мои планы еще не определились, они меняются в зависимости от сведений, которые я получаю. — Сидир откинулся назад. — Со временем Рунг, безусловно, будет принадлежать императору. Когда и как это произойдет, решать его слугам. Основной мой план — наступление по долине Становой — получил одобрение. Однако у меня широкие полномочия. Возможно, я еще сочту этот план неосуществимым. И ваша светлость может высказать мне все, что имеет против него.

Эрсер помолчал.

— Воевода мудр и готов выслушать ничтожного из ничтожных. — То, что Эрсер не упомянул о Юруссуне, не ушло от внимания Сидира. Рагидиец по-прежнему сохранял полную невозмутимость. — Да будет мне позволено сказать только одно. План воеводы смел и достоин его великих предков, вернувших Империи единство и мир. Но... не слишком ли он смел? Мы, мудрецы, как правило, ничему не противоречим. Однако, сделавшись подданными Блистательного Трона, почитаем своим правом и долгом дать свой совет. И мы говорим: не нужно в этом году идти в новый поход. И в будущем году, и в следующем за ним. Север ждал долго — он может подождать еще. Древний коварный Арваннёт по-прежнему требует к себе

внимания. Одним солдатам его не удержать — тут нужна государственная власть. Со всем уважением напоминаю воеводе, как много военачальников на протяжении тысячелетий верили, что подчинили себе Арваннет.

— Вы боитесь, что если я уведу войска на север, то будет... мятеж? Неужели кто-то будет настолько безумен, зная, что я вернусь и накажу?

— Ордена тоже, разумеется, наложат проклятие на тех, кто побуждает к бунту. Но... в ближних водах присутствует много кораблей Людей Моря.

— Да, их торговцы и путешественники мешают нашим на островах, и ссоры порой приводят к стычкам — знаю. Однако я знаю и то, что сами по себе они неспособны взять здесь ни одну крепость, а союзников на суше у них нет. Кроме того, старейшины Киллимарайха — не дураки. Ичинг, напротив, еле сдерживает свои малые народности, чтобы те не вызвали войну с Империей. Киллимарайх не чувствует себя готовым к войне... пока.

— Но если вашу армию постигнет беда... Воевода, Рунг не зря называют неведомым. Даже мы, арваннетяне, чья держава некогда простиралась до тех пределов, почти ничего не знаем о нем, не считая мифов и легенд.

— Вы никогда не думали о возвращении туда. И ваши ученые, простите за прямоту, не заинтересованы в новых знаниях. В отличие от меня. — Сидир перевел дыхание. — Я уже говорил, что, может быть, в этом году и не дойду до Рунга. Я не так опрометчив, как вы, кажется, думаете. Я не стану рисковать своими людьми, своими Сверкающими Копьями, ради своего тщеславия.

Эрсер пристально посмотрел на него:

— Однако своей жизнью вы готовы рискнуть. Могу ли я убедить вас не делать хотя бы этого? Пошлите туда армию, если так надо. Сами же оставайтесь здесь и продолжайте свои труды.

— Как? — недоуменно воскликнул Сидир. — Вы хотите, чтобы я остался? Я, чей конь метил кровавыми следами ступени вашего Венценосного собора?

— Вы правите сурово, но справедливо. Мы ваши должники уже за одних только схваченных и казненных вами преступников.

— Я правлю не один, — резко заметил Сидир, решив положить конец пренебрежению Юруссуну. — Мое дело — война. Теперь Арваннет и его окрестности усмирены, и долг зовет меня далее. Гражданскую же власть осуществляет мой соправитель, Глас Империи.

— Это так. — Тысячелетия замкнутой, многослойной арваннетской жизни научили Эрсера тонкостям язвительной вежливости. — Но двое столь великих мужей не могут быть равны во всем там, где их задачи не переплетаются. Позвольте мне перечислить, сколь многое еще осталось на долю воеводы.

Юруссун вступил в разговор впервые с тех пор, как церемонно поздоровался с советником. С видимой мягкостью он произнес:

— Я полагаю, ваша мудрость, что перечень будет очень простым. Боюсь, сегодня у нас на это нет времени. Нас ожидают другие посетители. Кроме того, подобные речи лучше выглядят на письме, с фактами и цифрами, которые мы могли бы изучить на досуге. Если вы представите нам письменный доклад, ваша мудрость, мы примем вас для дальнейшего его обсуждения, как только позволят обстоятельства.

Во взгляде Эрсера мелькнула затаенная ненависть. Он медленно опустил веки, почтительным жестом коснулся лба и сказал:

— Я понимаю, сколь заняты воевода и его собрат. Я подготовлю доклад, который испрашивает Глас, так быстро, как только способны писать под диктовку писцы. Возможно, в следующий раз я встречу с одним только воеводой. Нет причин утруждать августейший Глас, которого я и сегодня не надеялся застать здесь. Да откроет нам Бог истину.

Последовала церемония прощания. Наконец крытая перламутром дверь закрылась, и правители Арваннета остались одни в Лунной палате.

Сидир не мог больше усидеть на месте. Он вскочил, прошел, лавируя между мебелью, перед мраморным камином, пересек комнату и стал у окна, заложив большие пальцы за пояс. Палата находилась на четвертом этаже Голинского дворца, окно было большое. Перед Сидиром открывался широкий вид на завоеванный им город.

Слева виднелись Эльзийские сады, окружающие озеро Нарму, где пересекались все водные пути, справа частично просматривались арки Патрицианского моста (названного в честь придворных, обратившихся в прах пять тысячелетий тому назад), который вел из дворца через Новый и Королевский каналы к Большой Арене. Прямо перед собой Сидир видел площадь, окруженную мраморными фасадами, не утратившими своего величия, хотя время обшарпало их колонны и загрязнило фризy. Оно же, несмотря на влажный климат, придало пурпурный радужный отсвет стеклу, через которое смотрел Сидир, поэтому мир представал перед ним в странном цвете.

Это был будничнй, суетливый мир. На площадь выходило несколько главных улиц. За внушительным мрамором теснились убогие лавки с плоскими кровлями и доходные дома преимущественно из бурого кирпича. Перед ними ютились ларьки, где оборванные продавцы торговали дешевым товаром. В середине сновали люди, воробьи, голуби, порой пробегал тощий пес или проезжала груженная повозка.

Солдат не было видно, попадались только местные гражданские гвардейцы в форменных полосатых юбках и зеленых туниках. Сидир заботился о том, чтобы его армия по возможности не мозолила глаза. У штатских туники были подлиннее, до колен. Почти все они уже сняли зимние чулки, сапоги и плащи с капюшонами, обулись в сандалии, а на голову надели вязанные колпаки. Женщины с длинными косами носили облегченную одежду, вызывающую разновидность мужского костюма. Ткани были яркие, дешевые украшения так и блестили. Исключение составляли только старики, с угрюмым достоинством кутавашиеся в унылые одежды, да монахи и монахини четырех орденов мудрости: Красного, Белого, Серого и Черного.

Низкорослые и стройные были эти арваннетяне, темно-волосые и темноглазые, с янтарной кожей и красивыми лицами. Двигались они быстро и грациозно, жестикулировали бурно. Груз тысячалетней окаменелой культуры не отягощал этой кипучей, в основном безграмотной, массы. До Сидира доносился рыночный шум, стук шагов и копыт, разговоры, смех, мелодия тростниковой флейты, под которую плясала танцовщица, скрежет запряженной волами повозки. Воображение дорисовывало запахи дыма, ладана, навоза, дурманного зелья, жаровен с початками кукурузы, пота, духов, сплетающиеся на фоне запаха каналов и болот. Но гром и ветер уже рассеивали их, и люди разбегались при блеске молний. Упали первые капли, предвестницы ливня. Сидир почувствовал, что к нему подошел Юруссун, и обернулся.

— Ну, — спросил он, — что вы думаете о нашем посетителе?

И спохватился, что, хотя говорит на рагидийском, позволяет себе резкие баромские интонации. «Чтоб мне дьяволова кобыла мозги вышибла, — подумал он. — Не надó больше оскорблять его сегодня. Нам и так достаточно трудно работать вместе».

— Я все чаще думаю, — бесстрастно ответил тот, — что мы совершаем ошибку, пытаясь привлечь к себе так называемых мудрецов. — Его прямота, несмотря на ровный тон, поразила Сидира.

— Что бы вы предложили взамен? — с вызовом спросил он.

— Риторический вопрос, воевода. Вы знаете *что*. Распустить Совет и всех его чиновников и принять управление Арванетом на себя. Глав церкви заключить под стражу. За прочим духовенством следить и карать малейшее неповиновение быстро и беспощадно. Подготовить почву для будущей конфискации церковного имущества. Оно огромно и пригодилось бы имперской казне.

— Хай! Я так и чуял, что в вас бродят подобные мысли. Нет. Нам пришлось бы ввозить сюда целую кучу своих чиновников, которые не только не имеют понятия, как управлять этой страной, но еще и найдут здесь полный хаос. Не говоря уж о десяти-двадцати полках, которые пришлось бы держать здесь для усмирения. Это на целые годы оттянуло бы покорение севера.

— Вот в этом Эрсер прав. Север долго ждал покорения и может подождать еще.

— Нет, не может. — Сидир старался говорить мягко. — Юруссун, вы говорите не как ученик Толы. Политика политической, но вы, казалось бы, первым должны защищать древнейшую культуру мира.

— Древнейшей культуры больше не существует, — взорвался Юруссун. — Она мертва. От нее остались только сухие кости. Похороним их как подобает и забудем о них.

— Ах-х, — выдохнул Сидир. — Я понял, что вас грызет. Они враждебно глядели друг на друга.

Юруссун Сот-Зора был выше ростом, хотя годы уже согнули его, сделали руки тоньше, а волосы — реже, побелили падающую на грудь бороду, превратили светлую кожу в испещренный бурыми пятнами пергамент. Но его рагидийское происхождение по-прежнему было всем заметно, а глаза за очками в золотой оправе по-прежнему напоминали полированную ляпис-лазурь. Юруссун носил плоскую черную шапочку философа с серебряным знаком своей школы, длинное зеленое одеяние с пуговицами из слоновой кости, красный кушак, туфли без задников и кошель на поясе для письменных принадлежностей. Посох с головой змеи служил скорее свидетельством его почтенных лет, чем опорой.

Сидир, сын Раэля из клана Халифа, был рослым и не таким плосколицым, как большинство бароммцев. (У него была бабка-рагидийка, взятая в наложницы, когда орды Скейрада впервые вторглись в ее страну. Лишь позднее всадники Хаамандура перестали смотреть на Империю как на добычу и стали думать о ней как о наследии.) Его мускулы были хорошо развиты, и в свои сорок пять он не утратил упругости движений. Ноги у него остались прямыми, поскольку он не все детство провел на родине

предков и получил иноземное образование. Безбородое удлиненное лицо было цвета красной бронзы, глаза темные и узкие, черные, как ночь, волосы прошиты серебряными нитями метеоров. Сидир стриг их коротко, по-рагидийски. На правом бедре он носил символ своей власти, кинжал в хрустальных ножнах, не скрывавших дамасского лезвия — оно относилось ко второй из трех Славных династий и насчитывало двадцать веков. Шею в два ряда оплетало крученое ожерелье — золотое, соответственно его рангу: знак Мужа, которое у бароммцев имели право носить лишь взрослые мужчины. Его одежда состояла из облегающей рубашки, штанов из грубого синего полотна, тисненых кожаных сапог и шляпы из лошадиной шкуры — наряд кочевника.

— Да, понял. Сказать вам, Юруссун? — (Лучше говорить прямо, пока наши отношения еще позволяют это.) — Вам известно из летописей, как Арваннет принес цивилизацию в Рагид. Но это было давным-давно. Арваннет пришел в упадок еще во времена расцвета Айанской империи в долине Кадрахада. И ваш народ стал ощущать себя солью земли. Но вот вы прибыли сюда, Юруссун, увидели город, бывший великим еще до того, как льды двинулись на юг, вспомнили о его величии и поняли, что ваш народ — всего лишь скопище невежд, которому вскоре суждено вернуться в дикое состояние, как стольким до него. И с этим сознанием вам приходится жить день за днем, месяц за месяцем. Окружающие вас здания, книги, наука мудрецов — все говорит о том, что это не пустая похвальба. Да... Эрсер и прочие быстро обнаружили ваше слабое место.

— А ваше, воевода? — вспыхнул Юруссун.

— О, я с детства привык, что на меня смотрят как на дикую обезьяну. По мне, пусть кто угодно считает своим прошлогодний снег, лишь бы будущее было мое. По-моему, арваннетяне ладят со мной не хуже, чем с северянами, которые тоже не претендуют на то, чтобы считаться культурными людьми. Но северяне и выскочки-бароммцы скоро начнут воевать. А арваннетяне и рагидийцы... — Он схватился за посох Юруссунa и легонько потряс его. — Юруссун, я почитаю вас... и, может быть, стал почитать еще больше, когда вы доказали, что у вас в жилах кровь, а не водица. Мне нужна ваша помощь — и ваши знания ученого, и ваш государственный опыт. Но вы дадите мне их так, как нужно мне, или я поищу другого. Мы с вами не совсем ровня. Не забывайте — император носит рагидийское платье, цитирует рагидийских классиков и является первосвященником рагидийского Бога, но он остается внуком Скейрада

и прислушивается скорее к вождю хаамандурского клана, чем к наисскому князю.

Ученый вновь опустил на лицо маску сдержанности.

— Воевода, — тихо произнес он, — четвертая из Малых Заповедей Толы гласит: «Если семя гнева уронено, не поливайте и не лелейте его, но оставьте на волю неба и уйдите прочь». Пойдемте каждый своим путем и займемся каждый своим делом, и пусть ночью каждый поразмыслит о том, как служит Блистательному Трону другой, делая это столь честно, сколь допускает человеческое несовершенство. А завтра вечером пообедаем вдвоем.

— Хорошо, Глас Империи, — искренне согласился Сидир. Они раскланялись, и Юруссун зашаркал прочь.

Сидир еще немного постоял у окна. Хлынул ливень. В потемках сверкало и гремело. «Стыдно мне, что ли, — думал он. — Такие, как Юруссун, словно показывают тебе зеркало, которое самые дерзкие речи не в силах затуманить. Недайин тоже...»

Младшая его жена была хрупкой и застенчивой, а ее приданое и союз с благородным рагидийским домом были полезны Сидиру, но не так уж необходимы. И все же в ее присутствии Сидир часто чувствовал себя так же, как и при дворе — человеком, который пусть и научился правильно держать себя, но не родился с этим. С хаамандуркой Анг было иначе — там он знал легкость, смех, любовный голод... Нет. Не совсем так. Она была родом с гор, и занимали ее лишь пастушьи сплетни, песни и сказания; даже в захолустном Зангазенге она тосковала по своим шатрам. И он, приезжая туда, вскоре уставал от нее... А наложницы, шлюхи, случайные подружки были только телами, не более.

«С чего это я задумался над этим, ведьмы ради? — вздрогнул он. — Откуда этот трепет перед Империей?»

Его рагидийская часть ответила ему по-бароммски: «Это плоды просвещения. Пусть арваннетская цивилизация старше, но она пребывает в мумифицированном состоянии. Одной древности недостаточно. Должна быть еще и жизнь. И в Империи она присутствует». — «Но Империя умирала, раздираемая междоусобными войнами, пока мы, бароммцы, не излечили ее своими сильными средствами. Отныне Рагид обязан нам жизнью. Отчего же он вселяет в нас такую робость? Откуда эти грезы о том, как стать полноценными рагидийцами? Мой отец проявил мудрость, заставив меня провести половину юности в школе и половину — в Хаамандуре. Но с тех пор я никогда больше не знал душевной цельности».

Сверкнула молния, грянул гром, дождь ударил в стекла, и внутрь проник холод.

«Обладают ли душевной цельностью Люди Моря? Они тоже цивилизованны, и машины у них лучше, чем у нас. Но это такая жуткая смесь... Киллимарайх занимает половину Оренстана, а на другой половине у них дюжина туземных княжеств, да еще больше сотни независимых островов и архипелагов: Одному Всевышнему известно, сколько там племен и народов, которых ничто не держит вместе, кроме торговли, да и та постоянно вызывает ссоры. Как, должно быть, одиноко там людям».

Сидир поднял голову и поборол жалость к себе, которая, словно ледяной холод, сковала было его нутро. «Люди Моря — не настоящее государство. Так, сброд какой-то, несмотря на все их изобретения. Мы тоже освоим всю эту премудрость, когда захотим. У меня есть мой народ. Да, мой народ. Моя Империя, в которой есть выносливые работающие крестьяне; купцы и ремесленники, тоже знающие себе цену; аристократы, рожденные и воспитанные в лучших традициях; духовные школы, которые обустроивают жизнь и позволяют каждому жить сообразно своим верованиям — и всех их охраняют послушные приказы солдат. Вот моя Империя, и тем пиратам никогда не создать такой».

Эти размышления продолжались всего минуту или две, и Сидир стряхнул их с себя, услышав гонг у двери.

— Войдите, — разрешил он. Прислужник доложил, что купец Понсарио эн-Острал ожидает назначенной аудиенции. — Пусть войдет, — проворчал Сидир. — Но сначала принесите огня.

Рабы, давно ожидавшие этого распоряжения, вбежали с длинными свечами и зажгли газовые рожки, озарившие комнату мягким светом. Сидир стоял, пока они не ушли и в дверь не пропустили названного посетителя. Он не знал, по какой причине купец испросил нынче утром срочную аудиенцию. Должно быть, причина веская.

Облик изнеженного лакомки, который напускал на себя Понсарио, был только маской. У Сидира выпрямилась спина и подогнулся живот в ожидании неприятностей. Он весь был словно натянутая струна. Он так устал от недоразумений, мелких конфликтов, интриг, формальностей, проволочек. С Понсарио они были естественными союзниками, хотя отличались друг от друга, как орел и дикая свинья, и каждый охотно разделался бы с другим при необходимости или удобном случае; но пока что у них установились почти дружеские отношения.

Вошедший отвесил Сидиру три поклона, подобающие князю; к этому титулу, давно не существующему в Арваннете, указом Юруссунa приравнивался имперский наместник.

Сидир в свой черед произнес:

— Воевода Его Божественного Величества готов принять вас. — Снова эта церемониальная комедия, без которой или из-за которой гибнут люди и уничтожаются государства. — Вольно, — добавил Сидир. — Не хочешь ли прохладительного, чаю, кофе, шоколада?

— Благодарю, мой господин. Я предпочел бы подогретое вино, но, раз вы не пьете в служебные часы, я, с вашего разрешения, ограничусь этим. — Понсарио достал сигарный ящичек розового дерева. — Не угодно ли? — Он держал дружеский, но почтительный тон, употребляя самое уважительное из пяти обращений второго лица, принятых в его языке. (Рагидийцы довольствовались тремя.) — Только что прибыли из Мандано.

— Что попусту портить табак, — покачал головой Сидир.

Он курил трубку, но позволял себе это нечасто. Неразумно солдату привыкать к редкому, дорогому зелью. Он сел, закинув лодыжку одной ноги на колено другой, и жестом пригласил сесть Понсарио.

Купец опустилcя на стул. Он был до смешного толст. Короткие ноги и плоское лицо выдавали в нем примесь «болотной» крови. Он рано начал лысеть и красил волосы и бороду. Ногти его украшали нарисованные золотом звездочки. На пальцах сверкали драгоценные камни. Вышитая туника была оторочена мехом. Он картинными движениями обрезал свою сигару, щелкнул пружинной кремневой зажигалкой, поднес к ней серную лучинку, затянулся и пустил голубой ароматный дым.

— Итак? — сказал Сидир.

— Я знаю, как вы заняты, мой господин. И, по правде сказать, раздумывал — идти ли мне прямо к вам, обратиться к чиновнику пониже рангом или не обращаться ни к кому. Дело на первый взгляд незначительное — так, случай, скучный обыденный случай. И все же... — Он положил сигару в фарфоровую пепельницу, которую держал в пасти дракон из красного дерева. — Корабли Людей Моря стали ходить из Материнского океана за полсвета и с каждым годом все дальше — в Северо-Восточный Туокар и на острова Моря Ураганов. Зачем?

— Ради наживы, полагаю, которую вы предпочли бы загрести себе, — сухо ответил Сидир.

— Вы думаете, мой господин? Чтобы честные негоцианты тащились вокруг Эфлиса или рисковали плыть через Проклятый залив? В Свирепом океане, помимо всего прочего, два

встречных течения доносят айсберги до самого экватора. Зачем же пускаться в такое опасное плавание, не говоря уж о времени, затраченном на него? У Людей Моря есть много хороших мест поближе к дому, даже кроме островов — все побережье Ованга вдоль Материнского и Кошачьего океанов, все западное побережье Андалина и Туокара, не покрытое льдами. Чего же они ищут в такой дали?

— Что ж, некоторые экспедиции, безусловно, негласно субсидируются. Не думаю, чтобы Людей Моря вообще и Киллима-райх в частности устраивала перспектива того, что Рагид займет весь Андалин, а затем, возможно, двинется на юг к Туокару. Это не только ограничит их торговлю, но и сделает нас самих державой Материнского океана. — Сидир нетерпеливо рубанул рукой воздух. — Об этом мы и раньше говорили, Понсарио. Что привело тебя ко мне сегодня?

— Да, мой господин, да, я слишком многословен — стар стал и умом слаб. — Купец тяжело вздохнул. — Так вот. Недавно в Новый Кип пришел «Сконнамор» с грузом из Ичинга, и мой агент вел с капитаном переговоры относительно части груза. У них на борту содержался бунтовщик. Вчера он бежал. Береговая стража раскинула свои сети. Ваш бароммский комендант проделал там большую работу в связи с поимкой мятежника, очень большую работу. Пару верховых он послал на север, на случай, если беглец направится туда. Этого парня, видите ли, объявили опасным, и лейтенант Мимораи ничем не хотел пренебречь. И оказался прав. Его люди получили сообщение, что у помещика Долигу была похищена лошадь, которую позднее нашли возле Лагуны. А с паромной пристани у постоялого двора пропал ялик. В Новом Кипе же никаких следов не нашлось, хотя, казалось бы, чего проще. Беглец, судя по всему, направился в Арваннет, верно?

— Гррм. Ну и что же?

— Несколько неожиданный поступок, мой господин. Хотя лейтенант Мимораи тоже не придавал этому особого значения. Однако мой агент другого мнения. Желая завоевать расположение капитана, он использовал свои связи, чтобы получить известия о розыске. Узнав этим утром, что беглец, очевидно, ушел, он попросил разрешения воспользоваться телеграфом. Превосходное это новшество, которое ввели здесь вы, мой господин, превосходное. Как только военный курьер передал мне его послание, я попросил вашей аудиенции.

— Ближе к делу. Зачем?

— Если изволите помнить, мой господин, я уже признавал, что мои страхи могут быть беспочвенными. Неповиновение —

не редкость среди киллимарайхских мореходов. Коммерция у них так быстро развивается, что приходится набирать людей из кого попало. Тут и городские подонки, и туземцы с отдаленных островов, уединенных и диких — от Эоа до Альмерика. Эти островитяне быстро заражаются киллимарайхским своеволием, но дикости своей при этом не теряют. И даже преувеличивают ее ради самоутверждения, как изволите знать. В долгом, тяжелом, опасном плавании возникают трения, вспыхивают свары, случаются драки; офицеры, блюдущие дисциплину и наказывающие виновных, вызывают к себе ненависть — и всегда возникает искушение сговориться, захватить судно и уйти в тропические воды искать удачи.

Сидир унял свое нетерпение. Пока Понсарิโอ не изложит все с самого начала, его не остановить. Авось дойдет и до дела. Бароммцу почти не приходилось сталкиваться с Людьями Моря. Сведения о них могут ему пригодиться.

Купец выпустил кольцо дыма.

— Наш беглый мятежник, зовут его Джоссерек Деррэн, не подходит под эту мерку. Мой агент вдоволь наговорился о нем с капитаном, который, по словам агента, настолько честен, насколько позволяет его ремесло. Джоссерек был хорошим матросом. А потом вдруг затеял ссору. Когда второй помощник вмешался, желая навести порядок, Джоссерек напал на него, и потребовалось несколько человек, чтобы одолеть бунтовщика. Нападение на корабельного офицера считается в Киллимарайхе тяжким преступлением. Однако второй помощник несколько раз навещал Джоссерека в заточении, пытаясь завоевать его доверие и узнать, что послужило причиной столь безумного поступка. В Новом Кипе Джоссерек урвал случай, сбил помощника с ног и вырвался на свободу. Так вот, насколько, по вашему мнению, правдоподобно, мой господин, что безумец, якобы никогда не бывавший здесь ранее, бежит в далекий Арваннет, а не в ближний Новый Кип, причем это ему успешно удастся? С другой стороны, похоже ли на правду, что трезвомыслящий человек вдруг лишается рассудка, а потом отправляется прямо в Логовища? — Понсарิโอ прищурился сквозь облако табачного дыма. — Если только так не было задумано с самого начала.

— Хм-м, — пробурчал Сидир. — А что говорит второй помощник?

— Что удар, полученный им от Джоссерека, оглушил его, ошеломил и частично лишил памяти. Не вижу, как можно это опровергнуть, и остается только отправить мятежника в камеру пыток. А это может вызвать нежелательные последствия.

— Пытка отнимает слишком много времени, а результаты слишком ненадежны. И потом — ты намекаешь на то, что этот Джоссерек, м-м... агент Старейшин? Вздор. С какой целью он послан? И как передает свои сведения на родину?

— Что до последнего, мой господин, не изволили ли вы слышать о беспроводном телеграфе? Это недавнее киллимарайхское изобретение. В Гильдиях о нем почти ничего не известно, кроме того что он существует. Но уж конечно, на некоторых... исследовательских судах, рыскающих на юге Дельфиньего залива, беспроводный телеграф имеется так же, как пушки и катапульты. Могли провезти такой аппарат и в Арваннет.

— Да, я слышал о нем. Ну и что? Что, ради девяти дьяволов, может получить иноземный агент в Логовищах, кроме ножа в брюхо?

Понсарио погладил бороду.

— Господин мой, этот случай утвердил меня в мысли, которую я давно лелеял... в мысли предупредить вас о том, что северяне, возможно, более осведомлены о ваших намерениях, чем подобало бы варварам.

— При чем тут... а впрочем, продолжай.

Сигара купца то вспыхивала, то гасла.

— Признаюсь, что свидетельства тому слабы и строятся в основном на предположениях. Новый порядок, установленный Империей, нарушил бывшее тайное сотрудничество Гильдий и Братств. Но взяткой или хитростью еще возможно добыть в Логовищах кое-какие сведения. У меня есть основания верить, что около года назад вожак одной из банд побывал у рогавиков... с неясной целью. А поскольку Люди Моря заходят в Новый Кип по нескольку раз в год, он мог связаться и с ними. Многие офицеры киллимарайхских торговых судов служили ранее в военном флоте. Имея по всему свету корабли, способные передавать сообщения в Ичинг, Старейшины вполне могли послать своего человека воспользоваться этой связью. Польза от такой засылки, может, и невелика, но невелик и риск — для всех, кроме агента. А в случае удачи, что ж, Люди Моря и северяне — естественные союзники против Империи.

— Но зачем все это представление... хай, верно? За всяким киллимарайхцем, который сходит на берег и отправляется в Арваннет, мы следим, и, если бы он исчез, у нас возникли бы подозрения. Но беглый сумасброд никого не заботит.

— Обман мог бы удался. Счастье, что я, почти единственный, кого это может интересовать, услышал об этом деле. Корабль мог бы с тем же успехом привезти специи с Иннислы, копру с Толомы, отделочные материалы с Кораллового Пояса

Восточного Оренстана... — Понсарио любовно перечислял товары, не обращая внимания на хмурость Сидира. — Или еще что-нибудь, чем по закону торгует другая Гильдия, не моя. Мои же уважаемые конкуренты слишком озабочены своими непосредственными интересами в наши бурные времена, чтобы задуматься, представить себе всю картину. Что ж! Возможно, эта картина — лишь плод моей фантазии. Но поскольку я все равно рано или поздно собирался высказать вам свои подозрения касательно северян и поскольку сейчас, возможно, представился случай проверить... — Он многозначительно замолчал.

...И получить выгоду, закончил про себя Сидир. В этой мысли не было презрения. Он презирал торговца за то, что он торговец, не более чем пса за то, что он пес.

— Возможно, — сказал он. — Подскажи только как. Ты же знаешь, какие ничтожные итоги принесли мне облавы в Логовищах. Кучка бедолаг палачу на поживу, и только. Даже Воровской рынок не прекратил существовать, просто стал двигаться с места на место. Где же там может скрываться твой зверь?

— Могу угадать, воевода. В притоне...

Удар грома заглушил произнесенное имя.

Глава 4

Засов снаружи щелкнул, и дверь открылась.

— Стой на месте, — сказал вошедший бандит.

Он и его товарищ, двое из троих, схвативших Джоссерека на рассвете, были тощие, рябые, все в рубцах, но двигались, как кошки. На них были хорошие туники и сандалии, головы и бороды они содержали в чистоте. У первого, кроме ножа, имелся пистолет, прихваченный, наверно, у имперского офицера, скорее всего мертвого. Огнестрельное оружие — слишком редкая и ценная вещь даже для солдат, не говоря уж о бандитах. Главварь, очевидно, доверяет этому человеку, и он в шайке не из последних.

Джоссерек медленно и осторожно отвернулся от окна, в которое смотрел на струи дождя и темнеющее небо. Из незастекленного проема в голую клетушку, где он провел весь день, сочились холод, сырость и смрад переулка. Свет лампы снаружи бросал уродливые тени на глиняный пол и отбитую штукатурку.

— Зачем так волноваться? — спросил он на беглом арванетском. — Что бы я мог натворить, даже если б захотел?

— Кто тебя знает, — сказал человек с пистолетом. — Выходи. Ступай вперед.

Джоссерек подчинился. Его возбуждало сознание того, что ожидание, кажется, кончилось и начинается охота. Страха он не испытывал. Люди, захватившие его в плен, обращались с ним довольно хорошо. Они, разумеется, разоружили его и поначалу заперли, но объяснили, что Касиру, который должен решить его участь, сейчас нет; снабдили его хлебом, сыром, водой, ведром и оставили наедине с его мыслями. Джоссерек, как зачастую и раньше, коротал время в воспоминаниях. У такого шалли, как он, их много и самых ярких.

Пройдя через сени, он очутился в комнате, не соответствующей ни этой жалкой лачуге, ни грязному кварталу, в котором та находилась. Ноги ласкал роскошный ковер, пурпурно-красная обивка стен пламенела в свете ламп, мебель была из резного дерева, инкрустированного слоновой костью и перламутром, в курильнице дымилась сандаловая стружка. Сидевший среди всего этого человек имел довольно вкуса, чтобы самому одеться в шелковую тунику скромного тона, почти без украшений. Пышный наряд не пошел бы ему, отмеченному печатью голодного детства, низкорослому, с крысиной мордочкой, почти беззубому. Но между седой шевелюрой и такой же бороденкой горели живые глаза.

Конвоиры сели по углам.

— Здравствуй, — сказал седой скрипучим голосом. — Я Касиру, помощник атамана Братства Костоломов. А ты?

— Джоссерек Деррэн из Киллимарайха.

— Ага. Присядь.

Матрос повиновался. Человечек взял из шкатулки сигарету и разжег ее удушливо пахнущим трутом, не предложив закурить Джоссереку. Его взгляд был пристальным и изучающим.

Джоссерек уселся поудобнее, скрестив руки и ноги.

— Прости мне мой вид, — сказал он. — И запах. — Вся кожа у него зудела, тоскуя по ванне, бритве и чистой одежде. — Сначала я был занят, а потом меня поставили на прикол.

— Вот как! — кивнул Касиру. — Расскажи-ка мне свою историю.

— Я уже говорил твоим людям, но... Хорошо, господин. Я был матросом на «Сконнаморе», шедшем из Ичинга мимо Крепостного мыса на южной оконечности Эфлиса — знаешь? Когда мы брали там воду, я подрался с товарищем из-за местной женщины. Сделал из него котлету. Потом он и его родня стали отравлять мне жизнь — трое черных ублюдков с Ики: В Море Ураганов дело дошло до точки. Я был готов. Готов схлестнуться

с ними, прикончить их или проучить как следует, положить конец этой тягомотине. Риджел Гэрлох, второй помощник, сунулся им на подмогу. Потом сказали, что я на него напал. Брехня! Он накинул мне на шею веревку и стал душить, а единственный, оставшийся на ногах икиец скакал вокруг, норовя выпустить мне кишки. Мне позарез надо было освободиться, я и освободился. Малость повредив при этом Гэрлоха. Тут на меня кинулась вся вахта.

— Как же тебе удалось бежать?

— Ну, Гэрлох — он неплохой динго. Он знал, что я врезал ему не от хорошей жизни, и считал, что должны быть какие-то смягчающие обстоятельства. Может, я заработал только пять лет каторги, а не десять. Он приходил и расспрашивал меня. Я был привязан в пустой каюте. Вчера он подошел слишком близко — я увидел, что он ослабил бдительность, ударил его, забрал нож, перерезал веревку и удрал. Пять лет бить камни или чистить рыбу у какого-нибудь жирного мерзавца, арендующего заключенных, все равно слишком долго. — Джоссерек рассказал о своем путешествии. — Твои ребята увидели, как я причаливаю, и привели меня сюда.

Касиру выпустил дым и снова кивнул. «Бьюсь об заклад, он уже проверил мой рассказ досконально», — подумал Джоссерек.

— Они бы просто забрали у тебя твое добро и отпустили бы, — сказал Касиру, — но ты заявил им, что ищешь работу в Логовищах.

— А что мне оставалось, мой господин?

Касиру погладил бороду и задумчиво изрек:

— Ножевым Братом стать не так просто, как наемным убийцей в какой-нибудь трущобе. Мы должны, кроме всего прочего, держать былую марку, тут не всякий встречный годится. Арваннет был построен еще до прихода льдов. В дни, когда люди умели летать, когда они, по преданию, летали на Луну (а предания не всегда лгут), в те дни, десять тысяч лет назад, Арваннет, как бы он тогда ни назывался, уже стоял. Тут все освящено временем, все обычаи складывались веками. И в Логовищах тоже. Наше Братство, к примеру, возникло, когда в Рагиде правила Айанская империя. Оно пережило ту империю, переживет и эту, что нынче оседлала наш край. Мы неохотно открываем чужакам свои секреты. Почему нам знать — может, ты шпион другого Братства или имперского наместника, который спит и видит, как бы нас истребить?

— Господин, — слегка усмехнулся Джоссерек, — я человек довольно приметный. Ты бы знал меня, если бы я болтался

в городе. А что до службы Рагиду, то разве я не приплыл на корабле из Киллимарайха?

— Откуда ты тогда знаешь наш язык?

— Ну, в Море Ураганов я и раньше бывал. Несколько лет назад высадился на берег в Мандано, сбежав с корабля по причине личного порядка. Ты, наверно, знаешь, что Винокуренная Гильдия держит там агента, который скупает ром у местных. Он взял меня на работу возчиком. Я прожил там больше года и стал отвечать за весь извоз, вот и пришлось обучиться арваннетскому. Мне всегда легко давались языки. А когда плаваешь между островами Материнского океана, такой талант стоит упражнять. Потом, уже покинув Мандано, я встретил женщину из ваших, она попала в беду и уплыла с одним капитаном в Ичинг, а он ее там бросил; мы жили с ней некоторое время и говорили на ее языке... Ну да ладно. (Все равно это сплошная ложь. Почти все. Языки мне и впрямь даются легко... Но рассказ получился весьма правдоподобным. Надеюсь. Мы с Мулвеном Роа немало над ним потрудились.)

— М-м... А что ты, по-твоему, мог бы делать у нас?

— Да все что угодно. Я был матросом, грузчиком, охотником, рыбаком, рудокопом, полевым рабочим, плотогоном, плотником, каменщиком, пастухом, укротителем, наемным солдатом... — Джоссерек перевел дух.

Это верно, хотя и неполно.

Касиру изучал его. Сгустившуюся тишину внезапно нарушил поток дождя, ударивший в темные окна.

— Посмотрим, — сказал он наконец. — Считай, что ты мой гость... Однако тебе не разрешается покидать этот дом без спроса и сопровождения. Ты понял? Мы поговорим обо всем позже и начнем сегодня же за ужином, который будет через час. Секор, — обратился он к стражнику, — отведи Джоссерека в мою ванную. А ты, Аранно, найди... м-м... Ори и пошли ее туда прислуживать. И пусть кто-нибудь принесет чистую одежду и все, что требуется, в Ламантинову комнату.

— Ты очень добр, мой господин, — сказал Джоссерек.

— Может быть, — хмыкнул Касиру. — Все будет зависеть от тебя.

(Мертвец в Логовищах — всего лишь пища для бродячих собак. Утром, по дороге с причала, я видел голого малыша, играющего на улице. Он катал человеческий череп.)

Секор, сделавшись очень приветливым, повел чужеземца по обшитым дубом коридорам. В ванной уже поднимался пар от двух углублений в полу. Ори оказалась молодой и красивой. Когда Джоссерек погрузился в первую ванну, она скинула соб-

ственный легкий наряд, дочиста отскребла гостя, ловко побрила, сделала ему маникюр и пела, пока он отдыхал во второй, ароматической ванне. Увидев, как подействовали ее заботы на Джоссерека, она не смутилась. Уже много времени прошло с тех пор, как их корабль отплыл из Эфлиса. Когда он вышел и она стала его вытирать, его руки сами нашли дорогу.

— Прошу вас, господин, — шепнула она. — Касиру не понравится, если вы опоздаете. Ночью я буду ждать вас в постели, если хотите.

— Еще бы не хотеть! — Джоссерек посмотрел сверху вниз на ее стройную фигурку, почти детское лицо, обрамленное косами цвета воронова крыла, отпустил ее и медленно спросил: — Ты рабыня?

— Я принадлежу к Сестрам Лилии.

— Что?

— Вы не расслышали, господин?

— Не забывай, я в городе чужой.

— Нас, нашу породу, разводят за красоту... давно уже... всегда. — Ори присела, чтобы вытереть ему ноги. — Я-то бракованная, — смиренно сказала она. — Агент Касиру купил меня по дешевке. Но я постараюсь вам угодить.

Джоссерек скорчил гримасу над ее склоненной головой.

«Пора бы привыкнуть к рабству. Боги свидетели, я достаточно на него насмотрелся. Даже в Киллимарайхе, где хвалятся его отсутствием и своей свободой, не только содержат каторжные команды — от осужденных, в конце концов, тоже должна быть какая-то польза, — но и все порты кишат вербовщиками. — Он вздохнул. — К чему я не могу привыкнуть — так это к тому, как большинство рабов относятся к своему состоянию».

Ламантинова комната оказалась не столь претенциозной, как ее название, — просто на одной из стен когда-то изобразили морскую корову. Здесь было все, что нужно. В шкафу висело несколько туник на выбор, к ним прилагался плащ и пара сандалий.

Джоссерек снял халат, в который закутала его Ори перед выходом из ванной — в Арваннете нагота была под запретом, это еще более напоминало о низком положении девушки, и оделся. Все пришлось ему впору.

— Вы ожидали кого-нибудь моего роста? — засмеялся он.

— Мы иногда принимаем здесь рагидийцев, господин. Или северян. Ох!

Ори в растерянности закрыла рот рукой. Джоссерек промолчал, но его пульс забился сильнее.

В кошельке, прикрепленном к поясу из змеиной кожи, что-то позвякивало. Джоссерек посмотрел: монеты, свинец и бронза, с таинственными надписями паучьей арванџетской вязью. Судя по тому, что он слышал о здешних ценах, он мог бы прожить на эти деньги дней десять, если не слишком шиковать и если бы Касиру выпустил его, конечно. Что это, взятка? Нет, для взятки слишком мало. Это или знак доброй воли, или скрытое оскорбление. Не знаю, что именно. Мулвену следовало бы послать сюда человека, знающего этот народ. Хотя да — такого, который удовлетворял бы всем прочим требованиям, просто не нашлось.

Перед Джоссереком возник образ его начальника, Мулвена Роа, не киллимарайхца, а уроженца острова Ики близ экватора — эти островитяне все черные как смоль, с белоснежными волосами и часто желтоглазые, как Мулвен. Вспомнились разговоры с ним в Ичинге, где в открытые окна лился солёный летний воздух и где красные черепичные крыши круто сбегали с холма к заливу, а там стояли на якоре барки и далеко-далеко в синеве играли два кита...

«Нет, грустить не надо. Ты не можешь себе этого позволить».

Гостеприимный хозяин прислал ему графин вина, сигареты — и с табакком, и с дурманным зельем, а также разные туалетные принадлежности, но ни ножа, ни ножниц, ни бритвы не было. (Ори сказала, что будет брить его сама.) Все шкатулки были деревянные — стекло или обожженная глина могли бы послужить оружием. Девушка, безусловно, ежедневно докладывает хозяину обо всем, что сказал или сделал гость. Джоссерек принимал это как должное. Если Касиру действительно тот, в ком он нуждается, и надежды Джоссерека оправдаются — если цель его поисков будет достигнута в первый же день, тогда Касиру имеет право быть осторожным. Как, впрочем, и сам Джоссерек.

— Изволите пожаловать к столу, господин? — спросила Ори.

— Да, я голоден, как вон та тварь на стенке.

Девушка проводила его до столовой и там оставила с многообещающей улыбкой. Фрески на стенах этой комнаты давно поблекли, и никто не отважился восстановить их. Стены между канделябрами просто завесили расшитыми драпировками. Мозаичный пол с изображениями павлинов и фламинго сохранил свою яркость — лишь в одном месте зияла брешь, замазанная красным раствором, и было выложено чье-то имя. Джоссерек догадался, что это след от побоища, возможно, многовековой давности, в котором погиб главарь Костоломов, и оставлен здесь

в память о нем. Стол, накрытый на три персоны, блистал кружевом, хрусталем, фарфором и серебром. Освещение было ярким, в воздухе веяли вкусные ароматы, слуги бесшумно сновали вокруг — все мужчины, в темных туниках с кинжалами на поясе, безгласные и с каменными лицами. По черным окнам с шорохом струился дождь.

Вошел Касиру. Джоссерек поклонился ему.

— Ну-ну, — сказал арваннетянин. — Оказывается, под твоим диким обличем скрывался совсем другой человек.

— И этот человек чувствует себя намного лучше, господин. Мы будем ужинать втроем?

— Ты же не хочешь, чтобы стража узнала, где ты находишься, Джоссерек Деррэн! Ты мог бы убить, лишь бы помешать этому, верно? И, надеюсь, поймешь, что другой наш гость — высокочтимый гость — требует такой же осторожности.

— Что мне сделать, чтобы ты поверил мне, господин?

— Вот это мы и постараемся выяснить.

Потом вошла она, и кровь запела в Джоссереке.

Она была на ладонь ниже его. В лесах южного Ованга он видел когда-то тигров, которые двигались с такой же грацией. Это крепкое тело определенно знало бег, верховую езду, плавание, охоту, борьбу и, конечно же, любовь. Широко поставленные раскосые глаза над невысокими скулами цветом напоминали зимнее море под солнцем. Падающие до плеч янтарные волосы были столь же безыскусны, как и простая, почти мужская туника. На каждом бедре у нее висело по ножу — один тяжелый, другой легкий. Джоссерек видел, что ими не раз пользовались.

— Дония из рода Хервар на севере, — торжественно произнес Касиру. В Арваннете первым представляли наиболее уважаемую персону. — Джоссерек Деррэн из Киллимарайха.

Она приблизилась, и они раскланялись на арваннетский лад, чуждый им обоим. Киллимарайхцы в знак приветствия кладут правую руку на плечо друг другу. Рогавики — рогавики поступают, как хотят или как принято у них в семье. Говорят, однако, что они предпочитают не прикасаться к другому человеку при первой встрече. Но ее голова оказалась достаточно близко, чтобы Джоссереку почудилось, будто он уловил запах ее кожи, солнечный запах женщины. И увидел на этой коже тонкие морщинки — между желтыми волосами и черными бровями и в уголках глаз. Она, должно быть, на несколько лет старше его, хотя это больше ни в чем не проявляется.

— Касиру немного рассказал мне о тебе. Надеюсь, ты поведаешь больше.

Она говорила на арваннетском с некоторым трудом, хрипловатым контральто. Джоссерек не мог определить, искренен ее интерес или наигран. Рогавики слынут очень скрытным народом.

«Если я ей безразличен, — подумал он, — попытаемся изменить ее отношение. Она определенно то, что я ишу».

Касиру подал знак, слуги отодвинули стулья, и все трое сели за стол. Белое вино, несомненно, охлажденное на леднике, с бульканьем наполнило кубки. Джоссерек поднял свой.

— У нас дома есть обычай. Когда встречаются друзья, кто-то один желает всем благополучия, и все пьют за это. Можно? — Касиру кивнул. — За наше счастье.

Касиру пригубил, но Дония посмотрела Джоссереку в глаза и сказала:

— Я не знаю, друзья мы или нет.

Джоссерек опешил. Касиру хмыкнул. Молчание затянулось, и наконец киллимарайхиец промямлил:

— Надеюсь, что мы все же не враги, моя госпожа.

— И этого я не знаю. Посмотрим. Но... — Она вдруг неожиданно тепло улыбнулась. — Я не хотела сказать ничего дурного. Многие рогавики... как это... выпили бы с тобой. Но в нашем сообществе этот обряд совершается лишь между близкими друзьями.

— Понимаю. И прошу меня извинить.

— Изви?..

— Он хочет сказать, что тоже не замышлял дурного и сожалеет, если задел тебя, — пояснил Касиру.

— Эйя! — промолвила Дония, вглядываясь в Джоссерека через стол. — Откуда у грубого мужчины мягкие манеры?

— Я попал в беду, — ответил тот, — но это не значит, что я неотесанный болван.

— Касиру передал мне то, что ты рассказал ему. Кое-что. Я хочу послушать весь рассказ с самого начала, — легкая морщинка, знак недоумения, прорезала ее лоб. — Не могу понять, как это человек по доброй воле идет туда, где с ним может случиться самое плохое.

— Нельзя же всем быть охотниками или торговать металлом, госпожа моя. Я должен зарабатывать себе на жизнь.

— И ты... моряк, да? Я никогда еще не встречала моряков.

— М-м... моряком я бываю в случае везения. Вообще-то я шалли.

— Кто? — переспросил Касиру.

— Так нас называют в Материнском океане. Это такие люди, лишённые корней, в основном мужчины, которые блуждают

от острова к острову, живут чем придется и нигде не задерживаются надолго. Среди них встречаются никчемные... и опасные: жулики, попрошайки, воры, бандиты, которые могут и убить, если считают, что это сойдет им с рук.

— Не слишком-то учтиво говорить подобные слова в этом доме, — мрачновато усмехнулся Касиру.

Ближайший слуга скользнул поближе.

У Джоссерека вздулись мускулы, но Дония взрывом смеха разрядила обстановку.

— Не обижайся, господин, — опомнился Джоссерек. — У вас в Арваннете все совсем не так... э-э... заведено, как у нас. (Чего ни коснись.)

— Но что же значит «шалли»? — спросила Дония, залпом выпив свое вино.

«Ладно, скажу. Сдается, она не позволит этим недоноскам резать меня».

— Честный бродяга-труженик. — Он почувствовал, что напряжение ослабло, и улыбнулся ей. — Не всегда законопослушный. У бесчисленных народцев Океании слишком много разных дурацких законов, чтобы все их соблюдать. Но у нас имеются свои законы. И мы гордимся тем, что умеем хорошо работать. Не то чтобы мы составляли какое-то общество. У нас есть свой король, свои обряды, каждый год мы собираемся вместе, но учета нам никто не ведет, новичков никуда не посвящают — обходимся без всей этой чепухи. Земля слухом полнится, и все быстро узнают, кто настоящий шалли, а кто нет.

— Отродясь не слыхала на юге ни о чем, что больше бы походило на нашу жизнь, — сказала Дония.

Подали черепаший суп.

Она не кокетничала, не хлопала глазами, поощряя Джоссерека распускать хвост. Ее открыто, неподдельно интересовал его мир. Джоссерека удивило, как много она уже знает о нем. Но свои знания она почерпнула из книг. Он был первым из Людей Моря, с которым она встретилась.

Если он угадал верно, именно ее доверие он должен завоевать. Касиру — только промежуточное звено.

Опасное звено. Его тоже следует обхаживать, ублажать, почитать своим союзником. Особенно потому, что неясно пока, почему Дония гостит у него. Дония на этот вопрос ответила: «Мы старые знакомцы — он и я. Я приехала разузнать, сколько смогу, чего нам ждать теперь, когда Рагид проглотил Арваннет». И больше ничего. На севере немногословие не считается невежеством.

И Джоссерек принялся рассказывать им о своей жизни — опять-таки правдиво, но неполно.

Он родился в Ичингском порту от дочери трактирщика и юноши знатного рода.

— У нас в Киллимарайхе до сих пор существует ограниченная монархия. Верховная власть принадлежит ей, затем Старейшинам — крупным землевладельцам и капиталистам и Советникам, избираемым племенами, хотя сегодня не так уж важно, к какому племени ты принадлежишь, его название просто добавляется к твоему имени.

Родители Джоссерека могли бы пожениться, но отец его лишился наследства из-за коммерческих неудач и вскоре погиб от несчастного случая, подвизавшись работать грузчиком в доках. Джоссерека вырастили мать и дед. Мальчик любил сурового, пронизательного старика, но отчима, который появился позднее, так и не полюбил и потому связался с уличной бандой. Много лет спустя — после каторги, побега, объехав полсвета — Джоссерек навестил родной трактир. Дед к тому времени умер. Джоссерек пробыл там совсем недолго и больше туда не возвращался.

— Разве тебя не разыскивали как беглого каторжника? — спросил Касиру.

— Я оказал услугу одному человеку, и он добился для меня помилования. Но не слишком ли я утомил вас своими похождениями?

— Ты говоришь, как образованный человек — более образованный, чем предполагает твоя история.

— Вы удивились бы, сколько свободного времени остается у солдата удачи — на чтение, на раздумье, на беседы с умными людьми, было бы желание. С такими людьми, как моя госпожа Дония. Я хотел бы послушать ее.

— В другой раз, — сказала она и задумалась. — Завтра. Должно быть, тебе хочется пораньше лечь. А я, — беспокойно пошевелилась она, — снова чувствую себя, как в загоне. Хочу побыть одна. Завтра мы с тобой погуляем вдвоем, Джоссерек Деррэн.

— Погоди... — начал было Касиру.

Она остановила его взглядом.

— Да, вдвоем. — Смысл невысказанных ею слов был ясен: «Я справлюсь с ним. Если будет нужно, убью».

Несмотря на многонедельное воздержание, Джоссерек нашел Ори какой-то пресной. Ей он этого не сказал. Это было бы нечестно. Она старалась, как умела. Все дело в том, что он не представлял себе, возможно ли было вот так же пожалеть Донию.

Глава 5

— Однажды, — сказала женщина из рода Хервар, — я видела Мерцающие Воды, которые вы зовете Материнским океаном. И не могу этого забыть.

— Как? — спросил киллимарайхиец. — Я считал, что вы — полностью сухопутный народ.

Он вспомнил карты, которые изучал. Они были чертовски неточными. Цивилизованный мир мало что знал об Андалине за пределами южной его полосы, заселенной рагидийцами и арваннетянами. На востоке от Свирепого океана до невысоких Идисских гор тянулись Дикие леса. А от них начинались равнины рогавиков, простираясь далеко на запад, за Становую, до самых Тангианских холмов — бескрайняя непаханая степь, лишь на севере ограниченная ледником.

— Мы ездим в чужие края торговать и ставить ловушки, — объяснила Дония. — За Тангианами лежит большое, открытое всем ветрам плоскогорье, на котором могут жить одни зайцы да койоты, а за ним высятся горы, Лунные Твердыни, скованные льдом. Но в них есть перевалы, а в предгорьях на той стороне в изобилии водятся бобер, норка, дикая кошка — и какая там высь, сила, огромность, говорящая тишина! Ночью там больше звезд, чем тьмы.

Джоссерек окинул ее долгим взглядом. Что, она выходит наконец из своей брони?

Они ушли из дома утром, одевшись так, чтобы не привлекать внимания. После имперского вторжения в городе, помимо военных, появилось и много штатских рагидийцев. Джоссерек, в сандалиях на высокой подошве, длиннополом платье, подбранном, чтобы не мешать ходьбе, и с повязанным на шапку платком, скрывающим его стрижку и серьги, мог сойти за купца или чиновника из любого города Империи. Донию выдавали ее светлые волосы, кожа и черты лица, но она, ухмыляясь, предстала перед ним (иначе не скажешь) в прозрачной тунике, многочисленных звенящих браслетах из меди и стекла и бесстыдно накрашенным ртом.

— Некоторые наши девушки, которые знают, что никогда не выйдут замуж, отправляются промыслять в арваннетские поселки вверх по реке, — объяснила она. — Иные добираются и до города, хотя не остаются там надолго. — Она помедлила. — Мы считаем, что это такой же честный промысел, как и любой другой, которым может заниматься безмужняя женщина. А южанам и в голову не приходит, что одинокая женщина может заниматься чем-то еще.

За исключением этого полуоправдания, она почти не говорила о себе. Подчиняясь ее властному выбору, они направились не на юг, к Большой Арене и лучшим кварталам, а в обход центра. Она молчала почти все время, пока они пробирались по скользким шумным улочкам нищих Логовищ, среди Ножевых Братьев и мелких жуликов, живших за их счет и питавших собой их ряды, мимо слепых кирпичных громад.

Воровской квартал обрывался у Драгунского проезда, широкой улицы между Старым бастионом и Домом Совета, где патрули гражданской гвардии поддерживали порядок. Секор и Аранно сопровождали гостей во избежание нападений. Здесь Дония отправила их назад — у себя дома она, не иначе, так командует собаками.

Но как только они с Джоссереком оказались в квартале Пустых Домов, она принялась говорить с охотой, даже с жаром. Расспрашивала Джоссерека о его скитаниях, а потом...

— Да, — сказала она, — я трижды пересекала Лунные Твердыни. Только давно. Четверо мужей, пятеро детей, которые остались жить, большое зимовье... да, наше добро хватает нас за ноги, верно? И сообщество, особенно те люди, что помоложе, постоянно просят у меня помощи и совета. А надо еще навещать дальних друзей, управляться со своей долей торговли металлом, ездить порой на вече, охотиться... Но в тот первый раз мне было шестнадцать, я только год как вышла за Ивена и не имела никаких забот. В нашей ватаге все были молодые. Мы решили, что не будем все лето ставить капканы, а поедем на запад и поглядим, что там есть. Те, кто бывал там до нас, говорили, что страна по ту сторону ледников богата дичью, а жители ее приветливы. Мы взяли с собой подарки, чтобы отблагодарить за гостеприимство — всегда надо брать дары, отправляясь за рубежи наших родовых земель: ножи, стальные иголки, которые делаем сами, бусы, медальоны и дешевый жемчуг из Арваннета, и... как их?... увеличительные стекла из Рагида. Мы определили свой путь по закату и отправились. — Она сжала Джоссереку локоть. Его бросило в жар, и по коже прошли мурашки. — Смотри, вот хорошее место для отдыха.

Промытое дождем небо сияло. По немуплыли редкие облачка. Руины, озаренные солнечным светом, были почти сказочными. Здесь были стены, лишенные крыш, одинокие дымовые трубы, портики, колоннады. Их оплетал плющ; тополь, ежевика, примула проросли на грудах битого камня у их подножий; трава терпеливо трудилась, разлучая один булыжник с другим; лишайник почти совсем разъел памятник забытому герою. Но покрытый зеленью камень радовал глаз мягкими красками, в воз-

духе пахло жасмином, и в тишине заливалась птица-пересмешник.

Дония опустилась на замшелую плиту, упершись подбородком в колени и обхватив руками ноги. В миле от них виднелась сквозь арку черная громада Обители Грез, одного из немногих зданий в этой округе, где еще сохранилась какая-то жизнь. Невдалеке висело гнездо иволги.

Джоссерек присел рядом, стараясь не коснуться спутницы, как ни влекли его к себе эти голые, слегка загорелые ноги.

— Значит, вы дошли до самого океана, — продолжил он. — И что же — с выгодой для себя?

— О да. — Она улыбнулась, глядя прямо перед собой. — Я видела, как разбивается прибой, белый и зеленый. И плавала в нем — холодно, солоно, но нет объятий слаще. Чайки, морские львы, морские выдры. Моллюски, которые мы собирали, — смешные, словно живые орешки. Катание на лодке, тишь и серебро рассвета, страшные киты, проплывавшие мимо. Один заглянул к нам в лодку — может быть, пожелал нам доброго утра.

— Я бы не удивился, — заметил Джоссерек. — В Килли-марайхе открыли, что китовые — киты и дельфины — думают и чувствуют почти как люди.

— Правда?! — восторженно вскрикнула она.

— Так утверждают ученые. Может быть, они... немного пристрастны. Видишь ли, согласно нашей главной религии, все китовое племя священо. Дельфин — это... э-э... воплощение сил жизни, так же как Акула — воплощение сил смерти. Ну, это не так уж важно. Но, думаю, наша мифология все же помогла принять закон об их защите.

— У вас запрещено их убивать?

— Да. Но их мясо, жир, китовый ус настолько ценны, что флоту приходится содержать большой патруль для их охраны. Я...

«Нет. Слишком рано рассказывать ей, как Мулвен Роа нашел меня среди шалли, добился помилования и уговорил пойти служить — сначала в китовый патруль, а потом, когда освоился...»

— ...я дважды видел, как сражается патрульный катер с браконьерами.

— Очень рада, — серьезно сказала она. — Вы осознаете себя частицей жизни. Не знала, что вы такие.

«Если мы шадим китов, дорогая моя, — саркастически подумал Джоссерек, — совесть меньше мучит нас относительно наших собратьев-людей. И на труд заключенных всегда есть спрос. Впрочем, если ты склонна считать меня идеалистом — прекрасно».

— Мы, рогавики, не убиваем дичь на продажу, — продолжала Дония, — это было бы нехорошо. Да и глупо, — трезво добавила она. — Мы живем хорошо потому, что нас мало, а животных много. Если это изменится — нам придется стать пахарями. — Она сплюнула. — Йоу! Я проезжала через распаханые земли Рагида. Они в чем-то еще хуже, чем город.

«Хм. Как видно, идеализм не так уж тебя привлекает, — подумал Джоссерек. — Не знаю. Ты не похожа ни на одну женщину из тех, с которыми я встречался в сутолоке мира».

— Как так? — спросил он. — Я слышал, ваши люди ненавидят толпу. И заметил, как ты сразу оживилась, когда мы пришли в это пустынное место. Но поля, пастбища, плантации?

— Там земля точно в клетке, — сказала она. — В городе тоже плохо, но лучше, чем там. Мы можем недолго потерпеть соседство чужих, пока их вонь не становится поперек горла и не мешает есть. Но не можем — не терпим, когда на нас давят чужие мысли. Крестьяне все такие. Здесь, в городе, почти все друг для друга — только мясо на двух ногах: я для них, они для меня. Это терпимо. — Она потянулась, трянула своими локонами и развеселилась. — А тут, в Пустых Домах, живет покой.

— Госпожа моя, если я тебе надоем, пожалуйста, скажи.

— Ладно. Хорошо, что ты так сказал. — И с полным спокойствием добавила: — Мне, может быть, захочется лечь с тобой.

— Хой? — поперхнулся он и схватил ее, чувствуя бешеное биение пульса.

Она засмеялась и оттолкнула его.

— Не сейчас. Я не уличная девка, для которой любой хорош. Касиру и его приспешники мне противны: пристают к вопросам, пытаются распоряжаться мной, хотят, чтобы я каждый раз обедала за его столом. Моя плоть теряет аппетит еще быстрее, чем желудок.

«Может быть, потом на твоих открытых равнинах, Дония?» Самообладание вернулось к нему. «А пока буду довольствоваться Ори». Это охлаждало. «Почему же ты думаешь, что я, беглый матрос, когда-нибудь окажусь там с тобой? Или ты так не думаешь?»

— Что ж... я все-таки польщен, — только и сказал он.

— Там посмотрим, Джоссерек. Мы только что встретились, и я ничего не знаю о тебе и твоём народе. — Она помолчала с полминуты. — Касиру говорит: у вас только деньги на уме. Не знаю, вправду ли вы защищаете китов.

Джоссерек увидел возможность проявить себя таким же беспристрастным, как и она. И кстати, выставить перед ней себя и свой народ в наиболее выгодном свете.

— Не такие уж мы и жадные, — заговорил он, тщательно подбирая слова. — То есть большинство из нас. Мы — по крайней мере киллимарайхцы — сторонники полной свободы. Пусть каждый живет своей жизнью, держится на плаву или тонет, лишь бы соблюдал при этом не слишком строгие законы. Тем, кто неспособен продержаться, приходится тяжело, это так. А вы, северяне, как поступаете со своими неудачниками?

— Почти все они гибнут, — пожалла плечами Дония. — Но прав ли Касиру? Он говорит, что Люди Моря сердиты на Империю из-за... из-за тар... как это называется?

— Из-за тарифа? Что ж, частично это верно. Арваннет никогда не требовал высоких пошлин за ввоз товаров. Нашим компаниям, разумеется, не по нраву жесткий налог, установленный Империей. И конкуренция, возникшая на юге Залива. Но это их заботы. Никто из нас за них сражаться не станет.

— Тогда почему ты... — И она осеклась.

— А ты почему здесь? — задал он встречный вопрос. Она молчала, глядя в сторону. Свет потоками лился с неба. Пересмешник счастливо заливался. — Я пообещал не любопытствовать, — сказал он, — но не мог не спросить.

— Это не секрет, — ровно ответила она. — Я уже говорила вчера. Ходят слухи, что Империя пойдет на рогавиков из Арваннета. У Касиру есть шпионы повсюду. Он говорит, что это правда. Я приехала посмотреть своими глазами, чтобы потом рассказать нашим. Не столько о том, собираются ли они идти войной, сколько о том, каково им воюется теперь под новыми командирами. В последний раз они послали на север из долины Кадрахада в основном пехотные войска. Мы разбили их, как всегда. Бароммская кавалерия доставила нам тогда немало хлопот, но на лёссовых равнинах слишком мало воды и корма. Мы нападали во время песчаных бурь... Долина Становой — другое дело. И армия теперь не та, что раньше. — Она вздохнула. — Я почти ничего не узнала. В Арваннете больше нет настоящих солдат. Они не понимают, не могут оценить той силы, что захлестнула их. Все рагидийцы, знакомые мне, как и те, что приходят за взяткой к Касиру, безмозглые и послушные, как волю. А бароммцев где же взять?

— Ты опасешься, что они способны вас победить?

— Никогда, — надменно выпрямилась она. — Пойдем-ка дальше... Но мы можем потерять больше людей, чем надо.

Джоссерек шагал рядом. На некогда оживленной улице жужжали жуки, шелестела трава.

— Как ты познакомилась с Касиру, если не секрет?

— Мы встретились несколько лет назад. Тогда я тоже приехала в город. Не уличным промыслом заниматься, — уточнила

она. — Договориться кое о чем. Гильдия Металлов хотела расширить торговлю с нами. И нужно было встретиться с другими Гильдиями тоже, поскольку те торгуют нужным нам товаром. Конечно, никто не может говорить от имени всех северян. Но мы, несколько человек, подумали, что не помешает узнать, чего хотят купцы, и потом рассказать об этом дома. И отправились сюда. С купцами мы часто встречались поодиночке. А они в то время все были связаны с Логовищами. Через одного — Понсаро эн-Острала — я и узнала Касиру. С Понсаро мне оказалось не о чем говорить. Он хотел, чтобы мы продавали ему мясо и шкуры или хотя бы побольше мехов, но мы бы никогда не пошли на это. А с Касиру у нас нашлось много общего.

«Не потому ли, что вы оба хищники? — подумал Джоссерек. И устыдился. — Нет, ты не хищница, Дония. Ты не охотишься на человека. Насколько я мог узнать, рогавики никогда не совершают набегов, а воюют, только если на них нападут, и то лишь до тех пор, пока не изгонят врага из своих пределов... Неужели это правда? Возможна ли такая простота нравов?»

— Он бывает... может быть... — подыскивала она слова, — занимательным. Интересным.

— Но он живет вне закона, — заметил Джоссерек не столько ради назидания, сколько желая испытать ее. — Он берет, но ничего не дает.

— Об этом пусть заботится город, — снова пожала плечами Дония. И окинула его ясным взглядом. — Если тебе это не по душе, зачем ты тогда пришел к нему?

— А разве у меня был выбор? — И он быстро добавил, желая оправдаться: — Впрочем, я преувеличиваю. Братства тоже участвуют в жизни города. Они управляют преступностью, держат ее в берегах.

— По мне, ониобирают меньше, чем любая власть, и, как ты сказал, приносят кое-какую пользу.

Джоссерек подозревал, что она высказывает итоги своих самых серьезных размышлений, хотя говорит так бесстрастно, словно натуралист, обсуждающий жизнь муравьев.

— Во всяком случае, — продолжал он, — я слышал, что они тайно союзничали с Гильдиями, когда мудрецы и помещики старались тех подавить. Братства в случае нужды могли выставить крепких ребят, из них набирали соглядатаев, взломщиков, смутьянов. В былом застойном обществе выгодно было вкладывать капитал в незаконные дела, законный же промысел охотно принимал воровские деньги. Теперь не то. Бароммско-рагидийская Империя придавила своим сапогом мудрецов и помещиков, а преступному миру объявила войну. Купцов же она поощряет.

И Гильдиям больше не нужны Братства. Поэтому Братства ищут себе новых союзников.

— Например, Людей Моря? — тихо спросила Дония. И, не услышав ответа, сказала: — Сегодня я не буду больше говорить об этом.

«Она поняла все так, как я не смел и надеяться, — запело в нем. — Получше Касиру. Вот тебе и варварка!»

Он ясно представил себе свое положение — более четко и подробно, чем карту ее севера. Тот человек из Логовищ — его можно было понять, но Джоссерек его проклинал — очень уклончиво и осторожно говорил в прошлом году с киллимарайхским капитаном, пришедшим в Новый Кип. Впрочем, откуда ему было знать, передадут ли его слова, и если передадут, то кому? Ни консульств, ни резидентов Людей Моря в этой стране нет. Шкипер мог донести на него имперским властям и получить награду. Скорее всего такие шептуны подсылались ко многим капитанам — тот капитан просто служил раньше в военном флоте, вот и передал услышанное по радио в службу разведки.

Лазутчик из Арваннета не уточнил даже, к которому из Братств принадлежит. Намекал он на многое, но ничего не обещал. Возможно, мол, наладить связь с северянами — в их руках главные андалинские залежи металла, и они не просто дикие степняки, недаром они из века в век уничтожают каждое войско, желающее захватить их охотничьи угодья. Северяне, сами оказавшись под угрозой, могут пригодиться Людям Моря, у которых свои счеты с нежелательно воспрянувшей Империей — кое-какие Братства будут рады обсудить, как установить такую связь — не с первыми встречными варварами и не на родине у тех, а с избранными их вождями прямо в городе, если, разумеется, получат что-то взамен...

«Нет, так дело не пойдет, — решил Мулвен Роа. — Эта воровская братия мыслит, как и все прочие арваннетяне и большинство рагидийцев, категориями поколений. Десять лет переговоров — для них все равно что миг. А вот бароммцы не станут выжидать всю жизнь, да и десять лет тоже, перед тем как нанести следующий удар. Придется действовать быстро, хотя и в потемках, иначе мы упустим свой единственный шанс. — И усмехнулся. — Пошлем к ним, кого не жалко».

С Риджелом Гэрлохом договорились быстро — в военно-морской разведке времени не теряли. Джоссерек не слишком его повредил. Гэрлох единственный на «Сконнаморе» знал, в чем дело, — если только Мулвен не переговорил и с теми тремя икийцами, своими земляками. Чем меньше народу знает, тем меньше вероятность, что тебя кто-нибудь выдаст, накутившись дурманного зелья в веселом доме.

Но и Джоссерек знал немногим больше. Он не осмеливался выдать цель своей миссии первому же главарю шайки, которого встретил. Да и тот не мог бы так быстро довериться ему. Все, что могли они оба, — это прощупывать друг друга. Джоссерек, например, при более близком знакомстве с Касиру и особенно с Донией стал изъясняться языком, едва ли подходившим простому матросу. И они, в свою очередь, если только были теми, кого он жаждал увидеть, изучали его и подавали ему знаки.

Спешить некуда. Джоссерек отвел себе месяц или два на поиски тех, кого мечтал найти. А похоже, ему понадобится всего несколько дней. Можно успокоиться и насладиться этой прогулкой.

Дония, как будто ей передалось его настроение, сказала:

— Будем наслаждаться тем, что есть сейчас.

Так они и сделали.

В Пустых Домах было много странных, чарующих, трогательных мест. Они набрали даже на огород, разбитый на былом стадионе, и хотели поболтать с его хозяевами, но те держались слишком робко. По северному рукаву Королевского канала они вернулись в населенную часть города. Тот квартал принадлежал церкви — сплошные монастыри, соборы, гробницы, медленно ступающие монахи и монашки; здесь не было слышно хриплых воплей торговцев и попрошайек, раздражавших Донию. Потом они дошли до Дворцового рва и двинулись вдоль него, пока не устали от архитектурных красот, а тогда повернули к хитросплетенным дорожкам, загадочным древесным фигурам и символическим клумбам Эльзийских садов. На озере Нарму они наняли челнок. Цена была непомерная, зато помогала уберечь воду от загрязнения. Под арками Патрицианского моста они съели очень поздний завтрак, купив с тележек паровую плотву и печеный ямс, а в кабачке, притулившемся в одном из входов Большой Арены (где уже более сотни лет не было представлений), нашли холодное пиво.

Прошел час, прежде чем Джоссерек оценил, как приятно с Донией молчать. Киллимарайханка на ее месте болтала бы без умолку, женщина другой народности не стала бы гулять с ним целый день, а если бы и стала, то вообразила бы, что он за ней ухаживает. Дония теперь почти не говорила о себе, не расспрашивала его, не обсуждала то, что видела вокруг. И Джоссереку уже не казалось, что она, несмотря на то полупредложение, которое сделала ему раньше, старается как-то завоевать его. Сначала она, как видно, хотела разобраться в нем вне стесняющего ее, слишком людного жилища Касиру. А теперь просто предавалась досугу.

Под конец им пришлось ускорить шаг. Солнце садилось, на улицы ложилась темень, Логовища становились небезопасны для привлекательной женщины и безоружного мужчины, явно имеющих при себе деньги. Днем они могли показать знаки, которые дал им Касиру в доказательство того, что они находятся под защитой Братства Костоломов. В темноте, когда грабителей невозможно рассмотреть, это было бы бесполезно.

Фонтанная улица служила границей Логовищ: на южной стороне — дома горожан и лавки, владельцы которых на ночь баррикадировали двери, на северной — кирпичные джунгли. Джоссерек с Донией пошли по Пеликанскому переулку, выходявшему на Фонтанную площадь, но остановились, не дойдя до конца. Вся площадь была заполнена верховыми.

— Бароммцы, — тихо проговорила Дония.

Джоссерек коротко кивнул. Лошади были рослые, всадники — маленькие и коренастые, меднокожие, с черными волосами, подстриженными на рагидийский манер, но с редкими бородками горцев. На них были сапоги со шпорами, кожаные штаны, колеты и нарукавники из бычьей шкуры поверх грубых синих рубах, остроконечные стальные шлемы. У седел висели маленькие круглые щиты с эмблемой полка, и у одних — топоры, а у других — луки и стрелы. Каждый солдат носил саблю, а в руке держал пику. Ветер доносил запах конского пота и цоканье копыт по булыжному. Всадников насчитывалось два десятка.

— Что это? — шепнул Джоссерек, припав к уху Донии. Ее волосы пощекотали его, и у него учащенно забилося сердце.

— Не знаю. Облава? Касиру говорит, ее устраивают каждый раз, как наместник узнает, где скрываются видные Ножевые Братья.

— М-м. Как ты думаешь, не удрать ли нам?

— А куда мы пойдем? По новым правилам, содержатели гостиниц обязаны сообщать о чужестранцах, у которых нет разрешения на въезд. Те же, которые не сообщают, скорее всего намерены перерезать тебе горло и забрать твой кошелек, меня же... — Она сердито заворчала.

Джоссерек понял, что она прибыла сюда нелегально. Касиру устроил ей въезд, когда она сообщила, что едет. Но теперь это уже неважно. Они повернули назад и перешли улицу в укромном месте. На ней еще наблюдалось какое-то движение: мулы тащили повозку, спешили редкие прохожие; в Логовищах же было безлюдно. Все попрятались по своим берлогам. Почти как в Пустых Домах — здешние места были, правда, не столь разрушены, но куда безобразнее: завалены мусором и отбросами, с лавиной бродячих кошек и собак.

В сумерках звучало эхо. Вечерняя прохлада смягчала злово-
ние.

Дом Касиру, возвышаясь над соседними, примыкавшими к нему с двух сторон, чернел в своем глухом закоулке.

— Пришли, — воскликнул Джоссерек, устремляясь вперед. И только тогда рассмотрел в сумерках, что дверь выломана.

Раздался крик. Из дома выскочили люди. Из двух соседних тоже. Блеснули обнаженные клинки.

— Ни с места!

«Значит, они, не найдя нас тут, устроили засаду». Топот сапог по мостовой. Сильная рука смыкается вокруг запястья. Лицо бароммца.

Джоссерек выдернул руку и двинул коленом вверх. Солдат взвыл от боли, отшатнулся, выронил меч. Джоссерек крутнулся, присев при этом. Над головой свистнула пуля. «Живыми братья, огузки!» — заорал кто-то по-хаамандурски. Тем лучше, мелькнуло в голове у Джоссерекка. Краем глаза он поймал Донию, прижатую к стене. Ей уже не уйти. Ничего. Этим кавалеристам не ведомы подлые приемы пешей драки. Хрустнула кость, брызнула кровь из-под ребра его руки, которой он рубанул по чей-то шее. И Джоссерек, у которого ноги были подлиннее, чем у бароммцев, нырнул в лабиринт темных переулков. Позади запел рожок — вызывают взвод с Фонтанной площади. Шалишь, опоздали.

Только где ж теперь укрыться шпиону Людей Моря?

Глава 6

— Нет, девять дьяволов его возьми, Касиру не было дома, когда пришли мои люди, — прорычал Сидир.

— Или же у него был подземный ход, только ему известный, — предположил Понсарิโอ. — Говорят, у каждой лисы в норе есть и вход и выход. А у этого лиса много нор. Боюсь, ваши псы не скоро нападут на его след.

Сидир покосился на толстого плосколицего купца.

— Почему ты мне раньше ничего не говорил о Касиру?

Понсарิโอ поерзал на стуле, сложил руки на животе, обвел взором Лунную палату. Она была по-утреннему яркой, дымящийся кофе испускал восхитительный аромат, в открытые окна лился теплый воздух и веселый уличный шум. Но меднолицый человек стоял перед ним, держа руку на кинжале.

— Вас, воевода, обременяет тысяча разных дел. По вашему повелению я, как и мои сотоварищи, извещал вас о наиболее

опасных для вас Братствах, вроде Потрошителей с их школой убийц. Мы делали это, когда сами получали нужные сведения, мой господин, то есть редко. Логовища хранят свои тайны, особенно теперь, когда Гильдии стали от них отдаляться. Неужели мы стали бы беспокоить вас всеми слухами, которые еще до нас доходят? — Взгляд Понсарио приобрел остроту. — Мне кажется, ваш досточтимый собрат, Глас Империи, наложил вето на предложение очистить Логовища целиком. От этого не только пострадало бы множество невинных людей, но это и принесло бы больше вреда, чем пользы. Крутые перемены нельзя произвести за одну ночь. Уверен, что воевода с этим тоже согласен.

Сидир хмыкнул:

— И потом, вы, купцы, всегда норовите оставить кое-что про запас.

— М-м... могу ли я здесь почтительно напомнить, что, только оставаясь на свободе, Касиру имел возможность принимать у себя зарубежных агентов, которых вам иначе пришлось бы долго разыскивать и ловить. Вы взяли их, не так ли?

— Только женщину. Северянку. Киллимарайхец, с которым она была, ушел.

— Они в самом деле принадлежат к этим народам, мой господин?

— Да. Северянку ни с кем не спутаешь, а домочадцы Касиру, которых нам удалось схватить, подтвердили, что мужчина — киллимарайхец. Он заявлял, будто он беглый матрос, но Касиру интересовался им больше, чем следовало бы. Женщина же, без сомнения, приехала шпионить за нами.

Понсарио отхлебнул свой кофе, испытывая явное облегчение от того, что разговор не касается больше его провинностей.

— По-моему, мой господин, Касиру здесь ограничивался ролью посредника, для себя извлекая из этого некую выгоду. Скорее всего он запросил бы непомерный куш за оказанные услуги. Ну чего они могли бы добиться? Одиноким киллимарайхец — его, конечно, стоит взять, чтобы выяснить планы его начальников, но очень может статься, что его послали просто разнюхать. А северянку даже шпионкой не назовешь.

— Почему?

— На кого же она шпионит, мой господин? — поднял брови Понсарио. — Как вам известно, в той стране никогда даже не пахло правительством. Несколько обеспокоенных матерей рода, главенствующих лишь в своих семьях, решили, что кому-то надо поехать и разузнать о ваших намерениях. Это самое большее. У рогавиков нет государства, нет племен, нет кадровых военных, нет воинов, которые обучались бы своему ремеслу в набегах и междоусобицах — говорят, нет у них также ни

закона, ни обычаев, ни обязательств, принуждающих кого-либо к чему-либо...

— Однако же, — оборвал его Сидир, — они испокон веку не допускают на свою территорию цивилизованных земледельцев и уничтожают каждую армию, посылаемую отомстить за перебитых ими поселенцев. Откуда у них такая сила? Я вызвал тебя сегодня, Понсарио, чтобы частично выяснить, где может быть Касиру и как он поступит дальше, а частично — чтобы узнать, чего нам ожидать от той, которую мы взяли.

Купец осклабился:

— Торговцы и мирные путешественники, побывавшие в северных землях, говорят, что с их женщинами ни одни не сравнятся. — И продолжил, уже серьезно: — Но только когда они сами захотят. В плену они всегда отчаянно опасны. Или впадают в буйство и начинают убивать, или выжидают случая учинить какую-нибудь предательскую каверзу — по возможности тоже смертельную, даже ценой своей собственной жизни.

— Да, я слышал. Эта двуногая кошка дралась как бешеная, пока ее не усмирили. Но потом, говорят, успокоилась.

— Почему воевода спрашивает о северянах меня? Разве он не приобрел собственного богатого опыта во время последнего вторжения, десять или одиннадцать лет назад?

— Нет. Тот поход был только частью большой кампании, имевшей целью завоевать пахотные земли и пастбища для Рагида. Мы ходили еще и на северо-запад, в Тунву. — Сидир уставился в пространство. — Тамошние жители в чем-то похожи на бароммцев — это земледельцы и пастухи, разбросанные по плоскогорью, вполне пригодному для обработки; воинственный народ, достаточно обучившийся имперской военной науке, чтобы противостоять Империи на протяжении многих веков. Однако ранее они были вассалами Айанской империи, и мы возобновили старый договор. Я командовал там бригадой. Никогда не встречал более стойких бойцов.

— Однако же вы победили их, верно?

— Да. Это послужило нам утешением после неудачи с рогавиками. И способствовало моей последующей карьере. — Сидир вздохнул. — Я собрал все сведения о рогавиках, какие только мог и насколько время позволяло. Но я не чувствую нутром, какие они.

— Я и сам, мой господин, мало имел с ними дела, — признался Понсарио. — Они привозят меха в фактории моей Гильдии в обмен на ткани. Гильдия Металлов ведет с ними куда более крупную торговлю. Так что у меня о них самые общие понятия. Живут они на большом расстоянии друг от друга, в основном охотой, летом кочуют за дикими стадами, зимой сидят

в своих домах, если только не отправляются странствовать куда-нибудь за сотни миль. У большинства замужних женщин двое, трое и больше мужей. Незамужние, похоже, вольны заниматься чем угодно. Рогавики говорят, что между собой никогда не воюют, и почетом у них пользуются искусные охотники или ремесленники, а не воины. Не слышал я также, чтобы у них случались убийства или грабежи, хотя это бесспорно иногда случается — наши люди утверждают, что какие-то изгои у них все же есть. Рогавики уважают земельные права своих соседей — и цивилизованных, и первобытных. Когда же кто-то вторгается на их земли, они дерутся свирепо, как росوماхи. А прогнав захватчиков, проявляют готовность возобновить с ними дружеские отношения, точно не помнят зла, несмотря на все, что претерпели. — Понсарио поставил на стол пустую чашку. — Понять их до конца просто невозможно. Они проявляют гостеприимство к тем чужестранцам, которых считают безвредными, но бывавшие там говорят, что они никогда не открываются полностью. Может, им и нечего скрывать. Церемоний они почти никаких не соблюдают. Их женщины иногда спят с пришельцами, но ведут себя при этом скорее как самки норок или демоны, чем как человеческие существа.

— Это все, что ты можешь сказать?

— В общем и целом да, мой господин.

— Здесь нет ничего такого, чего бы я не слышал раньше. Ты попусту тратишь мое время. Уходи. Пришлешь мне письменный рапорт о Касиру и Братстве Костоломов — все, что тебе известно, — и не столь многословный, как все твои речи.

Понсарио откланялся и церемонно удалился. Сидир некоторое время сидел, терзаемый нетерпением. Сколько еще предстоит сделать! Утвердить, укрепить, обезопасить цивилизацию, обеспечив тем будущее клана Халифа, и прежде всего потомков своего отца, завоевать ради этого полконтинента. А много ли людей, на верность и здравый ум которых он может положиться?

Несколько сотен бароммских сержантов с дубленой шкурой и лужеными глотками. И лучшие офицеры... Одной Ведьме известно, как давно я уже не собирал друзей на ночную пирушку. Пить, пока головы не пойдут кругом; хвастать, вспоминать былое, распевать непотребные песни; вдоволь девушек и вдоволь еды, которую они подают; борьба, азартные игры, пляска в кругу под барабан с топотом, похожим на гром копыт; дружелюбие, дружелюбие.

Он отогнал от себя это желание. Командующему армией Рагида не подобает созывать подчиненных на оргию, как и

самому принимать подобные приглашения. Лишь там, дома, под сенью высоких вулканов...

А пока... Призыв к действию запел в Сидире, как струна. Он встал и быстро вышел, стуча сапогами. Часовые у дверей в знак приветствия ударили по нагрудным панцирям.

Коридор был длинный, сводчатый, выложенный полированным гранитом и малахитом, слабо освещенный газом. В конце его находилась винтовая лестница. Внезапно Сидир вздрогнул и остановился. Навстречу шел Юруссун Сот-Зора.

Рагидиец, особенно высокий в своем длинном одеянии, остановился тоже. На протяжении нескольких ударов сердца оба молчали.

— Приветствую воеводу.

— Приветствую Глас Империи.

— Позвольте мне лично принести вам свои извинения, — неловко заговорил Сидир. — Я собирался сделать это позже, извинения, которые вчера передал вам мой адъютант, за то, что я не смог пообедать с вами, как мы собирались. Возникла одна задача и оказалась потруднее, чем я ожидал.

Очки Юруссуну отражали свет газового рожка так, что на бароммца смотрели два огонька.

— Понятно, понятно. Ценю вашу учтивость. Вы и сейчас заняты упомянутым делом?

— Да. Вы тоже изволите интересоваться им? Прошу прощения, что не посвятил вас. Но это обычная военная рутина. Не имеет никакого отношения к гражданской власти, если не считать взятия нескольких преступников. — (А я еще в Наисе договорился, что полицейские функции возьмет на себя армия.)

— Вы рассудили здраво. Хотя, простите, не совсем верно. Узнав о вашей пленнице — из болтовни слуг, я посетил ее и как раз шел к вам.

— Она шпионка или скорее разведчица варваров. Ничего более. Что вам за дело до нее? — Сидир осекся, сообразив, что Глас Империи может с полным основанием обидеться на его резкость.

Но Юруссун продолжал все так же невозмутимо:

— Вижу, вы содержите ее в хороших условиях. Каковы ваши планы на ее счет?

— Держать в заключении и дальше, — вспыхнул Сидир.

— Она... хороша. Но вы ведь можете выбирать среди самых красивых девушек. И выбираете. Зачем вам это небезопасное создание?

— Я не собираюсь спать с ней, клянусь предками! Хотя ради знакомства, может, и стоило бы. Я еще не сталкивался с этим

народом, который мне приказано покорить. Сближение хотя бы с одной его представительницей может быть очень полезно.

— С рогавиками сближаться нельзя, воевода.

— Я слышал. Но насколько они непроницаемы? Каково с ними общаться? Эта пленница, нуждающаяся в нашем добром отношении, может дать мне больше, чем дали беседы с многими торговцами и странниками.

Юруссун стоял перед ним, опираясь на посох.

— Может, вы и узнаете, что хотите, воевода, но себе на беду, — сказал он наконец. — И на беду тем, кто пойдет за вами.

— Меня предупреждали, что в плену они часто буйствуют, — хмыкнул Сидир. — Не думаете ли вы, что, с часовым у входа, испугаюсь женщины?

— Может быть, и нет. Но может быть и хуже. — Юруссун взглянул вдоль коридора. Все двери были закрыты. Давно прошли те времена, когда дворец заполняла многочисленная челядь. Здесь они были в большем уединении, чем в Лунной палате или даже в Колдовской келье.

— Выслушайте меня, молю вас. — Качнув белой бородой, Юруссун склонился пониже, говоря тихо и серьезно. — Когда я был молод, я побывал далеко на севере. Один имперский маркиз послал туда посольство, при котором я был писцом. Границу его владений постоянно нарушал домашний скот с юга и дикий с севера, чиня ему ущерб; жители пограничья убивали чужих животных, и обе стороны терпели убытки. Нам удалось достичь соглашения. Границу постановили обозначить межевыми столбами, и время от времени рагидийцы с рогавиками должны были встречаться в условленных местах и предъявлять хвосты убитой живности. Тем, у кого их оказывалось меньше, выплачивалась разница — от них металлом, от нас деньгами, согласно правилу, что бродячий скот причиняет больше вреда, чем стоит сам. Соглашение, насколько я знаю, оправдало себя и даже было возобновлено после нашего последнего неудачного вторжения. Но суть дела в том, воевода, что не существовало ни князя, ни вождя, ни Совета, который мог бы вести переговоры от имени того рода. Нам пришлось затратить несколько месяцев — зимних месяцев, когда они более или менее оседлы — на разъезды от зимовья к зимовью и на уговоры каждой семьи в отдельности. И потому-то я считаю, что узнал северян лучше, чем большинство чужеземцев.

Сидир ждал. Раньше он почти ничего не слышал об этом.

— Их женщины часто испытывали к нам любопытство, — по-стариковски бесстрастно продолжал Юруссун. — И дерзко

предлагались нам. Некоторые сопровождали нас в пути, показывая дорогу к следующему зимовью.

— Я слышал байки торговцев, — презрительно процедил Сидир. — Говорят, что северянки — колдуны, феи, не превзойденные в женском естестве. Говорят, их женщина может бесконечно удовлетворять любого мужчину, не пресыщая его, но он платит за это тем, что становится ее безвольным рабом, которому в жизни ничего, кроме нее, не надо. Сказки! Конское дерьмо! Почему же агенты, живущие в факториях на реке, не поддаются их чарам?

— Думаю, потому, что короткая связь оставляет лишь сладкое, будоражащее кровь воспоминание. И думаю, что такие поверья о северянках слагаются еще и потому, что те не менее независимы, чем мужчины, не менее самостоятельны и опасны. Мужчины, со своей стороны, ни в чем им не уступают. И все же... все же... знаете ли вы, что туземцы из Диких лесов, имеющие кое-какие дела с восточными рогавиками, считают жителей равнин обоего пола чем-то вроде эльфов? Я могу их понять, и южные поверья мне тоже понятны, и я спрашиваю себя, можно ли называть их сказками, ибо я знал Брюсу из Старрока неполный месяц и вот уже полвека не могу от нее освободиться.

Юруссун умолк. Сидир стоял перед ним в изумлении. Старик не только раскрылся перед ним совершенно неподобающим ученику Толы образом — Сидиру было известно, что благородные рагидийцы почти никогда не влюбляются, как свойственно это их крестьянам или бароммцам: в слишком угнетенном состоянии держат они своих женщин.

Возможно, поэтому совершенно вольная, неукротенная женщина произвела на него втройне сильное впечатление.

— Я... э-э... обещаю не злоупотреблять вашим доверием, — произнес наконец Сидир.

— Я очень неохотно поступился ради вас своей гордостью, — промолвил Юруссун, — хотя и знаю, что юноша, носивший мое имя, давно умер. — И резко добавил: — Остерегайтесь. Я предпочел бы, чтобы вы приказали убить эту пленницу, или отпустили бы ее, или еще как-то от нее избавились. А не хотите, то хотя бы будьте настороже — всегда настороже. Если почувствуете, что поддаетесь чарам, скажите мне, чтобы я убедил вас разорвать их, пока не поздно.

Рука Юруссунa, сжимавшая посох, дрожала. Без дальнейших церемоний он прошел мимо Сидира и зашаркал по коридору, удаляясь.

Сидир в нерешимости помедлил. Правда ли то, что он услышал?

Ха! Готов признать, что северянки в постели лучше прочих. Вооружившись скептицизмом, Сидир продолжил свой путь. Ступени, ведущие в Воронью башню, стерлись посередине. В светильниках на холодных стенах оплывали свечи. Эхо перекачивалось, как смех.

Но помещение наверху было большим, удобным и хорошо содержалось.

На площадке дежурили четверо копеечников. Все рагидийцы — держать здесь отборную бароммскую гвардию не было смысла — высокие и статные в своих синих штанах и мундирах, в сапогах, пригодных только для маршировки, в кожаных кирасах с медными полосами и в круглых касках с эмалевой эмблемой полка. Они щегольски отдали Сидиру честь. Он почувствовал прилив гордости, изгнавший последние легкие колебания. Пока бароммцы не взяли власть, солдат в Рагиде опасались пуще гремучих змей, и они того заслуживали, будучи чем-то вроде разбойников, промышлявших на обломках своей же нации. Над этими образованная публика тоже, возможно, издевается, но они — передовой оплот цивилизации.

Он прошел мимо них и прикрыл за собой дверь.

Дония встретила его стоя. Он приказал дать ей платье, чтобы она могла сменить свой наряд уличной девки, и в ее комнатах имелась ванная. На правой ее щеке алела глубокая царапина, на запястье виднелся след сабельного удара, и Сидир знал, что ее избивали, пока не подоспел кавалерийский взвод и не связал ее. По ней этого не было заметно. Солнечный луч, падавший в стрельчатое окно, зажег бледным золотом ее свежерасчесанные волосы и подчеркнул плавные округлые линии ее тела под черным шелком.

Сидиру подумалось: если Юруссун, придя поглядеть на нее, вновь увидел перед собой ту пуму, что не досталась ему в прошлом, — не диво, что он так потрясен.

Сам он прошлой ночью едва взглянул на нее — растрепанную, всю в грязи, оглушенную ударами. Допрашивать ее было бы бесполезно. Кроме того, он сразу угадал, что она может ему пригодиться. Он приказал поместить ее в приличные условия и хорошо с ней обращаться, а сам вернулся, чтобы присутствовать при допросе слуг и Ножевых Братьев, взятых ранее.

Теперь же, когда от нее веяло жизнью...

Сидир взял себя в руки.

— Приветствую вас, госпожа моя, — сказал он и назвал свое имя и звание. — Мне сказали, что вас именуют Донией из Хервара.

Она кивнула.

— Удобно ли вам здесь? — продолжал он. — Есть ли у вас все, что нужно? — Он улыбнулся. — За исключением свободы, конечно.

Ее веселость озадачила его.

— Честно сказано, — усмехнулась она.

— Скоро вам вернут и свободу, госпожа, если вы...

Она подняла ладонь:

— Хватит. Не порти дела сладкими речами. Да, мне нужно еще кое-что. Здесь скучно, если только не смотреть на город и на птиц. Пришли мне что-нибудь, чем можно себя занять.

— Что же?

— Если не побоишься дать мне гравировальные резцы, я могу украсить тиснением твое седло. Я играю на тано, а если у вас нет наших ин... инструментов, попробую научиться играть на вашем. Не думаю, что у вас есть рогавикские книги, но я могу разобраться и в арваннетских, если кто-нибудь покажет мне буквы.

— У рогавиков есть книги? — спросил Сидир, не веря своим ушам.

— Да. А пока что, Сидир из Рагида, можешь присесть и поговорить со мной. — И Дония села на кушетку, поджав ноги. Сидир взял стул.

— За этим я и пришел. Пойми, я очень сожалею о грубом обращении, которому ты подверглась. Но ведь ты была в гостях у главаря бандитов вместе с чужеземным шпионом. Ты оказывала сопротивление при аресте, и думаю, что двое моих людей сохранят твои отметины до могилы.

— Одному я чуть не вырвала глаз, — сказала Дония то ли с радостью, то ли с сожалением.

— Вот видишь, ты не оставила нам выбора, — подхватил Сидир. — Надеюсь, сегодня будет по-иному.

— Каким образом? Я знаю о Джоссереке не больше того, что тебе уже, должно быть, известно. Хайа, с ним было приятно гулять. Но он говорил, что он матрос, попавший в беду, и больше ничего. Может, потом сказал бы больше, если б вы не потопились.

— Тогда ты передала бы мне его слова?

— Нет, — невозмутимо ответила она. — Ты мой враг.

— Ты в этом уверена?

— Разве ты не собираешься идти войной на мою землю?

— Может быть. Железо горячо, но его еще не куят. Вот почему мне так надо поговорить с вождями рогавиков. Ты первая, кого я встретил, Дония.

— Я не вождь. У нас нет их, в том смысле, как ты понимаешь.

— Но поговорить мы можем, не так ли? Хотя бы как уважающие друг друга враги, если уж нельзя иначе.

— Врага нельзя уважать, — скривилась она.

— Отчего же? Противники могут ценить друг друга, желать, чтобы им не пришлось сражаться, а если уж до этого дошло, соблюдать определенные правила...

— Если не хотите сражаться с нами, оставайтесь дома, — отрезала она. — Разве не ясно?

— У Империи есть нужды, которым она повинуетя. Но она может дать вам много больше, чем возьмет от вас: безопасность, торговлю, культуру, знание, прогресс — перед вами откроется весь мир.

— Я видела у вас домашний скот. Ему тоже неплохо живется.

— Я не вол, — рявкнул задетый Сидир.

— Не-ет. — Она изучающе оглядела его, полузакрыв глаза и приложив палец к подбородку. — Я и не хотела сказать, что ты вол. Я у себя дома держу собак.

— А я держу здесь тебя! Нет, это я зря. Прости. Давай начнем снова. Мне нужно от тебя далеко не только то, что ты знаешь о киллимарайхце. Я хочу знать все о вашем народе, о вашей стране, о вашем житье, желаниях, мечтах. Как иначе я смогу иметь с вами дело? А иметь дело с рогавиками мне придется, как ни повернись. Ты можешь помочь мне узнать все это, Дония.

— Так ты непустишь меня?

— Со временем отпущу. А пока... Ты ведь приехала изучать нас, верно? Я тоже могу помочь тебе в этом, чтобы и ты впоследствии действовала более мудро. И обещаю, что с тобой будут хорошо обращаться.

Она лениво прошлась по комнате легким и осторожным шагом и вдруг рассмеялась низким гортанным смехом:

— Почему нет? Если скажешь, чтобы мне не докучали присутствием или словами... и будешь выпускать меня отсюда хотя бы под охраной...

— Конечно. Поедешь со мной на охоту?

— Да. С радостью. И... Меня долго окружало слишком много народа, Сидир. Я так извелась, что все ночи проводила одна. Эта башня и чистое небо вокруг — словно холм вдали от жилья. Мне сразу полегчало, хоть это и тюрьма. А ты и твои бароммцы больше похожи на наших, чем рагидийцы или арваннетяне. Ты расскажешь мне о своей родине? — Она села и властным жестом протянула к нему руку. — Ты настоящий охотничий пес. Иди сюда.

В тот день и в ту ночь он больше не занимался делами.

Глава 7

В следующем месяце с деревьев опал последний цвет, и распустились последние листья. С севера пришло известие, что Становая освободилась ото льда и дороги по ее берегам достаточно просохли, чтобы выдержать тяжелые повозки. К Сидиру тем временем прибыло подкрепление и боеприпасы. В царский день седьмого доу восемьдесят третьего года тридцать первого возобновления Божественного Наказа (по имперскому календарю) армия выступила в поход.

В тылу оставались весьма скудные гарнизоны, достаточные для поддержания порядка в городе, предместьях, селах, загородной местности и на побережье. Число войск, выступивших на север, превышало тридцать тысяч человек. Не все они пойдут до самого конца. Сидир планировал возвести по пути следования целую цепь фортов, гарнизоны которых, в свою очередь, создадут укрепления по всей округе. Все необходимое он вез с собой.

Обозы, запряженные мулами, загромаждали торговые тракты. Колесные буксиры пенили воду, таща за собой вереницы барж. Во главе флотилии шел, блистая позолотой на жемчужно-сером корпусе и надстройках, винтовой «Вейрин», построенный в Рагиде по киллимарайхскому проекту — транспорт и штаб-квартира начальственного состава.

«Этот поход не похож на прежние, когда бароммская конница весело грабила и поджигала все, что попадется, — думал Джоссерек, находившийся на борту. — Если то, что я слышал о Сидире, верно, ему не терпится основать свою последнюю крепость и повести свою знаменитую конницу в последний летний набег».

О Сидире он слышал из весьма отдаленного источника — от Касиру. Больше он в своем убежище почти ни с кем не виделся. У помощника атамана были крысиные ходы по всему городу, а когда он вылезал на поверхность, никто не обращал внимания на сморщенного старика в лохмотьях. Джоссерека же непременно задержали бы для допроса, попадись он только на глаза имперскому солдату — так было до недавнего времени, пока сыскной азарт не остыл в связи с подготовкой к войне. Касиру дал ему комнату с закрытым балконом в доме возле Затона Сокровищ, которым владел через подставное лицо. Ключи от дома имелись только у хозяина и у молчаливого слуги, приставленного к Джоссереку. Слуга снабжал его всем необходимым — сюда входили книги и гимнастические снаряды, но не женщины. Если бы не беседы с Касиру, Джоссерек совсем бы затосковал.

«Опасно?! — ликовал он, вновь почувствовав под ногами дорогу, порт, трап, палубу. — Возможность выйти на волю стоит всех моих потрохов до последнего. А если это противоречит здравому смыслу, пусть Акула сожрет здравый смысл!»

— Имя и звание? — спросил его рагидийский боцман на «Вейрине».

— Сейк Аммар, господин. Кочегар.

Боцман посмотрел в свой список и опять на него.

— Откуда ты?

— Из Тунвы, господин. Человек, которого назначили на это место, Леонун его звать, захворал. Я случайно остановился в той же гостинице, что и он, пошел в Якорную палату и попросил, чтобы взяли меня. — На самом деле все устроил Касиру — он подкупил кочегара, он шантажировал некоего члена Рабочей Гильдии.

— Да, тут есть писулька. — Боцман продолжал рассматривать Джоссерека. Можно снять серьги, подстричься, отпустить бородку, подоткнуть длинную рагидийскую одежду повыше колен, повесить на спину мешок — нельзя изменить свой акцент и создавший тебя букет наций. — Тунва, хай? Да ведь вы из дома ни ногой?

— Оно так, господин. Я убежал, когда был мальчишкой. — Называться горцем из северо-западной имперской провинции, которых в Дельфиньем заливе никто в глаза не видел, было, пожалуй, самой удачной выдумкой.

Боцман пожал плечами. Очереди дожидались другие — весьма пестрое сборище: в Империи рождалось меньше моряков, чем требовалось нынешнему имперскому судоходству.

— Ладно. Читать-писать не умеешь, нет? Ну, в Палате тебе должны были разъяснить наши правила. Правила военного времени, помни. Обмакни сюда большой палец. Поставь отпечаток вот тут. Ступай вниз, на вторую кормовую палубу, и доложишься помощнику механика.

Джоссерек предпочитал паруса пару, а на пароходах раньше всегда работал на палубе. Черная яма оказалась еще более жаркой, вонючей, грязной и шумной, а работа — еще более скучной и изматывающей, чем он себе представлял. Зато на корабле Сидира никто из начальства не глянет на кочегара дважды, если он ведет себя как подобает.

В свободное время Джоссерек исследовал судно, что вполне естественно для новичка — лишь бы не лез в офицерские помещения. Несколько раз он издали, мельком, видел Донию. Случай подойти к ней поближе представился только четыре дня спустя.

Он соскреб с себя сажу и угольную пыль, оделся в чистое и вышелдохнуть воздухом перед тем, как его вахте дадут поесть. Наверху было малолюдно, а на верхней палубе, куда он вышел, не было никого. Сзади помещался полуют, камбуз под навесом, плотницкая мастерская и прочие службы. Впереди возвышалась трехъярусная рубка. Наверху находился мостик, над ним торчала дымовая труба, а плоские крыши нижних ярусов, снабженные поручнями и тентами, служили балконами для проживавших там привилегированных лиц. Джоссерек подошел к правому борту между двумя медными корабельными пушками, облокотился о поручни и вдохнул полной грудью.

Палуба подрагивала под ногами. Ветерок уносил дым и приносил запах сырости, ила, влажной земли, тростника. Хотя солнце стояло в зените, ярко освещая кучевые облака на западе, здесь было прохладно. Кое-где у коряг или на отмелях дотаивали последние льдины, пуская обильные бурые ручьи. Из опасения перед подобными препятствиями флот держался на середине реки, и от берега его отделяла широкая полоса воды. Джоссерек примечал рыб, цапель, стрекоз, первых комаров, оставшиеся от половодья плавучины. Высокие крутые берега внизу густо поросли травой, поверху — кустарником и раkitами. Местность за кромкой берега была уже не плоской, а холмистой, изумрудно-зеленой, покрытой полевыми цветами; кое-где встречались сосновые или дубовые рощи; никаких признаков жилья не замечалось, лишь порой вдалеке маячили развалины замков. Армия еще не вступила на территорию рогавиков. Эти земли некогда принадлежали Арваннету, и он все еще предъявлял на них права; но в давние времена здесь прокатилась сначала гражданская война, следом моровое поветрие, былая сила и слава отошли в прошлое, и город довольствовался номинальным подчинением нескольких туземных племен, переселившихся из Диких лесов. Растительность здесь была чахлая. Даже тут, чуть севернее Залива, уже чувствовалось дыхание льда.

Тем, кто идет по суше, нелегко приходится. От бароммцев, должно быть, пар валит. Однако просто невероятно, какую скоростъ выжимает Сидир из пехоты, артиллерии, саперов, обозников. Мало кто поверил ему, когда он заявил публично, что будет в Фульде через двадцать дней. Теперь примолкли.

Джоссерек затем и поступил на корабль, чтобы видеть все своими глазами. Разумеется, не он один собирает сведения для Людей Моря. Но у них чрезвычайно мало данных о том, насколько солидны силы обновленной Империи, особенно на суше. Тут важна каждая мелочь.

Джоссерек обозревал идущие по берегу войска. С такого расстояния они казались единой массой, катящейся по равнине,

как медленное цунами. Он слышал грохот и скрежет телег, топот сапог, стук копыт и барабанную дробь: бах-дах-дах-дах, бах-дах-дах-рах, бах-дах-дах-дах-ррр. Над головами волнами вздымались знамена и острия пик — так волнуется степь под ветром. В авангарде или на флангах порой мелькали одинокие всадники — их оружие сверкало, и плащи, играющие всеми цветами радуги, развевались, когда они пускали коней во весь опор. Временами кто-то из конных трубил в рог, и волчья трель сигнала перекрывала барабаны.

Джоссерек оторвался от этого зрелища... и увидел Донию.

Она стояла на верхней галерее рубки у кормовых поручней и тоже смотрела вдаль. Голубое рагидийское платье окутывало ее от шеи до пят. Сидир, как видно, не желает, чтобы его любовница носила откровенные арваннетские одежды. На взгляд Джоссерека, она похудела, и лицо ее ничего не выражало, но энергия и гордость остались при ней.

Его сердце затрепетало. Ну-ну, будь осторожен. На нижней галерее курит трубку бароммский офицер. Он, пожалуй, слишком молод, чтобы мог принимать участие в прошлом походе против рогавиков, а стало быть, их язык ему наверняка незнаком. Все равно — будь осторожен. Джоссерек небрежной походкой, надеясь, что это выглядит не слишком наигранно, двинулся вдоль борта и запел — тихо, но так, чтобы его было слышно наверху. Мелодия была родом с Эоа, слова — его, язык — рогавикский.

— Женщина, у тебя есть друг. Стой тихо; молчи и слушай.

Если бы офицер что-то понял и стал задавать вопросы, Джоссерек отговорился бы тем, что перенял эту песню у собутыльника в таверне, который ездит торговать вверх по реке. Он добавил к своей песне несколько строк, благодаря которым она выглядела обычной любовной лирикой. Офицер, однако, взглянул на него равнодушно и продолжал дымить.

Дония впилась пальцами в перила, но больше ничем не выказала, что певец вызвал дрожь во всем ее теле. Джоссерек распевал:

— Вспомни меня, пришедшего с Мерцающих Вод. Мы были вместе, когда тебя схватили. Можешь ли ты встретиться со мной? — Она кивнула — едва заметно, так, что только настороженный глаз мог бы это уловить. — В передней части корабля, внизу, есть кладовая. — (Он не знал, как сказать на ее языке «передний трюм».) Подмигнув ей, он продолжал: — В носовой надстройке, куда я проник снизу без позволения, есть ванная — должно быть, для вас. Можешь ли ты пойти туда одна, не вызывая подозрений? — Снова кивок. — Лестница рядом с ванной ведет вниз, мимо места, где хранят канаты, туда,

где буду я. Думаю, там безопасно. Я работаю в машине. Бывает время, когда я свободен. — Он назвал часы, отбиваемые корабельным колоколом. — Что тебе больше подходит? — Он снова перечислил часы, и она дала понять, что вечером лучше всего. — Превосходно. Если сегодня кто-то из нас не сможет прийти, попробуем завтра, ладно? Прощай.

И он ушел — еда, должно быть, уже готова, а кочегар, который не приходит к обеду, выглядит странно. Он умял опустылевшую капусту с салом, не разбирая, что ест. Днем он не спал, как полагалось, а только притворялся, но бодро выскочил из гамака и отстоял вторую вахту, будто один миг. После этого осклизлое месиво, которое навалили ему в миску под видом жаркого, показалось ему аппетитным.

Армия на берегу еще засветло останавливалась на ночлег, и флот остановился тоже. Сквозь вентиляционные решетки сочился закат, когда Джоссерек отправился на свидание. Запах дегтя из якорного чулана сопровождал его вниз до самого условленного места. Джоссерек не боялся быть замеченным. Механик мог послать его в трюм за чем угодно. И мало вероятно, что в трюм пошлют еще кого-нибудь как раз в это время. Однако его сердце колотилось, пока он ожидал в темноте. Когда Дония явилась, он вскочил, взял ее за руку и отвел за груды ящиков.

— Эйх, ты, медведь! — Она была смутной тенью в темноте, упругим и желанным телом в его объятиях, голодом, терзающим его рот. Ему показалось, что он чувствует вкус слез, но он не понял, верно ли это — и чьи это слезы. Наконец она оторвалась от него и прошептала:

— Нам нельзя долго оставаться здесь. Как ты попал сюда? И зачем?

— Как ты жила все это время? — ответил он вопросом.

— Я... — Он не понял, что она говорит, и сказал об этом.

— Тогда будем говорить по-арваннетски, — предложила она уже спокойней. — Я теперь лучше его знаю. Мы с Сидиром говорим на нем ради практики, если я только не учу его рогавику. Раньше у него не было времени им заниматься. А ты неплохо умеешь по-нашему. Где ты научился?

— Говори ты первая. Что с тобой было? Как с тобой обращаешься?

— Хорошо — так велит Сидир. Он ни к чему меня не нуждается, не угрожает, дает мне свободу, насколько у него хватает смелости, балует меня, проводит со мной каждый миг, который может улучшить. И еще он хороший любовник. Он мне нравится, по-настоящему нравится. Жаль, что скоро я его возненавижу.

— Зачем ты осталась у него? Разве ты не могла убежать?

— Могла. А с корабля это еще проще — стоит прыгнуть за борт, как стемнеет, и доплыть до берега. Бароммцы и рагидийцы почти никто не умеют плавать. Просто я хотела узнать побольше о его войсках, его планах. Многое уже узнала и продолжаю узнавать. Нам это очень поможет, я думаю. — Она кольнула его руку ногтями. — Теперь твой черед! Ты шпион из Киллимарайха, да? Потому и выучил рогавикский?

— Верно. Три-четыре года назад мы уже знали, что Империя захватит Арваннет, а потом двинется вверх по Становий. В Рагиде у нас, видишь ли, тоже есть шпионы. Наша разведка нашла человека, знающего ваш язык, — купца из Гильдии Металлов, который всю жизнь торговал и странствовал в ваших краях.

(Джоссерек не упомянул об уроках лингвистики и антропологии, которые помогали восполнить весьма искаженные факты, и о психологической технике, благодаря которой все это быстро и прочно укладывалось в голову. Может быть, он расскажет ей об этом потом, если им удастся уйти.)

Его обучение рогавикскому — трудно это вообразить сейчас, когда рядом эта такая желанная женщина, — сводилось в основном к отделению того, что известно купцу на самом деле, от того, что ему кажется. За каждым выражением, за каждой идиомой, которой он учил Джоссерека, скрывалась целая бездна догадок. Различные свидетельства, хотя и скудные, позволили им разобраться, что эти догадки не всегда верны, а зачастую заведомо лживы. По сути дела, купец обучил Джоссерека жаргону — беглому, довольно грамотному, но все же жаргону, в который не входили многие важнейшие понятия.

Джоссерек оказался в положении туземца с далекого острова, который часто видит киллимарайхские корабли, машины, часы, секстанты, телескопы, компасы, ружья, но для обозначения всех этих механизмов у него существует одно-единственное слово — скажем, «мельница» — и он ни сном ни духом не ведает о механике, термодинамике или химии, не говоря уж о рыночной экономике или учении об эволюции жизни.

Джоссерек не мог даже представить себе, насколько глубока пропасть между ним и Донией. А представляет ли она?)

— В чем состоит твое задание? — спросила Дония.

— Замечать все, что можно. Особенно то, что относится к твоему народу — с целью решить, возможно ли заключить с вами союз против Империи. Не то чтобы для Людей Моря существовала какая-то непосредственная угроза. Мы не хотим войны. Но если мы — я — сможем хоть в чем-то помочь вам... — Он прижал ее крепче к себе. — ... я буду просто счастлив.

— Как ты попал на корабль?

— Через Касиру. Его не было дома, когда пришли солдаты, он спасся.

— Да, я слышала, но за ним охотились, и за тобой тоже. Он, должно быть, скрывается. Как ты нашел его?

— Ну, тогда я, конечно, не знал, что он на свободе, но рассудил, что он должен был рассказать кое-что обо мне своим Братьям-Костоломам. И скорее всего человек из любого Ножевого Братства мог указать мне кого-нибудь из этой шайки. Как только стемнело, я сцапал первого же встречного, обезоружил его и задал свой вопрос. Не повезло бы с ним, я продолжал бы в том же духе, но он сумел мне помочь. Касиру известили, и он прислал за мной. Тут я, естественно, признался, что я тот, за кого он меня и принимал, — иностранный агент. Он рассказал мне все новости, включая и сплетню о тебе, которая уже разошлась по городу. И помогал мне во всем, злорадствуя, что может навредить Империи.

Джоссерек рассказал ей остальное. Они перемолвились еще парой слов, не строя пока планов, — обменялись своими надеждами, остерегли друг друга, договорились, как будут встречаться и как можно срочно связаться в случае необходимости. Он сказал ей, в какие часы свободен, в какие занят и где можно найти на палубе две вентиляционные трубы, которые громко шумят: одна ведет в машинное отделение, другая — в кубрик для черной команды.

— Если я срочно тебе понадобится, крикни туда, где я должен быть в этот час, и я тут же выскочу наверх. — Он коснулся ножа, висевшего на бедре, и смекнул, что, если будет на вахте, сможет прихватить еще гаечный ключ или лом.

— Можно сделать и лучше, — сказала она. — Сидир все беспокоится, как бы со мной чего не случилось — вдруг, скажем, нападут северяне, — и повесил мне на шею свисток. Я свистну три раза. Хорошо?

— Хорошо. — Он поцеловал ее на прощание и ушел на корму, сам удивляясь внезапно овладевшей им ревности к Сидиру.

Глава 8

Дожди изводили армию восемь дней подряд. Вечером девятого дня вышли звезды, окружив прибывающую луну в ледяном венце. Ее дрожащий свет проник в клубящуюся, полную шорохов мглу. Речные берега озарило бледное сияние покрытой изморозью травы — она то вспыхивала алмазным блеском, то

чернела там, где стояли кипы хлопка. Повсюду горели бивачные костры и фонари часовых. Но они были лишь искрами в ночном просторе, так же как и звуки походной жизни: чей-то оклик, конское ржание, одинокий напев флейты. Пар от дыхания струился в холодном воздухе.

Отпустив последнего из тех, кто в нем нуждался, Сидир поднялся по трапу из своего кабинета на верхнюю галерею. Какое-то время он стоял, глубоко дыша, напрягая и расслабляя мускулы, ожидая, когда придет облегчение. После дня, проведенного на корабле, он весь был точно завязан узлами. Доведется ли еще когда-нибудь провести день в седле?

«Да, клянусь разбойничьим богом, — подумал он. — Терпение. Ягуар, карауля добычу, шевелит только хвостом. Вся беда в том, что у меня нет хвоста». Он дернул уголком рта и перевел взгляд, ища покоя в вечности, за размытые очертания швартовых тумб, за крыши люков, за лебедки, за тускло отсвечивающие пушки и пики часовых — ввысь, где сияли созвездия. Он хорошо их знал: вот Оцелот, вот Меч-Рыба, вот Копье Багроля... Но некоторые, например Трубач, остались за горизонтом, а другие здесь, на севере, выглядели незнакомо. Он отыскал Марс и долго смотрел на его голубоватый блеск, пока в памяти, неведомо почему, не всплыло то, что он слышал в Наисе от астролога, искавшего древние летописи и изображения в гробницах забытых царей. Тот человек утверждал, что Марс когда-то был красным; таким видели его те, кто жил до прихода льдов.

Сидира коснулось дыхание неизмеримой древности. Неужто я и вправду веду своих людей в Неведомый Рунг, построенный так давно, что самые небеса с тех пор изменились?

Он напряг плечи. Варвары бывают там. И берут оттуда металл.

Эта мысль вызвала перед ним образ Донии, сознание того, что она ждет в их каюте. Его внезапно бросило в жар. Он откачнулся от поручней, прошел по галерее мимо тускло-желтого окошка к своей двери и распахнул ее.

Каюта была тесная и скромно обставленная — выделялась в ней только кровать. Дония сидела на ней, скрестив длинные ноги, сложив руки под грудью, прямая и с высоко поднятой головой. Несмотря на холод, на ней не было ничего, кроме шитой бисером головной повязки да цепочки со свистком. Висячая масляная лампа, слабая и слегка чадающая, тем не менее ясно обозначала ее среди теней, которые она отбрасывала, и картинно-черного мрака, залегшего в углах.

Сидир закрыл дверь. Его пульс перешел с галопа на рысь — разум натянул поводья. Не спеша. Будь нежен. Не так, как прошлой ночью.

— Извини, что опоздал, — сказал он по-арваннетски.

На столике рядом с кроватью лежала раскрытая книга. Дония много читала, желая, как видно, освоить арваннетскую грамоту, пока длится поход. Но здесь слишком слабый свет для чтения.

А еще она упражнялась в игре на лире, которую он ей принес, и говорила, что этот инструмент немного напоминает рогавикскую арфу. Радовалась путешествию, обращалась ко всем с вопросами, с удовольствием пила и ела, смело и с растущим мастерством играла в разные игры, за вином пела песни своего народа. Однажды на пиру во дворце она вышла танцевать, но это слишком возбудило страсти — с тех пор она танцевала только для него одного. И в этой постели они...

«Так было до недавнего времени. Два-три дня назад она начала дуться. Если только “дуться” — подходящее слово. Она постоянно носит маску, говорит, только если необходимо, часами сидит неподвижно. Когда я прихожу, она почти не смотрит на меня — не то что раньше. Прошлой ночью она сказала мне “нет”. Может быть, зря я тогда бросился на нее? Она терпела меня. Любая рабыня была бы лучше.

Нет. Никогда. Не после того, что было между нами».

Ее близость терзала его.

«Я добьюсь, чтобы она вновь стала прежней».

Она молчала, и он продолжил:

— Меня задержал гонец с Ягодного Холма. — Так называлось по-арваннетски место, где он позавчера оставил свой первый гарнизон для закладки крепости. — Поскольку второй гарнизон мы оставляем здесь, мне, разумеется, хотелось узнать, что у них там случилось.

— И что же? — Она тяжело роняла слова, но хорошо, что нарушила свое молчание. Сидир желал бы сообщить ей лучшие новости. Он поморщился. — Наш патруль попал в засаду. Двое убитых, трое раненых. А на рассвете нашли часового, задушенного веревкой.

Что это — она улыбнулась?

— Хорошо.

— Грра! — Он сдержал бешенство. — Значит, уже началось?

— Почему бы нет? В роду Яир мешкать не любят.

Сидир крепче уперся ногами в пол и простер руки в попытке урезонить ее.

— Дония, это же бессмысленно. Люди, напавшие из засады, оставили за собой четырех мертвых. Из них две женщины. Остальные ясно видели, что им не взять верх, но продолжали бой, пока наши не затрубили в рог и не вызвали на подмогу вдесятеро

больше солдат. Это просто безумие — и потом, нападать так близко от лагеря...

— Что ж, они прикончили двоих, а потом и третьего. Дальше — больше.

— Мы еще даже не вошли в их пределы! Гарнизон стоит у самой проезжей дороги.

— Но всем ясно, что у вас на уме. — Она подалась вперед, на время оставив свой холодный тон. — Веришь ты теперь в то, от чего я остерегала тебя снова и снова, Сидир? Севера тебе не взять. Все, что ты можешь, — это убивать северян. В конце концов вы все равно вернетесь восвояси, но сколько костей храбрых воинов останется здесь?

Сидир некоторое время молчал, потом еле слышно пробормотал:

— Марс был красным, когда пришли льды.

— Что ты такое говоришь?

— Ничто не длится вечно — ни жизнь, ни порядок, ни то, что нас окружает. — После ее слов он возымел надежду, что усмотрел щель в ее броне. Теперь хорошо бы перевести разговор на их отношения. Он подошел к шкафчику. — Не хочешь ли вина? Я хочу. — Она не отказалась, и он налил красного из графина в кубки, один протянул ей, поднял свой на бароммский лад и отпил глоток. Вино, возвращенное на прибрежных равнинах Восточного Рагида — севернее виноград уже не зреет, — пощипывало язык. — Дония. — Он присел на край постели, заглядывая ей в глаза. Его тело жаждало ее, но Сидир держал его в узде. — Выслушай, молю тебя. Я знаю, отчего ты несчастна. Как только мы пересекли южную границу рогавиков, ты впала в печаль. Но насколько глубока она, твоя печаль? Я не знаю. Я спрашивал себя и не получил ответа. Почему ты не говоришь, что чувствуешь, и не даешь мне помочь тебе?

Она взглянула на него, словно рысь.

— Ты знаешь почему, — мрачно сказала она. — Потому что ты идешь войной на мою землю.

— Но я никогда и не скрывал своих намерений. Однако в Арваннете — да и в начале нашего пути...

— Тогда все еще было в будущем. Худшего могло и не произойти. Теперь же, когда оно произошло, все стало по-другому.

— Но ведь мы с тобой не раз уже об этом... Ведь ты сама признавала, что у рогавиков нет единой нации. Здесь не твой народ. Твоя земля далеко.

— Потому-то я пока и спокойна, Сидир. И все же мне больно оттого, что Яир и Лено уже страдают, а завтра настанет черед Маглы.

— Им нужно всего лишь признать себя подданными Трона и жить в мире с Империей. Никто не собирается их тиранить.

— Сюда придут пастухи и пахари.

— Они заплатят вам за землю хорошую цену.

— Сделку заключат насильно, под тем предлогом, что эта земля никому не принадлежит — ведь ни у кого из нас нет бумажки, подтверждающей, что земля — его. И какая плата вернет нам наши дикие стада?

— Освоение такой обширной страны займет много времени. У вас будет несколько поколений на то, чтобы научиться жить по-новому. Лучше, чем прежде. Ваши внуки будут счастливы тем, что обрели цивилизацию.

— Никогда этому не бывать.

Ее упорство сердило его. Этот камень преткновения они никогда не могли преодолеть. Он отхлебнул еще вина и немного успокоился.

— Почему? Мои собственные предки... Но позволь, я напомню тебе о своем предложении. Пусть твой Хервар примет нашу руку. Не оказывайте нам сопротивления. Не давайте помощи другим родам — кроме помощи в том, чтобы убедить их смириться. Тогда ни один солдат не перейдет вашей границы и ни один поселенец не ступит на вашу землю, пока ваши потомки сами того не пожелают.

— Почему я должна тебе верить?

— Лягни тебя дьяволова кобыла! Я же объяснял! Всякая здравая политика предполагает союз с туземцами...

Он осушил свой кубок.

Дония тоже пригубила вина и как будто смягчилась.

— Я бы возненавидела тебя еще раньше, не сделай ты этого предложения. Оно несбыточно — я слишком хорошо знаю, как будет на самом деле, но ты говорил от чистого сердца, Сидир, и я благодарю тебя.

Воодушевленный, Сидир отставил кубок и придвинулся к ней поближе. Вино бурлило у него в крови.

— Почему же несбыточно? Такой сильный, одаренный народ, как вы, может занять в Империи самое высокое положение. Мы с тобой подходим друг другу, как лук и стрела, разве нет? Югу нужна не только ваша земля, ему нужно добавить вашей крови в свои жилы. — Он накрыл ладонью ее руку, лежащую на одеяле, и улынулся: — Кто знает, может быть, от нас с тобой пойдет новая династия.

Она потрясла головой, взмахнув своей густой гривой, и улыбнулась в ответ, скорее ухмыльнулась, нет — оскалилась, и горланно проворчала:

— Ну уж нет!

Уязвленный, Сидир сглотнул.

— Ты о том, что — как говорят — у рогавикских женщин не может быть детей от чужеземцев? Я никогда не верил, что это правда.

— Отчего же, — равнодушно ответила она. — Мулы рождались бы довольно часто, не умей мы почти все приказывать зароненному в нас семени не пускать корней.

Он устоялся на нее. Хоа, как это так? Хотя воля может творить с телом чудеса... Шаманы, которых я видел... Но сейчас его задело не это.

— Мулы?

— Предания говорят, что такие полукровки бесплодны, если выживают. Не знаю, верно ли. — Она снова медленно показала зубы, словно вонзая крючок в его пасть. — Теперь-то матери бросают такое отродье на поживу коршунам.

Он отпрянул от нее в бешенстве.

— Рахан! — выругался он. — Ты лжешь!

— Думаешь, я стала бы нянчить твоего ублюдка? — осклабилась она. — Да я задушила бы его при первом крике. С наслаждением.

Его пульс сорвался с цепи. Длинное загорелое тело маячило перед ним сквозь чад и сумрак, сквозь гром в ушах слышался ошеломляюще ровный голос:

— Ты должен почитать за счастье, Сидир, что я не вырвала у тебя твою мужскую плоть.

Она так же безумна, как и все они, грохотало у него в голове. Просто лучше это скрывала. Безумное, бешеное племя. Он хлестнул ладонью ее по щеке. Она не шелохнулась; грудь ее вздымалась и опала ровно, как прежде.

Сознание того, кем она была для него — кем она притворялась, — било топором ему в темя. Охваченный болью, он отплатил ей жестокостью за жестокость.

— Йяа! Знаешь, почему им не выстоять, твоим грязным дикарям? Я не говорил тебе раньше, потому... потому что надеялся... — Воздух резал ему горло. — Так вот слушай, сука. Если вы не сдадитесь, мы перебьем у вас всю дичь!

У нее вырвался глухой стон. Она закрыла рот рукой, отпрянула в дальний угол постели и съежилась там.

— Да, — безжалостно продолжал Сидир. — Бизонов, буйволов, диких лошадей, антилоп, оленей, диких ослов на холмах, карибу в тундре, лосей в лесах... Крестьянам это не под силу, пехоте не под силу, но бароммским конным лучникам по плечу. Пять лет — и в степи сгниет последнее стадо, и последние рогавики приползут выпрашивать пропитание к нашим хлевам. Поняла теперь, почему вам пора прекратить убивать нас —

пока еще не поздно? — Она прерывисто дышала открытым ртом. Ярость Сидира потонула в приливе острой жалости. — Дония, — пролепетал он и потянулся к ней. — Милая, прошу тебя...

— Йо-о-о, — вырвалось у нее. — Йа-р-р.

Стоя на четвереньках, скрючив пальцы, как когти, она раскачивалась, уставив на него ярко-зеленые, окруженные белым ободом глаза с черными точками посередине. Нечеловеческие звуки, которые она издавала, пронизали холодом его хребет. Он попятился, держась за кинжал.

— Дония, не надо так, успокойся. Приди в себя. — Он наткнулся спиной на переборку.

— Р-р-ао! — взревела она и прыгнула.

Он увидел, как она летит на него со скрюченными пальцами, искаженным мертвенно-бледным лицом, оскаленными клыками, и выхватил нож. Но она уже обрушилась на него, и оба упали на пол. Она, придавив его собой, вцепилась ногтями ему в лицо у самых глаз. Хлынула кровь. Сидир старался ткнуть кинжалом ей в ребра. Как-то почувствовав близость лезвия, она извернулась, проворная и гибкая, как лещ, схватила его запястье, отвела удар. Сидиру потребовалась вся его сила, чтобы удерживать оружие. Свободной рукой он отбивался. Дония сомкнула челюсти на его правом запястье и принялась его грызть. Правой рукой она вцепилась ему в горло, глубоко зарыв туда пальцы. Левая рука подбиралась к его паху. Ногами она зажимала его ногу, пригвождая к полу все его содрогающееся тело. Ее тяжело дышащая грудь прижималась к нему слишком крепко, чтобы он мог достать ее, — удары его левого кулака она принимала спиной.

Сидир знал, что она способна его убить.

Он завопил. В каюту вбежал часовой и остолбенел при виде такого зрелища. Он не мог ткнуть пикой в это сплетение тел, не рискуя ранить своего командира, и огрел Донию древком поперек спины.

Она отпустила Сидира, взвилась, рухнула всем телом на солдата, сбила его с ног и выскочила на галерею. Снизу видели, как она в лунном свете прыгнула оттуда на палубу. Любопытной, совершив такой прыжок, переломал бы себе кости. Но она вскочила и дунула в свой свисток. Солдаты пытались загнать ее в угол, но им это не удавалось. Она увертывалась, отбивалась, лягалась и выла.

В ответ ей раздался чей-то рев. Снизу на палубу вынырнул огромный черный человек. Сидир выглянул наружу как раз вовремя, чтобы увидеть последнюю схватку. Черный человек нанес смертельный удар ножом одному рагидийцу, кулаком сло-

мал шею другому. Вместе с женщиной они ранили еще четверых. Бросились к борту. Прыгнули. Из реки поднялся столб воды.

Ушли!

Среди криков и топота раскачивались фонари, как большие обезумевшие светляки.

Сидир забыл про свою боль, забыл пережитые им потрясение и ужас — он сознавал только свою потерю.

— Дония! — стонал он в холодную ночь.

Со лба капала кровь, застилая глаза.

«Кого я зову? — как мечом резануло его. — Кто она мне? Или она и вправду ведьмино семя, а я околдован?»

Прошлой ночью я сказал себе — “это сильнее меня”. Раньше никогда не бывало, чтобы что-то оказалось сильнее меня».

Глава 9

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Джоссерек проснулся. Недавние воспоминания быстро согнали с него сон. Тревога, сражение; сильное течение сносит их за полмили вниз, и он, опытный пловец, помогает Донии добраться до берега; они уходят от солдат, поднятых по тревоге горнами и световыми сигналами, и Дония, опытная охотница, ведет его; они смертельно долго бредут в направлении, которое она определила по звездам, пока наконец рассвет не позволяет им остановиться у затянутой льдом водомоины без риска окоченеть; они обнимаются единственно ради тепла и, обессиленные, погружаются в сон...

Джоссерек приподнялся и присел на корточки.

— Пусть этот день принесет тебе радость, — приветствовала его Дония на мягком рогавикском наречии. Когда она успела встать? Она взяла его нож и резала им траву.

Он встал и посмотрел вокруг. Из бескрайней синевы лился свет. Солнечное тепло ласкало обнаженный торс, снимало боль, исцеляло ломоту. До самого края этого чистого неба простиралась равнина. Ее покрывала трава в пояс вышиной, неохотно уступающая, если провести по ней рукой. Как море, она играла под солнцем бесчисленными красками, от густо-зеленой вблизи до серебристой на расстоянии. И как море, переливалась под ветром длинными волнами. Полевые цветы плавали в ней, как рыбы; редкие купы бузины и гигантского чертополоха выступали, как островки; далеко на западе рогатое стадо — сотни голов, прикинул Джоссерек — шло величественно, словно стадо

китов. Порхали пестрые мотыльки. Вверху было царство пернатых — он мог назвать лишь немногих: жаворонок, полевой дрозд, черный дрозд с красными крылышками, ястреб, а вот клин перелетных гусей. Ветер гудел, гладил кожу, нес запахи зелени, плодородной земли, зверей, зноя.

Людей не видно. Это хорошо. Настороженность преследуемого ослабла в Джоссереке. Если только, конечно...

Дония оставила свою работу и подошла к нему. В ней не осталось и следа от ночной тигрицы-людоедки, которая потом обернулась лисицей, неумоимо запутывающей след. К нему плыла женщина, окутанная воздухом раннего лета, и волосы ее, обрамляя улыбку, реяли над ее грудью. «Клянусь Дельфином!» — грянуло в его чреслах. Но рассудок сомкнул свой кулак: «Она тебя не звала. И у нее твой нож».

Нож она, однако, вернула. Джоссерек машинально сунул его в ножны. Штаны с поясом были единственной одеждой, которая случайно оказалась на нем, когда он играл под палубой в кости с другими кочегарами. Босые ноги, сбитые и израненные, болели. У Донии же ноги, казалось, совсем не пострадали, и вид у нее был не усталый.

— Здоров ли ты? — спросила она.

— Что мне сделается, — буркнул он. Рассудок в нем все еще боролся с естеством. — А ты?

Ее радость ключом ударила ввысь, словно вырвавшись из-под спуда.

— Эйх, свободна! — Она подпрыгнула, вскинула руки, закружилась, заплясала среди шуршащих стеблей, которые то прятали, то открывали ее быстрые ноги и достойные восхищения бедра. — Свободна, как лосось, свободна, как сокол, свободна, как пума, — пела она, — там, где солнце сияет и ветер ревет, и пляшет земля вокруг сердца, полного покоя...

Джоссерек, глядя на нее, забыл обо всем на свете. Но какая-то его часть все же интересовалась, сочинена эта песня кем-нибудь раньше или излилась из ее души только теперь. Дония перешла на диалект, который он не совсем понимал, но мог догадываться.

А говорят, рогавики — замкнутый народ!

Через несколько минут Дония вернулась к жизненной прозе и к нему, только дыхание ее чуть участилось; Джоссерек отчетливо видел капельки пота на ее коже и ощущал, как усилился аромат ее тела. Он отвернулся попить из маленького водоема — и чтобы утолить жажду, и чтобы отвлечься. Вода была дождевая, она скопилась во впадине среди серых шероховатых камней — грязная, но уж точно чище, чем в любом арваннетском

колодце. Дония тем временем выбрала себе камень нужной величины, удобный для броска. И отрывисто распорядилась:

— Пока я буду добывать еду, разведи костер и нарежь еще травы. Срежь ее так, как делала я.

Джоссерек, услышав, что ему приказывает женщина, вознегодовал. Но разум вновь взял верх над чувствами. Она знает эти места, а он — нет.

— Где взять топливо? — спросил он. — Зеленые стебли не годятся. И зачем нужно резать траву?

Она поддала ногой рассыпчатую белую кучку.

— Собирай навоз, вот такой. Немного раскроши отдельно, это будет трут. А трава — нам ведь понадобится одежда и одеяла от солнца, мух и холода. Я умею плести. Нам лучше идти по ночному холодку, а отдыхать, пока жарко, до того как мы добудем себе все необходимое на каком-нибудь подворье. М-м... еще я, пожалуй, сплету тебе обувь.

Она пошла прочь.

— Погоди, — крикнул он. — Ты забыла нож. И долго ли тебя не будет?

Она весело усмехнулась:

— Если я не убью кого-нибудь камнем еще до того, как у тебя будут готовы горячие уголья, меня и коршунам бросать не стоит — побрезгут.

Джоссерек, оставшись один, призадумался. Нож — очень полезная вещь. Зажигалка, оказавшаяся в кармане, тоже пришлась весьма кстати. Камень, который она нашла в этой лишенной камней местности, был обломком бетона — должно быть, от древней дороги, проложенной еще до прихода льдов. В общем, им повезло. Но он подозревал, что Донии не нужно везение, чтобы выжить здесь.

Она, как и обещала, вскоре принесла тушку кролика и в горсти перепелиные яйца.

— Ваш край богат живностью, верно? — заметил он.

Ее настроение изменилось вмиг, будто набежала тень от облака. Она тяжело посмотрела на него.

— Да, потому что мы его бережем. И прежде всего следим за своей численностью. И куда-то войдет имперская сволочь? — злобно выплюнула она. — Ну нет!

— Что ж, — рискнул Джоссерек, — какой-никакой союзник у вас есть — это я.

— Вот именно — какой-никакой, — сузила она глаза. — Насколько мы можем доверять любым... цивилизованным людям?

— О, я клянусь тебе — Люди Моря не претендуют на Андалин. Подумай, как мы далеко от вас. Это не имело бы смысла. —

Он поневоле перешел на арваннетский — не на старинный язык образованных слоев, а на жаргон торговцев и портового сброда. Дония, однако, поняла его и придирчиво спросила:

— В чем тогда ваш интерес? Какое вам дело до нас?

— Я уже говорил...

— Это слишком слабая причина. Наши встречи на корабле были слишком короткими, чтобы я могла докопаться до истины. Но теперь... Если Люди Моря хотели бы нас изучать, они могли бы прислать сюда человека открыто. Он мог бы сказать, что он — искатель знания... ученый. Ты говорил, что у вас их много, когда мы гуляли по городу. Зачем подвергаться такой опасности, как ты, если бы не что-нибудь другое, спешное?

— Ты проникательна! — с облегчением сказал Джоссерек. Не слишком ли проникательна для варварки, промелькнула скрытая мысль. — Твоя взяла. Особой крайности у нас нет. Но мыслящих людей Океании беспокоит положение с серой.

— Сера? — она свела брови. — А да. Желтое горючее вещество. Мы зовем его згеввио.

— Богатейшие в мире залежи, насколько известно, расположены вдоль Дельфиньего залива. Мы получали почти всю нужную нам серу от Арваннета, когда той местностью управлял он сам. Теперь ею управляет Империя, а она запретила вывоз. Сера — это порох. Скейрад объявил себя властелином всех бароммских кланов, а император, его внук, мнит себя властелином мира. — Он пожал плечами. — Не думаю, чтобы его потомкам и вправду удалось завоевать весь земной шар. Но ты сама понимаешь, почему Старейшинам и Советникам в Ичинге не нравится, как с недавних пор обернулось дело.

— Да. Это весомо. Мы можем вам довериться. — Дония бросила кролика и сжала плечо Джоссерека, сверкнув зубами в улыбке. — Я рада.

У него застучало в висках, и он чуть было не схватил ее в объятия. Но она отпустила его, осторожно сложила на землю яйца и сказала:

— Если ты возьмешься сготовить, я примусь за одежду.

— Я здорово проголодался, — сознался он.

И занялись каждый своим делом. Ее пальцы проворно мелькали, сплетая стебли.

— Куда мы направимся теперь? — спросил он. — И для начала, где мы ешь?

— К западу от Становой и к северу от Яблочной реки, которая впадает в Становую через день пути пароходом. Я замечали дорогу, пока мы плыли. Ближайшее подворье — Бычья Кровь — в двух днях пешего перехода. Хотя нет — я забыла про твои нежные ноги. Может быть, путь займет дня четыре. Обдирай

ушастика поосторожнее — он пойдет тебе на обувку. Необработанная шкурка воняет и быстро трескается, но до жилья выдержит. Там возьмем лошадей — и домой, предупредить своих.

— Ведь твой дом далеко, я прав? И ты так хорошо знаешь весь край рогавиков?

Золотистая голова кивнула:

— Подворья, зимовья и прочие оседлые поселения я, конечно, знаю. По картам, даже если сама там не бывала. Их не так уж много.

Джоссерек впивал глазами простор.

— Но как ты их находишь? Я не вижу ни единого ориентира.

— Направление определяю по солнцу и звездам, раз у нас нет компаса. Расстояние — по скорости, с которой идем, по тому, сколько прошли за один раз. Потом, на каждом подворье весь день поддерживают дымовой маяк. В ясную тихую погоду дым виден над горизонтом за тридцать-сорок миль. — (Расстояние она называла в арваннетских мерах.) И нахмурилась. — Придется хозяевам погасить свои огни, если сюда придут солдаты... пока мы не избавимся от этой саранчи.

Джоссерека пробрало холодом, несмотря на теплый день. «Я считал себя жестким человеком, я убивал людей и не лишился после этого сна, но ее тон, ее взгляд... Неужели солдаты Империи для нее действительно паразиты, вредители, которых надо истребить, и она совсем не видит в них людей? Как совместить это с тем, что ее народ ни разу за всю историю не начинал войн и не вторгся в чужие земли?»

Он прилежно трудился, собираясь с духом. И наконец решился.

— Дония...

Она подняла глаза на Джоссерека.

— Дония... с чего ты так взбесилась ночью? Ведь мы договорились, что будем шпионить и собирать сведения по крайней мере до Фульда.

Она уронила свое плетенье. Рот ее так сжался, что на шее выступили жилы. Джоссереку послышался звук вроде тихого мяуканья.

— Прости, — прошептал он, пораженный.

Она глубоко дышала, постепенно возвращая себе спокойствие, и ее лицо и грудь вновь обретали краску. Но голос еще звучал хрипло:

— Мне надо было убить Сидира. Я не смогла. Силы оставили меня. Да помогут они мне в следующий раз вырвать у него нутро.

— Но... но ведь вы с ним... Ты говорила, он тебе даже нравился...

— Это было до того, как он пошел на север. Когда он вторгся в Яир и Лено, я почувствовала — ясно почувствовала — первое дуновение Хервара. Если бы он привез меня туда... Но он сказал, что, если мы не станем носить имперский ошейник, *он перебьет всю дичь*... Можешь ты это понять? — взвыла вдруг она. — Если я столкну тебя со скалы, ты не сможешь не упасть. Я не смогла не вцепиться ему в глотку.

Она испустила хриплый вопль, вскочила как ошпаренная и умчалась.

Джоссерек остался сидеть. Он видел такое и раньше у некоторых воинственных дикарей: это ярость такой ураганной силы, что Дония должна ее выбегать — иначе она кинулась бы на него, или растерзала какое-нибудь животное, или разнесла бы дом, будь он поблизости. Она с воем металась в высокой траве, вздевая руки, словно желала сорвать солнце с неба.

Значит, рогавики действительно такие, как говорят южане, думал потрясенный киллимарайхиец. В лучшем случае — варвары. Они обучились кое-каким манерам, но рассудок, терпение, предвидение и самообладание им чужды. Джоссерек не знал, почему это так огорчает его. Или он разочарован? Как союзники они бесполезны — даже опасны, пока их не одолеешь или не уничтожишь, а они обречены на это из-за своей уязвимости. Нет... «Я и не ожидал от них слишком многого ни в политическом, ни в военном смысле. Значит, дело в самой Донии. Она действовала так разумно, так трезво, проявляла такое знание, такой реализм, такой интерес... я не встречал еще подобной женщины. И все это — только рябь на поверхности. Ее истинная суть таится в глубине: в ней больше от Акулы, чем от Дельфина».

Он вернулся к своей стряпне. Без помощи Донии ему пока не обойтись. Тем временем он будет продолжать свои наблюдения — авось пригодятся. Но при первом же случае он доберется до какого-нибудь рагидийского порта на западном побережье, вернется домой и скажет Мулвену Роа, что здесь Людям Моря не на что надеяться.

Дония пробежала круг длиной в три мили, вернулась и повалилась наземь, задыхаясь. Ее волосы потемнели и слиплись от пота, пот стекал по шее, струился между грудями. Его резкий дух медленно уступал место прежнему чистому запаху женщины. А глаза ее вновь обрели осмысленное выражение.

— Тебе лучше? — отважился спросить Джоссерек.

— Да, намного, — кивнув, простонала она. — Они... не убьют... наши стада. Раньше они сами умрут. — И вдруг: — Ай-ай-ай-ай, как вкусно пахнет!

Приступ ярости прошел без следа.

Джоссерек брезговал есть яйца, в которых были птенцы, она же с удовольствием хрустела ими. Кролик был съедобен при наличии хорошего аппетита, но Джоссереку не хватало соли и специй.

— А ты не пей кровь, — посоветовала Дония, когда он пожаловался на это. — В пути мы будем лучше кормиться.

— Что, уьем крупную дичь? — скептически осведомился он.

— Можем и убить, если захотим, или поймать детеныша. Но не стоит утруждаться — ведь мы спешим. Я сделаю силок для птиц, и тут полно мелких зверюшек, не считая раков, мидий, лягушек, змей, улиток, трав, корней, грибов... Я говорила тебе — это щедрый край. Скоро сам узнаешь.

Она кончила есть и встала. Джоссерек, глядя на нее снизу, увидел ее в сияющем ореоле и вспомнил, что «рогавики» означает «дети солнца». Она сладко потянулась, с улыбкой глядя в обнимающий ее простор.

— Сегодня будем готовиться в дорогу, — тихо и счастливо сказала она, так же слитая с настоящим, как одуванчик у ее ног. — Особенно надрываться не станем. Надо и отдохнуть. Но прежде всего, Джоссерек, мы сольемся с тобой воедино.

Она манила его. Наплевать на варварство! Он бросился к ней.

Глава 10

За пять миль от Бычей Крови они встретили тамошнюю жительницу. Она ехала на пегом мустанге проверять силки, по ее словам, но, увидев незнакомцев, свернула к ним навстречу и проводила их до подворья.

Она была средних лет, высокая и худощавая, как большинство северян, с седыми волосами, заплетенными в косы, и всю ее одежду составляли кожаные штаны. Украшениями служили медные браслеты, ожерелье из медвежьих когтей, фазаний хвост, заткнутый за головную повязку; кожу покрывал орнамент из ярких кругов. Седло под ней представляло собой нечто вроде подушки с петлями стремян, но сбруя была нарядная. Больше у нее с собой ничего не было, кроме спального мешка и ножа — последний явно служил инструментом, а не оружием.

— А-хай! — крикнула она, натягивая поводья. — Добро пожаловать, путники! Меня зовут Эрроди, а живу я здесь.

— А я Дония из Хервара, живущая в Совином Крике на Жеребьячей реке. Мой спутник прибыл издалека, это Джоссерек Деррэн из страны под названием Киллимарайх, что за Мерцающими Водами.

— Тогда вы трижды желанные гости, — сказала всадница. — Вы устали? Может быть, кто-нибудь сядет на коня?

Джоссерек отметил, что ее вежливость чисто формальна и она не проявляет наружно никаких чувств, если не считать ее первого, безусловно, ритуального восклицания. Не то чтобы Эрроди держалась враждебно или безразлично: Дония говорила ему, что его особа будет интересовать здесь всех и каждого. Всадница просто вела себя сдержанно и настороженно, словно кошка. Это совпадало со всеми известными Джоссереку отзывами о рогавиках.

А вот Дония не подпадает под эти мерки. Никогда еще он не имел такой любовницы и даже не слышал о таких. Однажды между поцелуями под луной, забыв о ночном холоде, он сказал ей об этом.

— С Сидиром я сдерживала себя, — прошептала она. — О, какое это счастье — обрести друга!

И взъерошила ему волосы, и их ласки возобновились.

«А ведь больше она мне ничего не говорила, — ударило вдруг Джоссерека. — Я же полностью раскрылся перед ней. Что бы мы ни делали, душой она не со мной.

Если только у нее есть душа, если у нее есть какие-то интересы, стремления, если она способна на любовь — не только к жизни. Если она не просто здоровое животное. Нет, — возразил себе Джоссерек, — ее суть гораздо глубже. Разве было у нас время, чтобы поговорить по душам? Мы шли, добывали еду, останавливались на привал, ели, играли, спали, снова играли и снова шли. Ее терзает страх за судьбу ее народа... Как желал бы я, чтобы это было правдой».

Он услышал, что Дония отказывается ехать верхом, и тоже отказался из гордости — вопреки голосу своих стертых ног, как натуженно пошутил про себя. Даже в хороших башмаках он не угнался бы за Донией, когда та шла быстрым шагом. Он тоже силен и вынослив, но по-другому.

После обмена несколькими расхожими фразами Эрроди замолчала. Джоссерек тихо спросил по-арваннетски:

— Разве ей не любопытно узнать наши новости?

— Как же, просто не терпится, — ответила Дония. — Но ведь все подворье тоже захочет послушать. Зачем же нам повторять еще раз?

И верно, зачем, подумал Джоссерек — и еще подумал о том, что безоружная женщина, одна, как ни в чем не бывало едет по безлюдному краю, и о том, что в рогавикском языке нет слов, выражающих благодарность. Из всего этого складывалось представление о народе, для которого терпение, мир и готовность помочь — нечто само собой разумеющееся. Как совместить с этим индивидуализм, деловую сметку и четкое осознание своих прав на собственность, о которых говорят южане, и скрытность, которую наблюдал он сам... кроме тех случаев, когда их обуревают смертоносная ярость? Он в недоумении покачал головой и поплелся дальше по степной траве.

День был ясный и ветреный. Облака неслись на белых парусах, ястреб парил в воздушном потоке, на полях топорщили крылья вороны, и лужи морщила рябь. Вокруг подворья шелестели живые изгороди, качали ветвями орешник, яблони, сахарные клены, буки. Четверо молодых женщин занимались прополкой: в таких поселениях всегда засевали небольшой участок злаками и овощами для себя и на продажу. Увидев путников, женщины оставили работу и присоединились к ним. Их примеру последовало все подворье.

Дония говорила, что подворье походит на зимовье, только оно больше. Наполовину врытый в землю жилой дом занимал восточную сторону двора — между овощными грядками и крутой дерновой кровлей поблескивали застекленные окна. Прочие стороны прямоугольника составляли конюшни, сараи, мастерские. Материалами для построек, простых и прочных, служили дерево, кирпич местной выделки, зеленый дерн. Довольно широкое применение древесины на этой равнине, которую природа обделила лесами, подсказало Джоссереку, что северяне ведут оживленный торг с лесными жителями за пределами своих земель. Большие телеги и сани, мельком увиденные им в дверь сарая, могли перевозить солидные грузы. Посреди мощенного кирпичом двора стоял ветряк, качающий воду, на южной стороне дома — солнечный коллектор, и то и другое южного производства, примитивное по меркам Ичинга, но вполне пригодное здесь. Дымовой маяк главной трубы сейчас бездействовал, но на очень высоком, укрепленном распорками шесте развевался красный флаг. На уровне глаз к шести уже прибит череп буйвола, украшенный эмалью, — память о каком-то событии, в честь которого подворье получило свое имя.

Здесь обитали около тридцати человек. Среди них — трое мужчин, более кряжистых, чем обычно бывают северяне, выполнявших самую тяжелую работу. Остальные были женщины, от шестнадцати-семнадцати лет и старше. Одевались они крайне разнообразно, а то и вовсе обходились без одежды — здеш-

ние правила этого не запрещали. (Джоссерека спрашивал себя, запрещают ли они хоть что-нибудь.) Женщины не толпились вокруг и не мололи языками, но подходили, здоровались, предлагали помощь. Несмотря на то что Дония так ублажала Джоссерека, он пришел в возбуждение от такого обилия стройных тел. Рыжая девушка, перехватив его взгляд, усмехнулась и сделала недвусмысленный призывный жест.

Дония заметила это, усмехнулась девушке в ответ и спросила Джоссерека по-арваннетски:

— Хочешь поспать с ней? Похоже, она хороша.

— А ты? — опешил он.

— Для меня тут никого нет. У мужчин слишком много работы. И я бы не прочь поразмыслить в тиши и покое.

Эрроди, спешившись, скользнула к Донии и вопрошающе взяла ее за руку. Та в ответ ласково, едва заметно покачала головой. Эрроди скривила рот и слегка пожала плечами, как бы говоря: что ж, спросить никогда не помешает, верно, милая?

Внутри дом не похож был на семейный, судя по описаниям путников. Там имелась большая общая комната, где к трапезе ставились на козлах столы, — в ней были красивые деревянные панели и драпировки, но свои личные вещи обитатели подворья держали у себя в комнатах. Остальное здание, не считая хозяйственных помещений, занимали спальни для гостей. Эрроди подвела их к приделанной у стены скамье. Ее товарки расселись вокруг на подушках или растянулись на ковре из сшитых собачьих шкур. Стульями рогавики не пользовались. Рыжая устроилась у ног Джоссерека — отнюдь не в знак покорности, а подтверждая этим свою заявку.

Лицо Донии стало серьезным.

— Вечером мой друг хочет рассказать вам о далеких странах и удивительных приключениях, — сказала она. — Теперь же я сообщу вам свои новости.

— О том, что на нас опять идут южане? Тьфу! Это мы знаем, — ответила Эрроди.

— Да, наверное. Но знаете ли вы, что они хотят построить крепости по всей Становой и оттуда опустошать страну?

— Я думала об этом.

— Рано или поздно они набредут на Бычью Кровь. Скорее рано, чем поздно. Я видела их конников на маневрах.

— Мы готовимся к тому, чтобы уйти при первом же известии. Многие семьи одного только рода Юрик обещали взять к себе по двое-трое человек, чтобы у всех было где укрыться. — Речь Эрроди звучала мужественно, и все присутствующие слушали ее спокойно — то ли смирившись, то ли веря в грядущую

победу. Джоссерек заметил, однако, что Дония ничего не сказала о крайних мерах, замышляемых врагом.

Вместо этого она кратко объяснила, как они с Джоссереком оказались здесь. Горница загудела — глаза загорелись, руки замелькали в воздухе, головы подались вперед. Рогавики вовсе не лишены были любопытства и охоты почесать языком.

— Вам понадобятся лошади и снаряжение, — сказала Эрроди.

— Сначала купание, — улыбнулась Дония.

— Нет, сначала выпейте. Мы гордимся своим медом.

Для мытья в доме имелась душевая с металлической арматурой, и горячей воды было вдоволь. Поглядывая на Донию сквозь клубы пара, Джоссерек сказал:

— Женщина, про которую ты говорила, привлекательна. Но я не верю, чтобы она могла сравниться с тобой.

— Да, это верно, — безмятежно ответила та. — Я старше, и я замужем. Нельзя узнать мужчин, пока не поживешь с ними бок о бок, год за годом. У этой бедняжки никогда не будет ничего, кроме коротких связей. Если только она не станет настоящей женщиной для любви, как многие на подворьях.

— Тебе все равно, если я?.. Но я, честно говоря, предпочел бы тебя.

Дония, шлепая по мокрому полу, подошла к нему и поцеловала.

— Верный ты мой. Но у нас еще долгий путь. Я в самом деле хочу воспользоваться случаем и поразмыслить. — Она помолчала. — Ты же завтра делай что хочешь, отдыхай, наслаждайся своей красоткой и теми, у кого еще будет охота.

— А что будешь делать ты?

— Я возьму лошадь и поеду в степь.

«Эти охотницы, — думал Джоссерек, — не стесняются своей наготы, хотя бы их обозревала вся усадьба. Откуда же у них тогда такая душевная стыдливость? В нем шевельнулось возмущение. Почему ей знать — может, мне тоже есть над чем подумать!»

Они выбрали каждый по две смены одежды из здешних запасов: белье, мягкие сапожки, кожаные штаны с бахромой из ремешков, которую можно было использовать как плетки, толстые рубахи и шейные платки, широкополые фетровые шляпы, куртки, плащи от дождя; затем подобрали оружие, инструменты, спальные мешки, лошадей. На подворье как будто никто официально не отвечал за товары. Им помогла Эрроди, а остальные вернулись к своим делам, кроме девушки, положившей глаз на Джоссерека. Она сказала, что ее работа может подождать. Звали ее Корай.

Эрроди, пользуясь стальным пером, составила список купленных ими вещей с указанием цен, на которых они сошлись, и Дония его подписала.

— Как действует этот документ? — спросил Джоссерек.

— Это имак.

Дония не могла подобрать слов. Потребовалось несколько минут, чтобы разъяснить это Джоссереку при всей простоте дела.

Подворье представляло собой куст нескольких независимых друг от друга промыслов, которыми занимались одинокие женщины и те редкие мужчины, что по разным причинам не находили себе места в обычной рогавикской жизни. (Корай позднее обратила внимание Джоссерека на то, что их кузнец хромает. Еще один из мужской троицы, по ее мнению, ушел из дома, поссорившись с семьей, хотя сам об этом умалчивает; третий же — веселый недотепа, предпочитавший наемный труд суровости и ответственности большого мира.) Они сходились отовсюду, невзирая на свою родовую принадлежность. Джоссерек догадывался, что потому-то они и соглашаются бросить свое селение на произвол врага. Их не связывали с этой землей никакие чувства.

Тем не менее их, разумеется, ждали убытки. Торговля и ремесла, которыми занимались на подворье, как правило, требовали от его жителей круглогодичной оседлости. Подворье служило постоянным двором, торговым центром и мастерскими для всей огромной округи. Особенно полезно оно было путникам — рогавики часто путешествовали в одиночку; они могли найти там все, что нужно в дороге. Главным занятием на подворье была замена усталых пони. За разницу в обмене или за покупки расплачивались иногда деньгами — в ходу были арваннетские и имперские монеты. Можно было уплатить натурой. Можно было подписать такую же бумагу, как Дония — своеобразный вексель. Семья Донии оплатит его по предъявлении. Возможно, он пройдет через много рук, прежде чем достигнет своего назначения.

— А если никогда не достигнет? — поинтересовался Джоссерек.

— У нас на севере не так строго смотрят на такие вещи, как в других краях, — ответила Эрроди. — У нас слишком много всего, чтобы какая-то неоплаченная покупка могла причинить нам ущерб.

— Сидир об этом позаботится, — прошептала Дония.

Корай стиснула Джоссереку локоть, зовя его смотреть подворье. Она все обещала ему показать.

Первым делом она гордо ввела его в свою типографию. Из плоскопечатного станка выходили четкие листы, покрытые строчками округлых букв, с искусными иллюстрациями.

— Мы можем и переплетать, — сказала Корай, — но покупатели предпочитают делать это сами, зимой.

— А откуда вы берете бумагу?

— Чаще всего с юга. Но вот эта — рогавикская. На подворье Белые Воды около Диких лесов построили черпальню.

Одно только это, помимо всего, что он видел в тот день, могло указать Джоссереку на широту и оживленность здешней коммерции. Семьи, в основном обеспечивавшие себя сами, с охотой покупали искусно сделанные вещи. Многие товары приходили с юга в обмен на металл, добытый из древних руин, но множество, и даже больше, производилось на месте. Рогавики не чуждались и новшеств. Корай интересовали недавно изобретенные переносной ткацкий станок и многозарядный самострел, о которых рассказывал ей приезжий с Тантианских холмов. В брошюре, которую она печатала, излагались результаты астрономических наблюдений некоего жителя Орлиного Утеса — у автора, кроме рагидийского телескопа, имелся еще и киллимарайхский корабельный хронометр, неведомо как попавший ему в руки. Джоссерек смекнул, что тут открывается обширный рынок для изделий такого рода — если только треклятая Империя не установит монополию.

И торговля, и ремесла здесь, по-видимому, находились исключительно в частных руках. Не существовало ни правительства, ни Гильдий, которые распоряжались бы ими или вводили бы какие-то ограничения и запреты. Впрочем, нет...

— Ваши люди продают южанам меха, — сказал Джоссерек. — Но, как я слышал, никогда не продают ни мяса, ни кож. А между собой вы торгуете этим?

— Как же. Один друг дарит другому бизоний плащ или окорок дикой свиньи — да что угодно.

— Я спрашиваю не про подарки, а про куплю-продажу. Ну, скажем, я предложил бы вашей конюшне сто шкур диких лошадей за одного живого, хорошо оббеганного коня.

Корай отступила на шаг, широко раскрыв глаза.

— Нет, так нельзя.

— Но почему?

— Это... неплохо, неправильно. Дикие животные — это наша жизнь.

— Понятно. Прошу прощения. Извини чужеземцу его невежество.

Джоссерек погладил девушку, она успокоилась и прижалась к нему.

Ему интересно было все, что он видел, но с особым вниманием изучал энергетические устройства. Ветряк представлял собой обычный каркас с парусиной. Паяльные лампы и еще некоторые механизмы работали на спирту. Его получали тут же путем ферментации диких злаков и плодов. (Спиртные напитки производились отдельно.) Главным источником энергии был солнечный коллектор — черные водопроводные трубы тянулись от него в подземный резервуар из обожженной глины. Там температура воды под давлением поднималась выше точки кипения, и простые теплообменники подавали ее в систему отопления и на кухню.

Единственными видами домашних животных здесь были лошади, собаки и соколы, ничем не отличавшиеся от своих диких родичей. Когда Корай стала играть с выводком щенят, а их большая поджарая мать заворчала на Джоссерека, он понял, чего ему все время здесь не хватало.

— Разве у вас тут нет детей?

Ему показалось, что Корай, стоявшая на коленях в соломе, вздрогнула — во всяком случае, она отвернулась от него и ответила еле слышно:

— Нет. На подворьях их не бывает. Тут никто не вступает в брак. Я такого не слышала.

— Но ведь... мужчины-то здесь бывают...

— Нехорошо это — растить детей без отца. Замужние женщины рожают достаточно.

— Нет, я хотел спросить...

— Я поняла. Разве не знаешь? Многие рогавикские женщины умеют не беременеть, когда не хотят.

Он удивился, но подумал: все возможно. Психосоматика — разум управляет гормонами. Но как этому обучаются? Нашим психологам это было бы очень интересно.

— И всегда получается?

— Нет. Но есть и другие пути. — Он думал, что она сейчас скажет о химических или механических средствах предохранения, как ни странно их существование в этих краях. Но она только взглянула ему в глаза, как будто поборов свою печаль, и сказала: — За меня не бойся, Джоссерек. Союзы между нами и чужеземцами... редко приносят плоды.

Она оставила щенков и подошла к нему.

Вечером, при свете фонаря, все славно отобедали. Подавали в основном мясо во всех видах. Человек может прожить и на чисто мясной диете, если съедает все животное целиком. Северяне, готовя разнообразные блюда, так и поступали. Но на столе была еще и рыба, птица, яйца, хлеб, кобылье молоко и сыр, фрукты, травяной чай, пиво, вино, мед, водка — у Джоссерека уже

гудело в голове. Оживленная беседа сдабривалась юмором, несмотря на угрозу, поднимавшуюся по Становой. Однако Джоссерека поражал безличный характер этой беседы. В любом другом месте чужестранного гостя спросили бы, пусть в самых общих чертах, о его жизни, привычках, вере, предубеждениях, мнениях, надеждах и сами бы ответили ему на такие же вопросы. В Бычьей Крови хозяева говорили о своей стране, ее истории и разных местных событиях, предоставляя и гостю говорить о чем угодно.

Впрочем, трое девушек станцевали в его честь под арфу — танец начался бурно, а завершился так, что большинство зрителей вскоре разошлись спать — по парам.

Но это было уже в самом конце вечера. До этого все несколько часов подряд жадно слушали его рассказы о Материнском океане, забрасывая его меткими, как град стрел, вопросами.

За столом сидели еще двое гостей — мужчина и женщина, почтовые курьеры, едушие в разных направлениях и остановившиеся здесь на ночлег. Из их слов Джоссерек понял, что почта здесь — тоже дело частное, лишенное общего руководства. Однако сообщение между родами было, по-видимому, быстрым и надежным.

Живая, изобретательная Корай доставила Джоссереку радость, пусть и не такое блаженство, как Дония. Но еще долго после того, как она уснула у него на руке, он лежал без сна, глядя во тьму и тщетно пытаясь понять этих людей. Пожалуй, они все-таки не варвары... но кто они тогда, ради Великой Бездны?

Глава 11

В конце судоходного пути, в нескольких милях к югу от впадения в Становую могучей, но коварной Бизоньей реки, стоит Фульд, самый северный из арваннетских торговых постов. Дальше русло Становой загромаждают камни, которые лед выворачивает и несет с собой при зимнем наступлении и оставляет на юге, отступая летом. Сидиру, стоявшему на веранде фактории, был виден бело-зеленый водоворот у ближнего порога. Такая река, какой бы глубокой она ни была, не может больше служить армии, где мало кто умеет плавать.

Фактория стояла на вершине высокого левобережного утеса. Дом был выстроен из дерева и кирпича, доставленного с юга, на южный манер — в виде квадрата, окружающего внутренний дворик. Остроконечная гонтовая крыша, призванная выдержи-

вать гораздо более толстый, чем в городе, снеговой покров, выглядела на нем нелепо, внутренний садик имел жалкий вид, комнаты, хотя и просторные, были холодными и мрачными. Сидир не понимал, почему строители не взяли за образец зимние жилища туземцев, столь уютные, судя по рассказам. Но потом, полностью проникшись окружающим пейзажем, понял: наверное, им хотелось, чтобы хоть что-то напоминало о родине.

Внизу, вдоль пристани, рядами тянулись склады и бараки, там же помещалась таверна. У причала покоился «Вейрин». Посреди бурой реки на якорях стояли последние баржи и буксиры. Паром, ходивший через реку, связывал факторию с рогавиками, которые возили товары с запада — раньше, до прибытия Сидира. В миле за поселком пустошь заполнили знамена, частоколы, круглые палатки, повозки, загоны, пушки. Те войска, которые он привел сюда и поведет дальше, были его отборными частями: бароммская кавалерия, гвардейская пехота Рагида, лучшие в мире артиллеристы и саперы.

Но в этом краю они выглядели сиротливо. За время их путешествия вверх по реке ровная земля сменилась холмами, высокая трава — низкой, безлесая равнина — редкими рощами. Все это еще усугубляло чувство затерянности и отчуждения. День был холодный, пасмурный, тусклый. По сплошному свинцовому покрову летели черные клочья туч. Ветер швырял редкие капли дождя, тяжелые и колючие.

— Да, воевода рассудил верно, — сказал Иниль эн-Гула, торговый агент. — Река здесь служит границей. К востоку от нее живет род Ульгани, к западу — Хервар.

Хервар. Дония. Сидир сцепил зубы.

— Это исключение из правила, — продолжал Иниль, сморщенный желтолицый человек, из образованных, открыто не одобрявший войну, но неспособный отказаться от разговора с человеком, только что прибывшим из цивилизованных мест. — Обычно у родов нет четких границ.

Сидир не мог не удивиться. Он прочел о северянах все, что только возможно, и без конца выпрашивал Донию, но что-то всегда от него ускользало, и каждый раз он обнаруживал, что некоторые вещи понимал неправильно. При этом не было никакой уверенности, что он правильно понял и теперь.

— А я-то думал, что туземцы — фанатики во всем, что касается их земель.

— И это верно, воевода. Вот потому-то Империя и совершает ужасную ошибку.

Сидир нетерпеливо махнул рукой.

— Фанатики — все равно что сухие прутья. Они не гнутся, но ломаются, и вообще их не изменишь.

— Рогавики не такие. У них нет вождей, которых можно заставить, чтобы они уговорили свой народ заключить мир.

— Знаю. Тем лучше для нас. У разобщенных одиночек нет той взаимной поддержки — нет сетей долга и закона, нет страха прослыть трусом или понести кару за измену — которая заставляет сопротивляться организованное общество. — Сидиру вспомнились происшествия, о которых докладывали ему курьеры по пути следования: нападения из засады, убийства исподтишка, скрытые ямы с кольями на дне, отравленные колодцы, горшок с гремучими змеями, заброшенный в лагерь. — Не отрицаю: это опасный, коварный враг. Но опасный именно там, где есть возможность проявить коварство. Желал бы я, чтобы они вместо этого проявили безрассудство и пошли на открытое сражение. Но если этого не произойдет, мы будем расправляться с ними поодиночке, и это послужит примером остальным. Фульд все это время будет под надежной защитой. Простите за прямоту, но вы недостаточно понимаете характер этого народа.

— Надеюсь, что так, воевода, — вздохнул Иниль. — Надеюсь ради нас обоих.

— Я ценю откровенность, почтенный, — натянуто улыбнулся Сидир. — Ложь и лесть не только бесполезны, но и вредны. — «Так Дония лгала? Или я просто не уловил, что она пыталась мне сказать? И льстила она мне своим любовным пылом или просто наслаждалась мной — таким, как есть? Когда она набросилась на меня, в этом не было ни расчета, ни предательства — одно только отчаяние. Что я такого сделал, Дония?» — Объясните мне, однако, — потребовал он, — как тогда племена отмечают свою территорию?

— Во-первых, воевода, у них нет племен. Нет и кланов. Род — это неточный перевод слова «рорской». Иногда его члены ссылаются на общих предков, но это скорее легенды, не имеющие большого значения. Браки действительно стараются заключать внутри рода, но это не обязательно — просто для них много значит родственная близость. Когда брачный союз заключается между родами, муж переходит в род жены — без всяких церемоний посвящения и без особых переживаний, хотя Бог знает, какие чувства испытывают рогавики относительно того, что для них действительно важно. Я этого не знаю, хоть и торгую с ними уже двадцать пять лет.

Сидир потер подбородок.

— И все-таки этот самый муж будет защищать неродную ему землю до последнего дыхания.

— Да. По сути своей, род — это объединение нескольких семей, которые, по традиции, совместно пользуются общими

охотничьими угодами. Угодья эти огромны. На всем севере меньше сотни родов, и в каждом, на мой взгляд, никак не больше двух-трех тысяч человек. Стада, за которыми они следуют, достаточно хорошо отмечают границы земель — ведь это территориальные животные.

Так вот почему Дония лишилась разума? Потому что, по ее диким понятиям, эти стада ей все равно что родина? Ее боги, духи ее предков?

— Путешествуют северяне, где хотят, — и в одиночку, и компаниями, — продолжал Иниль. — Путники повсюду желанные гости, поскольку сообщают новости и вносят в жизнь разнообразие. Никто не станет возражать, если в пути они поохотятся. Но здесь не слыхивали, чтобы чья-то большая охота вторглась на землю соседнего рода. Мне сдается, им это просто не приходит в голову.

— Даже в тяжелые годы?

— У них не бывает тяжелых лет. Рогавики держат свою численность в столь низких пределах, что, даже если животных сильно поубавится, скажем, после особенно суровой зимы, на долю человека всегда хватит.

Это тоже противоестественно. Это признак слабого, вымирающего народа — такого, как арваннетяне. Сильные плодятся без всяких ограничений. Вот почему Империя завоюет север.

Так что ж, выходит, Дония — слабое создание?

— Должно быть, их религия запрещает войны, — заметил Сидир. — И многое другое.

— Не уверен, существует ли у них религия в нашем понимании.

— Что?

— Мне знакомы кое-какие идеи, которым некоторые рогавики посвящают всю свою жизнь. Но это скорее философия, чем вера.

Ни войн, поддерживающих покорность. Ни вождей, поддерживающих порядок. Ни веры, поддерживающей дух. Да чем же они живут?

— Зверский холод, воевода, — пожегся Иниль в своем долгополом платье. — Не зайти ли нам в дом?

— Ступайте, почтенный, если хотите. Я хотел бы подышать еще немного. Скоро я присоединюсь к вам.

— Лед уже коснулся вас, не так ли? — промолвил Иниль и оставил его.

Сидир поглядел ему вслед. Что он, ради девяти дьяволов, хочет этим сказать? И снова стал смотреть вдаль. Сколько еще у него дел — не перечесать. Главное — и прежде всего — надо собрать сведения о стране. У них до сих пор нет туземных

проводников — а ведь везде и всюду находятся туземцы, которые служат завоевателям! И его разведчики вынуждены заново открывать этот край и вычерчивать свои карты — в пустыне, где за каждым камнем может скрываться стрелок и в каждой роще — засада. Но его ребята могут все. Они справятся. В конце концов они непременно найдут жилище Донии и захватят его или разорят, чтобы другим была наука. Но надо их поторопить — пора определиться перед холодами. Лето коротко в этой проклятой стране.

Проклятая страна, проклятая женщина! Она преследует его. Но почему?

Сидир старался чистосердечно в этом разобраться. Она хороша. Не похожа на других. Великолепна в постели. Умна и важна, как мужчина. А главное, может быть, — тайна, то неразгаданное, что скрывают ее глаза. Да — и этим нельзя объяснить то, что рана от ее потери по-прежнему кровоточит.

«С чего я взял, что в ней есть какая-то тайна? Просто у нее — ни стыда ни совести, и она легла с тем кочегаром так же охотно, как со мной или с любым другим, но не могла долго скрывать свою измену — достаточно было случайной ссоры, чтобы она обезумела. Не Донию не могу я забыть, а мечту о ней.

Откуда же взялась она, эта мечта?

Говорят, северянки — ведьмы все до одной».

Под рагидийским образом мыслей вновь ожил былой варвар. Сидир ощутил, как пронизывает его ветер, содрогнулся и тоже зашел в дом.

Глава 12

Дония и Джоссерек ехали уже несколько дней, направляясь в Хервар к ее семье, когда им впервые повстречалась охота. Джоссерек не вел счета дням. В этих безлюдных просторах время и пространство сливались воедино, и считались не дни, а события: проливной дождь, радуга, охота на антилопу, бегство от диких собак, яркий закат над озером и прозрачные крылья летучих мышей на его фоне, тетерев, взмывший из ягодника, целая стая бабочек, переправа через холодную, как нож, реку, смешные мордочки лисят, наблюдаемых из укрытия, ограбление пчелиного улья, устроенного в пустом пне, неистовая любовь при луне, нежная на рассвете и однажды безумная под сверкающим, ревущим, залитым грозой небом — события, словно волны в нескончаемом ритме дороги. Однако Джоссерек замечал, что вокруг все медленно меняется. Стали чаще встречаться

низкие холмы, перемежаемые долинами, деревья, поросшие мхом низинки, а потом начались заросли вереска. Ночи стали холоднее.

Увидев наконец слева дым, Дония направилась туда.

— Может, у них есть новости, которых мы еще не знаем, — объяснила она. — А мы должны сообщить им то, что известно нам. Надо собрать на летнее краевое вече как можно больше народу.

Это вече отличается от родового, которое собирается на земле каждого рода в дни солнцестояния, вспомнил Джоссерек. Краевое вече бывает на два месяца позднее, и на него съезжаются все, кто хочет. Акула их схвати! Неужели им понадобится столько времени, чтобы объединиться наконец? Сидир к той поре уже дойдет до Рунга.

Но он успел уже усвоить, что спорить с ней бесполезно.

— Где мы сейчас? — спросил он.

— На чьей земле, ты хочешь сказать? Рода Феранниан. — Дония прищелкнула языком и ударила своего пони пятками. Он затрусил рысью. Джоссерек с двумя запасными лошадьми последовал за ней.

К стану они подъехали незамеченными — их отделяла от него гряда холмов. С ее вершины Джоссерек увидел у ручья дюжину круглых остроконечных шатров. Стан, очевидно, принадлежал сообществу — нескольким семьям, чьи зимовья стояли рядом и которые вместе охотились летом (за исключением тех, в основном молодежи, которые могли отправиться путешествовать в любое время года). В этот теплый солнечный день, полный запахов цветущей земли, старики и дети готовили общий ужин на воздухе: над углями жарились куски громадного степного оленя, тут же висели котелки. Рядом стояло несколько легких высоких телег — в них груз везли по равнине и переправляли через реки. Неподалеку паслись стреноженные ездовые лошади. Верховые кони, собаки, соколы были на охоте. Окинув взглядом волны зеленых холмов, вплоть до восточного горизонта, Джоссерек увидел и ее. Охотники гнали стадо буйволов — лавину рыжих тел, сотрясающую землю грохотом копыт, — скача вплотную по его краям с копьями и луками наготове.

— Разве можно съесть столько мяса, прежде чем оно испортится? — удивился он вслух, привыкнув уже к почти религиозному отношению к земле и всему живому на ней, существующему у местных жителей.

— Почти все мясо высушат или закоптят, и возчики доставят его домой... а также шкуры, кости, жилы, кишки — все пойдет в дело.

— Но ты говорила, что вы и зимой охотитесь.

— Понемногу — и рядом с зимовьями. Запасы выручают нас в метель или когда едем куда-нибудь в гости, а можно просто рукодельничать и предаваться досугу. Не думаешь ли ты, что мы всю зиму сидим, зарывшись в снег, как койоты?

И Дония с дразнящим смехом поскакала вниз.

Джоссерек удивился, что люди в стане, заведя чужих, схватились за оружие. Путешественники не однажды упоминали о доверчивости рогавиков. Дония, должно быть, тоже обратила на это внимание — она вытянула вперед руки, показывая, что безоружна, и остановилась, не доезжая до лагеря. Тогда и его обитатели отложили оружие. Седовласая бабушка, еще прямая и гибкая в своей юбочке, составлявшей всю ее одежду, подошла первой.

— Добро пожаловать, путники. Мы из Приюта Ворона, а меня зовут Дераби.

Дония назвала себя и своего спутника.

— Почему вы испугались нас? — спросила она. — Разве имперская армия уже вступила в Феранниан?

— Нет, хотя проезжие говорили нам об их бесчинствах. Мы опасаемся отхожих: несколько дней назад мы наткнулись на следы их работы. Хотя ты хорошо одета и при тебе мужчина — эйах, сойдите же с седла и отдохните. Авело, позаботься о лошадях наших гостей, хорошо?

— Отхожие, — нахмурилась Дония, но тут же разгладила лоб и ответила на вопросительный взгляд Джоссерека: — Я объясню тебе позже, если захочешь. Еще одна опасность. Не страшнее диких собак или еще более дикой реки, с которыми мы уже встречались.

Дети сбежались к чужеземцу и не успокоились, пока все ему не показали. Он убедился, что шатры сделаны из тонко выделанной кожи, натянутой на легкий деревянный каркас со стальными креплениями. Внутри у каждого посредине был очаг, над которым висел алюминиевый дымоход. Оконные и дверные проемы завешивались сеткой от комаров. Джоссерек увидел в шатрах множество разных вещей, в том числе предметы для спорта и игр, музыкальные инструменты, даже книги. На стенах были выжжены непонятные ему, но красивые знаки. Расписные телеги украшали медь и позолота.

В лагере он заметил двух матерей — сегодня была их очередь нянчить и кормить грудью всех малых ребят. Их собственным ребятишкам было по два-три года, и они давно перешли на обычную пищу, но тоже то и дело подбегали пососать. Джоссерек знал, что кормление грудью снижает способность к оплодотворению. И малый вес тела тоже — а рогавики в большинстве

своим художавы. У диких кочевых племен обычно велика детская смертность, однако у них есть и другие способы уменьшения рождаемости. На то имеются практические причины: женщина не в силах таскать на себе больше одного младенца, да и малые дети — почти такая же обуза.

Эти же, будь они неладны, ничем таким, похоже, не пользуются. Судя по словам Донии, да и по другим признакам, на севере хорошо развита медицина и гигиена — дети здесь почти не умирают. Тяжести рогавики не таскают на себе, а возят на телегах. У них, можно сказать, существует равенство полов; мужчины помогают растить детей, а в полиандрической семье мужчин достаточно. Материнство не отнимает у женщины всех сил — во всяком случае не настолько, чтобы в чем-то ей мешать. Стало быть, прирост здесь скорее должен соответствовать величине, обычной у земледельческих народов. А у рогавиков он ниже всех, о которых я слышал, — он равен нулю, за исключением тех лет, когда надо восполнить большие потери.

Это предполагает наличие регулирующих механизмов: религии, закона, морали, социального давления, различных учений. Только у рогавиков, судя по всему, ничего этого нет!

Конечно, форма их брака — мощный фактор. Как это говорила Дония? Трое женщин из пяти никогда не производят потомства. Как могло такое продолжаться целыми веками и тысячелетиями? Ведь это же противно человеческой природе.

Вскоре случай позволил ему получить частичный ответ на этот вопрос. В стан раньше других вернулась юная, явно беременная женщина в сопровождении старшей спутницы. Обе они привлекли внимание Джоссерека. Видно было, что молодая недавно плакала, хотя теперь успокоилась. Джоссереку это показалось нетипичным. Вторая была еще более приметной: высокая, светловолосая, лет сорока, она, должно быть, постоянно ходила обнаженной, как и сейчас, — ее кожа приобрела густо-коричневый цвет, и волосы по сравнению с ней казались почти белыми. Она определенно не была замужем: Джоссерек не видел на ней серебристых родовых шрамов, покрывавших бедра Донии. Но ее походка и внешность отличались величием, подобного которому Джоссерек здесь еще не встречал. Правой рукой она обнимала молодую за талию — успокаивающим, но не эротическим жестом — а левой опиралась на посох, увенчанный солнечным диском из моржовой кости, добываемой на Материнском океане.

— Кто это? — тихо спросил Джоссерек.

— Одна — наставница, это сразу видно, а другая — женщина из этого сообщества, которой та помогает, — ответила Дония.

— В чем помогает?

— Потом скажу.

Женщина с посохом назвалась Кроной из Старрока. Далеко же она заехала в таком случае из своих южных краев. Ласково простившись с молодежи, она вступила в разговор с хозяйкой Совиного Крика. Джоссерек не слышал, о чем они говорили, — возвращались охотники, всем не терпелось познакомиться с пришельцем.

Несколько человек остались на месте охоты — охранять до утра добычу от стервятников, пока не начнется разделка. Вдали в сумерках мерцали их костры.

— Жаль, что завтра вам уже надо ехать, — сказал седобородый человек по имени Тамавео. — Они бы с радостью послушали о твоих странствиях.

— У нас есть время лишь на то, чтобы предупредить вас, — ответил Джоссерек. Он, хотя и не верил, что от этого будет польза, разделял стремление Донии разнести весть о вторжении, не похожем на прежние, по всему северу.

— Мы уже знаем. — Костяшки пальцев охотника, сжимавших копье, побелели. — Хищники вернулись. Еще одному поколению придется погибнуть ради того, чтобы отогнать их.

— Нет, — возразил Джоссерек. — Таких войн, как эта, еще не бывало.

Жена Тамавео, затаив дыхание, схватила мужа за руку. (Она была не старше той девочки, что пришла с Кроной. Дония на тихий вопрос Джоссерека ответила:

— Легко догадаться, что случилось у них в семье. Хозяйка умерла. Мужья ради детей решили остаться вместе. Они бы, безусловно, предпочли взять супругу повзрослее, но все жены по соседству и на родовом вече сочли, что у них уже достаточно мужей, и эта пигалица единственная, кто дал согласие.)

— Почему не бывало? — шепотом спросила молодая жена.

Дония мотнула Джоссереку головой, будто говоря: не доводи их до безумия упоминанием о плане перебить всю дичь. Он плохо видел ее — она сидела по ту сторону костра рядом с Кроной. Наставница к ночи оделась в длинное серое платье и синюю мантию с капюшоном, и это еще более выделяло ее среди одетых в шерсть и оленью кожу охотников.

На пепле и углях вспыхивали крохотные язычки огня. Из мрака выступали лица, руки, рога с медом. Ужин окончился, и ночной ветерок унес прочь запахи мяса, похлебки, лепешек, принеся взамен издали вой собак. Одна за другой загорались звезды, пока весь их величественный полог не развернулся на северном небе, где стражем стояла Вега.

Джоссерек слегка кивнул в ответ своей подруге.

— К вам идут не пахари и пастухи, которых можно перебить, — сказал он, — не медлительные пехотинцы или неповоротливые драгуны, которых легко захватить врасплох и отрезать от обозов в сухом, скудном, пыльном краю за Кадрахадом. Кулак и клыки этой армии — бароммская конница; ее бойцы в быстроте и смелости не уступают вам, они, как и вы, способны выжить в пустыне, но лучше вооружены, боее... — Он не мог перевести слова «дисциплинированны». — Более обучены действовать сообща — боюсь, вы даже не представляете себе, что это такое. Рагидийская же пехота строит крепости, из которых будет налетать на вас эта конница.

Дония заверяла его, что известия такого рода, касающиеся опасности, грозящей только людям, не нарушат самообладания северян.

— Говори дальше, — ведела Дераби, и голос ее не дрогнул, но Джоссерек увидел в свете гаснущего костра, как она протянула руку и погладила щечку своей внучки.

И он говорил, а они слушали еще долго после восхода поздней луны. Вопросов было много — и большей частью разумных. Но все они касались только тактики. Как человеку, вооруженному кинжалом, одолеть бароммца с пикой и в латах? Нельзя ли заманить вражеские эскадроны в зыбучие пески, часто встречающиеся у обмелевших рек? А если залечь в траве, а потом напасть и подрезать коням поджилки? Джоссерек не услышал ни единого стратегического предложения, и никто даже не упомянул о возможности поражения.

Под конец, когда все начали зевать и расходиться по шатрам, Тамавео пригласил киллимарайхца к себе. Дония и Крона ушли куда-то в темноту. Джоссерек заметил, что в этой семье верховодит Тамавео как старший муж. У путника сложилось впечатление, что обычно главенствует жена. Хотя «главенство», пожалуй, неверное слово применительно к обществу, где личность не ограничивает ничто, помимо ее собственной воли. Может быть, «инициатива»? Как бы там ни было, домочадцы Тамавео обрадовались, а члены других семей выразили беззлостное разочарование.

В своем жилище, при свете маленького бронзового светильника, Тамавео произнес с таким жаром, которого Джоссерек еще ни разу не наблюдал у рогавиков в их нормальном состоянии:

— Человек с Мерцающих Вод, ты делаешь нам много добра. Могу ли я чем-нибудь одарить тебя?

И он вынул из сундука плащ из тяжелого южного шелка, скроенный и расшитый на северный манер.

— О... хорошо! Ты очень добр, ты порадовал меня, — ответил Джоссерек — на их языке это было ближе всего к благо-

дарности в тех случаях, когда услуга вызывает удовлетворение. Он говорил искренне — вещь была великолепна.

— Что это за белый мех? Я ни разу не видел такого зверя.

— Горный кот, — ответил Тамавео.

— Вот как? — Джоссереку часто попадались на глаза эти зверьки семейства кошачьих, явные сородичи домашних кошек Киллимарайха. Но все они были серые, как требовалось для мимикири. — Наверно, это был... — Проклятие, как сказать «альбинос»?

— Зимний мех, конечно, — с оттенком гордости пояснил Тамавео. Должно быть, зверька зимой труднее добыть, поэтому и мех ценнее.

Джоссерек по некоторой причине долго думал об этом, лежа в спальном мешке. Кошки встречались ему по всему свету. Ученые объясняли это тем, что они были домашними животными еще во времена доледовой цивилизации — и определенное единообразие заставляло предположить, что их держали повсюду. Но Джоссерек еще не слыхивал о таких, которые меняли бы окраску в зависимости от времени года, словно горностаи или полярный заяц.

Стало быть, горный кот — это новый вид... Что значит «новый»? За те неисчислимые тысячелетия, когда климат менялся каждые десять лет по мере продвижения с полюса ледников, естественный отбор вполне мог резко ускориться, как и мутации в популяциях, отрезанных от своего вида. Джоссерек вспомнил остров, на котором у всех жителей было по шесть пальцев. А также Мулвена Роа с Ики — его кожу цвета черного дерева, белоснежные волосы и медные глаза... Впрочем, он не специалист в вопросах наследственности. Просто немного читал об этом, в особенности когда служил в китовом патруле, — хотелось узнать, как могло возникнуть такое чудо, как киты. В конце концов Джоссерек уснул. В его снах трубили слоны. Не такие, каких он видел в тропическом Ованге или Эфлисе. Эти были волосатые, с огромными дугообразными клыками, и жили они в тундре, перерезанной ледяными горами.

Ночью к нему пришла Дония. На рассвете, когда лагерь начал пробуждаться, она отвела его в сторону и сказала:

— Крона, наставница, закончила свои дела здесь и теперь едет на подворье Темный Вереск. Нам с ней по пути, если мы хотим оповестить всех, кого только можно, и я пригласила ее ехать с нами. Ты не возражаешь?

— Наверное, — заколебался Джоссерек. — А чем она занимается?

— Ты не знаешь? Она ищет мудрости. И потому не принадлежит ни к семье, ни к сообществу, ездит повсюду, расплачи-

ваясь за гостеприимство тем, что учит или помогает людям, как той девочке вчера. Это благородное призвание — для тех, кто имеет силу посвятить себя ему.

Джоссерек подумал, что это несколько осложнит их с Донией отношения в пути. С другой стороны — интересно. И что проку, если он скажет «нет»?

— В чем заключается ее помощь? — спросил он. — Ведь вы с ней долго беседовали. Я уверен, что она сказала тебе, а может, ты и раньше это знала. Лучше скажи мне, чтобы я не брякнул чего-нибудь невпопад.

— Обычное дело, — безразлично, но с долей сочувствия ответила Дония. — У девушки есть хорошая возможность выйти замуж. Двое ее отцов занимаются торговлей и могут дать ей богатое приданое. — (Поскольку отцовство становится трудно определить, когда жена берет себе второго мужа, дети в рогавикской семье обычно считаются общими.) — Но девичьи игры не довели ее до добра — стрела попала в цель.

Джоссерек уже знал, как пользуются здесь пониженной способностью подростков к оплодотворению. Девушек ни в чем не ограничивают, но первое замужество обычно заключается вскоре после полового созревания, и юная пара растет еще несколько лет под родительским надзором, прежде чем у нее начинают появляться дети.

— Это считается... — Ему пришлось употребить арваннетское слово. — ...позором?

Дония кивнула:

— Если бы незамужние рожали так же, как и жены, нас развелось бы видимо-невидимо, так ведь?

— А их нельзя принудить к воздержанию?

— Конечно, нет. Они ведь не животные. — Понятия рогавиков о принуждении происходили целиком от общения с домашними животными и от их сведений о жизни в чужих краях. — Но кто примет такую к себе, кто поможет ей, не говоря уж о том, чтобы пойти к ней в мужья? Ей пришлось бы стать отхожей или шлюхой или ее постигла бы не менее страшная судьба.

— Что же ей тогда делать?

— То же, что и всем. Просто она еще ребенок и... слишком чувствительна. Поэтому Крона и уговаривала ее несколько дней.

— На что уговаривала?

— Чтобы избавилась от новорожденного, на что же еще? — улыбнулась Дония. — А потом рассказала бы всем обычную историю, будто это был мул, случайно зачатый от южанина, а стало быть, и сохранять его не стоило. Никто не станет этого оспаривать. Хой, не пора ли нам собираться в путь?

Джоссерек остолбенел. Шум и движение вокруг, прибывающий свет и убывающий холод отошли куда-то вдаль.

«Какое мне, собственно, дело? Уж не вообразил ли я, что им здесь неведомо лицемерие? Видят боги — аборт и детоубийство достаточно распространены по всему свету. И все же... Как видно, я больше сросся с киллимарайхской цивилизацией, чем сам полагал, если все мое естество кричит о том, что у нерожденных и новорожденных тоже есть права, что они ни в чем не повинны и не должны ни за что расплачиваться.

Северяне думают иначе. Мне-то что? Чего можно ожидать от... от совершенно чуждого мне народа?

Я останусь с ними, несмотря ни на что. Если они будут драться с Империей до конца, я, может быть, сумею научить их, как убить побольше врагов, прежде чем последние изголодавшиеся рогавики, которых не убили при рождении как нежеланных, вынуждены будут сдаться».

Глава 13

На другой день путешествия путников настигли отхожие.

Дония первая увидела их. Она, как обычно, ускакала вперед подучить своих лошадей, оставив спутников за холмом. Дония проделывала это с обеими своими лошадьми с самого отъезда из Бычьей Крови, обучая их разным аллюрам, маневрам и трюкам, которые принесли бы ей славу в любом цирке Людей Моря.

— Это может пригодиться, — объясняла она Джоссереку.

Лошади уже слушались ее, как собственные руки и ноги.

Джоссерек не пытался ей в этом подражать, и она его не побуждала. Он был приличным наездником, но не больше. Лошади Кроны тоже составляли с хозяйкой одно целое, но она не видела нужды в ежедневных учениях, поскольку вырастила их сама с жеребячьего возраста. Поэтому они с Джоссереком трусили рядом и беседовали. Она стала нравиться ему, несмотря на его мнение о ее моральных взглядах.

Полная любознательности к его миру, Крона чаще задавала вопросы, чем отвечала на них. Но и не так скрытничала, как большинство рогавиков, причем это не было следствием эгоизма или неуверенности в себе. Джоссерек вскоре понял, что редко встречал столь уравновешенных людей, как она. Путешествуя почти безоружной — только с ножами, топориком и легким арбалетом, предназначенными лишь для охоты, — она и за внутренний свой мир не опасалась. Мало-помалу она стала рассказывать Джоссереку о себе.

— Незамужние женщины чаще всего остаются жить в своих сообществах. Лишние руки всегда пригодятся. А лишние головы тем более.

Джоссерека интересовало, насколько устойчивы такие семьи. Не надоедает ли порой мужу делить свою жену с другими, и не может ли его сманить другая женщина? Дония говорила, что нет. Жена должна быть способна осчастливить нескольких мужей; это одно из условий, на основе которых девушка, посовествовавшись с родителями, решает, хочет она на самом деле стать женой или нет. Не вступившие в брак тоже находят себе партнеров — чаще других женщин, но случаются и мужчины: мальчишки, заезжие странники, а то и чей-нибудь муж. Единственное условие здесь — не иметь детей. Внебрачные игры сами по себе мало значат, если брак прочный — а таким он обычно и бывает. Теоретически любой из супругов волен уйти, когда захочет. На практике брак — это союз чести, и тот, кто нарушает его без взаимного согласия, рискует потерять уважение своих друзей.

Джоссерек содрогался при мысли о том, что он для Донии — всего лишь развлечение. Спросить ее об этом он не смел. Сказал только, что у него на родине, если двое или больше женщин соберется под одной крышей — жди беды. Дония пришла в недоумение. С чего им метать икру? В ее мире у всех были свои комнаты, свои вещи, своя работа, свои игры, свои радости, и никто никому не мешал. Работу, требующую совместных усилий, старались закончить как можно быстрее и дружнее. Ведь это же подсказывает простой здравый смысл — что тут удивительного?

«Значит, у вас, рогавиков, здравый смысл крепче, чем у всех, с кем я встречался раньше», — пошутил тогда Джоссерек и тут же вспомнил о приступах ее бешеной ярости и о многом другом.

— Но многие не хотят оставаться дома, — продолжала Крона. — Они собирают свои ватаги для ловли пушных зверей и торговли или вступают в уже созданные. А еще селятся на подворьях, где слышен пульс всего севера. А еще едут в чужие края, пробуют разные занятия и возвращаются с богатым запасом разных историй. А еще становятся художницами, ремесленницами, лицедейками, изобретательницами, старательницами, учат грамоте, ищут новых знаний о природе. Кое-кто ищет знаний за гранью природы, и такие порой становятся наставниками.

Джоссерек смотрел на нее и с интересом, и с удовольствием. Красива она была, когда ехала с ним рядом, одета так же, как и он, но в распахнутой рубашке и со свободно развевающимися цвета соломы волосами. С ней было легко — она уже стала ему в чем-то ближе, чем Дония с ее чередованием резко-

сти, хищной ухмылки и порывов безмолвной страсти. Но что-то и отдаляло его от Кроны — не только посох, притороченный к седлу, не только длинные одежды, которые она везла в спальном мешке, и даже не ее памятные слова о том, что она обрекла себя на пожизненное безбрачие по собственной воле. «Мой путь ведет за грань человеческого, — сказала она в порыве откровения. — Поэтому я и должна перестать быть человеком — сделаться камнем, звездой, рекой, льдом».

День был солнечный, яркий, но прохладный, потому что дул северный ветер. Местность опять стала безлесной, с редко разбросанными озерцами и речками. Высохшая бурая трава торчала клочьями. Гуще стали заросли серо-зеленого вереска, в котором путались ногами лошади. Над ним желтели кое-где кусты бузины. Из-под копыт разбегались кролики, вспархивали куропатки и вороны, но крупная дичь отсутствовала. «Скудная эта земля, вода проходит сквозь песок, как сквозь сито, к тому же летом почти не бывает дождя. Не задерживайтесь здесь, проезжайте скорей — дальше будет лучше», — советовали им люди рода Феранниан.

Не похожа ли чем-то на Крону эта голая земля?

— И вы, наставницы, постоянно странствуете? — спросил Джоссерек. — Вы желанные гости повсюду, потому что помогаете людям в беде и учите молодежь...

— Мы живем ради постижения, — ответила она. — Но первый шаг к этому — единство тела и духа. Оно не сходно с единством коня и всадника. Тело и дух не есть два различных существа. Это единство птицы и полета. Оно достигается нелегко, через усилия и лишения, которые тоже создают преграду. Птица должна летать и парить, не только взлетать и снижаться. Собственность, привязанность к людям или дому — все это слишком тяжкий груз. Мы стремимся овладеть своим телом так, как не дано людям, живущим обычной жизнью. Достигнув же этого, как могу я не поделиться частью своего знания с теми, кто просит меня об этом и оказывает мне гостеприимство? Но не желание помочь людям побудило меня учиться управлять собой. И не само это мастерство — оно лишь первый шаг на пути к истинной цели: постижению.

— Я встречал аскетов, преследовавших ту же цель, — кивнул Джоссерек. — Некоторые верят, что достигнут ее, представ перед... Богом, как у нас говорят; это источник всей жизни, воплощенный в одном лице. Другие надеются слиться с самой материей. Пожалуй, их вера ближе к твоей.

Сказав это, он тут же задумался: действительно ли употребленное им слово означает «вера»? Может быть, скорее «мнение» или «предположение»? Дония призналась ему, что в каждой

семье существуют свои обряды, но знала только те, что приняты у них, и отказалась говорить об этом. У рогавиков определенно не было общей религии — разве что общая мифология. А чужие верования Донию только забавляли.

Крона устремила на него пристальный синий взгляд.

— Нет, — твердо сказала она. — Или уж я совсем не понимаю тебя. Я слышала об идеях, о которых говоришь ты. Для меня они не имеют смысла. Ведь реальность — это... — Но вскоре Крона увидела, что он перестал ее понимать, и вернулась помочь ему. Далеко, однако, они не ушли. Ее концепции были ему совершенно чужды. Насколько он понял, жизнь, на взгляд Кроны, стремится к бесконечному видоизменению. Под постижением понимается не слияние сущности с неизменным абсолютом, а рост сущности, скорее всего метафорический — усвоение сущностью всего, что ее окружает. Сущность, однако, не есть монада. Она находится в динамическом единстве с вечно изменчивой Вселенной — и отнюдь не бессмертна. Крона не делала различий между знанием, открытием, логикой и эмоцией. Все одинаково ценно, одинаково важно для проникновения и завершения. Наконец Джоссерек вздохнул и признался:

— После нескольких лет тяжелого труда я, может быть, и начал бы понимать смысл твоих речей — не слова, а твое видение космоса и жизни в нем. А может, и не начал бы. Я все чаще и чаще спрашиваю себя, могу ли я или любой другой чужестранец понять вас?

— Что ж, — улыбнулась она, — вы для нас тоже загадка. Будем же извлекать из этого удовольствие.

Они проехали еще немного вперед в приятном молчании и тут увидели Донию. Она перевалила через холм и мчалась к ним. Подскакав, она осадилла пони, и в нос ударил запах пота. Глаза Донии раскосыми зелеными огнями сверкали на побледневшем лице.

Что-то случилось, с тревогой понял Джоссерек. Крона невозмутимо ждала.

— Отхожие, — выпалила Дония. — Должно быть, они. С дюжину, а то и больше. Они наверняка увидели нас с пони раньше, чем я их, — когда я их заметила, они скакали прямо на меня.

Крона оглянулась по сторонам, обзорева пустое пространство.

— Укрыться негде, — сказала она. — Если остановимся, они нас схватят.

— Раньше я зарежусь, а ты? Поскачем на север. Мы недалеко от земель Зелевая. Там мы скорее найдем помощь, а нет, так холмы и овраги, где легче уйти от погони, — это разумней,

чем поворачивать обратно в Феранниан. — Дония отрывисто засмеялась. — В том случае, если эти ведьмы не догонят нас, конечно. Клячи у них, как и следовало ожидать, жалкие, но у каждой по три-четыре запасных. Вперед!

Она тронулась с места быстрой рысью. Лошади выдержат дольше, если чаще менять аллюры — а перед ними еще много миль. Джоссерек поравнялся с ней. Сквозь свист ветра, треск вереска, стук копыт и звяканье сбруи он спросил:

— Что это еще за отхожие, чтоб им пусто было?

— Те, которые не смогли ужиться с другими людьми и поэтому стали охотиться на них, — мрачно бросила она. — Бродячие шайки, промышляющие разбоем. Почти все они женщины, и горе тому, кто попадет в их когти. — Она закусила губы. — Однажды мы видели, что осталось от девушки, которую они поймали. Перед смертью она успела рассказать, что с ней делали. Меня потом целый год мучили страшные сны. Мы собрали отряд, чтобы покончить с ними, но они разбежались. Мы взяли только троих и прибили их к деревьям. Возможно, поэтому-то отхожие и не суются с тех пор в Хервар.

Джоссерек вспомнил то, о чем говорили в лагере и что он потом забыл под наплывом новых впечатлений.

— Но если ты знала, что отхожие где-то рядом...

— Было мало вероятно, что они нам попадутся, — оборвала она. — Нам просто не повезло. Скачи!

И она на ходу натянула свой короткий, круто выгнутый лук.

Вдали показалась банда, скачущая вразброс. Криков не было слышно за полторы мили против ветра. «Да, их двенадцать, — сосчитал Джоссерек. — И много запасных лошадей. Наши, когда устанут, не смогут уйти от них.

Нас трое. Неужели больше ничего не остается, как только бежать? Эта проклятая голая равнина! Если бы нам было где закрепиться, мы забросали бы их стрелами или сделали бы вылазку и убили одну-двух. Но окруженные в чистом поле...

Бароммцы Сидира не попались бы таким образом. Хорошо вооруженные и защищенные, обученные драться в строю, они раскрошили бы эту банду на корм стервятникам. А потом очистили бы от этих отхожих весь край. Клянусь Акулой! Рогавики даже карательного отряда не могут собрать, не говоря уж о постоянной полицейской службе! — От возмущения тем, что он может из-за этого умереть, у Джоссерека саднило в горле. — Подобное общество — очередная ошибка истории. Скоро оно падет жертвой естественного отбора».

— Йоу, хо-о, рра-у! — звучало позади.

Слева, в объезд холма, приближались двое на косматых вскопченных мустангах, без запасных. Их послали наперехват.

Дония подняла лук, навела стрелу и отпустила. Запела тетива. Целила она верно, но ее мишень ушла из-под прицела, соскользнув со своей кобылы набок и повиснув на одной ноге. Вскочив опять в седло, она разразилась смехом. Товарка, вооруженная тоже луком, опередила ее — у первой было копье.

Ее спутанные волосы были до того грязны, что Джоссерек не мог определить, светлые они или темные. Тело покрывал слой копоти, засохшей крови и жира. Груды болтались, хлопая по ребрам, которые можно было сосчитать. На ней были кожаные штаны с несколькими ножами за поясом, у другой имелся еще потрепанный плащ.

— Ий-йа! — взвыла лучница и выстрелила, целя в лошадей.

Стрела попала в цель. Запасной пони пронзительно заржал и забился. «Сейчас эти чертовки спешат нас», — понял Джоссерек. Он натянул поводья, ударил своего мустанга каблуками, повернул и бросился в атаку.

— Дурак! — закричала Дония.

Голос отхожей стал слышнее. Ее белки блестели над впалыми щеками, из раскрытого рта текла слюна.

— Давай, мужик, давай. Смелее. Мы не убьем тебя сразу. Привяжем тебя к столбу и поиграем — сделаем тебя волом, хай, хай? Й-оо-и!

Она метнулась вбок. Джоссерек не сумел направить к ней коня. Заворачивая, он увидел несущуюся к ним Донию. Позади Крона пыталась унять напуганных коней. Остальные преследовательницы быстро приближались.

— Джоссерек, назад, — крикнула Дония. — Помогите Кроне. Здесь ты ни к чему. — И с ухмылкой, под бешеную дробь копыт, бросила: — А со мной не хочешь поиграть, корова?

Лучница с воплем развернулась и погналась за ней. Напарница бросилась следом. «Они бы замучили меня забавы ради, — понял Джоссерек. — Женщина выдержала бы дольше. Я чуть было не ослушался Донию. Нет. Она знает, что делает. Может, просто хочет быстро умереть».

Он повернул назад. Раненая лошадь все еще билась, пытаясь освободиться, и Крона не могла с ней сладить. Джоссерек сильной рукой схватился за узду, и через минуту Крона успокоила всю вереницу. Рана не искалечила лошадь, но могла стать опасной, если не занята ею сразу же. Они продолжали идти вперед на рысях. Погоня приблизилась к ним на половину прежнего расстояния. Внимание Джоссерека было приковано к Донию.

Она мчалась по вереску. Пара отхожих с гиканьем и воплями неслась за ней. Впереди у них высился большой куст бузины. За ним Дония на всем скаку осадила коня. Не зря она столько часов

потратила, школя его. Кони отхожих такой выучки не прошли. Всадницы не сумели остановить их на скаку и пронеслись вперед справа и слева от Донии, раздирая удилами рот своим клячам. Дония, стиснув коня коленями, послала его им вслед. В обеих руках у нее сверкнули ножи. Один вошел в спину лучнице и вверх, другой — копейнице между ребрами и тазом, наискось.

Обе упали. Лучница неподвижно вытянулась в траве, копейница с криками билась в колючем кустарнике, истекая неправдоподобно алой кровью.

Дония галопом догнала своих спутников.

— Держи, — бросила она поводья Джоссереку. — Веди ее. Я поскачу на раненой, сколько свезет, потом мы ее отпустим. — Она перескочила на неоседланную лошадь. — В галоп!

Джоссерека подхватил ритм быстрой, ровной скачки. Ветер выл в ушах, вышибал слезы из глаз. Оглянувшись, он увидел, что отхожие отстали. На свою потерю они не обратили внимания, но вскоре, обменявшись криками, остановились. Джоссерек увидел, что они спешились, перенесли нехитрую сбрую на свежих лошадей и снова сели верхом.

Лошадь Донии, раненная под колено, истекала кровью и спотыкалась. Джоссерек слышал, как мучительно она дышит.

— К завтрашнему вечеру они нагонят нас, — хладнокровно рассудила Крона.

— Будем держаться рядом, Джоссерек, хорошо? — сказала Дония. — И отправим нескольких к муравьям. Но поклянись: если увидишь, что я стала беспомощной, то убьешь меня. Я обещаю тебе то же самое. Не допусти, чтобы тебя взяли в плен. При малейшем сомнении уходи в смерть.

Крона хранила молчание. «Хотел бы я знать, — мельком подумал Джоссерек, — сделает она то же самое или вынесет поношение и пытки как последнее испытание духа. Неужели иного выбора нет?»

Есть, сверкнула мысль.

— Дония! — ликующе крикнул он. — Крона! Мы можем спастись!

Дония уставилась на него, наставница осталась безразличной. Кони летели вперед.

— Как? — спросила Дония.

— Подождем траву. Эта равнина — настоящий пороховой погреб, а ветер дует прямо на них. Скорей!

Она опечалилась.

— Я боялась, что ты это скажешь, — проговорила она сквозь стук копыт. — Нет. Губить землю по собственной воле? Нет. Я сама убью тебя, если ты попытаешься.

Он вспыхнул от ярости и взревел:

— Ты слепа как крот! Можешь ты хорошенько подумать хоть раз в жизни? Только мы одни знаем, что замыслил Сидир. — И, обращаясь к Кроне, сказал: — Если рогавики не сдадутся, бароммцы перебьют вашу дичь. Все стада, по всему северу. Это в их силах. Как, стоит эта новость куска земли площадью в несколько миль, который вскоре снова зарастет? Или ты упустила узду собственного разума?

Дония застонала. Крона закрыла рукой лицо, сжав пальцы так, что выступили сухожилия и побелели ногти. Когда она отвела руку, голос ее был едва слышен сквозь шум скачки:

— Он верно говорит. Мы должны сделать это.

Прошла еще минута, и Дония выдохнула:

— Поджигай.

В Джоссереке запело торжество.

Он не стал ждать, чтобы этим занялись женщины. Задержавшись у куста, он обломал с него несколько веток, набрал хвороста и на скаку с трудом поджег зажигалкой сухие листья. Вскоре занялся весь пучок.

Джоссерек поехал зигзагами и, перегибаясь то вправо, то влево, начал поджигать своим факелом кусты и траву. Затрещало красное пламя. Волна огня покатилась назад. Она вздымалась и редела, над ней черной пеной вскипал дым, и белый пепел оставался на мгновенно обуглившейся земле. Джоссерек едва видел отхожих в миле от себя, едва слышал их безумные вопли.

Они могли бы объехать огонь кругом, пока он не распространился, но у них еще сохранились какие-то остатки рассудка. Жертвы, которым нечего терять, того и гляди устроят им и другую ловушку и зажарят их заживо. Они повернули назад. Огонь гнался за ними по пятам.

Остатки рассудка? Джоссерек остановился. Конь под ним дрожал и хрипел, судорожно дыша — так же, как рыдающая Дония. Ветер со льдов раздувал лошадиную гриву, сушил блестящие от пота бока, и его вой заглушал рев пожара. Если отхожие и вправду безумны, то на рогавикский манер.

А может, их волю сломила не рассудительность, а ужас. Может быть, даже они считают людей, поджигающих степь, слишком страшными, чтобы с ними связываться. Они, в конце концов, тоже рогавики.

— Кончено, — горестно, словно издавека, сказала Крона.

— Нет, — решившись, возразил Джоссерек. — Это только начало.

— О чем ты?

Он вскинул голову:

— О том, что больше не позволю помыкать собой. Дония, мы должны были рассказать и на подворье, и в стане рода Феранниан о том, что нам известно. Пусть бы они обезумели, зато наша весть не погибла бы вместе с нами, как чуть не случилось сегодня. Это, может быть, единственное, что способно объединить вас. Вы, северяне, не умеете мыслить по-военному. И вам самое время научиться. Ваши роды заботятся лишь о своих собственных землях, и то не слишком. Раньше, когда на чью-нибудь землю нападали, от других родов на помощь прибывали разве что добровольцы, которые жаждали приключений — клянуся своей правой рукой, не из предусмотрительности они делали это. Придется менять свои взгляды — иначе вам конец. Чтобы одолеть этого врага, надо собрать всех северян — от Диких лесов до Тантианских холмов. Нельзя продолжать гоняться за стадами и ждать, пока ваше красное вече не решит чего-нибудь. Решать надо не откладывая. Слышишь, Дония?

Глава 14

Сидир задержался в Совином Крике на три дня, хоть и знал, что вся армия недоумевает и перешептывается на этот счет. Только новости, привезенные гонцом, заставили его уехать.

— Да, мой господин, эскадрон полка Золотых Ягуаров...

— Который? — прервал Сидир.

— Копья Келлы. Они наткнулись на отряд туземцев, более многочисленный, чем обычно. Полковник Фелгаи считает, что охотники начали объединяться. Туземцы, как всегда, не стали вступать в переговоры, атаковали и нанесли нам большой урон. У них, видите ли, появилось новое оружие: осинные гнезда, которые они забрасывают в гущу войска. Когда кони начали метаться, они стали окружать отдельных солдат — по трое-четверо на одного, женщины наравне с мужчинами — и перебили почти половину. Уцелевшие отступили, перестроились, послали за подмогой. Неприятель тем временем засел на ближней скале. Весь полк не в силах выбить их оттуда. Решающая атака вызвала бы страшные потери. И поскольку воевода был близко, полковник Фелгаи послал меня доложить и запросить приказаний.

«Копья Келлы, цвет моего войска, разбиты кучкой дикарей», — корчило Сидира.

— Можно было бы держать их там, пока не перемрут, мой господин, — отважился продолжить гонец. Это был испытанный кривоногий ветеран, бароммец старой закалки, который

думал самостоятельно и смело высказывал офицерам то, что думал. — Но это свяжет нас. Ведь для того чтобы не допустить их вылазки, потребуется порядочное количество людей — только тогда остальные смогут без опаски передвигаться по округе.

— Так. — Сидир сжал рукой подбородок. — Полдня езды, говоришь? Отдохни, если сможешь. Мы отправимся через час. — И приказал адъютанту-рагидийцу: — Приготовьте свежие лошадей и эскорт из... шести человек.

— О нет, господин, — запротестовал тот. — Это слишком мало.

— Я бы тоже посоветовал воеводе взять побольше людей в этом демонском краю, — сказал гонец, — если б мы не очистили прибрежную дорогу на всей протяженности нашего пути. Я-то добрался сюда и один.

— Эскорт из шестерых, — повторил Сидир. — Оба свободны.

Оставшись в одиночестве в большой горнице, он дал волю своему сердцу. Те люди все из Хервара. Нет ли меж ними Донии? Он почувствовал едва заметную дрожь в коленях. Глупо, глупо. Смешно даже думать, что это так. Но надежда держалась, не уступая насмешке. Почему бы ей было не отправиться к себе домой? А то место, можно сказать, в окрестностях ее зимовья. Здесь же — ее дом. Я показал бы ей, как бережно сохранил все, что ей принадлежит.

Повсюду в других местах солдатам было приказано грабить, крушить и жечь. Когда настанут холода, эти волки, оставшись без логовищ, должны будут уступить человеческой мудрости и вернуться под кров, который им даст Сидир, а их пример послужит наукой тем, до кого еще не добрались. (Должны, должны, должны!)

Но когда Иниль эн-Гула, торговый агент из Фульда, сказал, что бывал у Донии по делам и может провести к ее зимовью, Сидир сам повел солдат и приказал ничего не трогать. Его объяснение было вполне разумным: такой прочный дом, стоящий далеко в глуши, может пригодиться и армии. Оставшись один в сумерках, Сидир нашел огромную кровать, где, конечно, спала она...

Сейчас он бродил по мягким коврам, среди развешанного по стенам оружия и причудливых фресок, трогая книги, лампы, вазы, лаская свои воспоминания. Сквозь окна высоко под потолком падали косые солнечные лучи. В комнате было тепло и приятно пахло кожей от подушек и помоста. Ощущение того, что все это принадлежит ей, переполняло Сидира. Она почти не открывала ему свою душу до той последней ночи, когда чуть

не перегрызла ему горло. Теперь он жалел, что не может прочесть эти рогавикские книги.

Нельзя здесь долго оставаться, через силу напомнил он себе. Не следовало и приезжать сюда. Мне во что бы то ни стало надо завершить штабную работу до того, как я выступлю в поход — пусть тогда степной ветер день за днем выдувает из меня это наваждение. Если же мы не выступим вскоре, лучше перенести это на будущий год. Путь к Рунгу труден даже летом — а льды быстро нагонят сюда зиму.

Взятие Рунга, как он надеялся, не только принесет Трону ни с чем не сравнимый трофей, не только отрежет врага от главного источника металла. Сумеет ли боевой дух северян вынести такую потерю? И разве не обретет его армия новую волю к победе после такого успеха? Сидир видел в своем войске едва заметные признаки недовольства — не то чтобы пошатнулась дисциплина или люди стали хуже воевать, но они все реже и реже смеялись, соблюдали невиданную осторожность; и ночью, тайно посещая лагерь, Сидир слышал, что они говорят о доме...

«Зачем же я тогда торчу здесь?

Все, конец. Поеду к Ягуарам, раз там появилась возможность встретиться с большим числом рогавиков и узнать кое-что полезное. А оттуда сразу обратно в Фульд.

Но если Дония среди них...»

Нет! Сидир хлопнул кулаком о ладонь, повернулся на каблуках и тихо вышел из комнаты. Через час он был уже в пути.

Ехали они скоро, ибо вдоль Жеребьячьей реки вела на запад хорошая, широкая, утоптанная тропа, а рядом тянулись глубокие колеи, пробитые за долгие века колесами телег, — это была Дорога Ложных Солнц, главный торговый тракт через эту страну, сдерживающую рост Империи. Гонец легко нашел дорогу при свете звезд. Он как будто совсем не устал, и конвоиры тоже скакали резво. Ожидаемый честный бой вместо западни или нападения из засады вдохновлял их. И утро тоже. Легкие облачка плыли по ослепительно высокому небу, в котором пели жаворонки. Вода сверкала, по берегам стоял густой тростник, сабельным блеском вспыхивали, выпрыгивая из реки, рыбы. Земля зеленела — трава и деревья, пригретые солнцем, струили свой аромат. В двух милях от них на горизонте паслось дикое стадо.

Край Дони.

— Ай-я, — сказал один из конвойных, когда они остановились дать коням отдых. — Я возьму себе землю прямо здесь, когда нас станут наделять. Завидное будет поместье!

— Не спеши пока продавать то, чем владеешь в Баромме, друг, — посоветовал ему гонец. — Мне сдается, что север и через десять лет еще не будет заселен.

— Почему это?

— Из-за туземцев, ясное дело. Пока последние из них не полягут, вплоть до грудных ребят, мы так и будем всякий час опасаться смерти.

— Хо, послушайте-ка...

— Нет, это ты меня послушай, — поднял палец гонец. — Не хочу тебя обижать, но ты же больше сидел в гарнизоне, так ведь? А я был в бою. Кому и знать, как не мне.

— Они не устоят, — сказал другой кавалерист. — Я был на хозенской войне. Мы думали, те племена тоже никогда не сдадутся. Рахан, тот не видел войны, кто не стоял перед тысячью размалеванных дьяволов, готовых ринуться в смертный бой! А три года спустя я уже спал с самой славной коричневой бабеночкой, которая только может украсить травяную хижину. И мне было жаль, когда вышел мой срок.

— Так вот, я тебе скажу про здешних женщин, — не уступал гонец. — Они тоже хороши — для ученья. Как поймашь ее, становишь в позицию и стреляй.

— Да, они тут злюки.

— Послушай-ка дальше. Мне многие мужики рассказывали, а кое-что я видел своими глазами. Здешняя «кошка» так и норовит тебя убить. Приставь ей нож к горлу — и она полезет на него, визжа так, будто ей в радость умереть, лишь бы перед этим выцарапать тебе глаза. Хоть ты ее бей, хоть в клетку сажай, хоть содержи как королеву — все равно будет драться. Можешь ее связать — а когда ляжешь сверху, она лбом стукнет тебя по носу или вырвет у тебя зубами кусок мяса. Способ один — оглушить ее дубиной или хлестать до тех пор, пока она и пальцем не сможет пошевелить. А тогда какой с нее толк? Все равно что труп, верно? Господин мой, — воззвал он к Сидиру, — нельзя ли доставить сюда приличных арваннетских шлюх?

Конвоир запустил пальцы в волосы, не покрытые шлемом, и недоуменно сказал:

— Но ведь все — и торговцы, и другие — говорят, что тут-то самые шлюхи и есть и девчонки спят с мужиками просто ради удовольствия.

— Мы захватчики, — сплюнул гонец. — В этом вся разница. Цивилизовать северянина — все равно что скорпиона приручить. Одно только остается — известить их под корень.

— А что скажет воевода? — спросил капрал.

Сидир слушал их, все больше темнея лицом.

— Это свирепый народ, — медленно ответил он. — Но я тоже бывал на многих войнах и много читал о войнах прошлого. Почти все народы клянутся воевать до последнего, но никогда не держат своей клятвы. А уж стоять до последней женщины и ребенка — в этом никогда никто даже не клялся. — Он встал с земли, где сидел, скрестив ноги. — Поехали дальше.

К вечеру они прибыли на место осады, в нескольких милях от реки. На поляне размером с парадный плац возвышался утес из тускло-желтого известняка, круто вздымавшийся над высоким ступенчатым подножием. Пустая поляна свидетельствовала в пользу солдат: они подобрали всех убитых и раненых, оставшихся после нескольких неудачных атак. Порой на вершине утеса между камнями мелькала чья-то голова, порой сверкало на солнце оружие. Но тишины ничто не нарушало. Даже отзвуки жизни полка терялись в этой тишине; оружие и знамена казались бесконечно малыми под высоким небом.

— Я предложил им самые выгодные условия, которые мог бы одобрить командующий, — сказал полковник. — Обещал поместить их в резервацию, обеспечить всем необходимым, оставить им пару заложников, чтобы они могли доверять нам. Когда мой парламентар кончил говорить, они пронзили его стрелой. Под флагом перемирия! Не будь мы нужны в других местах, я охотно продержал бы их здесь, пока голод и жажда их не прикончат.

— Может быть, сработает другой способ, — сказал Сидир. — Разделяю ваш гнев, полковник, но мы не можем бросить людей в бой только лишь ради мщения. Очевидно, понятие переговоров им чуждо. Зато им знакомо, что такое сделка, — ведь в мирное время они торгуют. Я задумал провести один опыт.

Саперы смастерили из нарубленных веток, связок травы и кольчуг щит, который держали перед Сидиром. Он подошел к утесу и крикнул в рупор:

— Нет ли среди вас Дони из Хервара?

В течение минуты он слышал только биение собственного сердца и далекий напев ветра. Потом мужской голос спросил с акцентом по-арваннетски:

— Кто спрашивает?

— Командующий армией. Я познакомился с ней, когда она была на юге — я, Сидир из клана Халифа. Здесь ли она и согласна ли говорить со мной?

— Ее здесь нет, и, думаю, она не стала бы говорить с тобой.

Сидир перевел дыхание, и пульс его забился медленнее. «Ну что ж, вернусь обратно в ставку».

— Слушайте меня, — снова заговорил он. — Вам не вырваться отсюда. Мы знаем, что у вас мало продовольствия. С вами ваши жены, сыновья, дочери, родители. Неужели вы обречете их на смерть среди голых камней?

— Лучше здесь, чем у вас в загоне.

— Слушай меня. Разве ты скотина, а я мясник? Мы оба мужчины. Я хочу передать твоему народу свое послание, послание доброй воли, и потому говорю вам: вы свободны. Оставьте при себе оружие, и мы вернем вам лошадей. С одним условием: вы должны уйти отсюда, отправиться на запад и говорить всем, кого встретите: Сидир придет в любое место, какое назначат северяне, чтобы говорить о мире.

«Скажите это Донию...»

Помолчав, рогавик ответил:

— Мы должны подумать.

Солнце село, померк последний оранжевый луч, и на востоке проглянули звезды, когда тот же голос объявил:

— Мы согласны. Ждите нас.

В прохладных синих сумерках мелькали ласточки, подвывали койоты. Рогавики казались Сидиру тенями, пока не вышли на свет факелов, которые держали над головами стоящие в две шеренги солдаты. Впереди шел седой человек — как видно, тот, что говорил, и с ним высокая женщина, оба в одежде из оленьих шкур и без страха на лице. За ними следовали другие мужчины и женщины, молодые и старые, подростки, дети, которых вели за руку — некоторые тихонько плакали, другие молчали, тараща глазенки, — и грудные младенцы на руках, и нерожденные в чреве матерей, всего около двухсот человек.

Сидир двинулся им навстречу между рядами пик и кожаных нагрудников, радостно протягивая руку.

— Добро пожаловать! Я здесь самый старший...

— Йа-аа! — И двое шедших впереди бросились на него. В руках у них блеснули ножи.

Остальные рогавики напали на солдат справа и слева.

Неожиданность этого ошеломила всех. Сидир едва успел выхватить пистолет. Он застрелил мужчину, но женщина убила бы его, если бы ближний солдат, опомнившись, не разнес ей голову алебардой. Кругом кипел хаос. Не было почти ни одного взрослого рогавика, будь то мужчина или женщина, которому перед смертью не удалось бы убить или тяжело ранить хотя бы одного солдата.

Сидир не в силах был упрекнуть своих людей за то, что они потом перебили детвору — как если бы они поступили так с гаденышами гремучих змей. Разве что немногим удалось ускользнуть в суматохе.

Глядя в тусклом свете фонаря на своих мертвых воинов, Сидир с тоской спрашивал себя: неужто все рогавики и вправду безумны от рождения? И ничего больше не остается делать, как только искоренить их всех до единого?

Глава 15

Через три дня после отъезда с подворья Темный Вереск Джоссерек и Дония встретились с ее сообществом.

По мере приближения этого события на сердце у Джоссерека становилось все тяжелей. Сразу же после того как он с помощью огня отбросил назад шайку разбойниц, он стал чувствовать, что его спутницы едва терпят его. Ни разу с тех пор как он мальчишкой стоял перед судьями в Ичинге, не испытывал он такой отчужденности других людей. Уж лучше ненависть, чем это. Он стиснул зубы и молча делал свое дело. На подворье можно будет спросить дорогу, разжиться продовольствием и отправиться домой.

Однако на второй вечер Крона страхнула с себя свои думы и ласково заговорила с ним. На третий и четвертый день она почти не расставалась с ним и Донией — сначала погруженная в себя, потом разделившая их возродившуюся дружбу. На пятый день они приехали в Темный Вереск, и ночью Дония пришла к нему.

Утром шестого дня они распростились с хозяевами подворья и с наставницей. Оба поцеловали ее — у рогавиков это значило больше, чем где-либо в других краях, известных Джоссереку. Луна теперь была в третьей четверти, и они, путешествуя по равнине вдвоем, не знали мрака до самого сна.

На седьмую ночь Дония была неспешнее и нежнее, чем обыкновенно. Она то и дело ласково посмеивалась, приподнималась на локте, подставив лицо звездам, улыбалась Джоссереку, гладила его бороду. Судя по тому, что им сказали в Темном Вереске, завтра они должны были встретить охоту Совиного Крика. Джоссерек неуклюже попытался сказать ей что-то вроде «я твой и навсегда останусь твоим», но она заставила его умолкнуть всегдашним способом, против которого он не мог устоять. Он не знал, способна ли она или кто-либо из ее народа чувствовать к другому человеку то, что он теперь чувствовал к ней.

На рассвете они тронулись в путь и ехали быстро, в молчании, по прохладной, продуваемой ветром солнечной равнине, покрытой тенью облаков. На взгорьях темнели сосновые рощи, на склонах плясали березы, на черничных болотах грустили

ивы, серебристо-зеленый дерн обрисовывал округлость земли. Потоки тепла поддерживали в воздухе парящего орла, на скале грелась рысь, дикий жеребец с развешивающейся, как знамя, гривой вел куда-то своих кобылиц, и жизнь более мелких созданий кипела вокруг на миллион разных ладов. Как наслаждаются они все своим летом, пока оно длится!

Однажды они увидели вдалеке всадников. Часовые, высматривающие захватчиков, решила Дония. В Темном Вереске им сказали, что враг рыщет повсюду. Один отряд прошел здесь полдня назад, но отступил перед превосходящими силами сообщества Донии. Она выругалась, узнав, что солдаты слишком хорошо обучены, чтобы их можно было истребить целиком, и после схватки легко ушли от погони на своих более мощных конях.

— Разве ты не хочешь узнать последние новости? — спросил Джоссерек, видя, что Дония не свернула с пути.

— Мы скоро приедем к своим.

В полдень они увидели цель своего путешествия: шатры, телеги, лошади, люди стояли лагерем вокруг заросшего лилиями пруда.

— Так и есть, они объединились ради безопасности, как мне и говорили, — произнесла Дония. — Совиный Крик, Дикое Ущелье, Росный Дол — хай-а! — Она галопом пустилась вперед.

Стан был полон народу. Почти все охотники сегодня остались здесь. Все разделявали недавнюю добычу, готовясь тронуться дальше. Джоссерек заметил, что работают они поодиночке или семьями на некотором расстоянии друг от друга. На них с Донией взглядывали лишь мельком и здоровались сдержанно, несмотря на его чужеземный облик и ее долгое отсутствие. Разумелось, что, если прибывшим нужна помощь или общение, они сами обратятся к кому нужно, а навязываться невежливо. В сообществе Приют Ворона их принимали по-другому, но там другой была и ситуация, и обстоятельства их появления. Здесь, среди своих, Дония ни с кем не останавливалась поболтать, да никто и не ожидал от нее этого.

У своего шатра она натянула поводья. Он был больше и красивее других — из промасленного шелка, а не из кожи. На шесте развешалось знамя — серебряная сова на черном фоне. Вся семья трудилась на воздухе — кто снимал шкуры, кто потрошил, кто скреб кожи, кто стряпал на костре, кто складывал пожитки; несколько мальчишек упражнялись в стрельбе из лука — не из коротких, как у всадников, а из длинных, боевых; дети поменьше присматривали за совсем маленькими. Тут же валялись собаки, грозно смотрели со своих насестов соколы.

Было довольно тихо. Вблизи Джоссерек увидел, что люди переговариваются, подметил усмешки, оживленные жесты — но шум и суета, свойственные дикарям, отсутствовали. Слепой лысый старик, сидя на складном стуле, перебирал струны змееобразной арфы и пел для работающих все еще сильным голосом.

Он прервал пение, когда подъехали путники, слыша внезапную перемену. На какой-то миг молчание распространилось от него на всех, как круги от брошенного в пруд камня. Потом лениво поднялся высокий мужчина. Он занимался грязной работой и был обнажен. В его рыжеватых волосах и бороде уже пробивалась седина, но телу не могло быть более тридцати лет — его портил лишь рубец на правом бедре.

— Дония, — очень тихо произнес он.

— Ивен, — ответила она и спешила.

Ее первый муж, вспомнил Джоссерек.

Дония с Ивеном взялись за руки и с минуту смотрели друг другу в глаза. Семейство расступилось, пропуская вперед самых близких: мужа Орово, часто ездившего за металлом в Рунг, крепкого и светловолосого; мужа Беодана, заметно моложе Дони, худого и темного для северянина; мужа Кириана, заплетавшего рыжие волосы в косички, всего на год старше первенца Дони. Младшие дети пользовались правом первыми обнять и поцеловать мать: четырехлетняя Вальдевания, семилетняя Лукева, одиннадцатилетняя Гильева. Сын Фиодар, пятнадцати лет, мог подождать, как и сын Згано с женой и малым ребенком.

Джоссерек, видя, как наконец Донию, гордую и радостную, окружила вся семья, вспомнил миф Кошачьего океана об эле — дереве, плоды которого представляют собой Семь Миров. В конце времени ураган Гидрун сорвет их всех с ветвей.

Кириан выпалил:

— Нам что, ждать заката, чтобы ты позвала нас домой?

А Дония, смеясь, ответила:

— Да, слишком уж медленно движется огненное колесо. Но погоди, пусть обернется еще раз-другой...

Остального Джоссерек не понял.

Беодан ласкал ее, стоя сзади и запустив руки ей под рубашку. Того, что говорил он, Джоссерек тоже не понял, но она ответила «р-р-р», словно счастливая львица.

«Да — я читал, и мне говорили, — вспомнил киллимарайхиец, — здесь каждая семья, поколение за поколением, говорит на своем наречии, и наконец у нее вырабатывается настоящий язык, совершенно не понятный тем, кто ей не сродни». Джоссерек не представлял себе, что это ранит его так сильно.

Осознав наконец, что Дони не было дома целую четверть тяжелого года и она тоже не знала, кого из родных застанет в

живых, Джоссерек не мог не сознаться, что все ведут себя очень сдержанно. Уж не из-за него ли?

Впрочем, вряд ли. Ведь здесь присутствует не только он. Ближе других стоят четыре старые девы, ее родственницы. (Нет, решил Джоссерек, «старая дева» — не то слово для полной надежд юной девушки, крепкой охотницы, искусной плотницы и грозной домоправительницы.) Потом подошли поздороваться и другие семьи сообщества. Насколько он мог судить — а Джоссерек полагался на свое суждение все меньше и меньше, — их обращение с Донией подтверждало впечатление, что она здесь главная. (Нет, снова не то слово. Ни один из рогавиков не главенствует над другими. Позже Джоссереку предстояло убедиться, что даже отношения между родителями строятся здесь на взаимно добровольной основе, хотя неопределенность отцовства и сглаживает острые углы. Однако в Совином Крике, как и почти во всем Херваре, ценили совет Донии, соглашались с ее суждением, участвовали в ее начинаниях.) Ее возвращение было благом для всех.

Люди нуждались в ободрении. Вскоре они уже рассказывали Донии о том, что происходит вокруг. Вражеские гарнизоны закрепились по всей Становой. Солдаты рыщут повсюду, грабят, жгут, убивают; сопротивление, хоть и причиняет врагу потери или задерживает его, все же не в силах изгнать пришельцев из края и обходится все дороже, потому что солдаты научились мерам предосторожности. Зимовье Донии, как и все соседние, тоже в их руках. Несколько дней назад они перебили два объединившихся сообщества — Сломанная Секира и Огненная Пустошь. Пленные, а также арваннетские купцы — подкупленные, сочувствующие или опасующиеся за свою жизнь — говорят, что предводитель армии намерен совершить поход на юго-восток через тундру и занять Неведомый Рунг.

Стоя посреди своих близких, рассеявшихся на земле, Дония кивнула.

— Я ничего лучшего и не ожидала, — ровным голосом сказала она. — Джоссерек верно говорит. — (Она улучила момент, чтобы представить своего спутника.) — Ни один род не в силах побороть этих волков один, как бы ни выставлял рога им навстречу. Надо собрать краевое вече, и не к концу лета, а срочно, чтобы как можно быстрее гонцы созвали всех в Громовой Котел.

— Возможно ли это? — со свойственной ему мягкостью спросил Ивен.

Дония оскалила зубы.

— То, что я скажу тебе, убедит тебя в том, что это необходимо. — Она встрепелась, вскинула руки и воскликнула: —

Но не теперь. Мы заслужили еще день и ночь перед тем, как говорить о страшном. О отцы детей моих!..

Джоссерек не понял, ни что она сказала потом, ни что они хором прокричали ей в ответ. Он стоял, погруженный в свое одиночество.

Пока все мужья собирали съестное и напитки, складывали лампы, меха, свертывали шатер, запрягали телегу с веселой помощью друзей, Дония играла со своими детьми и малюткой-внуком. К Джоссереку подходили, предлагали ему свое гостеприимство, заводили любопытствующие, но вежливые разговоры, к которым он уже привык. Когда Дония со своими мужьями уехала, познакомиться с чужестранцем подошли люди из Дикого Ущелья и Росного Дола. А когда настали сумерки и у шатра, разбитого мужьями Донии на вершине холма, звездой загорелся костер, кровная сестра Донии, Никкитай-охотница, отвела Джоссерека в сторону и шепнула:

— Она спрашивала меня, хочу ли я тебя. Я буду рада...

— Не в эту ночь, — только и смог выдавить он.

Памятуя о вежливости, он охотно поблагодарил бы ее — но рогавики не знают слов благодарности.

Глава 16

Помня, как подействовал на Донию план Сидира истребить дикие стада, Джоссерек боялся того, как воспримет ту же весть ее родня. Впрочем, реакция жителей подворья Темный Вереск удивила Донию не меньше, чем его. Некоторых и там обуяло бешенство, но большинство ограничилось яростными криками.

Крона предложила свое объяснение:

— Я тоже не поддаюсь приступу гнева, хотя потрясение было глубоким. Эти люди, как и я, не живут охотой. А роды живут ею — и даже не столько телесно, сколько духовно. Для них вместе с дикими стадами исчез бы самый смысл существования. А подворье — это всего лишь кучка домов, где занимаются ремеслами. Если хозяева лишатся его, они построятся еще где-нибудь. Подворье не так священо, как наши древние просторы. (Если только слово, которое она употребила, означало «священо».)

Позже Дония призналась Джоссереку, что сомневается, правильно ли рассудила наставница.

— Я сама никогда не поверила бы, что слова могут поразить меня подобно молнии, как произошло в тот первый раз. Я сносила угрозу вторжения — пока оно не коснулось Хервара —

и держала себя в руках. Может, потому, что знала, как мы отражали такие наскоки в прошлом, и не думала, что кто-то сможет нанести нашей земле непоправимый вред? Не знаю. Знаю только, что когда вспоминаю о наших животных, то сохраняю спокойствие и могу быть веселой лишь потому, что просто убеждена: мы этого не допустим. Может быть, я просто неспособна поверить в то, что это может произойти.

Больше она ничего не сказала. Это был единственный раз, когда она приоткрыла Джоссереку свое сердце.

Поэтому, обращаясь к сообществу с телеги, она предупредила, чтобы все были безоружны. И пожалуй, поступила мудро. Некоторые и впрямь бросились с криками бегать по равнине, как в свое время она, разрывали дерн ногтями и зубами или вскакивали на коней, хлеща их с небывалой жестокостью, и уносились прочь. Большинство, однако, осталось на месте, хотя и подняло крик; кое-кто плакал; примерно одна треть, особенно пожилые люди, закрыли лица руками и разошлись поодиночке.

— Не знаю, зачем они все это делают, — ответила Дония на вопрос Джоссерека. — Они и сами наверняка не знают. Можно предположить, что сила их чувств заставляет их разойтись, чтобы не влиять друг на друга так, как это делают взбудораженные собаки. — Она сморщила нос. — Вон как от них смердит. Неужто не чуеть?

Народ, у которого нет толпы — и нет политики? — в полнейшей растерянности думал Джоссерек. Невозможно!

Дония спрыгнула с телеги.

— Пойду к моим мужчинам, — сказала она и оставила его одного.

К вечеру семьи воссоединились. Супруги разошлись по шатрам, холостые ушли в степь, и приглушенные, но недвусмысленные звуки ясно говорили Джоссереку, в чем они находят утешение, не в пример ему самому, хлещущему мед. Его никто не звал. Ему поставили отдельный шатер, и все щедро его угощали, но не допускали чужака в свою жизнь. Джоссерек знал, что никто не хотел его оскорбить — для рогавиков сдержанность была нормой. Но ему не становилось легче от этого знания.

Легче ему стало, хотя и ненамного, когда к нему опять пришла Никкитай. Она не произносила ни слова, только издавала разные звуки, и всего его исцарапала на память. Но с ней ему почти удалось выбросить из головы Донию и потом уснуть.

Наутро Никкитай вернулась и предложила ему проехаться.

— Весь этот день, да и завтрашний тоже, люди будут думать, что делать дальше, — сказала она. — Будут ходить,

говорить, спорить, пока солнце не устанет смотреть на них. Ну а мы с тобой уже все решили, верно?

— Пожалуй. — Он взглянул на нее с проблеском удовольствия, несмотря на свое угнетенное состояние — он чувствовал, что ни одна женщина, кроме северянки, не сумела бы так помочь ему. Она была на несколько лет моложе своей сестры, стройная, длинноногая, загорелая, голубые глаза в сетке морщинок от привычки вглядываться вдаль, льняные волосы связаны в конский хвост. Сегодня она, кроме рубашки, штанов и сапог, почти таких же, как у него, надела большое ожерелье из оправленной в серебро бирюзы. Материал был южный, но работа строгая, северная. — Ты хочешь ехать в какое-то определенное место?

— Да.

Больше она ничего не сказала, и он уразумел, что вопросы, безобидные в любой другой стране, здесь считаются назойливыми.

Они оседлали двух лошадей, взяли с собой фляги, колбасу, лепешки, сушеные яблоки, уложили оружие и уехали. Небо затянулось серым покровом, было тихо, прохладно, в воздухе пахло влагой. Крупной дичи не было видно: стада не задерживались там, где их находил человек и брал с них дань, пусть и скромную в сравнении с их обилием. На редких деревьях собрались певчие птицы, шмыгали в траве кролики и лесные курочки. Мягко стучали копыта.

— Не могу разгадать твоих слов о том, — начал Джоссерек, — что сообщества не скоро решат, что им делать. Разве не самое разумное — отправиться на краевое вече?

— Всем? — удивилась Никкитай. — Я тоже не понимаю тебя.

— Ну, я думал, что они будут... — Он вспомнил, что не знает, как на их языке звучит «голосовать», и закончил неуклюже: — Все или поедут на вече, или останутся в Херваре. Так ли это?

— Все сообщества? — Никкитай нахмурилась и задумалась. Ей не хватало того знакомства с широким миром, которым обладала Дония. Но ума ей было не занимать. — Я поняла тебя. Будет вот что. Почти все будут спрашивать мнения друг у друга, чтобы легче было принять решение. И в некоторых случаях, из-за семейных уз или еще чего-нибудь, кто-то, конечно, поступит не совсем так, как бы ему хотелось. Но могу сказать тебе заранее: из Хервара уедут немногие — с нами ли в Громоу Котел или гонцами в другие роды.

— Короче, — заключил Джоссерек, — каждый сам решает за себя.

— Как же иначе? Прочие все останутся здесь. Покинуть землю, когда ей грозит беда, хотя бы на несколько недель? Это немыслимо. Я сама хотела бы остаться и убивать захватчиков, и Дония тоже, и все, — если бы не нужно было оповестить людей, собрать Совет и если бы мы не знали, что и без нас останется много защитников.

— Но... не говоря уж обо всем прочем, разве они не захотят вступить на краевое вече?

Никкитай покачала головой в полушутливом отчаянии:

— Опять ты за свое! Ну что они могли бы сказать? Мы в Громовом Котле просто расскажем всем, как обстоят дела, — вы с Донией расскажете, чтобы помочь людям думать. — Она помолчала, подбирая слова для объяснения. — Там, конечно же, обмениваются мыслями. Для того и собирается и краевое, и родовое вече, разве не знаешь? Чтобы обменяться новостями и мыслями, и разными товарами тоже, повидать старых друзей и завести новых, попить, может быть, заключить брак... — Не дрогнул ли ее голос при этих словах? Нет, скорее всего, ему показалось. Здесь ничто не вынуждает женщину вступать в брак, и незамужнее состояние имеет свои преимущества.

Джоссерек встревожился. Стукнув кулаком по седлу, он воскликнул:

— Так вам непонятно, что значит объединиться... в иных целях, кроме охоты?

— Зачем нам это?

— Чтобы спастись от гибели, вот зачем!

— Да мы ведь собрали большие отряды, чтобы отражать врага.

— Которые если и побеждают, то лишь числом, тратя свои жизни, как воду. Будь у вас обученные бойцы, умеющие подчиняться приказам...

— Как это возможно? — растерялась Никкитай. — Разве люди — ручные животные? Разве можно их впрячь в одну упряжку, как лошадей? Разве станут они подчиняться воле других людей, как подчиняются собаки? И если их выпустят на волю, разве вернутся они потом к колпачку и путам, словно соколы?

Да, да и еще раз да, подумал Джоссерек, до боли сжав челюсти. Человек — первое из одомашненных животных. Но что за форму приняло это самоодомашнивание у вас, рогавиков? Это фанатичное, нерассуждающее, самоубийственное стремление уничтожить захватчиков, не считаясь ни с благоразумием, ни с соображениями на будущее...

— Солдаты Империи, — сказал он, — в точности соответствуют твоему описанию, дорогая моя. И не стоит презирать их за это. Нет! В прошлом северяне заставили их дорого запла-

тить за вторжение на свою землю. На этот раз они могут заставить вас дорого заплатить за сопротивление.

— Сомневаюсь, — спокойно ответила она. — Они редко дерутся до конца. А их пленные, после самых легких пыток или вовсе без них, выбалтывают все, что знают... Но скажи-ка мне — почему они потом жалуются, когда их убивают? Что же еще с ними делать?

— Вы убиваете пленных? — опешил Джоссерек. — Никкитай, они выместят это на каждом рогавике, который попадет им в руки.

— Солдаты всегда так делают. У нас есть летописи прошлых войн. Как же иначе? Наши пленные не только не нужны им, как их пленные нам, но еще и опасны.

— Но пленных обменивают...

— Как? Кто будет стовариваться об этом?

Ни переговоров. Ни стратегии. Ни армии. Будь у них все это... Имперский фронт сильно растянут. Хорошо направленный удар мог бы вполне прорвать его. Возможно, Сидир никогда и не пришел бы сюда, не будь он уверен, что такой опасности нет.

«И я всерьез полагаю, что смогу уговорить этих... этих двуногих пантер переменить свои взгляды, по которым они живут с самого пришествия льдов? В своем полушарии я наблюдал достаточно разных культур. Многие предпочли умереть, нежели измениться. Возможно, потому, что перемена — сама по себе уже смерть?

Я скажу свое слово на краевом вече, увижу их непонимающие взгляды — как теперь у Никкитай — и уеду домой, а Дония... О Акула-Разрушительница, пусть ее низложат в бою. Не дай ей выжить, стать голодной оборванкой, чахоточной, спившейся, нищей, побирающейся, сломленной».

Никкитай накрыла его руку своей.

— Тебе больно, Джоссерек, — тихо сказала она. — Могу ли я чем-то помочь тебе?

Он был тронут. Такие жесты у рогавиков редки. Он улыбнулся ей через силу.

— Боюсь, что нет. Не ты — причина моей печали.

Она кивнула и прошептала:

— Да, ты, конечно, влюбился в Донию, путешествуешь с ней. — Помолчав, она с трудом проговорила: — Есть много историй о чужеземцах, прикипевших сердцем к нашим женщинам. Неразумно это, Джоссерек. Слишком уж мы не схожи. Женщина не страдает от этого, но он — да. — И она добавила, почти оправдываясь: — Не думай, что мы, северяне, не знаем любви. Мне надо было сказать тебе, куда мы едем. Туда,

где лежат те, что пали в последнем бою с захватчиками еще до вашего приезда. Двое моих братьев, и сестра, и трое мужчин, которые были для меня больше чем просто любовники. Я ведь могу уже не вернуться сюда... Ты согласен подождать, пока я навещу их могилы и помяну их?

Джоссерек не решился спросить, что такое для нее он. Развлечение, диковинка, одолжение, которое она делает Донии? Что ж, она, по крайней мере, старается быть к нему доброй. Кто знает, какие внутренние препятствия приходится ей преодолевать ради этого. Он уже многим ей обязан и будет обязан еще больше, пока они будут совершать путешествие на запад; ведь Дония получила обратно своих мужей, которых ей вполне достаточно, и Никкитай худо-бедно поможет ему снести это.

Могилы ничем не были отмечены, и лишь свежие холмики позволяли найти их в степи. Судя по отчетам путешественников, такие братские похороны не сопровождаются никакими обрядами. Если в Совином Крике и существовал свой обряд — Никкитай совершила его наедине. К Джоссереку она вернулась уже веселой.

«С краевого веча поеду домой, — повторял он себе, — и вновь окажусь среди своих».

Глава 17

За четыреста миль, если ехать по Дороге Ложных Солнц, лежит Громовой Котел, всегдашнее место сбора родов севера. Джоссерек был недоволен тем, как медленно едет их отряд. Дония возражала, что спешить нет нужды, ибо дальние роды прибудут нескоро, как бы ни гнали коней гонцы.

— Почему бы тебе не обрести покой и не насладиться этим летом? Может быть, оно у нас последнее.

Он смотрел, как светятся ее волосы на солнце, и думал: «Не уйти мне от тебя, даже если я ускачу прочь». И целый месяц он ехал, охотился, ловил рыбу, развлекался, исполнял свои обязанности на стоянках, пил у костра хмельной терпкий мед, пока не загудит в голове, обменивался со своими спутниками историями, песнями, шутками, мыслями — пусть и не сокровенными — и наконец удалялся в шатер, который теперь делил с Никкитай.

Он многое узнал о северянах. Они не только изъездили весь Андалин с запада на восток, не только посещали цивилизованный юг и дерзали ступить на покрытый льдами север, не только были смелыми охотниками и совершали славные подвиги — у

них было искусство, слишком тонкое для его чужеземного восприятия, и общественное устройство, приводившее его в еще большую растерянность.

Он и раньше знал, что северяне почти все грамотны. Некоторые из них писали или издавали книги. Многие переписывались, пользуясь услугами почты, очень хорошо налаженной, хотя курьеры исправляли свою должность лишь по желанию: всегда находился кто-нибудь, у кого это желание имелось. Повсюду широко использовались простые телескопы, микроскопы, компасы, астрогониометры, часовые механизмы и прочие приборы — в основном привозные, но с недавних пор стали появляться и самодельные. Медицина была хорошо развита, во всяком случае в том, что касалось лечения ран; заразных болезней рогавики, живущие без скученности и на свежем воздухе, почти не знали. Они обладали обширными знаниями по зоологии и ботанике, не питали почти никаких суеверий относительно природы и охотно слушали рассказы Джоссерека об эволюции. Великолепно была развита металлургия, а также прядение и ткачество шерсти и различных дикорастущих волокон. В этих отраслях употреблялось большое количество разных химикалий, в основном опять-таки покупных. На каждом зимовье, не говоря о подворьях, имелись свои мастерские.

Лето посвящалось не только странствиям и охоте — искусства процветали тоже. Почти каждый умел играть на одном-двух музыкальных инструментах, а их было, на удивление, много. Рисование, живопись, резьба по дереву и кости, декоративное мастерство по-своему ничуть не уступали зарубежным. Пение же, танец и драма были, возможно, и более совершенными. В одном попутном стане Джоссерек видел представление, продолжавшееся несколько часов, нечто среднее между оперой и балетом, и оно поразило его, хотя он плохо понимал, о чем там речь.

Нет, рогавики — не просто кочевники. Это богатое, сложное общество с вековыми, обязательными для всех традициями. Более того, оно не статично, как большинство других. Оно испытывает расцвет изобретательства, оно прогрессирует.

И все-таки...

Джоссерек, представитель индивидуалистической, индустриализируемой, капиталистической цивилизации, привыкший к пренебрежению обрядами и к вольнодумству, почему-то встревожился, обнаружив те же самые особенности здесь. Искавшие постижения мужчины и женщины, наставники, мыслители или просто любители размышлять не были ни пророками, ни магами, ни провидцами. Лучшее определение, которое Джоссерек мог бы им подобрать, было «философы», хотя философские

искания велись порой скорее мускулами, душой и сердцем, нежели мозгом. В большинстве же своем рогавики представляли собой равнодушных агностиков, вполне удовлетворенных миром ощущений, в котором жили. Рогавикские историки утверждали, что и мифы, и магия в прошлом существовали, но затем уступили научному подходу с легкостью, лишней раз доказывающей, сколь неглубоки были их корни.

Немногие церемонии, в отличие от театральных представлений, были краткими — дань вежливости, а не обряды. Джоссереку говорили, что в семьях есть свои, разработанные многими поколениями, но они, насколько он мог разобраться, сводились к общению между членами семьи, служили средством преодоления обычной замкнутости. Там могли с любовью поминать предков, но совсем не предполагалось, что на торжестве взаправду присутствуют они или какие-то сверхъестественные силы. Ник-китай, открывшая это ему в самые интимные их минуты, больше ничего не говорила. Она не могла связно объяснить, что заставляет ее скрывать подробности. Просто хранила свою тайну.

«Проклятие, — думал Джоссерек, — они ведь не киллимарайхские горожане! Они представляют собой органическую человеческую общность в сердце огромного дикого края. Не должны они чувствовать такой... обособленности!

Нет — снова неверное слово, и снова я не знаю, какое слово верное. Они ведут себя как кошки. А может, это моя иллюзия. Человек — стадное животное вроде собаки. И испытывает собачью потребность в мистической связи с кем-то выше себя».

Он грустно усмехался, глядя на волнующиеся под ветром травы, где охотился ястреб-перепелятник. «Даже я, холостяк, солдат удачи, недавний изгой, да и сейчас всем посторонний, оказался здесь не из любви к приключениям; я здесь по заданию своей страны, и я верю, что эту страну стоит сохранить, несмотря на все мои насмешки над ней.

И еще я люблю Донию... она же предана своим мужьям (так же, как и я ей?). Предана детям, друзьям, своему дому. Ведь так?»

Он не знал, так ли. Та смертельная ярость, которую вторжение зажгло в груди каждого рогавика — каждого без исключения, хотя в остальном они отличаются друг от друга, как и все люди, — вправду ли она происходит от любви к своей земле? Киллимарайхец, скажем, сражался бы именно за свою страну. Он продолжал бы воевать и за ее пределами ради ее политических интересов, а не только ради простого выживания — рогавику же это никогда и в голову не приходило. Однако самопожертвование киллимарайхца имеет пределы. Если бы война была проиграна, он смирился бы с поражением, даже с оккупацией, и

постарался бы как-то наладить свое существование. Рогавик, по всей видимости, на это неспособен. Но вот что парадоксально: если киллимарайхиец, добившись победы или перемирия, не скоро бы простил тем, кто причинил вред его согражданам, то рогавики на протяжении всей истории, как только последний враг покидал их пределы, готовы были возобновить мирные отношения с противником, как ни в чем не бывало.

Может быть, ключ здесь лежит в их домашнем укладе, в структуре и задаче их семьи? Задача жизни — продлевать жизнь; и от того, как это делается у тех или иных народов, зависит и все остальное. Но тут Джоссерек чувствовал себя еще беспомощнее, чем раньше. Среди всех известных ему народов, а может, и всего животного мира, одни только рогавики размножаются так, что-бы население *не росло*.

Животные, впрочем, тоже не могут размножаться до бесконечности: их численность ограничивается вместимостью их территории. Потом вступают в действие или естественные ограничительные механизмы — например, недостаток особей другого пола у полигамных видов — или голод, мор, внутри-видовые сражения, и численность вновь входит в берега. Человек относится к видам, у которых ограничительный фактор отсутствует. Поэтому его время от времени постигает судьба кролика или лемминга, но он, будучи существом разумным, сам ограничивает свою численность. Методы тут самые разные: celibat, поздний брак, сексуальные отношения без зачатия, предохранение от беременности, аборт, умерщвление младенцев и стариков, эмиграция. В основном от перенаселения страдают цивилизованные народы. Дикари следят за своей рождаемостью. То, что это делают и северяне, не удивило бы Джоссерека.

Однако у северян все направлено на то, чтобы ограничить свою численность радикально — держать ее в гораздо меньших пределах, чем могли бы позволить их ресурсы. Этому способствует и полиандрия, и неприятие незаконных детей, доходящее до остракизма, и неписаное правило, по которому ни одна жена не должна иметь более шестерых детей, доживших до взрослых лет. История гласит, что в годы бедствий, когда смертность намного превышала рождаемость, допускалось негласное послабление; но как только норма восстанавливалась, так же негласно и мирно восстанавливался и прежний порядок.

Джоссерека занимала генетическая основа всего этого. Здесь есть избранные женщины, которые привлекают к себе множество мужчин и, сознавая, что всех их могут удовлетворить, отбирают себе лучших. Но рожают они детей не больше, чем менее желанные женщины, которые ограничиваются одним-двумя мужьями. Мужья последних поэтому передают потомству более

высокую долю своей наследственности, которая неизбежно вливается в последующие поколения более отборных семей. Не этим ли уравнивающим эффектом объясняется то, что здесь так и не возникло аристократии, правительства, государства, правящих организаций — вообще власти, кроме самой рудиментарной, которую признают лишь по собственной воле?

Преимущества низкой численности населения очевидны. Северяне пользуются переизбытком дичи и прочих естественных ресурсов. Это дает им досуг и излишки для создания культуры, не уступающей культурам гораздо более цивилизованных наций. Еще важнее для северян их огромные пространства. Они с отвращением и даже с ужасом отзываются о перенаселенном юге. «Я не выдержала бы в Арваннете так долго, — говорила Дония, — если б от них там не пахло не совсем так, как от людей». (Потому что те питаются по-иному или принадлежат к иной народности? У рогавиков действительно собачий нюх, хотя это, возможно, скорее приобретенное, чем врожденное качество.)

«Вся беда в том, — думал Джоссерек, — что перспективы грядущего общественного блага повсюду неизбежно вступают в противоречие с сиюминутными интересами, личными или бюрократическими, поэтому общественным благом пренебрегают. Общественные земли превращаются в пастбища, леса беспощадно вырубаются, реки загрязняются, дикая природа уничтожается, торговля ограничивается, прогресс тормозится правилами и налогами — и это при любой системе: племенной, феодальной, капиталистической, традиционалистической, коллективистской — любой. А рогавики — анархисты. Они не претендуют на альтруизм, у них и слова-то такого нет. Любое сообщество, увеличив свою численность, могло бы приобрести влияние, обеспечить себе лишнюю рабочую силу, разбогатеть. Общее неодобрение оно могло бы презреть, поскольку само себя обеспечивает и над ним нет власти. Тогда и всем родам пришлось бы последовать его примеру из опасения стать жертвой. (Ну, этот процесс, конечно, был бы гораздо более сложным.) На деле же...

Что за фактор делает их образ жизни столь устойчивым? Это должно быть нечто гораздо более сильное, чем желание обеспечить благосостояние своих потомков... особенно когда никто толком не знает, в чем это благосостояние заключается: одни хотят расширить торговлю с зарубежьем, другие — нет; одни хотят завести огнестрельное оружие, чтобы облегчить охоту, другие боятся впасть в зависимость от его поставщиков... и так далее и так далее... И каждый свободен поступать так, как ему заблагорассудится — сдерживает лишь то, что сородичи могут с ним порвать.

И до этого почти никогда не доходит. Какое-либо насилие, с которым я здесь сталкивался и о котором слышал, связано только с отхожими. Но отхожие — это патологические личности, по той или иной причине возненавидевшие всех остальных. А так — ни войн, ни междоусобиц, кражи редки, дерутся только голыми руками...

Нет, они не святые, эти люди. Они бывают заносчивыми, жадными, при сделках бессовестно врут и надувают, не очень-то помогают ближним за пределами своего сообщества, у них нет никакой веры — есть лишь что-то вроде этики, и та довольно прагматична. И при этом они охотно перенимают зарубежные идеи — и все же остаются верны себе, век за веком. Каким образом?

Это же не в силах человеческих».

Громовой Котел вставал из земли ровный, безлесный, поросший золотисто-зеленой травой — такая же росла в том краю, где Дония и Джоссерек бежали с парохода (казалось, уже много лет назад!), однако здесь местность была посуше. Ближнее подворье, хотя и было больше обыкновенного, выглядело здесь одиноко — высокий хлопок стеной укрывал его от ветра, дождя, града, снега, засухи, медного лета и железной зимы. Сам холм не казался высоким, но его размеры вселяли трепет.

Джоссереку уже доводилось видеть подобные образования в Оренстане, порядочно их было и в Восточном Ованге, и в Западном Андалине. Такие кратеры окружностью три-четыре мили возникли когда-то в земле по неизвестной причине. Раскапывая наносную почву, люди находили внизу спекшийся слой, весь в трещинах от мороза и от корней, вросших в него за несколько тысячелетий, но сохранивший кратер от эрозии. Под этим слоем или под курганами по краям кратера обнаруживались иногда останки древних городов. Это побудило ученых Киллимарайха прийти к выводу, что, когда с полюсов двинулись льды, тогдашняя цивилизация сама уничтожила себя в борьбе за иссякающие ресурсы, прибегнув к силам, которые ныне человеку неподвластны.

У этой теории нашлись оппоненты. Раскопки доказывали, что многие катастрофы произошли в незаселенных районах. Кто бы стал бомбардировать их? Кроме того, гипотеза о том, что человек некогда владел энергией, способной уничтожить весь мир, объявлялась беспочвенной и сенсационной. С другой стороны, наука о наступлении и отступлении льдов возникла совсем недавно, и факты, легшие в ее основу, были весьма незначительными и спорными. Собирали эти факты в основном на

побережьях, особенно на Коралловом Поясе, который ранее, по всей вероятности, находился под водой. Куда могла деться эта вода, как не в ледники? Это землеобразующие силы, по мнению консервативной школы, вздымали континенты и взрывали дно океанов — возможно, миллионы, а не тысячи лет назад. Они же могли образовать и кратеры. А возможно, кратеры вырыли метеориты. С тех пор как Виклис Белалох открыл, что падающие звезды — это космические камни, метеоритов обнаружили много, и порой очень крупных. Дождь из таких огромных глыб вполне мог уничтожить мировое сообщество — осталась лишь кучка невежественных крестьян и дикарей, которые и начали все сначала.

Джоссерек увлекся этим вопросом, начитавшись книг и журналов, которые давал ему Мулвен Роа. Его волновала и радовала мысль, что он живет в эпоху столь бурного роста науки. Однако теперь, когда он ехал по краю Громового Котла, это зрелище вызвало у него грусть. Незапамятные времена, гибель бесчисленных существ, рок, поразивший целые поколения, — и ничего не осталось, кроме горсточки панцирей и костей. Однажды он видел череп большой рептилии, найденный в скальной осыпи, — в его пустоте пели ветры многих эпох, не слышимые и не ощутимые некогда живой материей, обращенной временем в камень. Джоссерек посмотрел на едущую рядом Донию и представил себе ее череп.

«О, я постараюсь их сплотить, постараюсь образумить их. Что еще я могу? Только попытаться, а потом уеду домой».

Стены и дно кратера усеивали яркие шатры разных станов, раскинутые, как водится, на большом расстоянии друг от друга. Люди Хервара разбили свой лагерь и отправились шататься по кратеру. Несмотря на повод для всеобщего сбора, кругом царило веселье. Все бродили по зеленым склонам, болтали, пели, пили, резвились; всюду по двое и по трое гуляли родственники, старые друзья, юноши и девицы, незамужние женщины и одинокие мужчины, а также те, кому нужно было поговорить о делах.

Джоссерек предпочел бы побыть в одиночестве, но многие, наслышанные о нем, подходили поговорить, и всем нужно было вежливо ответить. Когда же стемнело и ему захотелось общества, он остался один. Никкитай нашла себе кого-то другого.

Спал он неспокойно.

К утру по кратеру разошелся слух, и начало не столько организовываться, сколько кристаллизоваться собрание. Дония и Джоссерек сидели в повозке, которую спустили на дно Котла. Дония почти все время молчала, а он только и смотрел, что на ее профиль, впитывал ее тепло, ее многообразные запахи: дыма, плоти, нагретых солнцем волос, осушенного ветром пота и еще

один, которому Джоссерек не умел подобрать определения, потому что ни у кого, кроме северянок, не пахла так кожа... полынью, розмарином? К полудню она сочла, что собралось достаточно народу, чтобы к нему обратиться.

Внизу, перед ними, стояли и сидели всего человек пятьдесят из разных семей, в основном жены. Остальные кучками расселись по склонам. Те, у кого были сильные легкие и зычный голос, передавали речи ораторов дальше. Их никто не назначал, и никто не платил им; им самим доставляло радость их занятие и сознание собственной значительности.

— Мы принесли вам дурные вести, — начала Дония.

Она не пользовалась ораторскими приемами. На своих собраниях рогавики говорили только по существу дела. Прочувствованные речи они приберегали для личных целей и тогда порой поднимались до высот поэзии. («О сладостная сила жеребцов, приди с ржанием, высеки молнию из камня и, неоседланную, оседлай», — прошептала она ему однажды под луной, и еще многое шептала, хотя ни разу не сказала просто «я люблю тебя».) Гонцы Донии, опасаясь непредсказуемых последствий, ничего не говорили о планах уничтожения страны, а лишь подчеркивали, что эта война не похожа на прежние и ее надо вести по-новому. Теперь Дония напрямик объявила о том, что ей стало известно. Собравшиеся не так безумствовали, как люди из стана Донии. Как видно, чем больше было общество, тем слабее проявлялись страсти. Кроме того, подавляющее большинство здесь представляли роды, жившие к западу от Становой. На их земли враг еще не вторгся и не доберется до них по меньшей мере еще год. Поэтому угроза для них была достаточно далекой, чтобы рассмотреть ее с определенным спокойствием.

Разумеется, по всей окружности кратера поднялся крик, люди бранились, потрясая кулаками и ножами. Дония дала им час на то, чтобы облегчить душу, и передала слово Джоссереку.

— Жители севера... — «Что я могу им сказать?» У него было несколько недель на то, чтобы составить свою речь, посоветоваться, поспорить, уточнить, обдумать; теперь все это куда-то пропало. Он еле выжимал из себя слова: — ...совместные действия, по единому плану... — Какому плану? Дать бароммской кавалерии бой после пары месяцев учений под руководством новоиспеченных командиров — выйти против потомственных вояк? Крики глашатаев, передающих его речь, звучали тихо и отдаленно, словно посвист сурков. — ...Сражаться теперь же, а не тогда, когда враг вступит на вашу землю, одержав победу на востоке, — зажать врага между двух фронтов...

«Каким образом? Сидир увел почти все войско в верховья реки. Если превосходящая численность противника заставит

его отступить, он просто расставит людей по крепостям и предоставит северянам скакать под жерла своих пушек. Да я уже и не верю в то, что рогавики способны воевать большими массами. — ...хладнокровие, предусмотрительность вместо слепой ярости... — Какой предусмотрительности могу научить их я, который пытался их понять и не сумел? От меня здесь никакой пользы. Надо ехать домой.

Но как я могу оставить ее на верную смерть?»

Он кое-как завершил свою речь. Ему ответили вежливым гулом одобрения. После подошли к нему несколько человек и спросили, что же он предлагает. Дония ответила за него, что цель этого веча — заставить всех поразмыслить. Пусть люди взвесят все, что было сказано, потолкуют, призовут на помощь всю свою мудрость. Тогда тот, у кого возникнет какая-то мысль, сможет поделиться ею со всеми — завтра, послезавтра или на третий день.

В конце концов они остались вдвоем в повозке под медным светом с неба, где громоздились грозовые тучи, и холодным ветром, предвещавшим бурю. Он схватил ее за руки и взмолился:

— Ну что еще мы можем сделать до того, как умрем?

— Мы? — мягко переспросила она.

Ветер швырял ей волосы в лицо, на высокие скулы и зеленые глаза.

— Я хотел бы остаться, — пробормотал он, — если... если ты...

— Джоссерек, — помолчав, сказала она, не отнимая рук и не сводя с него глаз, — я не была к тебе добра, верно? Пойдем ко мне в шатер. — Он глядел на нее, не веря ушам. Сердце его вторило громовым раскатам за горизонтом. Она улыбнулась: — Тебя беспокоят мои мужья? Им ты тоже нравишься. И мы не всегда вместе, не каждую ночь. Пойдем.

Она прыгнула наземь. Когда он, ничего не соображая, последовал за ней, она снова взяла его за руку и повела за собой.

Наутро он проснулся примиренным и понял, что ему делать дальше.

Глава 18

Записи, которые Сидир вел в пути, говорили ему, что он вошел в Неведомый Рунг в звездник восемнадцатого ауши. Но это были только ничего не значащие каракули, нацарапанные окоченевшей от холода рукой на странице, шелестящей под северным ветром. Времени здесь не существовало. Если оно и

было раньше, то давно застыло, превратившись в бесконечное, исполненное тоски пространство.

Усталая голова работала медленно. Первой мыслью Сидира, когда разведчик с криком показал вперед, а он поднес к глазам бинокль, было: и это все? Таким крошечным казался сказочный город у подножия ледовых гор.

Горы занимали три четверти кругозора, сверкая слева, справа и впереди чудовищной радугой; дорога, по которой, спотыкаясь, шел его конь, лежала в узком ущелье. Все вверх и вверх вздымались они — ступенями, откосами, кручами, скалами, и так на целую милю, чтобы стоять стеной и в небе, не только на земле. Осыпи у их подножий окутывала пыль, сверху же, под безоблачным бледным небом, горы сияли болезненно-ярким огнем, зеленым и сапфировым с радужными бликами на серостальном фоне. В рассекающих их ущельях залегла глубокая синева. Талая вода сбегала вниз тысячько ручейков, сливавшихся в ревущие потоки. Несколько раз Сидир слышал, как срывается с высот лавина, и видел, как поднимается от нее облако снежной пыли к солнцу, к тучам или к безымянным для него созвездиям — белое, словно от извержения призрачного вулкана в подземном мире.

Здесь господствовал холод, источаемый льдами, — он резал кожу, проникал сквозь одежду до мозга костей. Но дыхание льдов Сидир ощутил уже через день после выезда из Фульда, следуя на северо-восток по землям рода Ульгани. Леса пропали, трава пожухла, степь превратилась в тундру. Меж бурых мерзлых кочек рос только мох да лишайник. В оттаявшей за лето земле вязли копыта, и отряд не шел, а плелся, увязая в грязи, и с каждым днем силы покидали несчастных коней и людей, не могущих найти сухого места для ночлега. Свистел ветер, лил дождь, с шорохом валилась снежная крупа, от ударов крупных градин проступали синяки; но все было лучше, чем мошкара в ясные дни. Сидир опасался, что теперь воюющие клубы гнуса будут до самой смерти преследовать его во сне. Может быть, и в могиле он все еще будет слышать их и до полного изнеможения хлопать себя по телу, прикрываться чем попало и мазаться соком растений, от которого толку чуть, и ощущать, как лихорадка от ядовитых укусов туманит мозг. Кроме гнуса, в тундре почти не было жизни. Изредка встречались белые куропатки, зайцы, лисицы, карибу; на озерцах порой собиралась водоплавающая дичь; в потемках ухали совы. Как порадовались бы его солдаты атаке туземцев — хоть какому-то человеческому присутствию!

Сегодня они мучились меньше. Они обнаружили, что испарения льдов отгоняют насекомых, и держались под самыми

горами. Это удлинило их путь, и к слякоти прибавились еще и моренные валуны. Но возможно, путешествие продлилось бы и дольше, пойдя они напрямик без надежных карт, указаний и ориентиров. Северные роды не препятствовали арваннетянам ездить в Рунг, но в нынешнем поколении еще никто не отважился на такую поездку. Сидир знал наверняка только одно: город стоит под самым ледником, в конце глубокого ущелья, почему-то оставшегося проходимым.

И вот он здесь. Его цель уже видна. Сидир отвлекся от зрелища мрачных гор, навел окуляры на резкость и напряг зрение, пытаясь разглядеть легендарные башни. На фоне гор виднелся неровный низкий частокол.

Подъехал полковник Девелькай.

— Должно быть, это он, хай? — спросил глухим от усталости голосом. — Куда дальше, воевода?

Сидир внимательно посмотрел на него. Командир полка Барракуд, возглавивший на время этого похода эскадрон Молотов Бессака, был молод — до того, как они выступили. Тундра и льды состарили его на много лет. Заросшие, искушенные мошкаррой щеки ввалились, глаза превратились в горящие угли, плечи ссутулились так, словно фетровая шляпа и кожаная куртка весили несколько пудов. Его конь был в еще худшем состоянии — он захромал, сбил ноги о камни, повесил голову, под слоем засохшей грязи торчали ребра. «Неужели и у меня такой же вид, как у полковника?» — подумал Сидир.

— Вперед, — распорядился он. — С должными предосторожностями, конечно. Когда подойдем поближе, увидим, чего можно ожидать. Сегодня будем ночевать в Рунге.

— Уверен ли, воевода? Я к тому, что в этих дебрях может затаиться враг.

— На рожон лезть не станем. Но мы сумеем отразить нападение, если будет место для маневра и для ведения огня. Откровенно говоря, я не думаю, что здесь прячутся варвары. Зачем им ехать сюда, когда здесь все торговые пути перерезаны? Помните: Рунг — не родовая территория. Рогавики считают его общим достоянием, а потому не станут защищать с таким фанатизмом, как свои охотничьи угодья. — Сидир вскинул голову, подставив ветру красный плюмаж на шлеме — он считал своей обязанностью постоянно носить эту эмблему бодрости духа. — Полковник, там сухо. Наши люди больше не будут спать в сырости. Вперед!

Девелькай махнул горнисту. Тонко, одиноко и дерзко запел сигнал к маршу, отражаясь от горных круч.

Солдаты на рысях двинулись вперед. Трепетали знамена, сверкали пики. Славные ребята. В отряд Сидира, кроме Моло-

тов, сплошь бароммцев, входила кавалерийская рота, где служило много рагидийцев, конная пехота и саперы, которые станут здесь гарнизоном. Между ними распределялись стрелки, для которых везли на мулах большое количество боеприпасов.

Эти ребята и их товарищи так расколотили род Ульгани, что на всем пути им не встретилось ни одного туземца. (Скелеты рогавиков устилают Лосиный Луг.) Не смутило солдат и отсутствие дичи. (Туземцы отогнали большие стада от реки, подальше от имперских фуражников.) Тундра, с ее неведомыми доселе ужасами, тоже уступила их воле. Эти люди уж как-нибудь сумеют занять груды руин.

Прошел час. Тени ото льдов становились длиннее, увеличивая в глазах Сидира и без того огромную площадь Рунга.

Все чаще встречались им курганы с развалинами домов. Вскоре они заполнили всю округу — их были сотни. Сидир въехал на один из них, чтобы осмотреться. Замшелый туф пригорка усеивали битые кирпичи, черепки, осколки стекла, куски гладкого вещества, похожего на твердую смолу, обработанную человеком. На вершине Сидир остановил коня. Дыхание со свистом вырывалось из груди воеводы — громче ветра, рывущего меж этих могильных холмов.

Повсюду на свете встречаются развалины древних городов, но только развалины, да и те давно раскурочили новые поколения. Рунг же был слишком велик, чтобы постичь его. В этом краю ему, вместе с землей и небом, служили рамой льды. Большинство его зданий обрушилось, как и то, что попирали теперь копытами конь Сидира. Но стояли они так густо, что их кладбище представляло собой сплошную волнистую возвышенность.

Она поросла кустарником — руины еще защищали от ветра и удерживали тепло. Из высоченных груд мусора торчали осколки каменных стен, пеньки труб, выщербленные скособоченные колонны. А в одном месте, хотя одиночные гиганты возвышались повсюду на протяжении многих миль, куда только хватал глаз, Сидир увидел те самые башни.

Темнея на фоне льдов и неба, они громоздились, высились, парили. Их тоже изъело время. Зияли выбитые окна, проемы в стенах открывали дорогу непогоде и крысам, кровли рухнули, кроша все этажи, входы заваливали мусор и наносная земля, лишайник покрывал бока до самых покосившихся глав, где гнездились теперь ястребы и совы. Но башни остались башнями. Столь велики были гордость и сила, воздвигшие их, что они пережили народы, империи, саму историю; если им не суждено когда-нибудь рухнуть, они переживут и богов.

Потрясенный до глубины души, Сидир спустился с холма и продолжил свой путь.

Разведчики доложили, что в городе пусто, куда ни посмотри. Хотя на этом каменном кладбище могли бы залечь тысячи врагов, Сидиру не верилось, что тут кто-то есть. Он вел людей по заросшим тропам, бывшим когда-то улицами, и не слышал ничего, кроме эха. Мысли о засаде были легкими, поверхностными и почти не занимали его. Кучка людишек-однодневков не стоит и того карниза, который мог бы упасть им на голову.

Он укрепился в своем предчувствии, найдя следы пребывания северян. Они обнаружили у одной из одиночных башен, выходившей на площадь, заваленную камнями. В тени этой великанши было уже темно, хотя ее вершина еще всю сияла в синеве. Здесь кто-то выкорчевал кусты, выкопал в земле очаги, из обломков построил хижины, на которые можно было натянуть сверху крышу-навес. Следы копыт и сухой навоз говорили о том, что здесь недавно побывали конные. Но примечательнее всего были стальные бруссы, медная проволока, алюминиевые листы и другие, более редкие металлы, сложенные внутри башни у расчищенного входа. Рогавики разрабатывали Рунг летом, а зимой, когда тундра промерзала, возвращались за своей добычей. Те, что работали здесь, наверняка бросили свое дело, чтобы идти воевать с захватчиками.

— Остановимся здесь, — приказал Сидир.

Люди спешили и засуетились, исследуя округу, выбирая себе место для ночлега. Теперь их тела получают отдых, которого не знали целый месяц, но души... Солдаты почти не разговаривали, и голоса их звучали приглушенно. В глазах была настороженность.

Сидир и Девелькаи вошли в башню посмотреть ее изнутри. Там было чуть светлее, чем снаружи — через проломы в западной стене светило солнце. Но над головой быстро собирался мрак. Там едва виднелось несколько балок, похожих на концы оборванной паутины. Вниз свисала цепь с крюком, определенно современного вида. Было сыро, виден был пар от дыхания, и слова звучали глухо. К сырости примешивался запах ржавчины.

— Все вычищают, сверху донизу, а? — заметил Девелькаи. — Резонно. Не хотелось бы взрывать все это. Да... тут, наверное, давно бы все съела ржавчина, не будь стен, цемента, штукатурки, резиновой оплетки и прочего. Рогавики ломают оболочку и режут металл пилами и паяльными лампами.

— Прямо-таки кошунство, — пробормотал Сидир.

— Не знаю, не знаю, воевода. — Девелькаи получил хромое образование, но все его бароммское упрямство осталось при нем. — Я никогда до сих пор толком не понимал, сколько

же всего захапали предки. Они оставили нам порядком истощенные шахты и нефтяные скважины, разве не так?

А самые богатые из них расположены вдоль побережий, подумал Сидир, и это вроде бы подтверждает теорию о том, что те земли лежали еще под водой, когда строился Рунг. Больше ему почти ничего не было известно. Это Люди Моря, рагидийцы, читают глубины земли в поисках прошлого, более древнего, чем само человечество. И все же чувство неотвратимости времени пронизывало Сидира от макушки до кончиков пальцев.

— Так почему бы нам не использовать то, что от них осталось? — продолжал Девелькаин. — Такой город больше уж никто и никогда не построит...

Не потому ли погибли древние? Оттого, что загубили столько земли, что, когда льды отхватили у них большую ее часть, тем не стало места, чтобы жить так, как они привыкли, а жить по-иному они не умели?

— ...но мы и наши дети имеем право взять, что можем, и использовать это, как можем, разве не так?

«А что мы можем? Теперь, когда я увидел это своими глазами...»

Перед Сидиром всплыло сморщенное лицо Юруссунa. Наисский ученый, посоветовавшись с учеными Арваннета, сказал своему хаамандурскому соправителю: «В древние времена, когда Арваннет еще жил полной жизнью, его сограждане бывали в Рунге. Я нашел отрывки их записей в позднейших работах, которые имеются в библиотеках. Судя по этим источникам, древние предпринимали фантастические усилия для спасения своего города — прорыли большие каналы, воздвигли высокие дамбы. В результате ледник обогнул город, не тронув его. Отчаянная борьба цивилизации, владевшей целым миром... И я спрашиваю себя, не была ли гибель этих людей — быстрая гибель, занявшая всего несколько веков, — вызвана чем-то таким, что сделали *они сами*?»

Сидир не понимал, ни что такое Рунг, ни что такое льды, рядом с которыми Рунг ничтожен, пока не увидел их своими глазами.

— ...и так мы и поступим. Воевода был абсолютно прав касательно этого похода. У меня, признаюсь, имелись сомнения, но вы были правы. Варвары лишь чуть-чуть тронули эти сокровища. Мы поставим здесь хорошее оборудование, введем современные методы...

Этот ничего не понял. Сидир посмотрел в честное лицо полковника и медленно сказал:

— Возможно, мы не настолько долго задержимся здесь. — Объяснять он ничего не стал. И вскоре, взяв фонарь, довольно безрассудно взошел один наверх. Он шел по бетонным ступенькам, вспученным от древности, как черепаший панцири, и скользким от вечернего морозца, шел через провалы, над которыми рогавики укрепили перекидные лесенки, и наконец поднялся на помост, построенный ими на вершине. Он стоял там, и его пробирала дрожь. На западе солнце уже зашло за ледник, который отражался на бледно-зеленом небе, словно вал тьмы. Горбатый месяц висел над черными громадами. Восточная сторона неба походила цветом на запекшуюся кровь. Проглянуло несколько звезд. Под ними еще отражали дневной свет замерзшее озеро и его обледелый берег. Ветер улегся, и настала великая тишь.

«Нет, я не был прав, я не прав во всем, — сознался Сидир вечерним сумеркам. — Я завел своих людей на неверный путь. Мы не сможем воспользоваться тем, что взяли. Может быть, и удержать это не сумеем. Теперь я не уверен, стоит ли и пытаться. Нет, — одернул он себя. — Когда-нибудь, да, когда-нибудь эта страна будет укрощена и обустроена, через тундру проложат настоящую дорогу, и здешние богатства превзойдут все ожидания. Теперь же они не про нас. Путь сюда слишком тяжел, страна слишком сурова, руины слишком огромны. А лето на исходе, близится зима, и с ней грядет голод.

Я ни с кем не делился этим. Каждый форт на Становой считает, что его заботы единственны в своем роде. Но я-то читаю рапорты всех командиров и знаю: северяне повсюду и так успешно, как я и не представлял, угоняют дикий скот за пределы нашей досягаемости.

Что ж, они ведь хищники и знают все о повадках своей добычи. И Дония тоже волчица — если она жива».

Сидир вскинул голову. Нет, это говорит его усталое тело, а не разум. Разумом он сознает, что, хотя и рассчитывал кормить армию в основном охотой, никогда не был столь беспечен, чтобы полагаться на это целиком. Если людям на зимних квартирах и не хватит свежего мяса, у них будет хлеб, кукуруза, рис, бобы, и они смогут заняться подледной рыбной ловлей. Пусть они увидят, как он со своим отрядом притащился из Рунга несолоно хлебавши, — он объяснит им, что это лишь временная неудача, и воспламенит их рассказом о богатствах, которые ждут своего часа. Пусть им предстоит долгие годы бороться с увертливым, искусным, жестоким врагом — они справятся со своей задачей. Это вопрос стойкости. В конце концов они завоюют весь Андалин для себя и своих потомков.

«Почему же тогда я грущу? И чего боюсь?

Дония, где ты теперь, когда приближается ночь?»

Через несколько дней хозяйка Совиного Крика, не в силах больше усидеть на месте, отправилась на охоту. Вече разъехалось, но успело распугать вокруг всю неубитую дичь, которая отошла на значительное расстояние. Дония не рассчитывала вернуться скоро. Джоссерек остался работать на подворье Громовой Котел. Предложения тамошних девушек он отклонял. К его удивлению, там нашлось все, что ему было нужно. Поистине, это подворье было главным торговым центром, главной мастерской и самой большой гостиницей севера. Девушки проявили снисхождение и согласились с тем, что он, пока можно, каждый свой час должен посвящать работе. Он не сказал им, что одна лишь работа помогает ему не слишком сильно тосковать по Донии.

Она вернулась через неделю. Он узнал об этом, лишь когда она вошла в комнату, где он устроил себе лабораторию. Комната была просторная, с белеными штукатуренными стенами, а в окна светило солнце, хотя в помещении было прохладно. На верстаке громоздился разный ручной и механический инструмент. Джоссерек в тот миг, орудуя напильником, обрабатывал медный сердечник до нужной формы и размера.

Услышав, как позади открылась дверь, он обернулся и увидел ее. За спиной у нее ослепительно сиял проем открытой двери. На какой-то миг она предстала перед ним тенью в ореоле растрепавшихся светлых кудрей. Потом он различил загар на ее теле. На ней были только сапоги и короткая оленья туника.

— Джоссерек, — сказала она. — У меня круги перед глазами. — Он бросился к ней, повинувшись зову вскипевшей крови, и слился с ней в долгом поцелуе; потом вспомнил, что надо бы закрыть дверь, но снова потянулся к Донии. Она шутливо оттолкнула его:

— После мы найдем место получше этого. — И тут же посерьезнела. — Как идут твои дела?

Обо мне она не спрашивает, пронзило его, как ножом. Хотя...

Когда она уделила ему столько времени, словно он был ее мужем, он поверил в искренность ее привязанности к нему. Но не смел и надеяться, что ее чувства хоть в малой степени могут приблизиться к тем, которые испытывает он сам. Такая неистовая поглощенность любимым существом несвойственна мужчине старше двадцати, а рогавикам, видимо, несвойственна в любом возрасте. Если им и знакомо иное чувство, кроме привязанности, верности, общности судьбы, они хранят его про себя, для семейного пользования. Не стоило спрашивать у Донии, что

такого дают ей ее законные мужья. И не стоило ревновать к ним. Они были славные ребята, они радушно принимали его и принимали как должное его связь с их женой. Да, они изо всех сил старались доказать ему свою дружбу. Но они-то усакали с ней на охоту, а ему пришлось остаться тут... Он проглотил слюну, сжал кулаки и заставил себя успокоиться.

— Неплохо, очень неплохо. А как удалась охота?

— Хорошо. Я расскажу тебе, как Орово мертвой хваткой вцепился в буйвола... но нет, это потом. — Она схватила его за руку, и он почувствовал, что она дрожит. — Можешь ты наконец объяснить, что ты делаешь?

«Ее страна в опасности. На ее месте и я бы захотел первым делом узнать, что нового. А у меня нет такого единства со своей родиной, как у нее».

— Я скрытничал только потому, — извиняющимся тоном сказал он, — что не был уверен, удастся ли мой замысел. — (Я мог бы проверить это и раньше, Дония, но ты была здесь, и я не хотел терять ни единого мига близости с тобой.) — Потом только поверил, что удастся. Собственно говоря, я надеюсь закончить свой аппарат дня через два-три.

Она отпустила его руку и подошла к верстаку посмотреть, насколько он продвинулся. Джоссерек с радостью показывал ей свою работу. Между полюсами индуктивной катушки трещали искры, золотой листок раскрывался и складывался, как крылья бабочки, внутри стеклянного электроскопа, игла компаса подрагивала, повинаясь смене магнитных полей.

— И вот это будет говорить... через тысячу миль? — дивилась она. — Никогда о таком не слыхала. И как у тебя в голове умещается столько знаний, чтобы сделать такой прибор?

— Ну, это не так уж сложно. — (Простой разрядный гетеродин и антенна на воздушном змее.) — Самое трудное было собрать источник энергии. — (Как сказать по-рогавикски «серная кислота», как проверить, ту ли жидкость тебе в итоге предложили, как определить мощность свинцовой батареи, которую ты наконец собрал?) — И еще нужно было точно измерить некоторые величины, чтобы они, по крайней мере, правильно соотносились друг с другом. — (Сопротивление, емкость, индуктивность, чтобы получить нужную длину волны, которую могла бы принять корабельная радиостанция, настроенная на эту частоту.)

— Как же ты меришь? — сразу сообразила она. — Ведь наши меры не совпадают с вашими.

— Верно, — улыбнулся он. — Я все мерки ношу с собой. Видишь ли, в моей работе иногда приходится делать разные приборы из ничего. Поэтому мне известна длина и ширина раз-

ных частей моего тела. А зная это, я могу довольно точно отмерить нужное количество воды, чтобы определить вес, или сделать маятник для отсчета времени. Если же нужна более высокая точность... — Он вытянул руки с изображением якоря, змеи и орки. — Если ты повнимательнее посмотришь на эти рисунки, то увидишь маленькие метки. Их наносили очень тщательно.

Она вскрикнула радостно, захлопав в ладоши:

— Значит, скоро ты сможешь вызвать своих Людей Моря?

— Только сам их не услышу. Я наступчу сообщения особыми знаками — точка и тире, а они поймут его с помощью своих приборов. Я уже говорил тебе, что меня бросили в Андалин не одного-разъединственного, словно игральную кость на сукно. В Империи действуют и другие наши агенты. А в Море Ураганов и Дельфиньем заливе плавают несколько наших «торгово-исследовательских» судов — на самом деле это боевые корабли. — Ему пришлось перейти на арваннетский. — Моя миссия связана с широкими полномочиями. Если я распоряжусь, чтобы прислали людей для встречи со мной и, главное, для передачи моих сведений и предложений начальству в Ичинг — их пришлют. — И снова по-рогавикски: — А вот эту штуку придумали для скорости. Без нее мне понадобилось бы несколько месяцев, чтобы добраться до одного из кораблей, и еще несколько — на то, чтобы начать действовать, в то время как твой народ страдает и гибнет. За такой срок вы могли бы понести жуткие потери, и у нас не осталось бы никакой надежды. Я не верю, что Сидир зимой будет сидеть сложа руки, а ты? Но теперь к тому времени, как я окажусь на побережье Залива, наши ребята уже зашевелятся.

У Донии от радости навернулись слезы, и они сверкнули на ее густых ресницах.

— И ты победишь его, Джоссерек, мой охотник на медведя, милый мой, сокол мой. Ты избавишь землю от его орды. — Она обняла его.

Он собрал всю свою волю, чтобы освободиться, скрестил на груди руки, покачал головой и сказал как можно мягче:

— Я? Нет, Дония. Не я. И не матросы с кораблей. И не провинциальные дворяне, не воры и убийцы из трущоб Арваннета. Только вы сами, северяне, сможете освободить себя. Если сплотитесь.

Задетая и изумленная, она возразила:

— Но ты же говорил перед моим отъездом, что твои Люди Моря могут поднять город... отрезать армию Сидира от...

— Да, я сказал, что это возможно. Он оставил дельту Становой недостаточно защищенной. И все же нас слишком мало. Нам потребуется много бойцов-рогавиков.

— Да, да, я понимаю, и ты сам слышал, как многие кричали на вече, что пойдут, когда бы ты ни позвал. Их родичи, которые остались дома, придут тоже — вдесятеро больше.

— Нет, дорогая, ты не понимаешь, — вздохнул Джоссек. — Не знаю, смогу ли я хоть когда-нибудь объяснить тебе все это. Вот слушай. Мы, киллимарайхцы, не можем открыто возглавить борьбу. Наша страна не хочет воевать с Империей. От нас отреклись бы и выдали бы нас на расправу Рагиду... разве только обе державы сделали бы вид, будто мы — никому не известные пираты из неведомых мест Материнского океана, у которых своя корысть в разжигании мятежа. — Он увидел растерянность Донии: правительства, политика, уголовное право, пираты, юридические фикции — сплошная бессмыслица... и поспешно продолжил: — Так вот. Помещики из окрестностей Арваннета могут поднять своих крестьян, Ножевые Братства владеют искусством уличных боев, мудрецы, возможно, помогут своими интригами подготовить почву, но нам все же понадобится много северян. Кроме того, невредимой останется армия Сидира. Ты же знаешь — он не потащится по суше. Он вернется по Становой и отнимет назад то, что потерял. Северян понадобится много, очень много.

Она помолчала, сплетя пальцы, и наконец прошептала:

— Ты их получишь. Вести быстро передаются от стана к стану.

Он кивнул.

Она тоже много думала над этим перед охотой. Его позднейшие размышления строились в основном на том, что она сказала. Роды, живущие в долине реки, не смогут сразу послать ему воинов. Их земли под властью врага. Но роды к востоку от реки, вплоть до Диких лесов, должны откликнуться все, ибо их земли еще свободны. В основном же следует рассчитывать на добровольцев с западных земель, от Тантианских холмов до лесовых равнин Старрока. Так рогавики объединялись в прошлом, чтобы помочь друг другу в борьбе против цивилизованных захватчиков. На сей раз угроза истребить дикие стада по всему северу соберет вместе многие тысячи.

— Скажи только когда — и они соберутся, — заверила Дония.

— Я еще не знаю когда. Не так-то скоро. Мне надо будет съездить на юг, встретиться со своими соотечественниками, помочь подготовить восстание. Это займет по меньшей мере два месяца, а то и три. Потом мы пошлем за первым подкреплением. Можешь ли ты — или все равно кто — к этому сроку собрать людей и держать их наготове в зимовьях недалеко от границы?

— Да.

— Я передам, когда им выступить. Если удача нам улыбнется, они помогут нам одолеть Империю в городе. Гарнизоны там тощие, а укрепления слабые. Но потом нам придется изворачиваться, как лисицам. Сидир соберет свое войско и двинется вниз по реке. Нам не поздоровится, если мы встретим его, прижатые к морю. Надо будет продвинуться на север. И вот тут к нам должно будет присоединиться на реке второе, более мощное подкрепление, причем в довольно короткий срок. Возможно ли это?

— Думаю, что да.

— Тут встает вопрос с продовольствием — ведь будет зима.

— Продукты каждый возьмет с собой. Пеммикан — на нем можно прожить, пока не представится случая поохотиться после победы по дороге домой.

— Если будет она, победа. Дония, я не умею жить в будущем. У меня нет никакого плана, кроме захвата Арваннета. Пока еще нет. А потом — не знаю. — Он прислонился к верстаку, до боли в пальцах вцепившись в его край. — Вас, пожалуй, столько же или больше, нежели у Сидира солдат. Но сумеете ли вы одолеть их? У них есть кое-что сильнее пушек и доспехов. У них есть солдатская выучка, у них есть боевой дух. Если их кавалерия с пиками наперевес пойдет на вас в атаку, сможет ли тысяча рогавикских копейщиков встретить ее плечом к плечу? Не думаю. Мне кажется, они не выдержат запаха, разойдутся врозь и погибнут, сражаясь поодиночке — храбро, да, но погибнут.

— Храбрость важнее смерти, — тихо сказала она.

Его охватила тоска.

— И ты там будешь, Дония?

— Во втором подкреплении?! Конечно. Как же иначе? Если враг уйдет из Хервара, понятно.

— Я не хочу, чтобы тебя убили! Слушай, поедem со мной на юг.

— Что? — возмутилась она.

— Когда я уеду, поезжай следом и ты. Возьми с собой... кого захочешь. Там тоже будет опасно, но это лучше, чем партизанская война и под конец сражение с целой армией, если ты доживешь до него.

— Джоссерек, что ты говоришь? Я не могу уехать. Я и так уж засиделась здесь. Хервар захвачен, пойми!

— Да, да, — заторопился он, — я понимаю, как ненавистно тебе оставлять в беде своих сородичей. Но ты можешь помочь им неизмеримо больше, помогая мне. Подумай. Нам — Людям

Моря, арваннетянам — нужен кто-нибудь, кто понимает северян, по-настоящему понимает, на что они способны, а на что — нет. Кто-то, к кому они прислушаются, чьему совету последуют. И этот кто-то должен также иметь опыт общения с цивилизованными людьми. Ты как раз подходишь. Не думаю, что есть хоть один рогавик, лучше пригодный для... для штабной работы и связи, чем ты. И мы вдвоем хорошо поладим. Верно? — Джоссерек напрягся. — Дония, так надо. Это твой долг перед Херваром.

Он ждал ответа в тишине, наполненной стуком собственного сердца, а ее желто-зеленые глаза пронизывали его насквозь. Что-то отразилось в них — боль?

Когда она заговорила, голос ее звучал чуть более хрипло, чем обычно, и не совсем твердо:

— Поговорим лучше о нас с тобой, милый. Выйдем на воздух.

«Рогавики» означает «дети неба».

Она скрестила с его рукой свою руку, теплую и сильную, и они в молчании вышли из дома. Подворские деревья раскачивались, бросая вокруг летучие тени — ветер был западный, но уже с холодком.

Дония шла в ногу с Джоссерексом. Вскоре они отделились на милю от подворья. Здесь о человеке напоминала лишь рощица, несколько далеких построек да пыльный клочок убранного поля у кратера Громового Котла. Все остальное поднебесное пространство занимала степь. До самого края земли стлались травы в пояс высотой. Их зеленое многоцветье уже бледнело, все сильнее отливая серебром. Ветер разносил по округе медовые запахи. Черные дрозды сотнями вились в гудящем воздухе. Над головой трепетали их красные крылышки и раздавались тонкие сладостные трели. Высоко над ними, невероятно белая на синем, пролетела стая лебедей.

Когда Дония наконец заговорила, Джоссерек порадовался тому, что они продолжают шагать. Это помогало побороть холод снаружи и внутри. Она смотрела прямо перед собой, и ему казалось, что он чувствует, какой силы воли, даже отваги, требуют от нее эти слова.

— Дорогой мой друг, я боялась, что это случится. Бывало и раньше, что наши женщины сближались с чужеземцами и видели в них... нечто большее, чем забаву. Добром это ни разу не кончилось. Уходи от меня, пока еще не поздно. Теперь я могу принести тебе одну только боль.

Он впился взглядом ей в лицо и проговорил:

— Ты боишься, что меня возмущают твои мужья и из этого может выйти что-то дурное? Нет. Я бы... я бы, конечно, предпочел, чтобы ты принадлежала только мне. Но... — хмыкнул он, — ты даешь мне так много, когда мы вместе, что я стал сомневаться, способен ли один мужчина дать тебе столько же.

— Что ты хочешь сказать? — закусил она губы.

— Что на все согласен, лишь бы остаться с тобой навсегда.

— Это невозможно.

— Почему?

— Джоссерек, ты мне не безразличен. Ты был мне храбрым товарищем, несравненным собеседником — и прекрасным любовником тоже. Неужели ты думаешь, что я не взяла бы тебя в семью, если могла бы?

— Знаю, — вздохнул он, — мне никогда не стать настоящим жителем степей. Слишком поздно начинать. Но самому необходимому я могу научиться.

— Уверена, что ты можешь научиться всему, кроме одного, — покачала своей янтарной головой Дония. — Ты не можешь сделать так, чтобы твоя душа стала душой рогавика. Ты никогда не будешь думать, как мы, чувствовать, как мы. И сам будешь для нас вечной загадкой. Говорю тебе, это не раз уже пробовали на протяжении многих веков — и брак, и принятие в семью, и вступление в род, пробовали и сами жить на чужбине — и ничего из этого не получалось. Мы не можем долго жить в людском скопище — мы сходим с ума и чаще всего кого-нибудь убиваем. И ни ты, ни любой чужеземец не выдержит у нас больше года или двух. Его одиночество и его страсть все возрастают, и он не желает больше ничего, кроме своей женщины, а она ускользает от его плена, и в конце концов он убивает себя. Я не допущу, чтобы это случилось с тобой. Ступай своим путем, а я пойду своим, и сохраним счастливую память друг о друге.

Ропща в душе, он прохрипел:

— Я не хочу уступать. И ты тоже не из тех, кто сдается. Давай попробуем еще, поищем свой путь.

Она споткнулась и тревожно взглянула на него:

— Ты хочешь вернуться со мною в Хервар?

— Нет — как я могу? Но вот ты можешь и должна поехать со мной в Арваннет. Позволь, я объясню во всех подробностях, покажу тебе на пальцах, как ты там нужна. Что ты здесь? Лишний боец, и только. Там же...

Она остановилась и тем заставила его умолкнуть. Немного постояла, опустив глаза в колеблемую ветром траву, тесно

прижавшись к Джоссереку. Потом расправила плечи, взяла его руки в свои, посмотрела ему в глаза и сказала твердо:

— Одно это уже показывает, какая река разделяет нас. Ты думаешь, я свободна выбирать, как мне поступить. А это не так, Джоссерек. Враг вторгся на землю моего рода. Я должна защищать ее. Ты спросишь: раз уж я приехала сюда, почему бы мне не поехать и дальше, туда, где я нужнее? На это я отвечу: я просто не показывала тебе, как тяжело далась мне эта поездка. Если бы мои мужья не поддерживали меня, а я их, мы бы не выдержали. А так наш разум пересилил желание. То же в какой-то мере относится и к тем, кто приехал с нами. Мы даже притворялись веселыми. Потому что знали — это продлится недолго, мы только скажем свое слово и уедем; потом решили дать время тебе, когда ты сказал, что у тебя есть план. И потом — здесь хотя и не Хервар, но все же север. Здесь все достаточно напоминает дом, чтобы притупить самую острую боль от разлуки с домом, который в беде. И ехать в чужую страну я не могу, да и никто из нас не может. Те роды, чьи земли еще не осквернили, — те мужчины и женщины могут пойти с тобой. И пойдут с охотой, чтобы опередить врага. Я подберу тебе советников из их числа. Но сама не могу ехать, нет, не могу.

— Почему? — прошептал он.

— Не знаю. Почему мы с тобой дышим?

Эти слова поразили его, как громом.

— Джоссерек! — Она с тревогой обвила его руками. — Тебе нехорошо?

«Надо будет подумать еще. Может быть, окажется, что я ошибался. О милосердный Дельфин, сделай так, чтобы я ошибся».

— Нет, ничего, — пробормотал он.

— Ты побледнел. И весь холодный.

Он взял себя в руки:

— Я, конечно, разочарован. Ты... ты не сможешь побыть здесь до моего отъезда?

— Как долго?

— Я должен закончить свой переговорник через два-три дня. А потом для верности хочу поработать с ним еще дня три, чтобы наверняка убедиться, что сообщение дошло. — (Попробовать разную частоту. Учесть атмосферные условия. Потянуть время, чтобы побыть еще с тобой, милая: любовь всех нас делает лжецами.) — А тем временем мы можем послать гонцов за теми людьми, которых ты мне обещала.

— Хорошо. Я могу подождать... еще с неделю, а все наши могут отправиться и раньше. Надежда придает нам сил. — Дония припала к нему. — И каждая ночь будет твоей, дорогой, только твоей.

Странно было оказаться вновь на корабле. Когда Джоссерек вышел из отведенной ему каюты, соленый ветер, его пение в снастях, поскрипывание дерева и такелажа, шорох и шлепки волн у борта, раскачивание палубы под ногами заставили его почувствовать себя преображенным.

Поддюжины сопровождавших его рогавиков тоже с трудом признали его. Он чисто побрился, подстриг свои черные волосы и сменил шерсть и кожу севера на матросскую парусину. Рогавики обменивались улыбками и жестами с командой, но явно чувствовали себя здесь неловко. По темному морю катились белые гребни; соленые брызги жалили кожу; земля, с которой их доставили сюда на шлюпке, едва виднелась на северном горизонте.

— Адмирал назначил мне встречу, — сказал Джоссерек. — Хочешь пойти со мной, Феро?

— Да, — кивнул торговец из рода Валики, главный его проводник и советник. — А остальные?

— Ну-у, ты же знаешь наших начальников. Да вы, ребята, и не поймете ничего из того, что там будет говориться; и наша задача пока всего лишь обменяться сведениями. — Следуя с Феро за боем, который принес ему приглашение, Джоссерек спросил: — Вас хорошо разместили?

— Тут все, конечно, очень интересно. Но как ни устали мы с дороги, сомневаюсь, сможем ли мы уснуть внизу, в таком скопище тел. Нельзя ли нам разложить свои мешки прямо здесь?

Джоссерек осмотрелся. «Гордость Альмерика» по тоннажу соответствовал торговому судну, хотя его пушки больше подошли бы линкору.

— Уверен, что можно. Места тут много, а до начала каких-либо боевых действий мы, конечно, высадим вас на берег.

Адмирал Роннах принял их у себя в каюте. Он был из племени Деррэн, как и Джоссерек, но это ничем их не связывало. Гораздо сильнее связывал их флотский мундир с золотой летучей рыбой, который носил адмирал.

— Здравствуйте, господа. Прошу садиться. Наш общий язык, должно быть, рагидийский? Сигары? Как вы добрались из... из того места, откуда послали нам радиogramму?

— Скакали во весь дух, — ответил Джоссерек.

У него не было слов, чтобы описать те пространства, которые они преодолели. Им пришлось переправиться через Становую, избегая патрулей с имперских аванпостов, и ехать на восток чуть ли не до Диких лесов, прежде чем повернуть на юг по

песчаным прибрежным низинам. Нигде на территории Арваннета нельзя было назначить определенного места встречи.

— Мы уж начали беспокоиться — день за днем посылаем шлюпку, а вас все нет, — признался Роннах. — Слишком уж много неизвестных величин в этом деле, на мой взгляд.

— Каково положение дел сейчас, мой адмирал? — напрягся Джоссерек.

— Боюсь, что оно в зачаточном состоянии. Эфир трещит от переговоров с Ичингом. Вы сами понимаете, там будут рады, если Рагидийскую Империю потеснят на несколько пядей — при условии, что это не будет стоить им войны. Поэтому все сугубо неофициально, и Старейшины потребуют еще уйму информации и разъяснений, прежде чем позволят нам действовать. Мы высадили на берег несколько агентов, в городе тайно установлен передатчик, вот почти и все.

— Большого я и не ожидал, — кивнул Джоссерек. (Правда, позволял себе надеяться — ради Донии. Но...) — Придется мне, как видно, служить у самого себя офицером по связи, работая одновременно у вас в штабе и сражаясь с начальством у нас на родине — и одни боги знают, что еще.

Феро молча слушал, непонимающе глядя рысьими глазами.

Шумел проливной дождь, смывая с арваннетских улиц в каналы всю летнюю грязь и осеннюю листву. Логовища за окнами дома Касиру казались покинутыми — дома, трактиры и притоны притаились под дождем, и Адова Обитель едва маячила над крышами. Но в уютной комнате, обитой сливовым бархатом, ярко светили лампы, сверкали хрусталь и серебро и благоухали курильницы.

Помощник атамана Братства Костоломов откинулся назад, затыкнулся дурманым зельем, выпустил дымок, заволокший его сухое лицо, и промолвил:

— Да, ты пережил целый эпос. Но я, боюсь, не гожусь в эпические герои. Они все норовят погибнуть смолоду и как можно кровавее.

Джоссерек пошевелился на стуле.

— Хочешь жить, как теперь — затравленным и измотанным, пока ищейки Империи не выведут вас всех под корень? На Новокипской дороге я видел пугала — говорят, будто их сделали из кож казненных преступников. По мне, это жутко страшная смерть, страшнее, чем от меча.

— Но потерпевшие поражение повстанцы погибнут еще более садистски. До сих пор в Логовищах было еще терпимо. Ок-

купационные войска слишком малочисленны и слишком заняты другими делами, чтобы предпринимать что-то, кроме случайных облав. Им не часто удастся взять кого-нибудь стоящего. Хуже всего то, что мы лишились покровительства Гильдий.

— Одно только это вас задушит, — подался вперед Джоссерек. — Пойми, я даю тебе возможность заключить тот самый союз с Людьми Моря и северянами, на который ты надеялся. Я не прошу тебя дать ответ сегодня же. Видимо, ты не можешь. Моей стороне тоже нужна определенная уверенность в успехе перед началом действий. Я — один из нескольких, ведущих переговоры с различными силами города, которым нужно договориться и объединиться, иначе восстание действительно потеряет всякий смысл. Может быть, мы с тобой займемся этим вместе? И если ты увидишь, что нам хоть что-нибудь светит, то свяжешь нас еще с кем-нибудь?

— На это понадобится время.

— Знаю, — довольно мрачно ответил Джоссерек.

А Касиру просветлел:

— Ну что ж... на таких условиях мы сможем договориться. Ты — мой дорогой гость.

Эрсер эн-Хаван, Святейший советник по светским делам, сидел в облачении своего Серого ордена на мраморном троне, сделанном в столь давние времена, что в его сиденье и спинке образовались углубления, и вертел в пальцах сферу из дымчатого хрусталя, которую носил на шее. Границы льдов и линии побережий, вырезанные на ней, были не такие, как на нынешних картах. В строго обставленной комнате стоял полумрак. Джоссерека ввели сюда с завязанными глазами. Он знал только, что находится где-то в Венценосном соборе.

— Поймите меня, — шелестел мудрец, — я принимаю вас лишь потому, что слова, которые вы передали мне через посредников, заслуживают некоторого внимания. Возможно, я хочу только выудить у вас всю информацию, прежде чем арестовать вас и передать имперской следственной службе.

— Все возможно, — невозмутимо ответил Джоссерек. — Поймите и вы, что я всего лишь посланник, а те люди, от имени которых я говорю, не представляют здесь правительства Киллимарайха. Наша разведка сообщает нам, что на подвластной вам территории намечаются беспорядки. Предполагается и вторжение извне, и восстание в самом городе. Нам кажется, Ичинг не выразил бы недовольства, если бы мы предложили свою

помощь ради уменьшения числа жертв. Однако решение остается за вами.

— Я, признаться, не понимаю, почему вы не сообщаете о своих открытиях самому Гласу Империи?

— Мы сочли, ваша мудрость, что Совет мудрецов сможет лучше оценить наши сведения и решить, что делать дальше. И разве Совет не входит в имперское правительство Арваннета?

— Считается, что входит. Вы намекаете на то, что в городе существует движение, цель которого — свергнуть власть Империи и вновь провозгласить независимость, и что это движение надеется на помощь северных варваров и... э-э... авантюристов из числа Людей Моря?

— Совершенно верно, ваша мудрость. Киллимарайху нет прямого дела до того, удастся восстание или нет, хотя он, позволю напомнить вашей мудрости, никогда не признавал захвата Арваннета Рагидом. Однако нам кажется, что предотвратить восстание уже невозможно, и вам лучше принять меры к тому, чтобы как-то управлять событиями.

— Например, переговорить с определенными кругами, чтобы составить... э-э...

— Предлагаю вам назвать это правительством национального спасения, ваша мудрость.

— Возможно.

— Или хотя бы коалицией. Ваша мудрость, если те лица, которых я представляю, смогут уменьшить кровопролитие, посредничая между разными фракциями, они будут счастливы попытаться.

Эрсер разгладил свою раздвоенную бороду.

— Нас бы более привлекло предложение помешать имперскому воеводе привести сюда по реке армию, если переворот удастся. Арваннет пережил многих завоевателей. Эти ничем не отличаются от других. Несколько десятилетий, несколько веков... Но каждый человек умирает только раз и навеки.

— Ваша мудрость, я уже говорил вам, что нам случайно стало кое-что известно о намерениях северян...

О Донии никто ничего не знал — здесь не было никого из Хервара, да и не могло быть, пока Сидир держал свою ставку в Фульде. Джоссерек вскоре перестал расспрашивать и вместе с Феро отвел в сторону Таргантара из рода Луки, больше других подходившего на роль командира.

Охотники, разбитые на сотни и десятки сотен, стояли на Унварских болотах, и не видно было, сколько их всего. Оголен-

ные деревья и кусты, сухой тростник как-то все же укрывали их среди замерзшей топи, особенно в этот серый сумрачный день, когда валил снег, густой и мокрый, укутывающий землю бесцветным покровом.

— Ты уверен, что все собрались? — спросил Джоссерек Таргантара.

— Нет, — пожал плечами тот. — Как могу я быть уверен? Но наверняка все.

Он рассказал, что в северных землях на случай войны существует целая сеть гонцов, хотя ее никто не создавал. В этом не было ничего необыкновенного, если учесть характер северян. Этого требовал здравый смысл, вот и все. Таргантар стал человеком, к которому сходились все известия и который наконец сказал слово, побудившее всех тронуться в путь; его же побудила на это долгая беседа Донии с ним, его женой и собратьями-мужьями на краевом вече в Громовом Котле. Приблизительно он знал, сколько человек отправилось на юг, чтобы сойтись в этом месте, указанном Феро. И знал, что еще одно войско, в несколько раз большее этого, готово собраться в долине Становой, как только его позовут. Множество гонцов и конных подстав только и ждут, чтобы на полном скаку оповестить все станы.

— Можете вы провести здесь еще несколько дней так, чтобы вас не заметили? — спросил Джоссерек.

— Думаю, да, — кивнул Таргантар. — Между границей и этой пустошью не так уж много крестьянских дворов; и надеюсь, у тех отрядов, что проходили мимо них, хватило ума взять всех жителей в плен, как мы и договаривались. Разве что пустит слух кто-нибудь из живущих на болотах. Но все наши, торговавшие к востоку от Идисских гор и знающие лес, будут нести караул и постараются не допустить этого.

— Хорошо. Видишь ли, мы решили поднять сначала деревни, особенно те, что к северу. Если помещики за ночь овладеют окрестностями, армия дольше не получит известий о происшедшем.

— Правильно придумали. Но поспешите. Это место слишком сырое и мрачное для нас.

— Три-четыре дня, не более. Потом вас позовут.

— Что нам делать тогда?

— Выйти в обход города на Большую Восточную дорогу. Ты ведь помнишь — это единственный путь через Лагуну. У нас нет ни плотов, ни лодок, которые были у рагидийцев, когда они брали город.

— Хм. Я помню еще, что на той стороне стоит мощный бастион.

— Им займутся Ножевые Братья, — сказал Феро. — Они нападут изнутри, откроют вам ворота и покажут, где в городе стоят войска. Кавалерия и артиллерия будут здесь бес-
сильны — эти улочки все равно что горные ущелья.

— Хо-ро-шо.

Таргантар вынул свой клинок, провел пальцем по лезвию и улыбнулся.

Зимней ночью по всему Арваннету охотились рогавики. Света от звезд, от луны в ледяном ореоле, от морозной пыли Небесной реки было им вполне довольно. Солдаты не могли тягаться в темноте с острым чутьем северян. С убитых снимали оружие, и вновь переулки гудели от лая северных собак, гнавшихся за новой добычей.

Несколько имперских взводов засело в домах, сдерживая врага ружейным огнем. Ничего. Пусть сидят. Скоро подойдут Люди Моря, умеющие обращаться с захваченными пушками. По радио передали, что Новый Кип после недолгого обстрела пал и буксиры вскоре поднимут по реке пару боевых кораблей.

Перед Голинским дворцом лежали тела солдат, защищавших его с отчаянной храбростью. Но северные лучники скосили их, проникли в потемках за баррикады и клинками добили уцелевших.

Джоссерек повел победителей во дворец. До сих пор он держался чуть позади в бесчисленных коротких схватках, которые ежечасно вспыхивали и гасли на улицах, набирали силу или выдыхались, оставляя на булыжнике кровь для бродячих собак и мясо для больших городских крыс. Джоссерек знал, что еще нужен Донии. Но во дворце жил и работал Сидир. К бароммцу надо подобрать ключ, составить против него план. Ичинг пошлет с Джоссереком на север несколько опытных военных — но их будут единицы в хаосе необученных и не поддающихся обучению бойцов. Рогавики могли взять, если и не удержать, Арваннет только превосходящей численностью, с посторонней помощью, напав врасплох и сражаясь в лабиринте улиц. Когда они сойдутся с Сидиром, ничего этого не будет.

Сопротивления больше никто не оказывал. Перепуганные слуги разбегались от покрытых кровью охотников на бизонов, когда те неслись по сводчатым коридорам и роскошным покоем. Джоссерек увидел одного, который, судя по ливрее, принадлежал к домашней обслуге, и крикнул: «Стой!» Тот припустил еще резвее, рыдая от ужаса. Тогда одна из женщин усмехнулась,

сняла с пояса аркан и метнула его. Слуга упал с грохотом, от которого задребезжал стеклянный канделябр. Джоссерек поставил ему нож к шее.

— Кто тут самый главный? Отвечай!

— Гл-ас Имп-перии, — еле выговорил тот. — Лунная палата.

Сам Юруссун Сот-Зора? Чудесно! Если взять гражданского наместника в заложники — разумеется, очень вежливо, с оговорками, что это делается для его же безопасности...

— Показывай дорогу.

Джоссерек поднял слугу за шиворот и повел, подталкивая сзади сапогом.

В зале, где одинокая лампа освещала на стенах фазы луны, сидел суровый старец. Когда к нему вошли, он поднял пистолет и выдохнул:

— Ни с места.

Джоссерек махнул рогавиком, чтобы отошли, а сам, с напругой мускулами живота, весь в поту и с сильно бьющимся пульсом, сказал:

— Это, должно быть, вы представляете здесь Империю. Мы не причиним вам никакого вреда.

— А вы — из Людей Моря, — спокойно, почти с сожалением, ответил Юруссун. — Телеграф из Нового Кипа, перед тем как замолчать, сообщил мне... И стоит ли, собственно, гневаться на Киллимарайх за то, что он поступает так же, как все государства?

— С вашего позволения, это не так, мой господин. Ситуация сложная, и мы...

Юруссун вскинул тонкую руку:

— Прошу вас не оскорблять меня, ибо я действительно представитель Блистательного Трона, и моя честь запрещает мне терпеть поношение от его врагов. — И он добавил, уже помягче: — Если вы и вправду не желаете мне зла, окажите мне услугу перед тем, как я уйду. Отойдите в сторону. Позвольте мне посмотреть на ваших великолепных животных.

Ошарашенный, Джоссерек пригласил рогавиков войти. Юруссун устремил взгляд на женщину с арканом, улыбнулся и спросил на ее языке:

— Из какого ты рода, дорогая?

— Я? Из Старрока.

— Так я и думал. Видно по тебе. Ты, случаем, не родня Брюсе, которая зимовала когда-то на Сосновом озере? Она должна быть моих лет, если еще жива.

— Нет...

— Ну, нет так нет.

Юруссун поднес пистолет ко лбу. Джоссерек кинулся вперед, но не успел. Грянул выстрел.

Снова пошел снег, на сей раз сухой и острый, как множество копий, — ветер нес его с воем и уханьем. За окнами кабинета Сидира неслась белая круговерть, на стеклах выросли морозные узоры, и сумрак не уступал ни огню в очаге, ни лампам. Матрос, стоящий на часах, доложил:

— Понсарио эн-Острал, — и впустил купца.

Джоссерек сердито глянул на него из-за стола, где рылся в бумагах. Арваннетянин старательно улыбнулся, отвесил два обдуманных заранее поклона, сложил руки на груди и стал ждать. Снежинки таяли в его волосах, в бороде, на меховом воротнике туники, не прикрытом плащом.

— Присядьте, — сказал Джоссерек.

Насколько он понял, этого жирного лиса надо запугивать и умасливать в равных долях.

— Да, мой господин. — Понсарио опустился на стул, пристроив свое брюшко на коленях. — Осмелюсь сказать, вызов к капитану Джоссереку Деррэну явился большой неожиданностью для меня.

— Вы ожидали, что вас примет адмирал Роннах? Он занят — сдерживает Логовища и налаживает жизнь в городе, стремясь избежать голода, пока дюжина фракций грызется за места в правительстве.

Понсарио посмотрел на него своими глазками-бусинками.

— Извинит ли капитан мою простоту, коли я скажу, что в правительство вошли бы более мудрые и ответственные люди, если б славный адмирал Роннах гарантировал, что оно продержится? В нынешнем состоянии неопределенности лишь фанатики, авантюристы да те, кто надеется скрыться, ограбив казну... лишь лица такого сорта выходят вперед.

— Остальные боятся, что вернется Сидир и сдерет с них шкуру?

— Что ж, капитан, восстание против Империи имело место, а ваша... ваша страна, по моим скудным сведениям, не предполагала взять нас под защиту.

— Разумно. Хотя отдельные Люди Моря и вмешались в спор между Рагидом, Арваннетом и рогавиками, в юрисдикцию Киллимарайха это не входит. Узнав о сложившейся ситуации, наш флот действительно прислал сюда корабли, чудом пришвартованные поблизости, — для оказания вам помощи в бедствен-

ном положении. — Понсарио закатил глаза, как бы говоря: что ж, если вы предпочитаете говорить на таком языке, воля ваша. — Несколько наших людей намерены сопровождать рогавиков, когда те в скором времени выступят на север, — продолжал Джоссерек. — В качестве нейтральных наблюдателей, разумеется. Однако мы согласны служить посредниками между ними и Империей, если нас попросят об этом.

— Прекрасно понимаю вас, капитан, — заверил Понсарио.

Джоссерек сложил вместе кончики пальцев и взглянул поверх них на купца.

— Мне стало известно, что вы сотрудничали с Сидиром — и были с ним в весьма близких отношениях, — сказал он с тигриной вкрадчивостью. — Мне было бы очень полезно поговорить о нем с вами. Тогда я мог бы представить, чего от него ожидать, — что, например, могло бы побудить его согласиться заключить мир.

— Ничего, мой господин, — пролепетал Понсарио, весь облившийся потом.

— Тогда чего ожидать от него в военном отношении? Никто не узнает, о чем мы будем говорить с вами в этих четырех стенах. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, Гильдии оказались в довольно щекотливом положении после того, как отождествляли свои интересы с имперскими. Если Арваннет сохранит свою независимость, Гильдиям пригодятся... влиятельные друзья за рубежом.

Понсарио, при всей своей осторожности, быстро смекал, что к чему.

— Да, капитан, мне вполне понятна ваша точка зрения. Я, как вы понимаете, не скажу ничего такого, что могли бы истолковать как измену. Но ведь вы желаете просто поговорить о Сидире, не так ли? Замечательный человек...

Джоссерек посчитал почти все услышанное за правду. Многое совпадало с тем, что он уже знал из других источников. Оказалось, что Понсарио превосходно разбирается в военном деле. А в качестве торговца, ведущего дела в верховьях Становой, он знал великую реку во все времена года и во всех мелочах. Хорошо он знал и имперское войско; помимо прямых отношений с его командующим, Понсарио был еще и крупным военным подрядчиком. И умел делать логические выводы из того, что знал.

Армия не скоро доберется до Арваннета. Сидир двинется вниз из Фульда, забирая с собой по пути оставленные им гарнизоны. Придется забирать и все их снаряжение, особенно пушки и боеприпасы: ведь в оставленные крепости, конечно, ворвутся

рогавики и уничтожат все, что не смогут унести с собой. А транспортировать тяжелую военную технику зимой дьявольски трудно. Сидир, конечно, пойдет по замерзшему руслу Становой, таща за собой грузы на лыжах, полозьях и колесах. Это легче, чем следовать по разбитым ухабистым дорогам, хотя все же тяжело. Когда же он вступит в пограничную область на юге, придется ему выйти на берег, так как лед там недостаточно крепок. Однако суда не смогут подойти к нему — плавучий лед, покрывающий реку вплоть до Арваннета, слишком опасен. По той же причине и войско, выступающее против Сидира, не сможет взять с собой много тяжелого вооружения. Капитану Джоссереку — то есть варварам, с которыми капитан Джоссерек и другие пойдут как наблюдатели — лучше не рассчитывать на артиллерию.

— Я бы очень советовал вам, мой господин, держаться позадиди, — наставительно говорил Понсарио. — Северянам не на что надеяться, совершенно не на что, разве что на легкую смерть под пушками и пиками Сидира. И у мятежников тоже нет никакой надежды устоять, когда Сидир наконец доберется сюда. Восстание лишило его плодов годового похода, и он за это отомстит. Здесь не останется ни одного, кто питал бы крамольные мысли, когда Сидир вновь повернется к городу спиной и уйдет на север. Посему — раз высокочтимое правительство Киллимарайха не желает присутствия здесь своих войск, ему лучше всего употребить свое влияние на незамедлительное заключение соглашения о сдаче. Вы, капитан... Капитан?

— Простите, почтенный, — встрепенулся Джоссерек, — я задумался.

В голове у него ревели пуще, чем за окнами. Кажется, он знает теперь, как встретиться с Донией.

Если она жива.

Глава 21

В южном пограничье Северных земель, между родом Лено на востоке и родом Яир на западе, Становая делает изгиб, образуя излучину в виде подковы. На середине ее нижней дуги лежит остров, не так уж давно, вероятно, оторванный течением от берега, ибо он так же высок, как берега по обе его стороны, превосходит их крутизной и до самой вершины порос деревьями, обледелыми в эту пору. Северяне называют его Рогом Нецха, на нем и стали они, готовясь к битве.

Сидир знал об этом заранее — гарнизоны, до которых он еще не дошел, сами выходили ему навстречу и докладывали, что туземцев собирается больше, чем они способны одолеть своими силами. Сидир выразил офицерам свое недовольство. Варвары не владеют искусством осады и штурма. Любое укрепление, защищенное огнестрельным оружием, способно выстоять против любого количества варваров. И если они наконец собрались, чтобы дать бой якобы пошатнувшейся Империи, то слава богам войны.

Сам Сидир богов не славил. В войске северян могла быть Дония из Хервара.

Армия продолжала двигаться вперед. Разведчики доносили, что рогавики ведут себя тихо, питаются своими припасами, живут в шатрах, кибитках, снеговых хижинах, и с каждым днем их все прибывает. Они, безусловно, полагаются на сильного и жестокого союзника — зиму. Зима в самом деле изматывала и людей, и животных — морозила, морила голодом, калечила, убивала. Волки, койоты, стервятники сопровождали легионы Империи.

И все же марш продолжался. Усталость, боль; потери не в состоянии были одолеть тех, кто пронес имперские знамена от гор Хаамандура до кромки льдов. Хотя металл застыл так, что от прикосновения к нему слезала кожа, ни один бароммец не снял свой Знак Мужа; под ожерелье подкладывали тряпицы и грубовато пошучивали — хорошо, мол, что его носят на шее, а не где-то еще. Когда волы выбивались из сил, по-крестьянски выносливые рагидийские пехотинцы впрягались в повозки сами, давая скотине передохнуть. Когда кончились леса, солдаты, не зная, как разводят огонь жители равнин, стали есть свой скудный паек всухомятку, делясь чаем, который с трудом удавалось вскипятить, а спали сидя, тесными кучками, поочередно залезая в середину. Часто на этих злосчастных бивуаках бароммцы с топотом отплясывали свои танцы, а рагидийцы пели свои заунывные песни.

Сидир знал — они выдюжат. Скоро начнутся более приветливые края, где будет чем утолить все свои нужды. Потом они войдут в Арваннет, покарают предателей и будут пировать до нового лета. Если же они перед этим сойдутся с врагом в лоб, рать против рати, и очистят землю от этих бродяг, то на будущий год овладеют севером, как новобрачный своей невестой.

Сидир желал бы, чтобы в этой его вере было больше радости.

Перед рассветом драконова дня, семнадцатого угаба, он утвердился в мысли, что этот день станет днем битвы. Предыдущим вечером его армия вышла к верхнему концу луки. Проехав по суше от своего лагеря до вражеского, Сидир посмотрел на

него с лесистого берега. Особой опасности ни для него, ни для его эскорта не было. Рогавики знали о подходе его войска, но по-прежнему стояли лагерем на замерзшей реке, лишь высылали разведчиков. Огоньки их костров растянулись на много миль вокруг острова и вниз по реке. Сидир догадывался, что рогавиков примерно столько же, сколько у него солдат, и что у них брезжит мысль использовать Рог Нецха в качестве укрепления, подтягивая к нему по мере надобности свежие силы с тыла.

— А пока что, — ухмыльнулся полковник Девелькаи по возвращении Сидира, — они очистили лед от снега. Обогнув крайнюю западную точку луки, мы пойдем, как по мощеной дороге.

— Не полные же они идиоты, — нахмурился воевода. — Из того немногого, что мы-знаем о падении Арваннета — очень немногого, клянусь ведьмой! — северяне не просто помогали мятежникам, а сами взяли город.

— Кто-то позаботился о том, воевода, чтобы повернуть их в нужном направлении и спустить с цепи. Вот и все.

— Несомненно. И что же, этот кто-то ими больше не руководит? Будем соблюдать осторожность.

Спал Сидир плохо, как почти каждую ночь с тех пор, как Дония ушла от него. Просыпаясь, он страдал за своих людей. Его мучила совесть за то, что ему здесь тепло и сухо, а они лежат под холодным, словно сама зима, Серебряным Путем. Хотя другого выхода не было. Палатки еще прибавили бы веса к их и без того тяжелому грузу, который приходилось перетаскивать волоком через высоченные надолбы. А если еще и воевода пойдет в бой, измученный плохим сном, от этого не будет ничего, кроме лишних жертв. И всё же ему было не по себе...

Вошел денщик с кофе и зажженным фонарем. Наедаться перед боем было бы неразумно. Сидир надел на себя нижнее белье, толстую рубаху, овчинную куртку и штаны, сапоги со шпорами, нагрудный панцирь, шапочку, шлем, налокотники, кинжал, меч, перчатки. Выйдя наружу, он убедился, что даже зимний бароммский наряд не очень-то защищает от такого холода. Дыхание крепко щипало ноздри и выходило наружу клубами пара. Воздух струился по лицу, словно вода. Снег скрипел под ногами, и больше почти ничто не нарушало тишины. Лагерь затаился во мраке под последними звездами, еще светившими на западе, и первыми проблесками зари. Деревья стояли, как скелеты. С высокого обрыва Сидир посмотрел вниз, на реку. Там смутно чернели обозы, пушечные лафеты, ездовые упряжки и сопровождающие их люди. До него донеслось ржание, далекое, как сон. Поблескивали стволы пушек. Нынче они раскалятся, швыряя ядра в живые тела. Дальше, на целую милю

до другого берега, мерцал лед. За его кромкой горбатилась земля, встречая арьергард ночи.

Чувство глубокого одиночества охватило Сидира. Горные пастбища Хаамандура, Зангазенг со своими священными вулканами, жена его Анг с ватагой ребятишек, которых она ему родила, спят где-то под луной. Стройные чертоги Наиса, Недайин, жена его могущества — да есть ли они на свете?

Сидир призвал сердце на место и пошел вдоль шеренг солдат и офицеров, здороваясь, пошучивая, распоряжаясь, подбадривая.

Становилось все светлее, и вот взошло солнце; засверкал чистый снег с мягкими голубоватыми тенями, лед превратился в алмазы и кристаллы. Запели горны, задрбили барабаны, зазвучали голоса, забряцал металл — полки строились, и армия приходила в движение.

Сидир тоже собирался выехать, когда к его эскорту подскочил всадник и осадил перед ним коня.

— Воевода, они, кажется, выслали парламентариев.

— Что?

Они никогда не делали этого раньше, вспомнил пораженный Сидир.

— С полдюжины человек, воевода. Они выехали с острова под зеленым флагом, поднялись на берег и направляются прямо к нам. Больше никакого оживления у противника не наблюдается, только посты выставлены на берегу. Те шестеро едут одни, и вооружены, похоже, очень легко.

— Окликните их, — приказал Сидир. — И если они желают переговоров, проводите сюда.

В следующие полчаса ему стоило труда сохранять спокойствие — вся кровь в нем бурлила, хотя он не позволял себе вникнуть — почему. Он занимал себя чем только мог. Войско быстро покидало лагерь. В нем осталось лишь немного конницы, когда появились рогавики.

Сидир сидел, скрестив ноги, на скамье в своем шатре. Вход был открыт на юг, и воевода видел перед собой стволы деревьев, утоптаный снег, пару конных часовых, блеск острия пика, алый вымпел, обвисший на морозе — и наконец послов. Они ехали на мохнатых пони, которые двигались живее и не так отощали, как южные строевые кони. Одеты они были просто — в оленью кожу с бахромой, на прямых плечах свободно лежали плащи с капюшонами. Исхудалые, обожженные морозом и солнцем, обветренные, они тем не менее держались надменно и даже не подумали замедлить шаг, проезжая мимо часовых.

Всадница, едущая во главе, держала на древке флаг. Капюшон сполз у нее с головы, и волосы на утреннем солнце свети-

лись, как янтарь. Задолго до того как Сидир мог различить черты ее лица, в нем зазвучало имя, которое он долго не смел произнести и вот сейчас скажет вслух.

— Дония...

Он чуть было не вскочил ей навстречу. Нет. Не при моих и ее людях. Он остался сидеть. Литавры гремели лишь у него в голове.

Она остановилась у палатки, воткнула древко флага в снег и сама соскочила следом. Мустанг заржал, копнул снег копытом и стал смирно. Она улыбалась, улыбалась.

— Здравствуй, Сидир, старый дружище, — сказал гортанный голос.

— Здравствуй, Дония из Хервара. Если ты пришла с миром, это хорошо. Входи.

Где она сядет — у моих ног, как собака? Не надо бы этого.

Вслед за ней вошли мужчины. Четверо были из ее племени, от юнца до человека зрелых лет: Кириан, Беодан, Орово, Ивен — ее мужья, сказала она. Пятый удивил Сидира. Сначала воевода принял его за перебежчика-рагидийца, потом за жителя Тунвы, и только услышав, что его зовут Джоссерек Деррэн, понял, что это киллимарайхец. Сидир хорошо помнил это имя!

И в рассказях, которые принесла на север горсточка верных ему беженцев, а впоследствии и шпионы, тоже упоминалось про корабли... На миг Сидир почти забыл о Донии.

— Садитесь, — рывкнул он. — С чем пришли?

Дония, сев у его правого колена, взглянула снизу вверх с хорошо памятной ему дерзостью и сказала:

— Если сдашься, можешь увести свою армию восвояси.

Он не сразу нашел слова для ответа.

— Дония, подобная наглость недостойна тебя.

— Я говорю правду, Сидир, — серьезно ответила она. Глаза ее приобрели оттенок берилла. — Мы, конечно, хотим сохранить жизнь своим людям. Но не желаем зла и вам — теперь, когда вы уйдете с нашей земли. Даже Яир и Лено сумеют сдерживать руку, видя ваш уход. Идите же. Сложите свое огнестрельное оружие, чтобы мы могли быть спокойны, и ступайте с миром. Не надо вам гибнуть на чужбине, чтобы ваши родные оплакивали вас. — Она легонько сжала ногу Сидира и не отняла руки. Это прикосновение жгло его огнем. — Мы были с тобой друзьями, Сидир. Я хочу, чтобы мы на прощание пожелали друг другу добра от чистого сердца.

Он сжал кулаки, собрал всю свою волю, заставил себя рассмеяться.

— У меня нет для вас иного предложения, кроме того, что ты уже слышала: подчинитесь Империи мирно. Но вы не хотите, и

я советую вам: уйдите с нашей дороги. Мы служим Трону, а кто вздумает преградить нам путь, мы проложим путь по их трупам.

— Дикое стадо мчится и падает в обрыв оттого, что не умеет думать, — спокойно заговорил Ивен, ее муж. — Ты полагаешь, что расстреляешь нас всех, затопчешь, изрубишь. Но что, если верх будет наш? Чтобы зарядить пушку, нужно несколько минут. Кавалерия может вдруг оказаться в окружении длинных клинков. Врукопашную, один на один или одна против одного, человек севера всегда одолеет южанина. Его дух не выдерживает нашей атаки... Ты сам это знаешь. Знают и черви речной долины, которые съели так много тел.

— Да, — согласился Сидир. — Но ты не подумал о том, что мы тоже умеем думать. На Лосином Лугу наша конница взяла вашу в кольцо и перебила, пока ваши пешие безумцы бросались под пули пехотного каре. У меня железная, проверенная тактика. Или вы прорветесь и спасетесь бегством, или наша смертельная машина раздавит вас.

«Что я предпочел бы? — кольнуло его. — Я хорошо знаю, что, если мы сегодня полностью уничтожим вас, это достанется нам дорогой ценой. Но если вы уйдете назад в свою степь, мы будем изводить вас еще десять лет и потеряем на этом не меньше людей».

Дония не убирала руки. Свет из дверного проема золотил волосы на ее запястье.

В разговор вступил плечистый киллимарайхиец. Ему не хватало кошачьей невозмутимости, отличавшей его спутников; в нем чувствовалось какое-то ожесточение.

— Подумай, Сидир, — сказал он. — Вы идете отбирать назад Арваннет. Допустим, вы даже прорветесь сквозь нас — можете ли вы себе это позволить?

Бароммец саркастически усмехнулся, облегчив душу.

— Вы же требуете, чтобы мы вам отдали пушки. Что толку будет, если мы пойдем дальше без них?

— У рогавиков, взявших город, не было пушек. И они уже покинули его.

— А Люди Моря?

— Мы пришли не для того, чтобы говорить о политике. Но я готов поговорить с вами... после вашей сдачи.

«Вот возможность узнать, что произошло там на самом деле, какие темные силы способствовали... Нет».

— Если вы переживете этот день, Джоссерек, я повторю вам свой вопрос. — «Стоит мне только пальцем шевельнуть, и стража задержит их для допроса под пыткой».

«Нет. Не в этом случае — с ними Дония».

— Не понимаю, — нетвердо проговорила она. В ее голосе звучали слезы. — Люди, вместо того чтобы дружить с другими людьми, идут на них войной... Кому это нужно, Сидир? Вашим семьям дома? Разве моя семья когда-нибудь угрожала твоей? Зачем ты здесь?

— Во имя цивилизации, — машинально ответил он.

И услышал, как фыркнул Джоссерек. Остальные смотрели недоуменно, как и Дония, хотя и без ее внезапной печали.

Сидира невыносимо тянуло погладить ее склоненную голову. Но это могли увидеть солдаты. Некоторое время он сидел, удерживая себя, потом сказал:

— Было бы очень жаль, если бы ты приехала напрасно. Но почему ты думаешь, что можешь говорить, решать, распоряжаться за тысячи людей, ни один из которых не признает над собой никакой власти? Можешь ты мне это сказать? — Она всхлипнула и вцепилась в него. — Я так и знал, что нет. Чем же ты им обязана? Почему пришла именно ты? Весной я обещал тебе: пусть Хервар поможет нам — и он не войдет в Империю, пока сам не попросит. Теперь я повторяю свое обещание. — Настало молчание. Снаружи сочился холод. — Что ж, — печально молвил Сидир, — прими от меня хотя бы одно: останься здесь. В моей палатке. Дония, пусть другие... Не ходи в бой. Сохрани себе жизнь. Потом можешь уйти, если захочешь. Но я надеюсь найти тебя здесь, когда вернусь.

Она подняла к нему лицо, и он увидел, что печаль прошла, словно тень облака, и гордость восторжествовала вновь.

— А ты бы остался? — с вызовом спросила она. — Благодарю тебя — нет. — И будто радуга просияла в тучах: — Давай простимся с тобой как друзья.

Она махнула мужчинам рукой. Те кивнули, поднялись и вышли из палатки. Она тоже встала, но лишь затем, чтобы опустить дверное полотнище. Оно с легким шорохом упало, и в палатке стало сумрачно. Дония обернулась к Сидиру...

Должно быть, поцелуй был коротким. Сидир не уловил этого. И не понял, сколько времени просидел, глядя им вслед, когда они уже давно исчезли из виду.

Наконец к нему отважился обратиться его денщик, седой бароммский сержант.

— Подать воеводе коня? Скоро начнется бой.

— Да! — восторженно воскликнул Сидир, отметив, что крикнул слишком громко. — Поехали. Холодно чертовски.

Сев в седло, он продолжал бороться с собой. Что он, околдован? Нет, цивилизованные люди не верят в чары и в фей. Каждый мужчина, чтобы стать мужчиной, должен перерасти эту...

жеребачью дурь. Нет, не так-то это просто — ведь жеребец никогда не позволит, чтобы какая-нибудь кобыла стала для него ясным солнышком, вокруг которого вертится весь мир... «Дония, прекрасное исчадие ада, как же я-то допустил такое? Пусть бы она лучше погибла сегодня. Пусть ее убьют, дьяволова кобылица, разбойничий бог, или пусть убьют меня... все равно кого, лишь бы был какой-то конец.

Но пока он может держать меч, он обязан исполнять свой долг».

Сидир выехал на берег реки. И через минуту, обозревая окрестности, кое-как вернулся к действительности.

Его армия приближалась к месту, от которого река поворачивала на восток. Сверху Сидир видел оба войска. Берег спадал вниз кручами и наносными откосами, из-под снега торчала рыжая глина и обледенелые сучья. Около половины бароммской конницы стояло по обоим берегам, и кони казались темными пятнами среди сверкающей стали, ярких плащей и флагов. Крохотные фигурки рогавикских конников, разбросанные вдали на равнине, напоминали жуков.

Снег с реки то ли смели, то ли растопили, обнажив неровный серый лед. Справа надвигалась имперская армия — цокала копытами кавалерия, топала пехота, дребезжали пушки, и все перекрывала мерная дробь барабанов. Полки держали строй — их ровные квадраты, окутанные паром от дыхания, двигались вплотную друг за другом. Острия пик вздымались и падали над головами, словно волны неудержимого прилива. «Мои непобедимые сыновья, — мелькнуло у Сидира, — а Империя — их мать».

Слева вдалеке возвышался Рог Нецха, ледяная крепость, ошестинившаяся множеством копий, сверкавших на солнце. По краям острова группами собрались рогавики. Дальше, через просвет шириной в полмили, стояло их основное соединение. Нет, с презрением подумал Сидир, нельзя же называть «соединением» сборище котов и кошек.

Видимо, у них все же хватило ума признать, что их конница не устоит против бароммской, потому что верховых он не видел. Зато некоторые из тех нескольких сотен, что стояли у острова, держали на сворках собак. Эти псы и раньше стояли его армии многих потерь и, так же как их дикие хозяева, вызывали невольный страх у каждого цивилизованного человека. Длинные рогавикские луки тоже доставляют много хлопот. Но больше беспокоиться не о чем. Кое на ком из рогавиков имелись трофейные доспехи, но в основном они были одеты в кожу и шерсть и казались тусклыми по сравнению с имперскими полками.

Их резерв, если он был таковым, выглядел еще менее сплоченным, чем авангард. Люди там стояли мелкими кучками, держась поближе к берегам. Река между ними была пуста — открытая дорога домой.

Девелькаи, сопровождавший воеводу, откашлялся.

— Кажется, я понял их план, — отважился он. — Когда мы подойдем поближе, их лучники откроют огонь, а потом скроются в лесу, прежде чем мы успеем дать залп из пушек. И боюсь, их трудно будет оттуда выкурить. Остров заставит нас разделиться или столпиться по одну сторону. В зависимости от этого их резерв, когда пойдет в наступление, будет прикрываться им, как щитом, против нашего огня.

Сидир кивнул:

— Похоже, это предел их тактической мысли. Удивляюсь, как они и до этого-то додумались. — Дония? Или тот киллимарайхец? — Мы могли бы просто пройти сквозь них, но это слишком долго и будут слишком большие потери. — Он повернул голову к командиру курьерской службы. — Передайте войскам, стоящим на берегу, чтобы спустились на реку ниже острова.

— Прошу прощения! — На широком красном лице Девелькаи отразилось беспокойство. — Я полагал, что вы не хотите ставить на карту все наши силы?

Правая рука Сидира в боевой перчатке рубанула воздух.

— Мы покончим с ними раз и навсегда, говорю я. Кавалерия возьмет их авангард в клещи и отрежет от главных сил, а потом искрошит и резерв. Пора кончать! — прокричал он.

Девелькаи набрался смелости возразить. Мысль его была ясна: если вся имперская армия спустится на лед, то, кроме всего прочего, когда северяне отступят — точнее, побегут, — они взберутся на крутые берега быстрее верховых и уйдут. Конница, оставшись на берегу, могла бы истребить их.

Сидир на миг перестал думать о Донии и объяснил:

— Я решил, что они не стоят того, чтобы истреблять их поодиночке. Тем более теперь, когда надо спешить в Арваннет. Вы же знаете — рогавики, доведенные до крайности, опасны, как бешеные собаки, и могут захватить с собой на корм стервятникам слишком много наших. На будущий год вернемся и добьем их, если это поражение не сломит их окончательно. — (Я, может быть, и не вернусь. Может быть, попрошу другое назначение. Не знаю.) — А пока что наша задача — пройти сквозь них так быстро и такой малой кровью, насколько это возможно. — (Покончить с ними и уйти подальше от Донии.)

— Да, воевода, — нехотя согласился Девелькаи. — Вы разрешите мне отправиться к своему полку?

— Ступайте. — И Сидир порывисто добавил: — Пусть скачут рядом с тобою боги, товарищ мой по Рунгу.

Они обнялись и расстались.

Пришлось спешиться и свести коней вниз — это было дело долгое, и всех прошиб пот, тут же застывший на коже. Когда Сидир наконец снова сел в седло, то увидел, что конники на берегу получили его приказ и занимаются тем же самым. Северянам следовало бы напасть сейчас, хотя бароммцы и занимают более высокую позицию и спускаются по трое-четверо зараз, под прикрытием стрелков сверху и снизу. А эти туземцы стоят как парализованные.

Сидир поскакал по льду в сопровождении своей свиты. Лед звенел под копытами. Штандарт уже ждал его — золото на алом, звезда Империи над орлом клана Халифа. Сидир пожалел, что тот не реет во главе войска. Когда-то так и было. Но тогда бароммцы сами еще были безначальными варварами. С тех пор они цивилизовались и поняли, что полководцем не нужно рисковать без надобности.

Цивилизовались... Наис и вправду кажется несуществующим в этом холодном просторе. Дония спрашивала, зачем Сидир пошел воевать, не понимая, чего он хочет. А хотел он установить закон, порядок, благополучие, безопасность, всеобщее братство под отеческой опекой Блистательного Трона. Когда в этой пустыне возникнут пышные поля и счастливые селения, когда на Роге Нецха расцветут сады после победы людей над нелюдями — обретет ли покой призрак Донии?

Пора кончать. «В атаку шагом марш!» — запели горны. Северная армия двинулась на северян.

Те ждали, прижатые к своему заснеженному острову. Кавалерия, зашедшая им в тыл, перестраивалась, закрыв собой их резерв. Кавалерия с фронта перешла с рыси на легкий галоп. Загремели копыта.

У острова запели тетивы длинных луков. Полетели стрелы. Но каждый лучник стрелял по своему разумению: кое-где вскрикивал раненый конь, падал из седла пронзенный всадник, однако больших потерь не наблюдалось. Пропела труба. Конники и выше, и ниже острова, с пиками наперевес, ринулись вперед. Пехота, шедшая за Сидиром, издала единый низкий клич и быстрым шагом последовала за кавалерией с правого и левого флангов, расчищая коридор пушкам.

Конь Сидира летел так красиво и ровно, что воевода мог смотреть в бинокль. Он уже различал людей между деревьями

на острове. Они были не похожи на рогавиков. Что это за провода тянутся от них к прорубям, сделанным, должно быть, для рыбной ловли? Киллимарайх, архипредатель цивилизации. Сабле Сидира не терпелось добраться до Джоссерека.

Вперед, вперед. Враг не выдерживает атаки. Рогавики лезли на остров, карабкаясь между деревьями и льдинами. Лишь собаки бросились в бой. Страшны, наверное, вблизи эти огромные звери, с воем рвущие людей. Но мечи и пистолеты покончат с ними. Две конные дивизии, сойдясь, сомкнулись вокруг острова. Подходила пехота с пиками и клинками, били барабаны и пушки, реяли знамена Империи.

Раздался грохот.

Сидира словно молотом ударило по голове. Белая земля и голубое небо завертелись колесом, раскололись, взметнулись черным фонтаном.

Сидир был в воде. Его конь с пронзительным ржанием бился среди осколков льда. Ржание терялось в вопле тонущей армии. Неудержимая, обжигающая темная вода неслась в снеговых берегах.

Не отпускай стремян, иначе сталь утянет тебя вниз! Вокруг Сидира головы коней торчали над водой, вспененной утопающими людьми. Солдаты цеплялись за льдины, но те переворачивались и погребали их под собой. Недалеко от Сидира из воды высунулась рука. Под ней маячило лицо, страшно искаженное рябью черно-зеленого потока и ужасом, но Сидир видел, что это совсем юноша, мальчик. Сидир перегнулся в седле, пытаясь достать до руки, но расстояние было все же велико. Их пальцы соприкоснулись, и мальчик ушел вглубь.

«Киллимарайхец, — ударило Сидира. — Он и его сородичи. Они знали, что мы плохие пловцы. Они привезли порох со своих кораблей, заминировали лед, выставили своих варваров — не ради боя, а ради приманки... Значит, те тоже знали, все? Возможно. Каждый рогавик, безусловно, способен хранить тайну так же нерушимо, как хранят под собой ледники тайны древних».

Сидир видел, как резервные тысячи северян подошли к кромке льда и стали по берегам — добивать тех немногих, кому удастся выбраться из воды.

«Как я мог не догадаться?»

Дония потому и пришла ко мне, что знала, как свести меня с ума? Должно быть, да. Я для нее только враг, а она говорила, что врагами бывают только захватчики, с ними же никакой честной войны быть не может. В ней нет ничего человеческого».

Перед ним встал Рог Нецха, по-зимнему белый, лишь кое-где меченный алой кровью убитых солдат. Сидир вытащил саблю и направил коня к острову. Рогавики ждали, присев на корточки.

Глава 22

Весна, поначалу робкая в Херваре, была в полном разгаре в то утро, когда Дония выехала одна из Совиного Крика.

Низкие длинные гряды холмов и долины блестели от прошедшего перед рассветом ливня, но становилось все теплее, и влага поднималась вверх струйками тумана, который быстро таял. Лужи в низинах рябил ветерок. Траву, еще короткую и нежную, усеивали синие незабудки. Сосновые рощи остались неизменными, но ивы уже качали длинными косами, а на берегах трепетали новорожденные листочки. Безоблачное небо наполнилось солнцем, крыльями и песней. Вдалеке буйвол с рогами полумесяцем стерег своих коров и телят, ярко-красных на зеленом. Корона быка сияла. Прыгали зайцы, выпархивали из зарослей фазаны, искали пищи первые пчелы и стрекозы. Потоки воздуха, сплетаясь, пахли то землей, то рекой.

Дония ехала на запад вдоль Жеребьячьей реки, пока зимовье не исчезло из виду. Тут она нашла то, что искала: большой плоский камень, выступавший помостом с берега. Она спешила, спутала своего пони, разделась и блаженно вытянулась на камне под струями небесного света. Камень грел ей ногу, копчик, ладонь. Отдавшись баюкающему журчанию воды, она посмотрела, как играют мальки между камушками на дне, и развернула письмо, которое привезла с собой. Его доставил накануне конный почтарь из Фульда. Дония не показала его домашним и не знала, покажет ли.

Листки шуршали у нее в руках. Рогавикские слова, написанные коряво и часто неграмотно, были, однако, вполне понятны.

В Арваннете, в ночь равноденствия, Джоссерек Деррэн приветствует Донию, хозяйку Совиного Крика в Херваре.

Дорогая моя!

К тому времени как ты получишь это письмо, то есть через два-три месяца, я уже уеду из Андалина. Больше мы с тобой не увидимся. В тот день, когда мы простились, я еще думал, что смогу вернуться, доставив обратно своих моряков и доделав то, что мне осталось. Но потом начал понимать,

как ты была права и как добра, велев мне оставить тебя навсегда.

В твоём языке нет таких слов, какие я хотел бы сказать тебе. Ты помнишь — я пробовал, а ты пыталась меня понять, но у нас ничего не вышло. Может быть, ты просто не чувствуешь того, что чувствую я, — нуда об этом после.

Ты сказала, что я тебе не безразличен. Пусть будет хотя бы так.

Дония отложила письмо и долго смотрела вдаль. Потом продолжила чтение:

...не терпится узнать, что тут происходило и чего ожидать в будущем.

В твоём языке, как и в моём, не для всего есть слова. Когда нужно, я буду пользоваться арваннетскими выражениями, и надеюсь, что они скажут тебе хоть что-нибудь. Говоря кратко, новости, с вашей точки зрения, превосходны.

Уничтожение целой армии стало для Империи сокрушительным ударом, как ты и сама догадываешься. Адмирал Роннах, по моему совету, сделал вид, что ни о чём не ведает. До Науса, конечно, дойдут слухи о присутствии неких «наблюдателей», но слухи эти будут запоздалыми, неясными, и их нельзя будет проверить. Останется признать, что вы, северяне, поступите так же, хотя и неизвестно, как именно, со всеми будущими захватчиками.

Империя определённо не сумеет собраться с силами для следующей попытки, по крайней мере несколько лет. Я полагаю, что уже никогда не сумеет. Кроме всего прочего, ей мешает присутствие в Дельфиньём заливе Людей Моря, защищающих свои капиталы.

Видишь ли, киллимарайхская дипломатическая миссия в Рагиде благодаря аппаратам для дальних переговоров сумела оказать на Империю значительное давление. Трону ничего не оставалось, как только скушать кислое яблочко и подписать договор, вполне отвечающий ожиданиям Ичинга.

Арваннет признан вольным городом, независимость которого подтверждают обе державы. Ни одна из сторон не вправе держать там вооружённые силы, и обе имеют право на свободную торговлю. Время покажет, кто станет в будущем владеть этим городом: Империя, завоевывающая архипелаг в северо-западной части Залива, или Люди Моря, развивающие коммерцию и колонизирующие острова Моря Ураганов. Лично я подозреваю, что ни те

ни другие. В Арваннете снова появилось сильное правило. Арваннетяне восстановили свой старый порядок, который пережил множество других.

Что бы ни случилось, торговля с севером возобновится немедленно. И вас оставят в покое.

Дония еще раз перечитала этот отрывок, вдумываясь в его смысл, и продолжила:

Вскоре корабль повезет меня домой по Мерцающим Водам. Оттуда я отправлюсь — кто знает куда. Ты тоже в каком-то смысле поедешь со мной — жаль, что не во плоти, милая. Сейчас это причиняет мне такую же боль, как свежая рана. Но хуже уже не будет, а там, может, и полегчает.

Помнишь, как мы напоследок стояли рука об руку на берегу Становой и сквозь медленный снегопад смотрели, как затягивается льдом вода Рога Нейха? То же самое я чувствую сейчас. А после, смею надеяться, наступит оттепель, и воды потекут свободно. Меня ждет целый мир, полный чудес и приключений, а тебе его, боюсь, не увидеть даже во сне.

Дония нахмурилась, покачала головой, снова перечитала последние фразы, потом пожала плечами и стала читать дальше:

Ибо мне кажется, что я понял вас, а благодаря этому немного понял и себя.

Помнишь тот день, когда ты вернулась в Громовой Котел с охоты и мы вместе пошли в степь? Ты сказала тогда, что не бывало и не будет такого, чтобы северянка и чужеземец прожили вместе всю жизнь. И я внезапно понял почему — дело здесь не в суевериях, не в традициях, не в созданных человеком преградах.

С тех пор я не расставался с этой мыслью, обдумывал ее, пытался спорить сам с собой, открывал глаза и вновь видел все ясно, наконец собрался с духом и принялся приводить свою идею в порядок. Я не первый исследую эту область — вряд ли можно быть первым после стольких веков — и я многое узнал из книг и разговоров со знающими людьми (тебя я никому не называл!). Однако я, возможно, первый, кто подошел к этому вопросу с некоторым понятием об эволюции и с привычкой рассматривать все жизненные явления в свете этого учения.

Тебя очень занимали наши разговоры на этот предмет — о том, например, что киты и дельфины принадлежат к одному семейству животных, которые вернулись в море, а морские

котиков и моржи — к другому, а пингвины — это птицы, выбравшие тот же путь, хотя рептилии, общие предки птиц и млекопитающих, вымерли несколько эпох тому назад; тебе было так интересно, что это наверняка сохранилось у тебя в памяти, если ты и забыла многое из того, о чем я пишу.

Дония кивнула — и обвела взглядом мальков, насекомых, лягушку, ящерицу, воробья, провела рукой по собственному телу.

Человек — тоже животное. Ясно, что у нас с обезьянами общие предки. И ясно, что человек продолжает эволюционировать по-разному в разных уголках мира. Иначе откуда у него столько лиц и оттенков кожи?

Но это еще не делает нас существами, чуждыми друг другу, — мы все равно что собаки разных пород. Люди разных рас, подобно волку, койоту и собаке, тоже способны давать нормальное потомство, которое может приспособиться к любому образу жизни и мышления.

Если это человеческий образ жизни. У всех рас имеются некие общие понятия — отсюда следует, что эти понятия, возможно, не менее древние, чем мозг или большой палец.

У всех, кроме рогавиков.

Не могу сказать наверняка, что это произошло на равнинах Андалина после пришествия льдов. Предполагаю, что там случайно возникла новая ветвь, пережившая других благодаря удаче или своей выносливости, и из нее развился совершенно новый вид человечества.

Вы не понимаете своей исключительности, поскольку, как и все мы, воспринимаете себя как должное. И все же теперь я верю в правдивость твоих рассказов о том, что у рогавиков редко бывают дети от чужаков, а если и бывают, то бесплодные мулы. Я считал, что это лишь предлог, чтобы избавляться от нежеланных детей — и это тоже верно; вы маскируете мотивы своих действий так же, как и мы — и все же это правда.

Подумай сама.

Человек повсюду — животное стайное или стадное, как ни назови. Общества вроде моего, где человеку дается почти полная свобода, встречаются редко; и свободе, и человеку ставятся известные пределы.

Вот я уже и не нахожу нужных слов. Для тебя «общество» означает только «чужеземцы». Ты хотя и знаешь, какие разные чужеземцы живут, например, в Рагиде, Арваннете, в Ди-

ких лесах или к западу от Лунных Твердынь, но думаешь, что все они сами выбирают, как им жить. «Свобода» для тебя то, что ты возвращаешь лишней рыбе, попавшей в вершу, или что-то в этом роде; если сказать тебе, что это п р а в о , за которое люди боролись и умирали, ты просто не поймешь. А под «человеком» я понимаю не какого-то определенного человека — не слишком-то ясно я излагаю, верно?

Возможно, не поймешь ты и абсолютной исключительности того, что рогавики создали сложную, высокоразвитую культуру, оставаясь охотниками, никогда не знавшими земледелия и не имевшими ц а р е й .

Позволь мне все же объяснить вас со своей чужеземной точки зрения. Рогавик любого пола по природе своей — от рождения — самодостаточен. Он может взять в плен захватчика (которого обычно тут же убивает, не зная, что еще с ним можно делать), но в иных случаях не чувствует потребности подчинять себе кого-то ни силой, ни более тонкими способами, которыми пользуется, приручая животных; не испытывает он также ни малейшего желания, сознательного или бессознательного, кому-то подчиняться. Сомневаюсь, что он способен отдавать приказы кому-либо, кроме своих животных, или сам подчиняться приказам.

Рогавики не одомашниваются.

В отличие от всех других народов мира. Человек скорее всего самоодомашнился уже в процессе эволюции: он не просто обучается тому, что ради выживания должен жить в определенной группе и слушаться в о ж д я — он с этим рождается. Тех, кто не усвоил этого, наказывают до тех пор, пока они не усвоят, не поддающиеся же обучению гибнут по воле группы.

Вы, рогавики, хорошо ладите друг с другом в небольших, тесных сообществах. Но если кто-то откажется выполнять свою долю работы, оскорбит тебя, станет опасным — как ты поступишь? Повернешься к нему спиной. У тебя, человека, нет иных мер воздействия на другого человека. (Или скорее на другую женщину. Повышенная агрессивность ваших женщин по сравнению с мужчинами — еще одна ваша любопытная черта, хотя мужчины у вас храбрые.) Когда от провинившейся отворачивается большая часть людей, она становится отхожей, а чаще всего просто погибает.

У вас нет законов — их заменяют здравый смысл и кое-какие обычаи. Уверен, что самый сильный побудительный мотив вашего поведения — это желание угодить тем, кто вам дорог. У вас нет ни судов, ни судей — есть лишь решения, которые вы принимаете сообща. У вас хорошо развита с а м о д и с ц и п л и н а , должно быть, высок средний уровень

умственного развития, но это лишь следствие естественно-го отбора. Те, у кого эти качества отсутствуют, просто не доживают до появления потомства.

Но больше самой жизни вам нужны большие пространства. Отсюда, возможно, истекает и все остальное: ваш брак, ваше искусство, ваше отношение к земле, ваше общественное устройство — душа ваша. (Снова я употребляю рогавикское слово, не усвоив точно, что оно означает.)

Не знаю, откуда в вас эта потребность. Напрашивается ответ, что это инстинкт, не так ли? Территориальным инстинктом обладают многие животные. В моей человеческой породе он развит слабо. У вас же преобладает над всеми прочими. Это могущественное врожденное чувство разделяет нас с тобой более резко, чем любые различия лица или сложения.

Думаю, ваше стремление защищать свои границы возникло как ответ на необходимость жить в большом пространстве. Но эта-то необходимость откуда взялась?

Феромоны? Это уже киллимарайхское слово. Это запахи, выделяемые животными и влияющие на особей его вида. Половые феромоны в брачный сезон — самый простой пример. Но я читал, что натуралисты у меня на родине пришли к выводу, будто именно феромоны заставляют пчел и муравьев работать вместе — помечают путь к источнику пищи, например. А у людей — кто знает?!

Может, вы, рогавики, выдыхаете вещество, которое, превышая определенную концентрацию, вызывает у вас беспокойство? Обонянием вы его не воспринимаете, пойми — но, может быть, за определенной гранью вам становится неприятен сам запах человека; и, если это ощущение усиливается, вы приходите в разлад со всем миром.

Дония задумчиво кивнула.

Как и почему это происходит, можно только гадать, пока у нас не прибавится знаний. Вот что думаю на этот счет я. Когда пришли льды, настала страшная нужда, которая длилась, пока природа не приспособилась к изменившимся условиям жизни. Тогда те люди, которые не стремились существовать в многолюдных, тесно заселенных пространствах, выживали на равнинах лучше, чем люди прежней формации.

Возможно, твои предполагаемые флюиды вырабатываются химической лабораторией организма, которая способна и

на более странные вещи. Ты, должно быть, не задумывалась о том, Дония милая, что ты и почти любая ваша женщина — это воплощенная сексуальная мечта каждого чужеземца. Кто еще может доставить радость стольким мужчинам, насладившись при этом каждым, и у кого еще это не превращается в порок и не мешает участвовать во всех областях жизни? Уверяю тебя, у нас таких женщин очень мало или вовсе нет.

Но нельзя одним этим объяснить то, как вы притягиваете и держите наших мужчин — сами того не желая, в чем я уверен. Несмотря на вашу наджменность, на частую черствость, на распушенность, вы — сама невинность. Вы честно предупреждаете нас об опасности. Может, то свойство, которое делает вас такими, присутствует и в нас, просто мы рождаемся без сдерживающего начала? Ведь для мужчин своей породы вы не опасны?

Может, потому-то вы и не любите нас так, как мы вас — а своих, членов вашей семьи, возможно, любите? Это слово из моего родного языка.

Дония нежилась под солнцем у воды. Ветерок, чуть усилившись, шевелил ее волосы. Мимо отмели скользнула щука, речной волк.

Я подхожу к концу, дорогая. «Наконец-то», думаешь ты, наверно. Но ведь, кроме своих открытий и своих вопросов, которые когда-нибудь могут тебе пригодиться, мне больше ничего оставить тебе на память. И я должен был объяснить тебе ход моих рассуждений, прежде чем подойти к заключительному выводу, как он ни прост. Я могу быть правым, могу ошибаться, но я в него верю.

Все люди, которые есть на свете, — домашние животные.

Рогавики — единственные дикие животные в этом пространстве и времени.

Я не говорю, что это хорошо, и не говорю, что это плохо. Может быть, будущее принадлежит вам, может быть, вы обречены, а может быть, оба наши вида будут существовать еще миллион лет. Мы с тобой не доживем до конца.

Близится утро, я смертельно устал, но хочу успеть отдать письмо человеку, который сегодня, в столь неурочное время, едет на север. У меня нет больше ничего достойного твоего внимания. Есть только тяжкое сознание того, что мы с тобой, Дония, можем быть парой не больше чем орлица и

морской лев. Ты сказала мне это в степи, а потом на снегу у реки. Здесь я попытался объяснить тебе, почему это так.

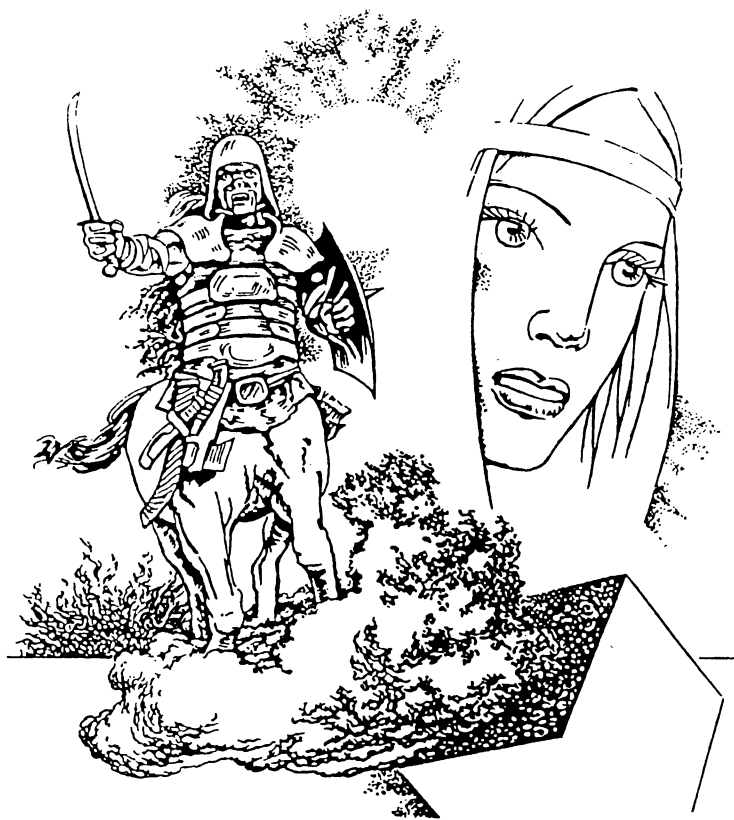
Прощай и будь счастлива, любимая моя орлица.

Твой Джоссерек

Солнце достигло полудня, когда Дония улыбнулась — так нежно, как никогда не улыбалась ему. Поднявшись одним движением, она порвала письмо на клочки, бросила в реку и посмотрела, как уносит их течение.

— Твои мысли я передам своему народу, — негромко сказала она, — но твоим словам нужна свобода.

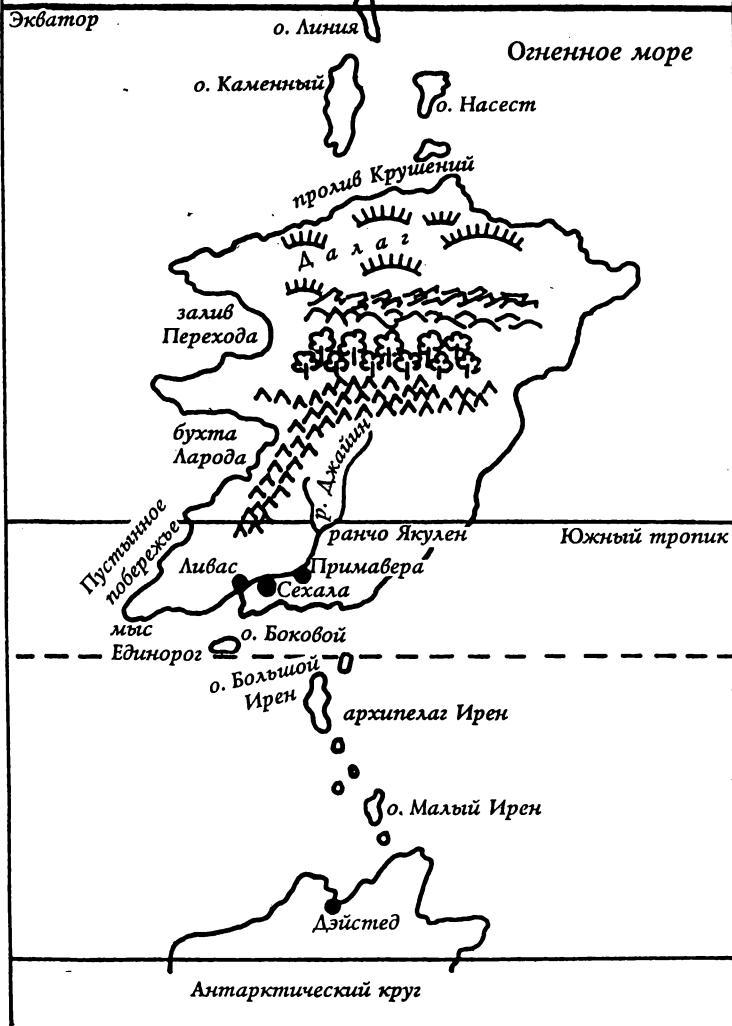
Потом оделась, села на лошадь и поехала обратно в Совиный Крик.

ОГНЕННАЯ ПОРА

Границы
Союза Сехалы

0 1000 2000
Шкала (км)

Халу Клементу, кователю миров

Пролог

Страшно попасть в руки абсолютно справедливого человека.

Даже в суде от его вида холодило кровь, а нас повезли к нему домой. Мы вышли из флаера в тусклые сумерки, охватившие нас серо-голубым маревом, сгущавшимся в черноту на обрамлявших долину горных склонах и чуть-чуть фиолетовым вокруг ранних звезд. Между звездами блеснул сторожевой спутник и скрылся в тень Земли, будто его задул налетевший с дальних снегов порыв холодного ветра. Пахло ледниками и просторами.

Дом, построенный из натурального камня, подавлял своей громадой, как и окружавшие его горы. Мало кто из людей на планете-матери человечества мог позволить себе роскошь уединения. Президент Трибунала — мог. Над окованной железом дубовой дверью горел в бронзовой раме светильник. Пилот указал нам дорогу, всем своим видом свидетельствуя, что Даниэля Эспину не следует заставлять ждать.

Сердце у меня замирало, но мы шли уверенно. Дверь отворилась. За ней стоял служитель, живой, хотя и не человек.

— Buenas tardes, — произнес часовой-робот. — Siganme ustedes, por favor*.

По обшитою темными панелями коридору мы прошли в комнату, очевидно, предназначенную для подобных встреч.

Она была высокой и просторной, наполненной древностями и тишиной. Ковер на полу гасил звук шагов. Возле инкрустированного слоновой костью тикового стола стояли кожаные кресла и диван. Напротив резной мраморной совы невозмутимо тикали дедовские часы, помнящие несколько столетий. На полках вдоль стен стояли сотни книг — не микрофильмы, а печатные тома. Каким-то необъяснимым образом современный письменный стол и терминал на нем — для коммуникаций, работы с данными,

* Добрый вечер. Следуйте за мной, пожалуйста (*исп.*).

записи, ведения проектов, печати документов и тому подоб-ного — не нарушали гармонии.

Дальняя стена комнаты была прозрачной. За ней высились горы с лесистыми склонами и заполненными вечерней мглой долинами, дальше угадывались снежные пики, и с каждой минутой над ними загоралось все больше звезд. Перед стеной в своем передвижном кресле сидел Эспина. Как всегда, в своей черной хламиде, скрывавшей все, кроме обтянутого кожей черепа и костлявых рук скелета. Нас остановил взгляд его живых глаз.

— Добрый вечер, — произнес он спокойным, без всякой интонации голосом, будто мы были его гостями, а не ожидающими приговора преступниками. — Будьте добры присесть.

Мы поклонились и сели каждый на краешек кресла, не сводя с него глаз.

— Я думаю, удобнее всего нам будет говорить по-английски? — осведомился он.

Я счел вопрос риторическим. Мог ли он не знать? Чтобы скрыть свою неловкость, я ответил:

— Совершенно верно, Ваша честь... сэ... Как вы помните, на Иштар это уже давно язык общечеловеческий. Те, кто там постоянно живут, даже по-испански говорят хуже — нет практики. Так случилось, что персонал базы в самом начале был в основном англоязычный... а с тех пор они были в изоляции...

— До последних событий, — оборвал он мою бессвязную речь.

Дзк, сказали часы. Дзк. Дзк.

Через минуту Эспина пошевелился и спросил:

— Кто желает кофе, кто — чай?

Каждый из нас пробормотал свой выбор; он подозвал слугу и отдал распоряжение. Пока тот выходил, Эспина достал из складок своего одеяния серебряный портсигар, зажал между желтевшими пальцами сигарету и, глубоко затянувшись, прикурил от зажигалки.

— Курите, если желаете, — пригласил он без радушия или враждебности. Просто проинформировал нас, что он не возражает. Мы не шевельнулись. Его взгляд холодил, как ветер с вершин.

— Вы удивлены, что я вас сюда позвал, — произнес он наконец. — Это против всех обычаев, не так ли? Кроме того, если даже судья считает своим долгом провести конфиденциальный допрос заключенных, то зачем таскать их физически через половину земного шара?

Он глубоко затанулся, и его лицо египетской мумии скрыла дымная вуаль.

— Что касается второго пункта, — продолжал он, — голография вполне могла бы избавить меня от путешествий, к которым я потерял вкус. Но это не совсем то, что живая плоть, — он посмотрел на свою высохшую руку, — которой у вас все еще более чем достаточно. Когда вы здесь, у меня дома и у меня на глазах, это совсем не то, что предстать перед моей цветной тенью. Хотел бы я, чтобы побольше чиновников это понимали.

Его охватил приступ кашля. Перед моим мысленным взором пролетел список его исторических решений и речей. Никогда нельзя было заметить в нем такой телесной немощи. Уж не давал ли он команду компьютерам стереовизоров на микрозадержку и коррективную передаваемых изображений? Это стандартная практика для политиков, наравне с другими способами приукрашать действительность. Но Трибун Эспина никогда не делал себе поблажек. Или делал?

Он судорожно вдохнул, затанулся новой порцией яда и продолжил:

— Что же касается пункта первого, то в моем кабинете не бывает рутинных процедур. Ни одно дело не имеет прецедентов.

— Подумайте сами, — ответил он на наше невысказанное удивление. — Мой суд — последний суд для тех дел, которые ни под какую юрисдикцию не попадают. Следовательно, полного прецедента существовать не может. На приблизительных определениях могут базироваться не только законодательства, но даже философии. «Человек» — такое же бессмысленное слово, как «флогистон». Скажите, если сможете, что общего в нашей объединенной законами Мировой Федерации между преуспевающим японским инженером, вожакom шайки из трущоб американского города, русским мистиком или крестьянином из засушливой Африки? Да и к тому же мы все чаще и чаще имеем дело с внеземными событиями, — его голос осекся, — а это чертовски странный мир.

Мы посмотрели туда же, куда и он. Он тронул рычажок на поручне коляски, и внутреннее освещение померкло, впуская в комнату наступившую ночь.

Черноту наводняли звезды, почти по-космически яркие и почти по-космически многочисленные. Переливался от горизонта до горизонта пояс Галактики; мне вспомнилось, что в Хаэлене его зовут «Зимняя дорога». Пониже к югу его перехватывал Стрелец. Там я поискал взглядом и, как мне показалось, нашел тот клочок сияния, каким должно видаться с Земли тройное солнце Анубелея. Рядом с ним световая ткань прорезалась

темным пыльным клином. Где-то еще рождались невидимые нам странствующие миры, со своей плотью и душой, столь отличной от нашей, обожженные в нейтронных печах, в этих чужеродных ямах, названных черными дырами. Галактика за галактикой мчались по спирали вечности, и не то что ответить, а и спросить немыслимо, откуда все это вышло, и куда вернется, и зачем.

Сухой голос Эспины вернул меня обратно:

— Я некоторое время изучал ваше дело, а также выслушал свидетельские показания. Мои ученые коллеги выразили сожаление по поводу зря потраченного времени. Они напомнили мне о задачах, которые считали более срочными, особенно сейчас, во время войны. Неподчинение приказу — это дело очевидное, а мелкий эпизод большого значения не имеет. Подсудимые признали обвинения, их надо наказать — и дело с концом.

— Тем не менее я продолжал рассмотрение. — Он кивнул на свой искатель информации. — Не сомневаюсь, что могу вытащить любой факт, который по закону считается неподчинением приказу, и еще много чего вдобавок.

Он помолчал и закончил:

— Фактов-то много. Но сколько в них правды?

Я осмелился вставить слово:

— Сэр, если вы имеете в виду моральные аспекты, оправдания, то мы просили дать нам возможность объяснить наши действия и получили отказ.

— Разумеется. — Он не сдержал раздражения. — Неужели вы не понимаете, что суд, имеющий дело со сложнейшими вопросами, часто межрасовыми, будет просто парализован, если допустит эмоциональные сцены на предварительных слушаниях?

— Понимаю, сэр. Но публичного заявления нам также не разрешили. Нас держали *incommunicado**, а предварительные слушания были закрытыми. Я не уверен, что это законно.

— Мое решение. Властью, данной мне в военное время. Можете убедиться, что для этого были свои причины.

Скрюченное тело подалось вперед, слишком старое для лечения, слишком живое для сковавшей его болезни. Глаза держали нас на прицеле.

— Здесь можете ораторствовать сколько угодно. Хотя я бы вам этого не советовал. Мне от вас нужно гораздо более тонкое и гораздо более трудное дело, чем ваши персональные возражения против каких-то действий Федерации. Я хочу провести рас-

* В изоляции (исп.).

следование по вопросам несущественным, в компетенцию суда не входящим и к делу не относящимся. Я хочу показаний с чужих слов и умозаключений свидетеля. Вы готовы были принести в жертву свое будущее для этих чужаков. Почему?

Его рука рубанула воздух.

— Забудьте на время о себе, если можете. Расскажите мне о них, какими вы их знаете, или, точнее, какими вы их воображаете. Конечно, я проходил несколько курсов ксенологии. Я фактически вернулся в детство и перечитал эти сахариновые «Сказки с далекой Иштар». Слова и картинки, и это все! Дайте мне ощутить факты. Заставьте меня почувствовать, что значит снова встретить день судьбы на пути своей жизни.

Вошел слуга с подносом.

— После, если захотите, вы получите алкоголь или любой другой наркотик, который вам понадобится для расслабления, — сказал Эспина. — Но лучше не сразу. У нас очень ответственное задание.

Он отпил из чашки. До меня донесся смоляной аромат «лапсанг сочонга»*. Допрос начался.

Глава 1

В Огненную пору нет мира северным краям от Дьявольского Солнца. Днем и ночью, летом и зимой палит оно с высоты, пока не остается ни дня, ни зимы. Это и есть Старкленд, где мало кто из смертных сумел побывать и никто не смог бы жить, будь год хорошим или плохим. Тамошние дауры, направляясь на юг по своим неведомым делам, видели, как тонет Красный, пока не скрывается иногда за горизонтом у них за спиной.

Перевалив за Пустынные холмы, путешественник оказывается среди тассуров — народа границы, обитателей южной части Валеннена, заходивших на север дальше других. Земля, жизнь и небо были здесь одинаково чужды человеку.

Когда Родитель Бурь бывал от мира далеко и почти не выделялся среди ярких звезд, в этих местах времена года друг от друга почти не отличались. Зимой можно было надеяться на дождь и дни бывали чуть короче ночей, но это и все. (Говаривали солдаты и торговцы Союза, что далеко на севере есть места, где временами никогда не встает Истинное Солнце, а холод так могуч, что лед ложится даже в долины.) Но Огненная пора все меняла. Тассуры среди лета видели Чужака днем — два солнца

* Сорт цейлонского чая. (Примеч. ред.)

сразу, а на вершине зимы Чужак шел по небу один, но не было ни минуты благословенной тьмы.

И так же было с теми, кто путешествовал на юг через океан. Времена года менялись местами, в Бероннене была зима, когда в Валеннене лето, а Поджигатель понемногу уходил к югу. Наконец он достигал тех мест, где никогда не видели его в Огненную пору, как раз тогда, когда он уже отступал далеко и не мог причинить вреда. Тассуры считали, что там лежит возлюбленная богами страна, и не верили рассказам пришельцев о холоде и нищете тех краев.

Арнанак же знал, что рассказы эти правдивы. Он там бывал сотню лет назад, когда был легионером Союза. Но своих солдат он не разубеждал. Пусть верят во что хотят, тем более когда такая вера будит зависть, подозрительность и ненависть к чужакам. Ибо он готовился к последнему удару.

Рог затрубил на холмах вблизи Тарханны. Осколками и брызгами рассыпалось эхо. Громче заревела река Эзали, торопясь вырваться из каньона к равнине. Еще не выпила ее до тонких струек меж раскаленных, обжигающих ноги камней вечная засуха, которую еще дед Арнанака помнил со своих щенячьих лет, но уже был недвижим и горяч воздух, и поднимались дымные испарения от высыхающих кустов и лиа.

Истинное Солнце, царившее на небе в одиночку, склонялось к западной гряде холмов. Его щит казался тускло-желтым в дымном мареве пепла и пыли, поднимавшемся от горящих лесов и долин, где кочевало пламя. В других местах небо было чистое и такое голубое, что казалось, отзовется звоном на удар. Темно-синие тени сбегали по кручам и обрывам, окрашиваясь пурпуром в долинах и оврагах.

И снова протрубил Арнанак. Воины оставили укрытия в тени и подбежали к нему легкой рысью. Боевые доспехи (у кого они были) надевались только перед боем. Сейчас на каждом из мужей были только перевязь, ножны, колчан да сумка. Зеленая шерсть, отливающие золотом и зеленью красно-коричневые гривы, черные лица и руки ярко выделялись среди коричневатой растительности и обломков камней. Высоко над головами поблескивали наконечники копий, хвосты возбужденно хлестали по бокам. Они сгрудились у подножия невысокого утеса, где стоял Арнанак, и мужской их запах был как дыхание мокрого железа.

Гордость не помешала Арнанaku прикинуть их число. Около двух тысяч. Это куда меньше, чем ему скоро понадобится. Однако для начала неплохо. И прибыли они отовсюду. Самый большой путь проделало его собственное войско — от Улу под

самой Стеной Мира. А по одежде, снаряжению, орнаменту, обрывкам речи он узнал и других мужчин со всего Южного Валленнена — горцев, лесорубов, следопытов с равнин, морских охотников с побережья и островов. Удастся им захватить торговый город — их народы пойдут следом.

И в третий раз протрубил рог. Молчание легло на землю, и только вода, невидимая, говорила среди камней. Арнанак дал им хорошенько рассмотреть себя и лишь потом заговорил.

Народ любителю тем, у кого хватило силы захватить и ума удержать богатство, и потому он носил кучу дорогих безделушек. С листьев его гривы сверкали лучи усаженной каменьями золотой диадемы. Золотые цепи вились вокруг плеч и голеней. На всех четырех пальцах каждой руки сияли перстни, многоцветная попона из Сехалы драпировала холку и горб. Поднятый призывно меч отсвечивал булатным узором, выкованным в южных заморских странах, но уж он-то безделушкой не был.

За ним высоко раскинуло охряные ветви дерево феникс, и его листья образовали мощную голубую крышу. Под ее укрытием взошли новые побеги, выстраиваясь в частокол бронзовых стеблей и ржавой тени. Арнанак давно уже выбрал это место для сбора и постарался прибыть первым, отчасти для того, чтобы объявить его своим. Он не запрещал другим быть здесь, поскольку вынужден был предложить им гостеприимство, кроме того, он хотел остаться под открытым небом и прямым солнцем, как самый несчастный пришелец. Это было нужно для задуманного им зрелища.

Тяжелой поступью пододвинувшись к краю утеса, он посмотрел в глаза воинам, набрал полные легкие воздуха, и над толпой прокатилось:

— Эй, тассуры! Я, Арнанак, оверлинг народа Улу, буду говорить, а вы будете слушать. Те, кто несли эстафету войны от дома к дому, мало что могли вам сказать, кроме места встречи и времени, когда луна пойдет среди звезд так-то и так-то. Вы знаете, что я искал и нашел много союзников и вассалов на западе, и в других странах не меньше. Вы слышали, что моя цель — прогнать чужаков за море и дальше и открыть нам путь на юг прежде, чем запыхает всей мощью Огненная пора. И вы угадали, что первый удар я хочу нанести по Тарханне. Но то же самое знает, слышал и мог угадать легион. И я не хотел рисковать, что шпионы или предатели выдадут врагу подробности наших планов. И я не гневаюсь, что многие мужчины повернули назад. Кто-то боится меня, кто-то боится моего поражения. К тому же сейчас время, когда каждый дом должен запасти все, что может, дабы прокормиться в плохой год и страшные годы,

что пойдут за ним. То, что вас здесь все же так много, — это хороший знак. На закате мы выступим, и я сейчас расскажу вам наш план. Я выбрал весну, поскольку это время тяжелого труда у народа тассуров. Легион в это время ждет от нас не больше чем нескольких набегов — но уж никак не штурма главной твердыни Союза. Я-то знаю их мысли, этих южан заморских. Через их же лазутчиков я дал им понять, что мы не выступим раньше лета, когда накопим что-то у себя в кладовых и когда темнота и прохлада ночей прикроют наше движение. И все-таки у нас будет полночи в запасе перед восходом Красного — время добраться до Тарханны, и две луны осветят нам путь. Я прошел этот путь дважды, и я его знаю. И еще я знаю, что солдат в гарнизоне мало. Легиону пришлось часть их бросить на борьбу с пиратством на Восточном побережье — пиратством, которое я там затеял именно для этого!

Говор прошел по рядам. Голос Арнанак перекрыл его:

— Сегодня мы с вашими вождями решили, что делать. Будьте только верны своим знаменам. Мы разделимся и ударим по северным и южным воротам двумя отрядами. Когда бой свяжет солдат, небольшой отряд штурмует стену, что выходит к реке, — этого никто не ждет, потому что подъем там считается невозможным, но мои моряки не раз проделывали такое на стене, что мы построили у себя в Улу. Они проложат дорогу другим и вместе ударят в те ворота, где защита будет слабее; ворота откроются, и город будет наш. И если, воин, в доме твоём голод, вспомни об островах Огненного моря — они до сих пор тучны и слишком сильны, чтобы мы смогли их захватить, но там ты сможешь обменять свою долю добычи на еду. Но прежде всего помни, что мы только начали свержение Союза. И дети твои будут жить в возлюбленной богами земле. Свои слова я подкреплю знаменем.

Последние слова улетели вслед за солнцем. Оно скользнуло за горизонт, и сумерки, как волна, захлестнули холмы вокруг. Из-за такой же гряды на востоке вышла Килуву, ее зубчатые края мерцали в непрерывном движении. Морозный свет задрожал во внезапно наступившей недоброй тьме. Где-то завыл пожиратель падали, шум реки стал громче. Земля и камни еще полыхали жаром, но сразу стало легче дышать.

Движением хвоста Арнанак подал сигнал даурам. Они выскользнули из зарослей, как еще семь теней, и лунное сияние озарило их призрачный облик и Дар, который нес в руках их предводитель.

По темной массе под утесом прошел свистящим шепотом ужас, переходящий в гнев. Склонились вперед копыта, сверкну-

ли, вылетая из ножен, клинки. Арнанак взял в руки и высоко поднял Дар, играющий сиянием и тьмою.

— Не страшись! Стой твердо! — выкрикнул он. — Нет здесь проклятия. Эти твари со мной!

Дав воинам успокоиться, он продолжал уже тише:

— Многие из вас слышали, что я сделался другом дауров. Вы слышали, как я странствовал в землях Старкленда, где они являются взору и где не бывал ранее ни один смертный, и как я вынес из их города-гробницы Дар власти. И это правда. Так победим! Сегодня мы начнем. Я сказал, а вы слышали.

Еще до выступления войск поднялась на востоке Нарву — поменьше, потусклее, помедленнее, зато, в отличие от Килуву, полная. Полная в свете Истинного Солнца. Чужак заливал обе луны багряным светом. Свет двух лун, звезд и Моста Привидений освещал путь.

Но спуск в долину был труден. Арнанак часто приходилось цепляться всеми пальцами каждой из четырех ног, упираясь в предательски осыпающиеся кручи. Сердца его трепетали. Глотка пересохла, как скребница, которой он чистил бахрому на ногах. Пересохли и листья гривы, брови и складки шкуры. Ночь, как инкубатор, высиживала духоту. Он знал, что скоро станет легче, но усталое тело отказывалось верить.

Свои сокровища и Дар он оставил позади на попечение дауров. Ни один тассур, как и ни один легионер, не попытается украсть что-нибудь у этих тварей. Завидев их, любой сбежал бы или, если он отчаянно смел, предложил бы договориться на месте в надежде на удачу в будущем. Свое снаряжение Арнанак нес на спине. Доспехи беронненской работы, сохранившиеся у него с тех времен, когда он служил Союзу, были тяжелее, чем у тех, кто шел за ним.

Он слышал их поступь, тяжелый топот, звяканье металла, приглушенные ругательства и тяжелое дыхание. Чтобы ему повиновались, он всегда должен быть впереди — и в походе, и в битве.

Глупо, подумал он. Глупо. Цивилизованные народы умнее. Его командир в годы службы в легионе был давно уже ослаблен ранами, но оставался командиром, потому что не было равного ему тактика или знатока военных будней. Варвары — вот именно, варвары — могут победить цивилизацию лишь в виде исключения, когда она терпит крах.

И он был рад, что легионом, который предстояло выбросить с этой земли, был Зера, а не его прежний — Скореходы Тамбуру.

Конечно, их могут прислать сюда как подкрепление. Но это мало вероятно. Союз терял свои провинции одну за другой, как

это случалось с цивилизациями тысячи лет назад, когда возвращался Родитель Бурь. Стоит потерять Валеннен — и Союз вряд ли сможет его вернуть, хотя это будет означать и утрату островов Огненного моря, а потом и...

Вот только люди... Что может знать мужчина о существах причудливее самих дауров, о тех, кто пришел из такого далека, что их солнце теряется в небе — если можно верить их словам?

Арнанак стиснул рукоять меча, висевшего в ножнах у него на боку. Если он слышал, понял и догадался правильно, то у людей слишком много дел в окрестностях Сехалы, чтобы помочь столь отдаленному посту. Чужие, они не поймут, насколько важно выступление валенненцев, а когда поймут, будет уже поздно. А тогда — почему бы им не иметь дела с Высоким Оверлингом? У него будет тогда больше силы и больше чего предложить, чем у этих обломков Союза.

Если только он понял правильно и рассчитал верно.

Если нет, он умрет, и почти все его войско с ним. Но их так и так убьет Огненная пора, и эта гибель похуже смерти в бою. Арнанак выхватил меч и заставил себя ускорить бег по каменистым и крутым склонам холма.

На равнине двигаться стало легче. Повинуясь вождю, воины держались подальше от торговой тропы, хотя дважды проскальзывали к реке утолить жажду и смочить растения на шкуре. Они боялись встречи с дозором, случайно уцелевший солдат мог поднять тревогу. Поэтому они двигались напрямик. Поля были лишены растительности, если не считать колючих изгородей. Здешний народ, обученный жителями городов, уже два или три десятичетырехлетия занимался земледелием. Зерно, хлебные корни и прирученные животные росли хорошо. Но приходила Огненная пора, на фермы, где была еда, обрушивалось больше набегов, чем мог сдержать легион, и погода уничтожала посевы и привычных к более мягкому климату животных из Бероннена. Земледельцы спешили оставить свои дома, пока еще была возможность заняться чем-то другим. Отряд Арнанака не встретил никого на своем пути. Однако пастбища еще не совсем погигбли, и бойцы слегка подкормились на переходе.

Когда они свернули к реке, восток уже посветлел. Чернея над головами, поднимались перед ними закрывающие луны и звезды сторожевые башни и стены Тарханны. Предводители вполголоса отдали команды остановиться и вооружиться раньше, чем взойдет Дьявольское Солнце и выдаст их страже.

Почва и воздух были почти холодными. Сам по себе Чужак сильно не сможет их разогреть. Хотя он бывал и побольше Истинного Солнца, когда проходил вблизи мира, света и тепла от

него было меньше — примерно в пять раз, как однажды сказал Арнанак философ из Сехалы. Худшее время Огненной поры наступит, когда Мародер повернет обратно.

И все же сегодня, когда наступит истинный полдень, равнина будет гореть. (И это еще только весной, в ранний год беды!) Арнанак надеялся оказаться в городе прежде, чем это случится. Сможет он к тому времени снять броню или нет — зависит от гарнизона. Он надеялся, что легионеры сдадутся и согласятся на предложение уйти без оружия на свободу. Цивилизованные солдаты считают пустой бравадой умирать за проигранное дело. Однако их капитан может решить, что смерть — подходящая цена за головы стольких варваров, скольких он сможет перебить.

Вот тогда и забулчат поминальные котлы, и все народы из края в край Южного Валеннена пойдут под знамена оверлинга из Улу для дела отмщения.

Он раскрыл мешок, надел шлем и кольчугу с помощью своего знаменосца, взял на руку щит. Злой рассвет начинал заливать землю багрянцем. Арнанак выхватил меч, и тот сверкнул в лучах зари.

— Вперед! — раздался его голос. — Атака и победа!

Он перешел с рыси на галоп. Земля за ним вздрогнула и застонала от тяжелой поступи его воинов.

Глава 2

Дверь мелодично прозвонила и смолкла.

— Entrez*, — откликнулся Юрий Дежерин. Поднимаясь, он рукой сделал фоноплееру знак замолчать. Была бы это какая-то классика из банка данных — ну там, Моцарт или древнеиндийская рага, — он бы просто приглушил ее до приемлемого уровня. Однако большинство гуманоидов не выносят музыки Джин, хотя на этой планете культура постарше земной и поутонченнее. Чтобы ее понять, нужен интерес, порождающий терпение, плюс хороший слух.

Дверь впустила молодого человека с эмблемой эскадрильи охотников на форменной одежде. Она сияла новизной, и честь молодой человек отдал несколько неуклюже. Но в условиях лунного притяжения он держался уверенно; его не признали бы годным к службе, не будь у него способности приспособляться к переменам в тяготении быстрее прочих. У вошедшего

* Войдите (фр.).

была высокая и мощная фигура, красивое лицо блондина-европейца. Дежерин подумал: в самом ли деле по офицеру видно, что он родился и вырос вне Солнечной системы? Если знать заранее, то признаки этого можно увидеть в облике, осанке, в походке, даже если их нет.

Более надежен акцент. Дежерин избавил своего гостя от необходимости преодолевать препятствия общения на испанском и произнес по-английски:

— Младший лейтенант Конуэй? Вольно. Проще говоря, чувствуйте себя свободно. Хорошо, что вы пришли.

— Капитан посылал за мной.

Конуэй говорил на довольно странном диалекте, заметно отличном от панъевропейской версии Дежерина. Это был диалект с примесью мягкости и певучести, слегка... слегка нечеловеческих, что ли?

— Я пригласил вас посетить меня, просто пригласил.

Дверь закрылась, и Дежерин озадачил своего гостя, протянув руку. После минутного колебания тот ее пожал.

— Вы можете сделать мне большое личное одолжение и, возможно, оказать услугу Земле тоже. Может быть, я смогу вас отблагодарить, но это не наверняка. Что наверняка, так это то, что мы очень скоро отсюда отбудем и я отнимаю у вас время, которое вы могли бы провести с девушками или на спортплощадке. Самое меньшее, что я могу для вас сделать, — это предложить выпить. — Взяв Конуэя за локоть, он подвел его к креслу напротив своего, продолжая болтать. — Вот почему я предложил встретиться в моей квартире. В казарме или в клубе слишком много народу, а в кабинете — слишком официально. Какой напиток вы предпочитаете?

Дональд Конуэй сел под нажимом дружеской руки Дежерина.

— Я... как вы скажете, капитан, спасибо, сэр.

Он глотнул.

Дежерин улыбнулся, стоя над ним.

— Да расслабьтесь, забудьте звания. Мы здесь одни, и я не намного вас старше. Сколько вам лет?

— Девятнадцать — то есть я хочу сказать, двадцать один, сэр.

— Привыкли к иштарийским годам? Ну, а я в прошлом месяце отметил тридцатый день рождения — по земному календарю. Не такая уж зияющая пропасть?

Конуэй несколько успокоился. Несмотря на нервозность, он смотрел на хозяина прямо и открыто, но теперь в его взгляде появилась какая-то задумчивость. Дежерин был среднего роста, хрупкого сложения, с маленькими руками и ногами, с кошачьими

движениями. В годы учебы он был чемпионом академии по акробатике. Правильные и тонкие черты лица, оливковая кожа, полные губы, карие глаза, темные, гладко зачесанные волосы и аккуратные усы. Одет он был в штатское — блуза, свободные шаровары из радужной ткани, таби и зори. Кольцо класса он носил стандартное, но тонкая золотая серьга в правом ухе говорила об известной степени дерзости.

— Главная разница, — продолжал он, — состоит в том, что я стал кадетом в семнадцать лет и с тех пор все время на службе. Вы же добрались до Земли два года назад, записались добровольцем в начале войны и еле успели пройти краткосрочную подготовку. — Он пожал плечами. — Ну так что ж? Потом вы закончите свое образование и продолжите путь к званию профессора изящных искусств, а когда меня спишут с корабля на половинное жалование, вы уже будете ректором большого университета. Итак, что вы предпочитаете? — Он открыл свой мини-бар. — Я буду коньяк с содовой.

— И мне то же самое, спасибо, сэр. У меня было немного случаев изучить... гм... науку питья.

— На Иштар не слишком большой выбор?

— Да нет, в основном домашнее пиво да местное вино: — Конуэй заставлял себя поддерживать светскую беседу. — У них не тот вкус, что у земных, а большинство тех, кто там живет всю жизнь, не интересуются импортными напитками. Мы экономически независимы, сельское хозяйство процветает, но экология у нас совсем другая, и это касается почвы, погоды, солнечной радиации... В общем, как бы там ни было, есть люди, которые держат винокурни, но они сами понимают, что хвастаться своим продуктом им не приходится.

— Ну вот, вы мне уже помогли, — засмеялся Дежерин. — Я предупрежден, что перед отбытием надо сделать запасы.

Пока он смешивал коктейли, Конуэй огляделся. Не адмиральская каюта, конечно, но довольно просторно, и мебель хорошая для базы «Циолковский». В мирное время эта база комфортабельна, но когда приходится тысячами перебрасывать людей на театр военных действий и обратно, все службы работают с перегрузкой. В казармах набивается народу вдвое, из-за нехватки энергии отрубаются генераторы искусственного тяготения, а это значит, что каждому достается несколько лишних часов принудительной тренировки. На прогулочные краулеры выстраивается многочасовая очередь, и такая же — за альпинистским снаряжением и горными лыжами. А хочешь — можешь попытаться попасть на поезд к кратеру Аполло и надеяться, что тебя не слишком обдерут...

За полупрозрачной стеной, плохо различимой в мерцающем свете, открывался величественный вид. Небо пересекал грузовой корабль, спускаясь на запасную площадку, наспех вырубленную в базальте.

Комната почти не носила отпечатка личности хозяина. По космосу вообще путешествуешь налегке, а во время войны — практически в чем есть. Какие-то распечатки на столе, книжка про Анубелею, женский журнал, приключенческий роман и сборник стихов Гарсиа Лорки. Рядом стоял сигарный ящик.

— Прощу вас! — Дежерин протягивал Конузю бокал. — Сигару? Нет? Что, табак тоже стал редкостью на Иштар? Ладно, я закурю, если вы не возражаете. — Он сел в кресло напротив и поднял бокал: — Salud!

— Ну, будем здоровы, — ответил Конузэй.

Дежерин хмыкнул:

— Вы становитесь самим собой. Я этого и ожидал.

— Вы наводили обо мне справки, сэр?

— Я не интересовался ничем, кроме общедоступных сведений. Я не шпионю. Я лишь попросил банк данных подобрать людей с Иштар, с которыми можно поговорить. Он выдал ваше имя. Согласно записям в вашем деле, вы там родились и не покидали планету до последнего времени. Я не думаю, что труса или дурака могли бы терпеть столько времени, даже если бы он выжил. Далее, несмотря на то что вы выросли среди — сколько их там было? — пяти тысяч ученых, техников и их детей, да еще в трехстах парсеках от Солнца, и земляне наезжали к вам редко, вы проявили такой талант в изобразительном искусстве, что вам предложили учиться здесь. А потом, когда разразилась война, вы не стали укрываться в студии, а записались добровольцем, да еще в такие крутые войска. Чтобы узнать вас, мне было достаточно такой информации.

Конузэй вспыхнул, отхлебнул приличный глоток и выпалил:

— Очевидно, вы получили туда назначение, сэр, и вам хотелось бы услышать, что я могу рассказать. Но разве это не удивительно для вас, с вашим послужным списком? Я имею в виду назначение.

Дежерин поморщился:

— Такое случается.

— Видите ли, сэр, я... после вашего вызова я тоже обратился к банку данных. — Как видно, бренди сразу ударило в непривычную голову Конузэя, он заговорил быстро и не задумываясь. Это не лесть, решил Дежерин, а просто попытка ответить на дружественное обращение старшего по званию.

— В моем возрасте вы получили Бриллиантовую Звезду за спасательную экспедицию на Калибане. Вы были старшим помощником на истребителе, капитаном крейсера, командиром строительства базы на Гее. Колоссальное разнообразие, даже для флота, где офицеров все время перебрасывают с места на место. И для своего звания вы очень молоды. — Тут он спохватился и покраснел. — Извините, сэр. Я не хотел...

— Все нормально, — Дежерин небрежно помахал сигарой, и только уголки его губ слегка опустились от неудовольствия.

— Если мое предположение правильно, сэр, на Гее есть туземцы, с нашей точки зрения весьма странные, но я не нашел никаких упоминаний об их жалобах на вас: это значит, что вы обращались с ними правильно, разумно, доброжелательно. Может быть, командование считает вас лучшей кандидатурой в качестве нашего представителя на Иштар.

— Тогда почему бы им не послать туда вас? — спросил Дежерин и яростно выдохнул большое дымное кольцо. — Вы жили среди них. Вашей общине более сотни лет.

Конузй заколебался, отвел глаза в сторону, потом тихо сказал:

— Ну, это не место для моего рода войск. И потом... не знаю, известно ли об этом в штабе... На Иштар меня не слишком хорошо встретят. Моя семья, родственники, старые друзья... они, видите ли, против войны. И многие очень даже всерьез.

Выражение лица Дежерина смягчилось.

— А вы-то сами как к ней относитесь?

Конузй выдержал его взгляд.

— Я ведь пошел добровольцем, верно? Я понимаю, что правые и виноватые есть на каждой стороне. Но на людей напали. Их хотят изгнать или отобрать у них кровью и потом добытую землю. Если это не остановить в самом начале, потом будет гораздо хуже. Я помню, как было с Атерионом.

— Вряд ли, сынок, — улыбнулся Дежерин. — Я и сам в тот год был очень занят собственным рождением. — Он снова стал серьезен. — Но вы правы, мы должны помнить уроки истории. А если говорить обо мне лично, то я видел нищету трущоб на Земле — своими глазами видел, чувствовал, нюхал эту вонь, и я видел людей, которые вышли оттуда ради Элефтерии, я видел, чего они добились и на что надеялись... Ладно, черт с ним. Меня не послали к ним на помощь, а направили за тысячу световых лет в другую сторону!

Он одним глотком допил бокал, решительно поднялся на ноги и подошел к бару.

— Еще налить? — спросил он спокойным голосом.

— Нет, спасибо. — Конузэй подыскивал слова. — Капитан, у командования свои резоны. Допустим, наксанцы делают внезапный обходной маневр и оккупируют Иштар. Там есть природные ресурсы. А кроме того, планета может сыграть роль заложника, и не только из-за тех нескольких тысяч человек, которые там живут, но из-за всех тех человеко-лет, что мы вложили в развитие науки и которые только начинают сейчас приносить плоды. Начнись переговоры, Иштар может оказаться отличным козырем для Наксы.

— Вы так считаете? Мои инструкции предусматривают создание базы для отражения подобной угрозы, хотя и отдаленной, но все же угрозы для этого района космоса.

Конузэй кивнул.

— А такое задание либо должно быть сделано хорошо, либо окажется потерей времени и сил. Поэтому вас и выбрали. Однажды вам это удалось. Я ставлю свою Y-хромосому, что вас скоро направят на войну — если она к тому времени не закончится.

Дежерин снова рассмеялся:

— Tiens*, вы знаете, как поднять человеку настроение, правда? Ладно, спасибо. — Он вернулся в свое кресло. — Эти наксанцы — ребята крутые и сообразительные. Я думаю, драка протянется годы.

— Надеюсь, что нет.

— Естественно. Если кому-то нравится сама идея войны, любой войны, прошлой, настоящей или будущей, так пусть он об этом скажет, чтобы мы его, сукиного сына, пристрелили, а потом разговаривали разумно. Меньшее из двух зол ни в каком случае не перестает быть злом. Да еще — у меня были друзья на той стороне, раньше, в лучшие дни.

Дежерин помолчал и добавил:

— Как вы понимаете, я хотел бы принять участие в том, чтобы с этим покончить. Я, понимаете ли, всерьез принимаю теорию, что мы — вооруженная рука Органов охраны мира Всемирной Федерации. — Он поежился. — Скажите, вот вы говорите, что на Иштар люди против этой войны. Почему? Большинство интеллектуалов на Земле поддерживают ее с рвением крестоносцев.

Конузэй отпил из бокала.

— Боюсь, из такой дали все это кажется не совсем настоящим. — Он подался вперед. — Основное, что я видел и слышал перед отлетом на Землю, когда конфликт был только возмо-

* Кстати (фр.).

жен, но вести становились все неприятнее, а потом узнал из писем и разговоров с гостями из дома, — основное то, что они боятся краха своего главного дела, катастрофы всей планеты. В любом случае им урежут снабжение. Если дело продлится подольше, они уже не смогут получить никакого оборудования для работы. Возможно и что-нибудь похуже.

— А, — Дежерин выдохнул кольцо голубого дыма и наблюдал за ним сквозь прищур век, пока оно не растаяло. — Вот мы и пришли к тому, что я от вас хотел. Информация. Быт и нравы. Советы. Кормление и уход за иштарийцами и за той небольшой, но почтенной научно-альтруистической колонией, которую содержит там Исследовательский консорциум. Все, что вы можете рассказать. Видите ли, я получил приказ на прошлой неделе. Почти все часы бодрствования и часть времени сна с тех пор я трачу на организацию решения своей задачи, и так будет до самого нашего отбытия, а это уже скоро. Не подобает мне сообщать младшему по званию, сколько на мои уши навешивается вышестоящей лапши...

Он остановился, видя недоумение Конуэя.

— Простите, сэр?

— Вам не приходилось такого слышать? До чего же вы невинны. Стандартная процедура возрастания энтропии до максимума. Важно то, что вы — мой единственный шанс узнать реальную обстановку. Будучи невежественным настолько, насколько сейчас, я могу нанести любой вред и вообще провалить задачу.

— Но у вас же образование, у вас годы в космосе...

— О, да-да-да, — нетерпеливо перебил Дежерин. — Небесная механика системы Аноубелеи мне понятна. Что-то я знаю об обитателях Иштар и об их уникальной биологической ситуации. — Он перевел дыхание. — Планет, где человек имеет возможность разгуливать в рубашке, настолько мало, что каждый, у кого хоть что-то есть между ушами, может назвать те, что нам известны. И они рассыпаны по космосу на очень большом удалении друг от друга. Больше всего мы заняты теми, что поближе к дому. В то же время не забывайте: каждая планета — это целый мир, и понять его целиком невозможно. *Воп Dieu**, друг мой, я живу на Земле и понятия не имею об экологии ее литорали, или истории китайских императорских династий, или о текущих склоках в Кенийской империи!

Он бросил сигару в пепельницу, со стуком поставил бокал на стол и схватил со стола книгу об Иштар.

* Боже милосердный (фр.).

— Ну, например, я изучал вот это. — Он говорил резко и быстро. — Последнее издание, вышло десять лет назад.

Распахнув книгу на первой попавшейся странице, он сунул ее под нос Коную:

— Смотрите.

Левая страница:

АНУБЕЛЕЯ В (БЕЛ)

Тип: G2, главная последовательность.

Масса: 0,95 солнечной.

Средний диаметр: 1,06 солнечного.

Средний период обращения: 0,91 солнечного.

Светимость: 0,98 солнечной.

Эффективная температура: 5800 К.

ПЛАНЕТЫ

Основные параметры (Земля = 1,0)

		Средний орбиталь- ный радиус	Звездный период об- ращения	Средний экватори- альный диаметр	Масса	Средняя сила тяжести на поверхности
I	Набу	0,29	0,163	0,41	0,061	0,363
II	Адад	0,54	0,402	0,78	0,45	0,738
III	Иштар	1,03	1,072	1,14	1,53	1,18
IV	Шамаш	2,67	2,735	0,95	0,83	0,928
V	Мардук	4,40	9,56	5,1	5,1	1,96

Примечание. Астероиды распределены полуслучайным образом из-за звезд-партнеров. Полные орбитальные данные см. в приложении Д. Описание планет Б, отличных от Иштар, см. в главе XI.

Правая страница:

АНУБЕЛЕЯ В III (Бел III)

ИШТАР

Основные параметры [Земля (З) = 1,0]

Масса: 1,53 З.

Средний экваториальный диаметр: 1,14 З, или 14 502 км.

Средняя плотность: $1,033 - 5,73 \text{ Н}_2\text{О}$.

Среднее ускорение силы тяжести на поверхности: $1,183 = 1155 \text{ м/сек}^2$.

Период обращения вокруг звезды: $1,0723$, или 392 земных дня = 510 иштарских дней.

Период обращения: $0,7753$, или 18 час 36 мин 10,3 сек.

Наклон оси: $1,143$, или $28^\circ 3'$.

Средняя освещенность (только от Бел): $0,89$ Солнце/Земля.

Средний угловой диаметр Бел: $1,03$ Солнце/Земля, или 33° .

Среднее атмосферное давление на уровне моря: $1,123$, или 810 мм рт. ст.

Нормальный состав атмосферы в объемных процентах: азот 76,90; кислород 21,02; водяные пары 0,35; аргон 1,01; углекислый газ 0,03 + прочее.

Соотношение поверхности воды и суши: $1,203 = 2,94 : 1$.

СПУТНИКИ

		Средний орбитальный радиус (в км)	Период обращения по орбите (в часах)	Средний эквивалентный диаметр (в км)	Средний угловой диаметр
I	Целестия	$2,4 \cdot 10^4$	8,34	188	$38'$
II	Уния	$7,35 \cdot 10^4$	44,61	265	$13,5'$

Примечание. Обе луны имеют неправильную форму, в особенности I; диаметры и угловые диаметры — как они видны с поверхности Иштар, вычислены для эквивалентных сфер. Более полная информация и обсуждение см. в главе III.

— Что я могу здесь найти такого, чего нет в справочнике навигатора? — спросил Дежерин. — Да, yes, si, ja, — есть еще тексты, картинки, анекдоты. Для туриста неплохая возможность заранее познакомиться с целью поездки, если найдет турист, который поедет в такую даль. И я это тоже прочел, и записи стереовизора крутил часами, я знаю, как выглядит иштарыец...

Разговаривая, он листал страницы и без видимой причины остановился на этой иллюстрации.

На ней были изображены мужская и женская особь, и для масштаба — человек. Самец был побольше, размером с небольшую лошадь. Слово «кентавроид» давало довольно приблизительное описание. Двурукий торс плавно переходил в четвероногое туловище, и над их соединением возвышался бы-

чий горб, соединяющий горизонтальную часть спины с почти вертикальной. Тело имело скорее львиные, чем конские очертания. Крепко сколоченное, с длинным хвостом, с опущенными бахромой ступнями с тремя пальцами на каждой. Богатырские мышцы рук напоминали о том, что сила тяжести на Иштар больше земной. На каждой руке было четыре когтистых пальца. Голова большая и круглая, уши большие и заостренные (слегка подвижные), нижняя челюсть и подбородок напоминают Человеческие, зубы белые и небольшие, за исключением двух верхних клыков, выступающих изо рта. Вместо носа короткое рыльце, кончающееся одной широкой ноздрей, разрез которой сужался книзу. Кошачьи усы обрамляли верхнюю губу. Глаза тоже напоминали кошачьи, без белков, у самки золотистые, у самца синие.

Лица и руки безволосые, кожа (у представителей беронненской расы) — светло-коричневая. Большая часть тела покрыта темно-зеленой шерстью, напоминающей мох. Сходство со львом усиливалось пушистой гривой, покрывавшей голову, шею и спину до горба. Она состояла не из волос, а из густо покрытых листьями лиан. Те же растения образовывали дуги бровей.

Имеет место выраженный половой диморфизм: самка сантиметров на пятнадцать меньше, с коротким хвостом. Горб побольше и более пологий, не такое нагромождение мышц, как у самца. Круп шире и живот более округлый, вымя с двумя небольшими сосками, внешние половые органы ярко-красные. В поясняющем тексте говорилось, что самки пахнут сладковато, а самцы — как горячее железо; речь и слух лучше развиты у самок.

Аборигены не носят одежды, если не считать перевязи для сумки и ножа. Изображенный на картинке самец держал в руке копье, а на плечах — что-то вроде лука. У самки был длинный лук, колчан и нечто похожее на деревянную флейту.

— Я знаю, что их биохимия похожа на нашу, мы можем есть пищу друг друга, хотя некоторых существенных компонентов будет недоставать и нам, и им. И они тоже пьянеют от спирта. — Дежерин захлопнул книгу. — Совсем как дома, правда? Если не считать, что люди уже сотню лет провели на Иштар, стараясь понять ее жителей, и вы намного лучше меня знаете, как они далеки от своей цели!

Он бросил книгу через всю комнату на койку.

— Долгий еще остался путь, — согласился гость.

— Да еще эти люди. Верно, верно, там, в Примавере, все время меняется половина населения. Исследователи, выполняющие уникальные проекты, техники на контрактах, археоло-

ги со своей временной базой по дороге на... как эту мертвую планету зовут, Таммуз? И все-таки у них какая-то специфическая преданность Иштар. А ядро составляют постоянные жители, карьеристы, приличный процент второго и третьего поколений иштарийцев, у которых в организме уже и атома земного не осталось. — Дежерин растопырил пальцы. — Понимаете, до чего мне нужен — как бы это сказать — хотя бы общий обзор? На самом деле мне нужно гораздо больше, но хотя бы это. Так что, друг мой, не будете ли вы так добры допить свой бокал, чтобы я вам налил второй? Пусть ваш язык развяжется. Используйте свободные ассоциации. Расскажите о вашем прошлом, о семье, о друзьях. А я хотя бы смогу передать им привет от вас и какие-нибудь подарки, если вы захотите.

— Но помогите мне. — Дежерин со стуком поставил второй бокал на стол. — Дайте мне хоть какие-то идеи. Что мне им сказать, как не настроить их против себя и склонить к сотрудничеству со мной — человеком, который приходит как проводник политики, ведущей к краху их надежд и планов?

Конузй сел поудобнее и долго смотрел, казалось, куда-то за лунный пейзаж. Потом он, взвешивая слова, произнес:

— Вам бы лучше начать с того, чтобы показать им документы Олайи, которые вызвали столько шума в прошлом месяце.

— О причинах войны? — удивился Дежерин. — Но ведь там сплошная критика.

— Не совсем. Они старались сохранить объективность. Конечно, каждый знает, что Олайя не энтузиаст этого дела. Он, я думаю, слишком аристократ. Но он чертовски профессиональный журналист и здорово поработал, представляя разные точки зрения.

Дежерин поморщился:

— Он главное забыл: элефтерийцев.

Осмелевший Конузй возразил:

— Честно говоря, я — и не я один — не считаю это самым главным. Я ими восхищаюсь, я им симпатизирую, но главным я считаю то, чтобы мы, человечество, управляли событиями, от которых зависит наше выживание как вида. На Иштар я видел, как поднимался такой хаос... — И, сменив тон: — Но я вот к чему веду. Вот кто-то, как, например, моя сестренка Джилл, всю свою жизнь там прожила, и она — то есть такие, как она, — знает, какой ужас несет их планете приближение Ану. Если бы они могли понять, что жертва приносится ради высшего добра... Но они, вы знаете, люди разумные и тренированные в научном скептицизме. Они всю жизнь изучают самые причудливые культуры и конфликты. Никакой простой пропагандой их не

пробьешь. А вот это шоу Олайи — оно честное. И потому оно доходит. Я это чувствовал сам, и я... ну я думаю, что мой народ на Иштар поймет. Если даже ничего другого до них не дойдет, они поймут, что у нас свобода слова еще есть и Земля — не безмозглое чудовище. Это должно сработать.

Теперь помолчал Дежерин. Потом вскочил на ноги:

— Ладно! Я просил у вас совета, Дональд — можно просто Дон? Меня зовут Юрий, — и вы мне его дали. А теперь давайте еще. У нас серьезное дело впереди — надраться как следует.

Глава 3

На следующий день после того, как Ларрека покинул Якулен, ранчо, где оставалась его жена, он со своими солдатами подошел с юга к Примавере. Поселок людей был в трех переходах от Сехалы вверх по реке. Теперь это место не было защитой от возможной беды. Каждый житель Бероннена, разумеется, как и все обитатели Союза, знал, что люди — это друзья и последняя серьезная надежда на спасение всей цивилизации. Но все же этим чужакам нужно было место для огородов и полей, для выпаса их скота — ради производства той пищи, что содержала необходимые им вещества, которых не было ни в дождевых зернах и хлебных корнях, ни в мясе элов и овасов. А те, кто изучал природу, как Джилл Конуэй, предпочитали дикие луга распаханным полям вокруг Сехалы. Те же, кто изучал народ, считали, что им незачем демонстративно торчать в городе.

Не так уж сильно помешал бы этот эффект присутствия, часто думал про себя Ларрека, в этом мире много гораздо более неприятных вещей.

Он весело трусил по дороге, вившейся вдоль Джайина. Эта дорога, одна из главных, была выложена кирпичом, и ноги ощущали его горячую шероховатость и острые крошки. Так что у старого солдата был повод пощеголять в сапогах. Приближалось плохое время. Южный Бероннен всегда избегал самого худшего при приближении Бродяги, хотя, конечно, голодные орды наводняли эту благословенную страну. Даже сейчас, в середине осени, отчетливо чувствовалось приближение дождливой зимы, хотя Бродяга и старался спутать времена года.

Его горящий красным шар, стоящий низко над северными холмами и окрасивший их в цвета аметиста, почти заходил. Солнце стояло высоко и светило ярко. Двойные тени, мягко очерчивающие берега реки, и переливающиеся оттенки придавали ландшафту причудливый вид. Этот берег был предостав-

лен людям для выращивания пищи. Пшеница, кукуруза и другие злаки уже были убраны, осталось голое жнивье, но в садах еще наливались яблоки, и рогатые животные паслись за изгородью — и до чего же все было зеленым! Другая сторона оставалась такой, какой была от природы: дерн из лиа всех оттенков золота с вкрапленными алыми огнецветами, деревья в медно-коричневом (мечелисты) или охряном (стланик и кожаное дерево) наряде. Далеко разлетелись крылатые семена берез, а стреляющие стручки иногда забрасывали свои зерна на тот берег. Природе было наплевать, что им там не укорениться — почва была слишком чуждой.

Здесь дул бриз, особенно приятный после утренней духоты. Ларрека слышал, как шелестит его грива. Он впивал аромат земных растений, который успел оценить за эту сотню лет. И тяжесть его сегодняшней миссии не могла испортить ему удовольствие. Солдат не имеет права отказываться от тех приятных минут, что судьба посылает ему навстречу.

— Далеко еще, сэр? — спросил один из шестерых воинов за его спиной. В этих густонаселенных и богатых едой местах в них не было нужды. Но он начинал поход от Северного Бероннена через Громовые горы, и нужны были охотники и руки для бивачных работ. Ларрека решил, что возьмет их с собой в Сехалу с ее котлами с мясом. У этих бедняг не слишком веселая была юность. Говоривший был уроженцем Каменного острова, что в Огненном море, там завербовался на службу и попал прямо в Валеннен, где в эти годы стоял легион Зера. На континенте до этого он ни разу не бывал.

— Чуу, может быть, час, — Ларрека использовал единицу, означающую одну шестнадцатую часть времени от полудня до полудня, примерно совпадающую с земным часом. — Двигайся, мы там скоро будем.

— Ладно, по крайней мере Скелла скоро зайдет.

— А? Да. Да, конечно. — Ларрека столько слышал имени этого красного шара, что не сразу понял, о чем идет речь. Сам-то он называл его Бродягой, поскольку исповедовал культ Триады. Там он был главным, вместе с Солнцем и Тьмой, на брови которой висела Янтарная звезда. А юношей в Хаэлене он звал его Аббада и знал, что он — изгнанный бог, что возвращается каждую тысячу лет. Потом он усомнился в этой вере и счел языческие обряды жертвоприношения просто напрасной тратой хорошего мяса. Варвары Валеннена так благоговели перед этой штукой, что даже имени ей никакого не дали, только набор эпитетов, и нельзя было повторить два раза подряд один и тот же, чтобы не навлечь на себя гнев Бога. И всюду ее называли

по-своему, в том числе и у людей. Красную звезду они называли Ану и не признавали никакой души ни за ней, ни за солнцем, которое они называли Бел, ни за Янтарной звездой, которую звали Эа.

Во многих отношениях их концепция была самой хитроумной из всех. Ларрека должен был заставить себя овладеть их учением. Он не мог пока еще поверить, что в Триаде нет ничего, кроме огня. И так это было или нет, он все равно выполнял ритуалы и заповеди своей религии. Это была хорошая вера для солдата, поддерживающая боевой дух и дисциплину.

С виду трудно было сказать, что Ларрека изучал философию. У него был вид сержанта-ветерана, слегка ограниченного умственно, зато снабженного хорошими мышцами, достаточно быстро реагирующими при необходимости. От глубоких ран остались опоясывающие тело шрамы, через кость брови пролегла глубокая впадина, а левого уха не было совсем. Хаэленцы происходили из Южного Бероннена, и когда-то его шкура была бледно-коричневой. Она потемнела и загрубела под многими ветрами и непогодами, но глаза оставались голубыми, как лед. В его речи чувствовался след грубоватого местного акцента, а его излюбленным оружием, фактически отличительным его знаком, был тяжелый кривой короткий меч, обычный в антарктических краях. Кроме этого, он был одет только в пояс с кошельками для всякой мелочи, а все оружие и прочие необходимые в путешествии вещи, в том числе охотничье копье и топор, который тоже мог служить оружием, были запакованы в две плетеные выючные корзины. Никакого орнамента, только потертая ткань, кожа, дерево, сталь. Единственным украшением служила золотая цепь на широком левом запястье.

Идущие за ним солдаты были разукрашены кто во что — перья, бусы, нити бисера, побрякушки. К своему скромно одетому вождю они относились с огромным уважением. Ларрека сын Забита из клана Кераззи был, пожалуй, самым известным из всех тридцати трех командиров легионов. Проведя два столетия в легионе Зера, он давно уже был старше средних лет и недавно справил свой триста девяностый день рождения. Но еще на сотню лет жизни и здоровья он мог бы рассчитывать, да надеяться и на дальнейшее — если только не доберутся до него варвары или не попадет он в одну из тех катастроф, что так густо заваривает в этом мире Бродяга.

Он уже скрывался за горизонтом. Вскоре с облаков на севере исчез отсвет его лучей. Ничем не замутненное, свободно светило солнце. Высокие и громоздкие кучевые облака отбрасывали тени — предвестники бури.

— Думаете, будет дождь, сэр? — спросил боец с Каменного острова. — Уж я бы не возражал.

Его родные земли, хотя и лежали около экватора, хорошо продувались морскими ветрами. Здесь ему было жарко и пыльно.

— Побереги свою жажду до Примаверы, — посоветовал ему Ларрека. — Пиво там отменное. — Он прищурился. — Н-нет, похоже, сегодня дождя не будет. Вот завтра, пожалуй. Так что не надейся зря, сынок. Да скоро у тебя будет больше воды, чем ты сможешь переварить. Даже рыбу утопить хватит. Вот тогда ты и оценишь Валеннен лучше.

— Сомневаюсь, — ответил собеседник. — В Валеннене эта траханная сушь еще сильнее, чем была раньше.

— Какая там «траханная», Салех, — вставил с каркающим смешком третий. — Там у баб шкура так пересыхает, что дырку себе в брюхе протрешь.

Это было не очень большое преувеличение. От потери влаги растения, покрывающие большую часть кожи, пересыхали и становились очень ломкими.

— Насчет этого, — сказал Ларрека, — прислушайтесь к голосу опыта.

И он простым и доходчивым языком описал им несколько других способов.

— Однако, сэр, — Салех гнул свое, — я не понимаю. Конечно, в Валеннене Злая звезда сильнее, чем в Бероннене, и поднимается куда выше. Я понимаю, что здесь должно быть горячее, но почему же страна так пересыхает? Я-то думал, что жара вытягивает воду из океана и проливает ее на сушу дождем. Ведь поэтому на тропических островах так влажно?

— Верно, — ответил Ларрека. — Вот потому-то и зальют дожди весь Бероннен в ближайшие шестьдесят четыре года, аж пока не увязнем в грязи по корни хвостов, а грязь будут смывать наводнения — это не говоря уже о том, как пройдут в горах снежные заносы и лавины — для пущего веселья. А Валеннен отделен от западного побережья, откуда и дуют ветры, как раз вот этими огромными горами. И даже та вода, что через них переносится, сдувается на восток через Эхурское море, где облака Серебряного океана разбиваются о Стену Мира. А теперь закрыли мясорубки — и ходу.

Они поняли, что обсуждение закончилось, и повиновались. Он почему-то вспомнил, как однажды ему говорил Боггарт Хэншоу:

— У вас, иштарийцев, такая от природы блестящая дисциплина, что ее вроде бы и не надо шлифовать — черт побери, ваши организованные единицы, вот как в армии, похоже, не

нуждаются в муштровке. Только вот правильно ли сказать «дисциплина»? Я бы скорее сказал, что это чувствительность к нюансам, умение ощущать, что делает группа, и быть ее разумным органом... Верно, я согласен, что мы, люди, некоторые идеи схватываем быстрее вас, например всякие концепции, основанные на понятии трехмерного пространства. Но у вас более высокий — как бы это сказать — общественный коэффициент интеллекта. — Он усмехнулся. — Эта теория непопулярна на Земле. Наши интеллектуалы не любят признавать, что те, у кого есть табу, и войны, и прочее в том же роде, могут быть развиты гораздо выше нас, у кого ничего подобного нет.

Ларрека вспомнил эти слова на английском, на котором они и были сказаны. Увлечшись людьми еще с момента их первого появления, он общался с ними, сколько мог выкроить времени, и узнавал о них и от них все, что мог. Это было куда больше, чем он рассказывал своим подчиненным или собратьям-офицерам — это выпадало бы из его образа недалекого ретивого служаки — военной косточки. Язык — не проблема для того, кто мотался по половине глобуса и всегда быстро узнавал, как спросить у местных жителей дорогу и хлеб, пиво и ночлег, как подъехать к местной женщине и вообще как выразить себя и понять другого. А кроме того, в английском был очень небольшой диапазон звуков для голоса и слуха иштарийца, возможности которых людям абсолютно недоступны. Как бы там ни было, а ему импонировало, как они пропахали свой путь через Сехалу.

Жаль только, что они так мало живут. Единственное шестидесятичетырехлетие — а после приходится поддерживать свою жизнь лекарствами. К концу второй гипероктады уже ничем помочь нельзя. Ларрека неосознанно ускорил бег. Он хотел подольше побыть со своими друзьями, пока они еще есть.

Да и миссия у него была довольно срочная. Плохие вести он нес.

Примавера — жилые дома и другие здания между асфальтовыми улицами, осененными желтой и красной листвой больших и старых местных деревьев, сохраненных при расчистке места. Почва поддерживала в них жизнь даже в этом чуждом окружении. Она поднималась пологими склонами от Джайина, где стояли у причалов лодки и иштарийские корабли, приплывавшие по реке. Местные жители-люди изготавливали некоторые вещи, вроде не подверженной гниению ткани, и выменивали их на многое, что им было нужно. Строили они в основном из местных материалов — леса, камня, кирпича, — хотя стекло

они делали лучше, чем во всем Бероннене, и добавляли к нему светлый пигмент. На восток уходила дорога, исчезая за каменной грядой, чтобы в конце концов дойти до космопорта. В километре от города она проходила мимо аэропорта, где садились и взлетали грузовые флаеры дальнего радиуса. В поселке люди передвигались на автомобилях, на велосипедах и пешком.

Иштарийцы достаточно часто попадались в Примавере и не привлекали внимания, разве что были чем-то лично известны. Ларреку знали только старожилы. И не так уж много народу было в этот момент на улице, когда дети в школе, а взрослые на работе. Он уже добрался до Стеббс-парка и хотел его пересечь и напиться воды из фонтана, когда его впервые поприветствовали.

Сначала раздалось урчание быстро летящего одноколесника и сразу скрип тормозов. Так ездить в городе было непростительно, но некоторые себе позволяли. Он не удивился, услышав гортанный голос Джилл Конуэй:

— Ларрека! Старый дядюшка Сахар собственной персоной! Привет!

Она отщелкнула ремни безопасности, прыгнула с седла, оставив машину балансировать, а сама бросилась в его объятия.

После паузы она, промывав «м-м-м», отступила на шаг, склонила голову набок и осмотрела его сантиметр за сантиметром.

— Хорошо выглядишь. Немного стряхнул жирок, верно? Но ради всех богинь, отчего ты меня не предупредил? Я бы пирог испекла.

— Может быть, именно поэтому, — поддразнил он ее на английском.

— Брось, дядя, ладно? У вас, долгожителей, совсем нет чувства времени. Мои кулинарные провалы были не вчера, а двадцать лет назад. Я теперь взрослая дама, люди со мной разговаривают почтительно, и ты бы теперь удивился, как я хорошо готовлю. Должна признать, что самый большой героизм ты проявлял именно тогда, когда ел угощение, что готовила маленькая девочка для своего дядюшки Сахара.

Они улыбнулись друг другу — жест, характерный для обоих видов, хотя у человека губы не вздергивались вверх, а как-то кривились. Ларрека оглядел ее в ответ. Они обменивались радиограммами и иногда говорили по телефону, но не виделись уже семь лет, с тех пор как Зера Победоносный был переведен в Валеннен. Он там занимался ухудшающимися природными условиями и имел дело с бандами варваров, а она тем временем прилежно училась и начинала свою карьеру. Об экологии Бероннени и архипелага Ирен было известно очень мало, и он не мог упрекнуть ее за выбор трудной дороги полевого исследова-

теля их естественной среды. На самом деле, если бы она выбрала изучение таинственного мира Валеннена, он был бы очень огорчен. Этот континент перестал быть безопасным, а Джилл была среди тех, кого он любил.

Джилл изменилась. За сотню лет знакомства с людьми и близкой дружбы с некоторыми из них Ларрека научился отличать их друг от друга и определять их возраст, как они это умели сами. Он оставил нескладную девочку-подростка с запоздалым созревaniem, похожую на мальчишку (в чем, несомненно, была и доля его заслуги). Теперь она была взрослой.

Она стояла перед ним, высокая, одетая в обычную блузу и джинсы городских жителей, длинноногая, скорее женственная, чем худощавая. Голова чуть удлиненная, а на узковатом лице выделялся полный рот под классически прямым носом, глаза голубые, с длинными ресницами под ровными бровями. На плечи спадали темно-русые прямые волосы, перехваченные кожаной лентой с серебряными украшениями, которую он подарил ей когда-то. В узел ленты она вставила бронзоватое перо сару.

— Похоже, тебя уже можно пускать на племя, — согласился Ларрека. — Когда и с кем?

Он не ожидал, что она вспыхнет и замнется.

— Пока нет, — пробормотала она и сразу же спросила: — Как семья? Мероа с тобой?

— Да. Я оставил ее на ранчо.

— Почему? У тебя жена гораздо лучше, чем ты заслуживаешь, позволь тебе сказать.

— Только ей не говори. — Ему было приятно. — Это не отпуск. Я вызван на ассамблею в Сехалу, а потом обратно в Валеннен как можно быстрее. А Мероа остается дома.

Джилл стала серьезной и после паузы спросила:

— Так там плохо?

— Еще хуже.

— А, — еще одна пауза. — Отчего ты нам не говорил?

— Все это началось почти внезапно. Я сначала не был уверен. Могла быть просто полоса невезения. Когда же я понял, то потребовал созыва ассамблеи и поднялся на корабль.

— Отчего ты не попросил у нас транспорта? Мы бы переправили тебя по воздуху.

— Зачем? Всех вы все равно не перевезете. Даже если у вас было бы достаточно воздушных кораблей, в чем я сомневаюсь, многие из делегатов в них бы не поехали. Так что кворум не собрался бы быстрее, чем мне удалось добраться морем и суши. — Ларрека со вкусом вздохнул. — Нам с Мероа давно

уже не помешал бы отпуск, а то год был очень напряженный, и путешествие пришлось как нельзя более кстати.

Джилл кивнула. Ему не было нужды объяснять ей, почему он выбрал такой маршрут, а не другой. При лучших условиях более быстрый путь пролегал бы целиком по воде, от Порт-Руа на юге Валеннена до Ливаса, и через устье Джайина вверх по реке до Сехалы. Но сейчас бушевали равноденственные бури, взбухающие под красным солнцем. И помимо риска крушения был еще риск, что путешествие при встречных штормах протянется неделями. Надежнее было перебираться между островами Огненного моря, пристать у Северного Бероннена, а там пройти пешком через Далаг, через Горькие земли, Красные холмы, Среднелесье и Громовые горы до долины Джайина. Дикие места и по большей части бесплодные, но ничего, что помешало бы старому солдату срезать угол и пройти напрямик.

— А я была в поле, — сказала она. — Ковырялась до позавчерашнего дня в Каменных горах. Наверное, и не знаю того, что знают Бог и Иен Спарлинг:

Она не имела в виду теологию: Боггарт Хэншоу был мэром.

— Ничего они тоже не знают. Знают только, что делегаты готовы собраться. Как я им сообщил бы с перехода? Я затем здесь и остановился, чтобы с ними повидаться и передать их слово в Сехалу.

Джилл снова кивнула:

— Я и забыла. Глупо с моей стороны. Я уж так привыкла к немедленным сообщениям — просто кнопку нажать.

Они с ней были в разных лодках, снисходительно отметил про себя Ларрека. Стандартный портативный передатчик мог связаться с релейной линией, которую люди провели по всей южной половине континента, а она уже передаст твой голос куда захочешь. Но на большие расстояния нужен был большой передатчик и релейные станции, которые пришельцы разместили на лунах. Пока что они построили только четыре таких передатчика — в конце концов, они ведь находились на самом конце линии снабжения с Земли через всю Галактику — в Примавере, в Сехале, на Светлобережье Хаэлена и всего лишь десять лет тому назад — в Порт-Руа. Смешно, что, находясь в Темных землях северного полушария, он мог говорить с другом на другом конце Союза — на расстоянии десяти тысяч километров по меридиану, — а когда он приблизился к центру цивилизации, его рация оглохла и замолчала.

Джилл взяла его за руку:

— Они ведь тебя не ждут, правда? Пойдем, я все приготовлю. Я тоже хочу послушать.

— Почему бы и нет? — ответил он. — Хотя тебе это не понравится.

Прошел час. Джилл унеслась собирать людей, которых она назвала, тех, кто работал неподалеку. Ларрека тем временем провел свой эскорт в единственную гостиницу, которой могла похвастаться Примавера. Там в основном пили пиво или вино, играли на бильярде или в стрелки, иногда обедали, но там были удобства и для людей, будь то проезжающие или вновь прибывшие, скоро получавшие постоянные дома, и для иштарийцев. Ларрека посмотрел, как устроился его взвод, и напомнил хозяину, что следует выставить счет городу на основании долговременного соглашения. Ему незачем было напоминать солдатам о том, что счет не должен вырастать до небес. Это были хорошие ребята, и они берегли честь легиона.

Для себя он не стал организовывать ночлег. Два года назад Джилл написала ему, что переехала от родителей и теперь снимает коттедж, в котором есть комната, оборудованная для иштарийца, — она была построена еще предшествующими поколениями людей для того, чтобы студенты обеих рас могли учиться вместе и достигать взаимопонимания — и если бы он остановился не у нее, это была бы глубокая обида.

Он шел в сторону дома (и одновременно офиса) мэра. Община вроде Примаверы не нуждалась в особенно деятельном управлении. Большая часть обязанностей Хэншоу касалась Земли: транспортные компании, ученые и техники, желающие поработать на Иштар, чиновники из Мировой Федерации, вечно лезущие не в свое дело, политические деятели, от которых бывало больше всего докуки.

Дом был обыкновенный, построенный для климата, который люди называли «средиземноморским». Толстые стены, окрашенные в пастельные тона, давали ощущение защищенности и покоя, внутренний двор открывался в цветущий сад. Мощные конструкции, стальные запоры на окнах, крыша отбрасываемой формы — все это было необходимо там, где бывают смерчи. Ларрека слышал от людей, что вращение Иштар порождает штормы посильнее, чем на Земле.

Жена Хэншоу впустила его, но к их совещанию в гостиной не присоединилась. Кроме мэра и Джилл, был еще Иен Спарлинг. Это было хорошо. Собери чуть больше землян вместе — и не поверишь, сколько им понадобится времени, чтобы как-то друг к другу притереться. Спарлинг был главным инженером спасательного проекта, а потому главным человеком. Кроме того, он и Ларрека были друзьями.

— Привет входящему! — громыхнул Хэншоу. Он страшно изменился за последние годы, поседел и ссутулился. Все же он выглядел еще бодро и настаивал на рукопожатии взамен объятий. — Падай, где стоишь. — Он показал рукой на расстеленный на полу матрас перед тремя креслами. Рядом стоял письменный стол с консолью. — Что будешь пить? Пиво, если я правильно помню.

— Конечно, пиво, — подтвердил Ларрека. — Много больших кружек. — Он имел в виду пиво из хлебных корней — варево из земных зерен имело для него мерзкий вкус. Но это относилось не ко всем земным растениям. Обнявшись со Спарлингом, он вытащил из сумки трубку и громогласно объявил: — А кроме того, я семь лет не нюхал табака.

Инженер усмехнулся, достал кисет, протянул его иштарийцу, а потом набил трубку и себе. Он был высокий — полных два метра, ровень с Ларрекой, — широкоплечий, но сухой и костлявый, с большими мосластыми руками и ногами. Его движения казались неуклюжими, но всегда достигали цели. Лицо с высокими скулами, горбатым носом, глубокими складками вокруг тонких губ, с шапкой беспорядочно курчавых и тронутых сединой волос, с большими и блестящими глазами цвета свежего сена изменилось мало, как и его лишенный модуляций голос. В отличие от Хэншоу, Спарлинг одевался так же небрежно, как и Джилл, хоть и был лишен ее элегантности.

— Как жена и девица? — поинтересовался Ларрека.

— Ну, Рода, как всегда, — ответил тот. — А Бекки на Земле учится — ты не знал? Извини. Я всегда отличался неумением писать письма. Да, она там. Я в прошлом году туда ездил и ее видел. У нее все в порядке.

Ларрека вспомнил, что люди имели право съездить домой раз в три или четыре местных года. Некоторые, как Джилл, никогда этим не пользовались — они считали, что их дом здесь, и не очень рвались в дорогостоящую поездку. Но Спарлингу приходилось ездить и чаще, чтобы докладывать о своих планах и их отстаивать.

— Я больше слежу за твоей работой, чем за твоими семейными делами. — Ларрека не намеревался его обидеть. Все, что могло облегчить последствия катастрофы, для любого цивилизованного разума было на первом месте. — Твои дамбы для сдерживания наводнений... — Ларрека остановился, видя, как нахмурился инженер.

— Это оказалось только полдела, — жестко сказал Спарлинг. — Давайте сядем и поговорим обо всем сразу.

Ольга Хэншоу принесла напитки, которые заказал по интересу ее муж, и объявила, что завтрак через час.

— Боюсь, что ничего особенного не будет, — извинилась она перед Ларрекой. — Летние бури сильно повредили посевы и у нас, и у вас.

— Да уж понятно, что на своей должности вы должны подавать пример аскетизма, — отозвалась Джилл. — Поросенка от Хэншоу кто пробовал, тот не забудет.

Спарлинг единственный фыркнул в ответ. Наверное, подумал Ларрека, ее замечание на английском намекало на какие-то реалии Земли, где родился и провел свою раннюю юность инженер. Интересно, замечает ли она, как у него туманятся глаза, когда он на нее смотрит?

— Отложим шутки на потом, — с нажимом сказал мэр. — Может быть, когда сыграем в покер вечером.

Ларреке мысль понравилась. Он уже несколько октад был мастером этой игры и для тренировки обучил ей своих офицеров. Он заметил, как потирает руки Джилл, вспомнил, какие ляпы она допускала в шахматах и как не по годам хорошо играла в покер. Интересно, как она продвинулась с тех пор?

Голос Хэншоу их отрезвил:

— Командир, вы здесь с неприятной миссией. Но я боюсь, что наши новости для вас еще хуже.

Ларрека подобрался на матрасе, сделал долгий глоток пива и сказал:

— Выкладывайте.

— Вчера пришли вести из Порт-Руа. Тарханна пала.

Ларрека был слишком хаэленцем, чтобы вскрикнуть или выругаться. Он лишь глубже затянулся табачным дымом и после паузы без всякой интонации произнес:

— Подробности?

— Не слишком много. Похоже, что туземцы — я хочу сказать, варвары, а не те немногие цивилизованные валенненцы, что там есть, — предприняли, очевидно, внезапное нападение, взяли город, выбив оттуда легион, а начальнику легионеров сказали, что это не набег и что они поставят в городе свой гарнизон.

— Плохо, — сказал Ларрека. — Плохо, плохо и еще раз плохо.

Джилл качнулась вперед и тронула его за гриву. Меж ее листьями прошмыгнули несколько селеков и тут же исчезли, занявшись тем, что и полагалось делать этим мелким энтомоидам — убирать мертвую листву и уничтожать вредителей.

— Для тебя это шок? — мягко спросила она.

— Да.

— Почему? Я так понимаю, что Тарханна — это главная... была главной самой внешней торговой факторией Союза в Валеннене, вверх по реке от Порт-Руа. Верно? Но какая еще у нее могла быть роль, кроме торговой? А ты же знал, что торговля все равно придет в упадок, когда приблизится Огненная пора.

— Она была еще и военной базой, — напомнил ей Ларрека. — Опорный пункт для защиты от грабителей, налетчиков, набегов. А теперь... — Он затянулся снова — ...это, пожалуй, самый дурной знак. Понимаешь, Зера сейчас в хорошей форме. Тарханна должна была быть в состоянии отбить любую атаку налетчиков, племен, банд всех тех бродяг, что мог выставить против нее тот конец континента. Или хотя бы продержаться до прихода подмоги из Порт-Руа. Но не смогла. И к тому же противник считает себя в состоянии удержать ее за собой. Значит, это войско. Не шайка налетчиков, а организованное войско. Может быть, даже конфедерация.

Ларрека с напором продолжал:

— Вы понимаете, что это значит? Это последнее подтверждение моих подозрений. Бандиты и пираты стали слишком наглыми, слишком удачливыми, и это уже не те, с которыми мы привыкли иметь дело. И с их стороны участились проявления военного искусства. А это... Это значит, что кто-то в конце концов занялся объединением варваров. Сейчас он в этом преуспел и теперь готов обрушить на нас результат. Выбросить Союз из Валеннена полностью. Но это для него только начало. Иначе быть не может. В прошлом Бродяга гнал отчаявшихся жителей на юг. Они натыкались на цивилизацию и раздирали ее в клочки. Теперь же, казалось, у цивилизации есть шанс уцелеть. Но кто-то объединил валенненцев в равную нам силу. И у него может быть только одна отдаленная цель — вторгнуться на юг, перебить нас, обратить в рабство, выбросить нас из нашей страны и завладеть руинами. Потому-то я и пустился в путь. Я должен сказать ассамблее, что мы не можем «временно» отойти из Валеннена. Мы должны держаться любой ценой, получить подкрепления, как минимум — второй легион. Но сначала я хотел спросить вас, что может нам дать Примавера. Это не ваша война. Но вы здесь, чтобы изучать Иштар. Если падет цивилизация, у вас мало останется на это времени.

Речь была длиннее всех им произнесенных, даже тех, что он обращал к легиону в торжественных случаях. Он нагнулся к своей кружке и трубке.

Голос Спарлинга заставил его обернуться.

— Ларрека, эти слова причиняют боль, как ожог третьей степени, но я не уверен, что мы сможем вам помочь. Видишь ли, на нас навалилась наша собственная война.

Глава 4

Все планеты из космоса красивы, но если на планете человек может дышать, это придает ей какое-то щемящее очарование. Пока флагман выходил на постоянную орбиту, Дежерин затуманившимися от слез глазами наблюдал за Иштар.

Ее голубой шар источал сияние: он перевивался белыми жгутами облаков и темными тенями континентов. Непохожесть на Землю придавала ей то очарование, которым обладает в глазах мужчин иностранка. У нее не было полярных шапок и облаков было меньше, зато больше было океанской поверхности. Коричневые полосы почвы не покрывала зелень, но они отливали всеми оттенками коричневого и охряного. Не висела рядом с ней огромная выщербленная луна, зато виднелись неподалеку два спутника поменьше. Он прищурился на одну из лун, и та вспыхнула, как искра от костра на фоне черного звездного неба.

И переливался свет. Большая часть его исходила от Бел — собственного солнца Иштар, чуть менее яркого, чем земное Солнце, но такого же желто-белого. Но так близко был Ану, что ходили в облаках розовые и кровавые блики, а моря отливали пурпуром.

Оба солнца были сейчас видны на защитном экране. Они казались примерно одного размера — оптический обман, связанный с расстоянием. Вокруг Бел сияла корона. У Ану не было четко выраженного диска. В середине его бурлили огромные, цвета раскаленного кирпича, пятна; они утончались и стирались к краям, переходя в языки пламенного тумана, которые напомнили Дежерину шупальца спрута.

Он перевел взгляд. Словно подыскивая Иштар компанию, он попытался отыскать и ее планеты-сестры, и ему показалось, что две из них он обнаружил. Ага, вот эта яркая звезда цвета рубина — это, наверное, и есть Эа, в шесть тысяч раз дальше, чем Бел. Она не напоминала о смертности, как Ану — карлику Эа предстояла невероятно долгая, хотя и очень спокойная жизнь.

И все же Дежерина поразило возникшее у него чувство обреченности. Блеск Иштар содержал в себе ужас неизбежной агонии. Юрий подумал об Элеаноре: как она была честна и как несчастна, когда сказала ему после двух лет, что больше не

может продолжать попытки и хочет развестись. Я тоже пытался, повторил он ей снова. Я в самом деле пытался.

Он встряхнулся. Командиру флотилии такие мысли не положены. Раздался голос из динамика:

— Вышли на орбиту, сэр. Все системы работают нормально.

— Вас понял, — автоматически ответил он. — Свободные от вахты могут отдыхать.

— Прикажете связаться с планетой, сэр? — спросил радист.

— Пока не надо. В этом полушарии ночь — в смысле настоящего солнца, конечно. Они привыкли к суткам длительностью восемнадцать с половиной часов и сейчас спят независимо от того, где стоит Ану. Невежливо было бы будить их руководителей. Подождем этак, — Дежерин прикинул вращение Иштар по земным часам, — до семи ноль-ноль. И сами пока отдохнем. Если до того будут сообщения, переключите на мою каюту. Если нет — вызывайте Примаверу в ноль семь.

— Слушаюсь, сэр. Другие приказания будут?

— Да нет, буду отдыхать. И вам советую, Хайнрих. У нас впереди много работы.

— Благодарю вас, сэр. Спокойной ночи.

Говоривший с сильным акцентом голос умолк. Дежерин требовал, чтобы команда говорила по-английски — на единственном распространенном на планете языке. (Была, конечно, и речь туземцев. Дон Конуэй использовал много слов, которые, как он объяснил, не принадлежали человеку.) Капитан, однако, подозревал, что в его отсутствие звучит и испанская, и китайская, и много еще какая речь.

Для него самого не существовало языковой проблемы. Он был с детства обучен говорить бегло на нескольких языках, а его жена была из Соединенных Штатов.

Он снова страхнул возвращающиеся воспоминания. Ее он любил когда-то, но после трех лет уже смешно было бы горевать. Было много других женщин, еще с отроческих лет. Интересно, будут ли они на Иштар.

Он снова стал смотреть на планету. Крейсер, двигаясь по орбите, оказался над цивилизованными районами. На противоположной стороне был один континент и бесчисленные острова, где жили немногочисленные иштарийцы, о которых земляне на сегодня знали мало. Тайн в этом мире было больше, чем можно было рассчитывать разгадать, несмотря на помощь туземцев.

Странно смотрелся свет Ану на местности, которая должна была бы быть покрыта ночной тьмой. Тусклое сияние окутывало

континенты, о которых ему довелось прочесть. Конуэй пытался ему объяснить, что значат их имена.

Хазлен, размером с Австралию, закрывал Южный полюс, протягивая полуостров, как руку, наружу за Полярный круг. Дальше — сеть архипелагов, видимая отсюда только как изменения узора облаков и течений, вела на север к Бероннену, очертаниями напоминавшему Индию, — сухой земле, протянувшейся от южного тропика до экватора. А дальше шли острова, некоторые из них вулканические — уж не отсветы ли извержений видны отсюда? — пока взгляд не упирался в Валеннен к северу от экватора. Как Сибирь, поставленная вертикально, он тянулся почти до Северного полюса. Кривизна планеты укрывала от Дежерина три четверти континента — неизведанная территория, родиной жизни на которой была не Иштар.

Он искал взглядом свои корабли, прибывшие на стационарную орбиту раньше, но не увидел ни одного. Это и не было удивительно: они распределились по орбите для безопасности и для обеспечения релейной связи. Он, как молитву, помнил наизусть их список: его флагман «Сьерра-Невада», рейнджер «Моше Перетц» — первый корабль, которым ему пришлось командовать, матка разведчиков «Изабелла», несущая десять шершней в своем чреве, ремонтник «Имхотеп», в чью задачу входили обслуживание и помощь. Да, далекий путь он прошел, далекий, образно говоря, в двух смыслах. То, что его послали сюда, далеко от театра военных действий, на самом деле было честью, знаком доверия.

Теперь, когда он был свободен от служебных обязанностей, мостик казался клеткой. Он поднялся и вышел, надеясь на то количество домашнего уюта, которое могла предоставить ему его каюта. На пустой палубе стук каблуков казался особенно громким. Он приказал все время перехода поддерживать гравитацию на 1,18 g. И он, и его люди должны были к прибытию на Иштар подготовиться к ее увеличенному, по сравнению с земным, тяготению. И лишние четырнадцать килограммов висели сейчас свинцом на икрах и плечах.

Ладно, немножко поспать — и все в порядке.

Но, сменив синий с высоким воротом китель и белые брюки на пижаму, он почувствовал, что его не тянет лечь на свое монашеское ложе. Он позволил себе рюмочку коньяку и закурил сигарету. Несколько минут он рассматривал личные вещи.

Фотография отца... Почему не матери? Они разошлись, когда ему, их единственному ребенку, было шесть лет, и она его воспитала. Он очень старался быть к ней внимательным, насколько это позволяла все более и более ответственная служба в

Органах охраны мира. Их жизнь была интересна — жизнь в разных столицах Европы, каникулы на других материках и на Луне, вечера, где именитые гости обсуждали новости, что завтра будут в газетных шапках... Но как-то, может быть, потому, что они редко друг друга видели, или потому, что он всегда был весел и приветлив, а его амбиции не заходили дальше возможностей просто наслаждаться жизнью, Пьер Дежерин стал близок своему сыну так, как это никогда не удавалось Марине Борисовой... Однако, конечно, это от нее он получил то, что позволило ему пройти Академию Навигации, хотя воспламенила его к этой мысли отца наследственность...

Приклебывая коньяк и затягиваясь сигарой, капитан стал листать взятую с полки книгу. Ее содержание вызвало у него улыбку. Если уж ему приходится быть важным и серьезным, как положено командиру, стоит извлечь из этой необходимости какую-то пользу и прочесть все, что ему следует прочесть об Иштар. Польза от этого будет — хотя бы в том, что скучное чтение поможет побороть бессонницу.

«...Вавилонской мифологии. Другие мифологии Земли были использованы для наименования планетных систем ближе к дому. Но система Анубелеи по случайности оказалась одной из первых, где побывали люди, когда после открытия принципа Маха был преодолен световой барьер и Диего Примавера предпринял свое дерзновенное путешествие.

Своей главной целью он ставил скопление NGC 6566 (M22) в созвездии Стрельца. Всего в трех килопарсеках, то есть сравнительно недалеко, находился другой объект, представляющий интерес для астрофизиков из-за малых размеров и большой плотности, и это было хорошим приложением сил для исследовательской группы вроде группы Примаверы. Приборы обнаружили изолированную звездную систему, которая в ту эпоху находилась между Солнцем и центром звездного скопления. На фоне его излучения эта система была скрыта от астрономов Земли и не обнаруживалась наблюдениями с орбиты. Соответственно предполагалось, что корабль Примаверы посетит ее по пути.

Но то, что он нашел, было гораздо интереснее, чем можно было рассчитывать — с биологической и психологической, то есть человеческой, точки зрения. Особенно если принимать во внимание, как недавно вышел в галактические просторы человек. Просто невероятно — так сразу найти мир, столь похожий на его родину и в то же время столь отличный от нее.

Вторую экспедицию Примавера организовал специально для исследования этих планет. Его отчет породил сенсацию.

Ученый-дилетант Уинстон П. Сандерс предложил вавилонские имена вместо цифровых обозначений, и предложение было вскоре принято.

А путешественники, как всегда, привезли множество диких сказок. Исследования Анубелеи множились на всех языках мира, пока наконец не была создана ассоциация научных и гуманистических институтов... Не только интерес к Иштар и Таммузу привел к созданию постоянной базы на первой из этих планет. Дело было в желании помочь местным жителям в преодолении тех кризисов, которые преследовали их сквозь всю их историю, хотя, разумеется, их эволюция...»

Риторика. Дежерин хотел чего-то более приземленного. Он пролистал книгу до той главы, которая, как в ней говорилось, была посвящена сухой фактографии.

«Сама по себе система не представляет собой ничего необыкновенного. Двойные и тройные звезды часто имеют различную массу и историю, а эксцентрические орбиты являются скорее правилом, чем исключением.

Возраст трех звезд Анубелеи приблизительно равен возрасту Солнца. Следовательно, Бел, звезда G2, могла прожить еще четыре или пять миллиардов лет с тем же уровнем излучения. Красный карлик Эа должен был прожить неизмеримо дольше. Но самая большая звезда, Ану, неизбежно состарится раньше. Она намного больше Бел, в 1,3 раза, что составляло массу 1,22 солнечной. В зените ее излучение не было настолько свирепым, чтобы помешать появлению белковой водной жизни и фотосинтезу, высвобождающему кислород. Но может быть — мы здесь абсолютно ничего не знаем, — увеличенная радиация подстегнула эволюцию. Как бы там ни было, мы знаем только, что около миллиарда лет назад на Таммузе (Ану III) появились разумные существа, создавшие технологическую цивилизацию.

К тому времени их солнце сожгло столько водорода, что не могло уже оставаться стабильным, и начало раздуваться. Оно стало превращаться в красного гиганта. Сейчас его светимость равна 280, если светимость Солнца принять за 1, и она медленно и неуклонно повышается.

Чтобы понять ситуацию на Иштар, примем за точку отсчета Бел, ее солнце, и будем считать, что Ану и Эа вокруг него вращаются. Их конфигурацию можно описать только математически (см. Приложение А). Схема с неподвижной звездой Бел геометрически верна, хотя в динамике не соответствует действительности.

На этой схеме Ану описывает вытянутый эллипс вокруг Бел. На максимальном расстоянии в 224 астрономические единицы она кажется чуть-чуть больше, чем главные светила звездного неба Иштар. Но в самой близкой точке она подходит к планете примерно на 40 астрономических единиц, от 39 до 41, в зависимости от положения Иштар. Период ее обращения по орбите равен 1049 земным годам. Это означает, что каждое тысячелетие красный гигант проходит мимо...

Орбита Эа больше и имеет больший эксцентриситет. Красный карлик всегда слишком далек от планеты, чтобы оказывать прямое действие, хотя он ощутимо присутствует во всех известных мифологиях Иштар. И у Эа есть единственная собственная планета юпитерианского типа...

В текущую эпоху — для практических целей ее удобно рассматривать как простирающуюся на миллион лет в прошлое и на миллион лет в будущее от настоящего момента — Ану, находясь в периастре относительно Бел, добавляет около 20% к получаемой Иштар радиации. Это соответствует повышению эффективной температуры абсолютно черного тела на 11°C .

Однако теоретические расчеты следует использовать с осторожностью. Планета, в особенности имеющая гидросферу и атмосферу, не является абсолютно черным телом. Так, например, повышение температуры приводит к образованию облаков, которые отражают большую часть радиации, нежели прежде, но в то же время из-за парообразования усиливается парниковый эффект. Кроме того, существует различная, но всегда значительная тепловая инерция различных регионов...

Поскольку прохождение периастра происходит быстро, время, в течение которого влияние Ану на Иштар существенно, оценивается довольно произвольно в одно столетие. По мере его приближения увеличиваются сначала лишь его яркость и видимый размер. На разогрев целой планеты нужно время. Штормы, ливни, засухи и тому подобные стихийные бедствия становятся все чаще и чаще по мере приближения Ану. Потом, когда красный гигант отступает, они продолжают усиливаться — подобно тому как и пик жары обычного года приходится на время после летнего солнцестояния и может держаться до осеннего равноденствия.

Так или иначе, но сейчас как раз то столетие, когда природа на Иштар бунтует.

Прецессия планеты невелика в связи с отсутствием больших лун. В прошедшую геологическую эру наклон оси вращения к плоскости орбиты приводил к тому, что главный удар периастра приходился на северное полушарие. Если это происходило

зимой, Ану проходил в 26 градусах от небесного Северного полюса, если летом — то в 28. Это означает, что на эти широты приходилась максимальная радиация. Их температура поднималась куда выше “теоретической”, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В другом полушарии в это время не видят Ану до тех пор, пока она не начнет стремительно удаляться. Хотя, что очевидно, проходящая звезда уменьшает полярные шапки на обоих полюсах, антарктический континент остается пустынным. Можно пожалеть о столь неразумном распределении энергии, но Вселенная никогда не проявляла тенденции к разумному поведению...»

Дежерин уронил книгу на ногу. Он проснулся, но только для того, чтобы перелечь в койку.

Глава 5

Тассурский гарнизон Тарханна не сдаст ее до тех пор, пока не высохнут листья на гривах солдат и пока не придется им сбрызнуть все растения со шкуры себе на прокорм — но и тогда, пока не упадут от слабости, они будут биться. Даже умирая от голода, они еще попытаются поднять пику или топор против рвущихся в ворота легионеров. Зная это, полк легиона Зера Победоносный зашел с севера со стенобитными орудиями: катапультами, баллистами, черепаками.

Ларрека бы приказал по-другому, злорадно подумал Арнанак. Он куда умнее.

Но Ларрека уехал за море на юг, а его заместитель Волуа был менее терпелив и хуже умел предугадывать контрманиевры противника. Арнанак надеялся, что легионеры попытаются быстро отбить город, и на этом строил свои планы. Когда его догадки и расчеты перешли в уверенность, он послал гонцов, заговорили барабаны в окрестных ущельях, и там, где не могли увидеть чужнялся к небу дым днем и запылала сигнальные костры ноч

Во дураком не был. Но за двести или триста лет службы его мысли привыкли двигаться по стандартным, накатанным колеям, и этим он отличался от Ларреки с его широким кругозором и быстрым соображением. Ведя по дороге свое войско, он широко раскинул сеть дозорных по обе стороны от Эзали. Тассуры ничего не могли противопоставить этим силам — отборным и тренированным, обученным передвигаться неслышно, читать карту и компас, снабженным биноклями и портативными гелиографами, даже волшебными ящичками с голосом из

мира людей у старших офицеров. Дозорные не просто не давали врагу напасть на свои главные силы неожиданно — они еще обнаруживали и убивали разведчиков противника, оставляя врагов в полном неведении относительно своих передвижений.

По крайней мере, так было до сих пор. Арнанак нашел новый подход.

Его дауров, маленьких и далеко рассеянных, не просто было увидеть, а увидев, их принимали за животных. Если же увидевший их легионер знал предания тассуров, он, скорее всего, подумал бы: «Святое Солнце, оказывается, это правда! Значит, есть призраки в Старкленде, что иногда спускаются к нам сюда... ведь говорится же в легендах, что они раз в тысячу лет приходят как предвестники разрушения».

Арнанак не очень твердо знал их журчащий и свистящий язык. Не мог он и заставить их передвигаться с той же скоростью, что и разведчики легиона. Но то, что он хотел знать, они ему сообщали. Он знал численность и состав войск из Порт-Руа, он знал их ежедневное местонахождение и путь и на этом знания построил свой план боя.

Он стоял, ожидая сигнала к битве. Рядом с ним стоял Кусарат, оверлинг Секрусу. Новость о падении Тарханны подвигла к действию этого могучего, но до тех пор колебавшегося вождя, и недавно он прибыл с тремя сотнями вооруженных вассалов. Арнанак желал, чтобы их предводителю были возданы все почести, как если бы тот был ему равен. Хорошо понимал оверлинг из Улу, что годы и годы пройдут, пока все племена согласятся назвать его истинным хозяином Южного Валеннена.

— И что же ты сделал? — спросил Кусарат.

— Половину своих сил я повел вниз по холмам, как если бы мы блуждали вслепую в поисках драки или грабежа, — ответил Арнанак. — Как я и ждал, легионеры ударили через открытое поле, надеясь ошеломить нас внезапностью и превосходящей силой, опрокинуть и уничтожить. Мы, готовые к этому, стали отступать в лучшем порядке, чем им казалось, заманивая их в глубь страны. Тем временем здесь собралась вторая половина наших сил, до того рассеянная.

— А как же они укрылись от этих, как их ни назови, разведчиков? Ведь тех же много должно было быть выслано вперед.

— Верно. Но дауры помогли нашим узнать, где эти разведчики и куда идут. Потому-то мы от них и уходили.

— Дауры! — передернулся Кусарат и сделал знак, отвергающий нечистую силу.

— До меня недавно дошла новая весть, — продолжал Арнанак, как бы не заметив жеста собеседника. — Противник

оставил немного солдат на охрану своих стенобитных машин на дороге. Они понятия не имеют, что я через дауров дал знать об этом воинам в Тарханну. Наши парни напали и сняли охрану. Сейчас эти машины тащат в город.

Отвращения Кусарата как не бывало. Мечом он ударил в щит и заревел от восторга.

— Спокойнее, о друг мой, если ты в силах, — сказал Арна-нак. — Не надо, чтобы Зера знал, что мы не прижаты к стенке и не отчаялись до конца.

Из закрывавших их густых зарослей лиа он осторожно выглянул вниз вдоль сухого обрыва. Там шагали войска противника, численностью до двух тысяч. По этому дефиле идти было, несмотря на каменные глыбы, легче, чем по его краям, где земля поросла колючкой. Этот путь преследуемые валенненцы выбрали сами. Воуа вел отряд между стенами каньона и вдоль него: простой здравый смысл. Но в такой местности он не мог полностью использовать своих разведчиков. Он не мог знать, какие силы собрались впереди и позади него. Огрызаясь на склонах, завязывая арьергардные бои в ущелье, тассуры не давали ему заглянуть вперед и не давали времени проверить те места, где он уже прошел.

Ветер становился невыносимо горячим. Стебли вокруг Арнана-ка потрескивали в его дуновениях. Пахло горелой древесиной. Красное и желтое солнца рождали тени разной длины и цвета, придавая всему ландшафту таинственный и странный вид. Там и сям торчали желтые обломки стеблей, потрескавшаяся почва переходила в откосы и кручи, кончавшиеся обрывистым утесом. Далеко в небе, скорее медном, чем голубом, парил птероид-стервятник.

Над миром стояли Истинное и Дьявольское солнца, и казалось, что первое заразилось гневом второго. Чем ближе подступало лето к Валеннену, тем сильнее пылало алым желто-белое светило. Они опустошали землю, как молоты.

Даже здесь, в клочке тени, и то уже тяжело, подумал Арна-нак. А скоро придется трубить к атаке и ринуться в эту печь.

Ну что ж, он в своем снаряжении легионера экипирован лучше, чем те, кто следуют за ним. Тассурские кузнецы не в силах были повторить такое, хотя неуклюжие попытки делались. Большинство варваров из брони имели только щит, да и то не у всех он был. У самых богатых бывала еще кольчуга для торса и тела. Но попона, которую надо было под нее надевать, мешала коже дышать или поглощать солнечный свет. Поэтому ее владелец начинал тяжело дышать, кровь у него разогревалась, и он должен был снять кольчугу и отдохнуть, чтобы не

потерять сознание. И потому даже те, кто мог себе позволить такие доспехи иметь, предпочитали носить только шлем и кирасу. Но шлем северной работы — зачастую просто забрало, сведенное вверху на конус. При надевании он ломал листья гривы.

У Арнанак на голове был круглый стальной шлем, опирающийся на плечевые доспехи, к которым был прикреплен нагрудник из кожи и металла. Обручи от него проходили вокруг спины от шеи до горба, частично защищая гриву, но оставляя свободу движений. Нагрудная пластина не прилегала плотно, и ее контактные площадки распределяли мощь полученных ударов так, чтобы они принимались всем телом. Подбитые железом рукавицы и стальные накладки оставляли доступ воздуха к конечностям, верхняя часть которых была закрыта усиленными кожаными ремнями. Все доспехи были выкрашены белой краской.

Все, кроме продолговатого щита на левой руке. Его сталь была отполирована до блеска, ослепляющего глаза врага. В середине торчал заостренный штырь, верхний и нижний края были заточены для нанесения ударов под подбородок и по ногам. Под правую руку, так, чтобы удобно было взять, подвешивались меч, топор и кинжал.

Мало было просто купить такое снаряжение. Чтобы им пользоваться, мужчина должен был пройти хорошую тренировку — такую, как у легионера: Арнанак прослужил восемь лет в Скородах Тамбуру, да и потом у него было много случаев попрактиковаться.

Колонна была уже в полукилометре от него. Он решил, что его час настал. Подняв к губам горн, он протрубил боевой сигнал, рванулся из укрытия и устремился вниз по склону.

Под его котурнами трещали, скрипели и перекачивались камни. Давила жара, дрожал солнечный свет, вспыхивал внизу металл. Он почувствовал, как бьются и сокращаются мускулы, со свистом рвется воздух через ноздрю, как рвутся сердца и как впрыскивают стрессовый сок в его кровь растения гривы и шкуры, так что во рту становится сладко. Слева летел Кусарат, а дальше, за его зеленым знаменем, неслись мужчины Секурсу. Справа мчался Торнак, его собственный сын, с эмблемой Улу — воздетым на шест рогатым черепом азара из Северного Беронена. За ним бежали мужчины его народа.

И отовсюду, как мог заметить Арнанак среди слепивших его вспышек металла, отовсюду мчались другие отряды, волна воинов, хлынувшая на солдат Союза. Не останавливаясь, смяли они внешнее охранение легионеров, втоптали его в землю и обрушились на колонну.

Зазвучали трубы и барабаны, солдаты встали теснее. В воздухе стало темно от стрел, дротиков и камней из пращей. Арна-нак видел, как один из его воинов с криком упал, и жадная почва тут же впитала кровь из его жил.

— Вперед, вперед! — проорал Арнанак. — Даешь рукопашную! В мечи, в топоры их! За вашу жизнь и ваши семьи — Огненная пора грядет!

После битвы все устали, и большинство страдало от ран. Воины не желали ничего другого, как только лечь, где стояли, и избавиться от боли. Но оставалась еще работа. Раны надо было перевязать, некоторые — зашить, остановить кровь. Смертельно раненым следовало перерезать горло — тем, кто был не в силах сделать это сам. Пленных врагов надо было связать для увода в рабство — если Союз не заплатит за них хороший выкуп. И хотя рядом был колодец, Арнанак приказал разбить лагерь возле следующего — это еще часовой марш.

На недовольное ворчание он ответил:

— Те, с кем мы сегодня бились, лежащие сраженными, были хорошо. Если мы здесь останемся, пожиратели падали не осмелятся подойти, и души павших освободятся не скоро. Мы можем им помочь. Благородные поступки приносят удачу.

Глаза Волуа закрыл сам Арнанак.

Войско нагрузилось само и нагрузило пленников захваченными у врага трофеями и собственными погибшими. Домой их нести не собирались — слишком дальний переход. Но не так уж трудно им будет промучиться в погибшей плоти день-другой, пока эта плоть не будет сварена и съедена в Тарханне. Последняя услуга боевому товарищу была и благородным освобождением его души для путешествия в загробный мир, и пиром для его семьи. А кости его, конечно же, отнесут назад, домой, чтобы с их помощью вызывать вещи сны, прежде чем они навеки упокоятся в дольменах.

Честно говоря, Арнанак не разделял этой веры. На службе Союзу он был посвящен в таинства Триады. В них он находил больше смысла, чем в примитивных верованиях своего народа. Но об этом он не распространялся и, став оверлингом, проводил обряды жертвоприношения и сделал сегодня то, что сделал, ибо это способствовало прославлению его имени.

Солнце уже почти ушло вслед за Бродягой за холмы — или Истинное Солнце почти ушло за Пришельцем, — когда они достигли источника, который искали. Он был окружен кольцом потрескавшейся, пересохшей грязи, но низкие заросли желто-

коричневой лиа и приземистые деревья ена образовывали скромный оазис. Там и сям виднелись голубые побеги, признаки проникновения старклендской жизни. Предания, дошедшие от переживших Огненную пору предков, говорили, что растения этого рода легче приживаются, чем растения смертного мира, они проникают повсюду, и появляются твари, что ими кормятся, а за ними приходят дауры. И вот так опустевшие, выжженные, выметенные бурями земли становятся обитаемыми.

Потом, когда уходит Мародер, уходят и голубые растения, и животные, что ими питаются — кроме тех, что, как феникс, всегда процветают в Южном Валеннене, и можно снова зачинать детей в надежде, что они вырастут.

Арнанак велел привязать пленников на лучшем пастбище оазиса. Другой еды не было. Все сушеное мясо или плоды, что каждый брал с собой, давно были съедены, и разве оставались у кого-нибудь силы для охоты за дичью? Но он и его воины, имея свободу, могли что-нибудь найти в долине.

Пока они паслись, наступила ночь. В годы, окружающие Огненную пору, странным кажется, что весной каждая ночь длиннее предыдущей, потому что Красный идет по небу так, чтобы догнать Истинное Солнце где-то в середине лета.

Над затененными кручами и обрывами переливались, мерцая, звезды, светился Мост Призраков, сиял нерешительный свет Нарву. Воздух не остывал, но дыхание бриза поглаживало, как ласковая рука. Наконец победители могли вкусить отдых. Арнанак слышал вздохи, исходящие от устраивающихся на покой тяжелых тел, только угадываемых в темноте, когда один за другим мужчины ложились с глухим стуком, положив подбородок на скрещенные передние ноги. Сам он сидел у небольшого костра. Сбоку от него лежали Торнак и еще трое сыновей. Кусарат из Секурсу спросил, можно ли к ним присоединиться.

— Если ты не намерен спать, — вежливо добавил он.

— О нет, я предпочел бы отдохнуть, бодрствуя, — ответил Арнанак.

— Я также. Мысли мои в беспорядке. Если бы задремал сейчас, мне не сделать хорошего сна.

— Воу? Ты знаешь искусство сновидцев? Не ведал я того.

— Ничего я не умею такого, о чем стоило бы говорить, — признался Кусарат. — Но я умею сделать сон приятным... или полезным.

Арнанак кивнул:

— Вот и я так же.

— И я, — сказал Торнак. Он засмеялся. — Хотел бы я сегодня снов о пиве и женщинах — не в Тарханне, и не в доме

отца моего, а в Порт-Руа, когда мы его возьмем — это будет здорово! Или даже в Сехале.

— Не слишком увлекайся, — предупредил его Арнанак. — Завоевание только началось и продлится долго; мы еще можем не дожить до его конца.

— Тем больше смысла помечтать сейчас, — сказал сводный брат Торнака Игини. Отец сделал им знак замолчать. Молоды они были и еще не обладали достаточно хорошими манерами. Двое других были постарше, трезвые женатые мужчины, но ни один из них еще не перешагнул свои первые шестьдесят четыре года, а потому власть Арнанака распространялась и на них.

Он хотел, чтобы к Кусарату проявляли уважение. Хотя по-хоже, что он беспокоился зря, потому что Кусарат спросил:

— Это все твои парнишки, Арнанак? — и получив утвердительный ответ, добавил: — Тогда, наверное, остальные у тебя где-то далеко — те, что уже выросли. Потому что я слышал, что зачал ты их много, и от стольких женщин, сколько мало кто из нас имел.

Арнанак не стал отказываться. Кроме нескольких супругов, полученных в результате браков по расчету, и ряда наложниц, он наверняка оплодотворил многих жен, которых ему одалживали во время странствий. Мужьям было приятно оказать ему гостеприимство в надежде на появление в доме детей хорошей породы. У него была не только слава и сила — был еще и он сам, большой, с мягкой походкой, и на черном лице глаза были настолько же зелены, насколько зубы белы, а самые страшные раны, полученные им в своей бурной жизни, зажили, не оставив шрамов.

Он ответил совершенно серьезно:

— Да. Одни сейчас в морских набегах, другие несут послания от меня по суше. Но большинство дома и делают то, что я им приказал. Я никогда не забываю, на каком узком краю мы живем — пока не завоевали себе новые дома в лучших странах. И даже такая победа, как сегодня, значит меньше, чем сбор еды и тех товаров, что мы можем продать.

— Нг-нг-нг... ты говоришь, как житель Союза, — пробормотал Кусарат.

— А я был им. С тех пор как я имел с жителями Союза дело в Валеннене, я наблюдал за ними, я их слушал, я старался научиться. Как ты думаешь, почему они установили свою власть над всем миром, который мы знаем? Конечно, они больше нас умеют, их страна богаче, их там больше, все это правда. Но главное — и в это я верю — главное то, что они умеют рассчитывать наперед.

— И ты хочешь нас сделать такими же? — настороженно спросил Кусарат.

— В той мере, в какой мы сможем стать такими и в какой мы от этого выиграем, — ответил Арнанак.

Кусарат какое-то время смотрел на него, освещаемого вспышками неровного пламени, и, помолчав, сказал:

— И еще ты водишься с даурами... и кто знает с какой еще чертовщиной?

— Мне часто задавали этот вопрос, — сказал Арнанак. — Лучший ответ, который у меня есть, — это правда.

Кусарат поднял уши и махнул хвостом:

— Я тебя слушаю.

— Впервые я встретил их, *киаи-аи*, может быть, пару сотен лет тому назад, когда я был юнцом, только что из щенячества, и Факелоносец еще не потревожил мир. Хотя он был так ярок, что ночью отбрасывал тень от предметов, и мы знали, что он идет к нам. Но молодые не боятся далекого завтра, а старым нет смысла о нем думать. Мы хорошо жили в те дни — ты помнишь?

— Мои родители жили в Эвисакуке, где Мекусак был оверлингом. Мой отец был полностью свободным хозяином, а не вассалом. Дом наш стоял на горе Клык, и близких соседей не было. Мои родители считали, что меня зачал Мекусак в тот раз, когда укрылся у них от непогоды. Потому что я рос таким же большим, как он, и таким же вспыльчивым, и так же не любил ковыряться в земле. У нас был нищенский клочок земли, где росли несколько травинок. А главным занятием отца и нас, парней, была охота. Когда он нас посылал одних, я, бывало, уходил на много дней, а потом приходил и врал про долгое неудачное преследование. Они мне не очень верили, потому что по совместным охотам знали, на что я способен.

Так год от года я отдалялся от семьи, и на меня все больше ворчали. И однажды я, бродя сам по себе на западных склонах гор, так высоко, что видел, как блестит вдаль океан, нашел там даура. До того я видал их иногда мельком. К нам они не так редко заходят, как в другие места Южного Валеннена. Может быть, потому, что у нас глушь с редким населением, может быть, потому, что здесь больше тех растений, которыми они кормятся, а нам не годятся. А может быть, наша земля зачарована. Кто ведает? Я и по сей день не знаю.

Так или иначе, передо мной оказалось это сверхъестественное существо. Его придавило накануне поваленным бурей деревом. Он уже еле двигался, и под кожей ходили волны, а сама кожа из пурпурной стала белой под беспощадным полуденным солнцем. А лепестки на ветке — на той ветке, где должна бы

расти голова, — сжимались и разжимались, как будто задыхаясь, воздух ловили, и усики под ними корчились. Из живота смотрели три глаза, черные, как дыры. И дыра тоже там была, пробитая острым обломком ветви, и из нее сочилась сукровица.

В первое мгновение я хотел убежать, а во второе — убить. Однако я сдержался. И меня осенила мысль: мы их боимся, а иногда ненавидим, потому что не знаем их. Не потому, что в них зло — есть рассказы о том, как они приносили нам вред, но эти рассказы могут быть ложью. И есть рассказы о том, как они помогали смертным, и эти рассказы могут быть правдой. Не заманчиво ли свести дружбу с дауром? Я сбросил с него дерево — для меня оно было легким, отнес его в пещеру неподалеку, почистил и перевязал его рану, как только мог, и сделал ему постель из лиа. Несколько последующих дней я носил ему воду и еду, которую он ел.

Я говорю «он», но это могла быть и «она», и «оно», и вообще Бог знает что. И я даже не знаю, стали ли мы друзьями так, как дружат смертные. Кто может знать, о чем думает даур в глубине своего чрева или лепестков, или где там у них душа помещается, если она вообще у них есть? Я только знаю, что мы перестали друг друга дичиться и стали чуть-чуть разговаривать. Мне было трудно овладеть его журчанием и писком, а он нашу речь совсем не мог изобразить. Но мы как-то поняли значение отдельных жестов и звуков.

Когда он выздоровел, он не подарил мне ни сокровищ, ни волшебной силы, на что я надеялся. Он только дал мне понять, что просит меня возвращаться, когда я только захочу. Домой я вернулся в задумчивости.

Конечно, я никому ничего не рассказал. Возвращался я часто. И меня обычно никто не встречал, но иногда я бродил с целыми компаниями этих существ. Металлов они не знали, но давали мне каменные инструменты, не подходящие для моих рук ни по форме, ни по размеру, но для них очень удобные, а может быть — приносящие удачу. А я водил их вокруг — помнишь, они же там не жили, они приходили с Пустынных холмов и вдоль Стены Мира ненадолго — и я помогал им ловить мелкую дичь, которой бы мне не прокормиться, и отдавал им кости от своей добычи, из которых они делали свои инструменты. Может быть, это и было одной из их целей. В Старкленде, как я потом узнал, все животные — карлики.

Тем временем я начал ухаживать за одной женщиной и, похваляясь, рассказал ей о своих товарищах-даурах. Она оказалась не такой храброй, как я думал, и убежала от меня в страхе. Вскоре меня нашли два ее брата и обвинили в попытках

навести на нее чары. Гнев родил гнев, и они легли замертво. Родители с обеих сторон быстро уладили ссору, прежде чем она успела перерасти в кровную месть.

С тех пор я понял, почему отцы имеют такую власть над своими сынами и внуками, а матери — над дочерьми и внучками до шестидесяти четырех лет. Тут дело не в «воспитании», не в «правах», не в слове богов, а просто потому, что, если бы этого не было, слишком много погибало бы молодых. Но как бы там ни было, а мой отец решил, что правильно будет дать мне разрешение уйти. И я отбыл в радостной надежде.

Последующие сто лет или около того мне было что делать, кроме как шататься с даурами по горе Клык. Я был охотником и носил продавать шкуры в Тарханну.

Когда я услышал, что за древесину феникса чужеземцы платят лучше, я стал лесорубом. Мы гоняли плоты в Порт-Руа, и я узнал этот город. От того, что говорили в нем о землях за Южным морем солдаты, матросы и купцы, я загорелся и ушел в море сам.

Я начал с пиратства. Но в те дни это не было доходным ремеслом. Мы боялись нападать на те острова, где был пост легионеров, а таких было большинство. И скоро я уже был палубным матросом на торговом корабле из Сехалы. И долго я скитался по землям Союза, берясь за любую работу, пока не вступил в легион. Мне там понравилось, но когда кончилась моя оклада, я там не остался, потому что к тому времени я задумался. И вместо того я отправился прямо в Сехалу, и жил там на то, что скопил, и читал книги.

Да, я научился читать, и в этом нет волшебства, что бы тебе там ни говорили. Я читал и слушал слова мудрецов.

Ты поймешь: год за годом становился ярче Поджигатель, и росло волнение в Сехале. В такие годы погибали цивилизации — в наводнениях, бурях, голодоморах, катастрофах и нашествиях дикарей из еще более опустошенных стран. Но у них, в Сехале, была надежда. В последние два цикла легионерам удалось что-то спасти, и во второй раз больше, чем в первый.

Да, да, вот настолько стары легионы, в том числе и Зера. Они пережили народы и дали возможность новым народам вырасти быстрее. А к тому же сейчас пришли люди — эти чужаки, о которых ты, наверное, слышал всякие слухи...

Да, я встречал и людей, хотя и не говорил с ними. Но это в другой раз, Кусарат. Ты же спрашивал меня про дауров.

По летописям легионеров выходило, что Злая звезда пройдет прямо над Валенненом. В прошлом, говорилось там, валенненцы — наши предшественники не называли себя тассурами —

в основном вымерли. Остались неясные обрывки сказаний о том, что северяне в прошлые века, когда еще не было легионов, захватили Огненное море и частично — Бероннен. Их имена не сохранились, их потомки стали частью теперешней цивилизации, но они выжили в Огненную пору. Выжили!

И я думал: если Союз сохранит свою мощь, то такого вторжения уже не будет, и большая часть моего народа вымрет. Мне это не было безразлично. Наши ссоры — это ссоры любящих. И я думал: но ведь Союз будет очень ослаблен. Если Валеннен усилится, объединится под умелым руководством — ты понимаешь?

И я так решил. Да, я хочу быть тем, кто определит, как пойдет весь следующий цикл. Я хочу, чтобы ко мне, а не в Сехалу пришли люди и *со мной* имели дело. И когда я умру, останется обо мне память, и мой череп станет оракулом до следующей Огненной поры и после нее. Это всего лишь плата солдату за спасение народа.

И я вернулся домой. Остальное ты слышал: как я расчищал новые земли в Улу, как я создал богатство и власть, торгуя с Союзом и занимая его место там, откуда он уходил, как приходили ко мне захудалые семьи, которые знали худшие годы, и давали мне клятву верности за земли и защиту, и я учил их, как сражаться не только руками, но и головой. И они стали плотью моей силы.

Но нужен еще и дух. Кусарат, я скажу откровенно, я ловил слова о тебе, потому что ты — могучий оверлинг. И я могу с тобой говорить открыто, а не так, как с другими. Ты не обитель глуши, что повторяет все сказки старых баб о боггах.

Я знаю, что наших недалеких и ограниченных тассуров не сбить в кучу одной только силой, даже чтобы спасти самые их жизни — нужно еще что-то — другое: такое, что сплавит их в единый слиток, из которого я смогу выковать меч.

И я снова стал искать моих дауров. Долго и упорно пришлось мне искать. Хотя они даже и чаще теперь выходят в царство смертных, и в большем числе, когда приближается Родитель Бурь. Их Старкленд пересыхает даже еще сильнее, чем наши земли, а когда жара убивает наш вид жизни, их вид продвигается в наши края, чтобы дать им жизнь.

Но в конце концов, неважно как, я нашел даура. Мы поговорили, как смогли. Потом я встретил еще дауров, и мы поговорили еще. Я не знаю, был ли среди них тот, кого я спас, я даже историй об этом не слышал. Хотел узнать, но не вышло. Я плохо знаю их речь и их пути и смог только сказать, что раньше я дружил с такими, как они. Я очень старался к этому что-нибудь

добавить, потому что в Огненную пору не только смертные ищут себе союзников. Они нас остерегаются.

И если опять быть откровенным, то слишком тесная дружба может заставить моих последователей не остерегаться их, когда нужно. Мне нужен был *сигил*, Дар, который был бы знаком их расположения, их же самих следовало держать подальше от тассуров. Но я никак не мог им этого объяснить — настолько они от нас отличны. А если они меня и поняли, то могли не понять, что для этого нужно. Я ведь, в конце концов, и сам понятия не имел, что это может быть. Амулет из кости или камня не годился — я ведь мог его и сам сделать.

И тогда они взяли меня с собой в свои земли.

Ты слышал, что я уходил. Ты мог слышать, что я пришел назад — кожа да кости — и годами восстанавливал здоровье. Но ты не мог слышать, что было там. Три года я просто готовился.

Сначала дауры взяли еду для меня и устроили склады на всем пути. В Старкленде она не сгниет и звери ее не съедят. И все же я почти голодал. Они заготовили очень мало, даур ведь не может много нести, а я не предвидел, насколько сурова их страна. А еще ближе я был к смерти от жажды. На севере не пустыня, по крайней мере так было, пока не вернулся Красный. Но там сухо, тамошней жизни нужно меньше воды, чем нашей, и это мы тоже не предусмотрели.

Наконец мы вышли к каким-то руинам. Я шел там ощупью, полубезумный, пока один даур не показал мне Дар, наполненный неизвестными звездами. Я схватил его и направил мои стопы прочь от земли, что ненавидела и жгла их. Как-то им удалось меня вытащить. С тех пор мы с даурами сошлись ближе. У нас есть тайны, которые я не имею права выдавать. Но их намерения добры и мои по отношению к ним — тоже. Моим друзьям они помогут, моим врагам будут вредить. И хватит на сегодня речей. Я сказал, а ты понял.

Позже, погружаясь уже в дрему, Арнанак подумал: «Хватит речей — для него. Люди хорошо заплатят, чтобы услышать больше. То, что я смогу им рассказать о даурах, может принести хороший барыш — их отступничество от Союза».

Глава 6

Уже несколько часов как Ану зашла за горизонт, и Бел тоже стоял низко. Желтые лучи подсвечивали деревья на Кемпбелл-стрит. Проходя через красную листву, они бросали на землю

коралловый отблеск. Прохладный воздух нес осенние запахи из-за реки. На тротуаре играли дети, и до ушей Иена Спарлинг доносились их выкрики. Вокруг них ездил велосипедист. Больше никого не было видно. Лаборатории и заводы, окруженные садами, уже закрылись, работники разошлись по домам, кроме тех немногих, что сгрудились возле дома мэра, ожидая появления землянина и надеясь услышать свежие новости.

Первое совещание фактически закончилось. Хэншоу пригласили его участников остаться на обед. Спарлинг отговорился тем, что его жена сегодня приготовила что-то особенное и ждет его домой. Хэншоу, как он подозревал, догадались, что это неправда, но ему было все равно. Выйдя по боковой аллее и в обход дома, он избежал расспросов толпы.

Держа в зубах погасшую трубку и сжимая в карманах кулаки, он мерил путь широкими шагами, не обращая внимания на все вокруг. Он остановился, только когда чьи-то пальцы сомкнулись на его руке и встряхнули. И тогда он увидел Джилл Конуэй. Он остановился. Кровь побежала быстрее и зашумела в ушах.

— Эй, — сказала она, — что за спешка? Ты несешься, как дьявол за душой мытаря.

Ее голос выдавал радость от встречи. Но через секунду она сочувственно спросила:

— Что, плохо?

— Да мне бы не надо... — он чуть не выронил трубку, подхватил ее, сглотнул и спросил: — А что ты здесь делаешь?

— Тебя жду.

Он засмотрелся на ее тонкую фигуру. В почти горизонтальном уже свете волосы Джилл вспыхнули золотом.

— Да? Это зачем? — «Нет, конечно, она меня не ждала. Просто случайно заговорила». Спарлинг взял себя в руки. — Как ты узнала, где и когда?

— Попросила Ольгу Хэншоу позвонить мне, как только закончится официальное обсуждение. Ей никто этого не запрещал, а она считает, что мне кое-чем обязана.

Джилл спасла их ребенка, когда он тонул пару лет назад. Впервые Спарлинг услышал о том, что Джилл попросила об ответной услуге.

— Пожалуйста, Иен, не будем про это.

— Не будем, — сразу же согласился он. И подумал: ведь Бог специально просил сохранять конфиденциальность, пока он думает, как известить Примаверу... и весь Союз. И потом... ладно, то, что я скажу Джилл, дальше не пойдет. Если уж кому-то на этой планете можно верить, так это ей. Её надо было пригласить.

сильно на это совещание. Хотя это вызвало бы у меня ревность и помешало бы... или вдохновило бы... Хватит этой ерунды, старый ты идиот!

— А насчет того, где ждать, — продолжала Джилл, — так я же тебя знаю. По Кемпбелл-стрит на Риверсайд — и домой. Верно?

Он попытался улыбнуться:

— Я настолько прозрачен?

— Нет. — Она внимательно смотрела на его худое лицо. — Нет, ты очень скрытный человек. Однако был шанс, что ты уйдешь раньше, потому что ты никогда не придавал значения всем этим вежливостям. И ты выбрал бы такой путь, чтобы избежать людей. Сейчас такой путь здесь. Примавера, в конце концов, не лабиринт. — В голосе послышалась ирония: — Вы знаете мой метод, Ватсон. Воспользуйтесь им!

Он мог только хмыкнуть и покачать головой.

— Да расстегни ты воротничок, — предложила Джилл. — Ты больше не должен своей серьезностью производить впечатление на Космофлот. Кроме того, этот твой вихор здорово портит весь эффект.

— Ладно.

Он так и сделал, она взяла его под руку, и они пошли тем свободным широким шагом, которым оба любили ходить.

— Что случилось? — спросила она чуть погодя.

— Я бы не должен...

— Да, конечно, конечно. Но ты ведь не давал подписку о неразглашении? Я тебе могу обещать, если хочешь, что ничего из этого дальше не пойдет. — Она сделала паузу, и было слышно, как стучат шаги, и он чувствовал ее прикосновение. Когда она снова заговорила, ее голос был мягче. — Иен, я понимаю, что прошу некоторой привилегии. Но у меня брат в Космофлоте. А Ларрека всегда мне был вторым отцом. И этой ночью, он ведь остановился у меня... Труднее всего было выдерживать, когда он заставлял себя шутить, рассказывать анекдоты и вообще всячески меня развлекать. А мне хотелось плакать. Но он понял бы, что это значит, а дочь солдата не должна показывать горя.

— Традиция легионеров, — сказал он, не найдя других слов. — Иначе это вредно сказалось бы на боевом духе. У нас, людей, по-другому.

— Не очень по-другому. И если бы я знала — чем скорее бы я узнала, как обстоят дела, тем раньше я могла бы начать думать о какой-то реальной помощи, а не сидеть сложа руки и заниматься самоедством.

Он посмотрел на нее, и ему не пришлось опускать глаза так далеко вниз, как обычно мужчине его роста при взгляде на женщину. Ее голубые глаза были спокойны, но она больше не улыбалась, а в горизонтальных лучах солнца у нее на ресницах что-то блеснуло.

— Будь по-твоему. Хотя то, что ты услышишь, тебе не понравится.

— Я этого и не жду. Ну ты и баклан!

Это слово означало что-то вроде «старый кавалерист» и подразумевало что-то доброе, сильное и надежное. Она выпустила его локоть и взяла за руку. Ему захотелось пожать ее руку в ответ. Нельзя, совершенно не следует давать ей понять, как все это для него важно. Но ведь держать ее за руку ему можно?

Они дошли до вертолетной площадки и свернули на север на Риверсайд — дорогу, что отходила от левого берега Джайина. Справа от них деревья закрывали собой город — длинная шеренга мощных мечелистов, защищавших участок земной растительности от бешеных смерчей с запада. Напротив них, что-то лепеча и отсвечивая в лучах заката, неся широкий поток. Рябили в нем коряги и перекаты, показывался на отмели рыбащер, отливая серебром, мелькали бриллиантовыми ракетками мошки всех цветов. На дальнем берегу простиралось обычное пастбище этой планеты — охряный дерн из лиа и рассеянные там и сям меднокронные деревья. Не очень далеко паслось стадо овасов и отдельно от них — шестиногие коровы. Хорошо бы Констебль написал такой пейзаж, подумал Спарлинг.

Здесь воздух был прохладен, тих и влажно дышал сложным букетом ароматов. На западе, под заходящим солнцем Бел, горели оранжевым облака. А все остальное небо было так чисто, что словами не передать. Призрачно мерцающая Целестия склонялась к востоку. Под ней, так высоко, что, казалось, у него нет тела, только крылья, парил сару. Он не спускался за ибуру, что летали ниже, может быть, он ждал добычи полегче, чем этот большой бронзовокрылый птероид. Маленький кантор в серых перышках вел, сидя на кусте, свою осеннюю песню.

Спарлинг вспомнил, что продолжение работы своего учителя, старого Джима Хасимото, о различных функциях пения кантора и близких к нему видов было одной из первых ее серьезных исследовательских работ, и как она кричала от восторга, когда подтвердилась ее основопотрясающая гипотеза. Не тогда ли он впервые... нет, наверное, не тогда. Она тогда была еще голенастым подростком, на шесть или семь лет старше его дочери, просто одна из троих детей Конуэев. С тех пор Алиса вышла

замуж за Билла Филлипса, а Дональд вслед за Бекки отправился в колледж на Землю, пока не попал в Космофлот...

— Мы скоро придем к тебе домой, Иен, — предупредила Джилл, — если ты не остановишься поговорить.

— Ладно, давай с этим закончим. Как бы там ни было, рассказывать не очень много есть чего.

— Корабли, наверное, почты не привезли?

— Нет. По крайней мере, никто об этом не упомянул. Их начальник, капитан Дежерин, обещал обеспечить регулярную связь. Если не будет других средств, его посыльные суда перевезут и гражданскую почту.

— А зачем они здесь?

— Это было сказано вчера, сразу же после первого контакта. Защитить нас от возможного вторжения наксанцев.

— Я бы сказала, что это смешно. А по-твоему? Смешно, как вся эта война.

— Может быть, и нет.

— Ладно, если их присутствие гарантирует бесперебойное снабжение — хотя бы для твоей работы, — я была бы глубоко благодарна. Да ведь нет, ходят слухи, что из-за этой войны почти все рейсы прекратятся, в том числе и ключевые. Капитан Хузи сегодня это подтвердил. Верно? Иначе ты бы так не завелся.

Спарлинг резко кивнул.

Джилл внимательно посмотрела на него, прежде чем продолжить:

— Там еще что-то было похуже. Верно?

— Верно, — вырвалось у него. — Они хотят построить здесь базу. Для разведывательных операций. А это значит депо, ангары, службы поддержки и консервации и местная военная промышленность для поддержания межзвездных перевозок. У Дежерина есть приказ мобилизовать для такой работы все местные ресурсы, кроме тех, что необходимы для нашего выживания. В настоящий момент мы должны определить, какую часть своей продукции мы потребляем, а остальное отдать на склады Космофлота.

Джилл остановилась. И он тоже.

— Не может быть, — прошептала она.

Он почувствовал, как расслабились его напряженные плечи. Она схватила его за обе руки.

— Твой цементный завод? — спросила она. — Ты не сможешь делать бетон для плотин!

— Именно так. — Он сам слышал, насколько был его голос лишен всякого выражения. — Он реквизирован на строительство базы.

— Неужели ты не мог объяснить?

— Мы пытались, по поводу разных объектов. Я лично указывал, что наводнения в долинах, вызванные таянием снегов, всегда были основной причиной гибели цивилизаций в Южном Бероннене, а в этом периастре мы можем этому помешать, по крайней мере попытаться, — слушай, тебе-то я зачем об этом говорю? Дежерин спросил меня, когда начнутся наводнения. Я дал ему нашу оценку — он ведь наверняка проверил мои материалы, — и он сказал, что война в течение пяти лет закончится и мы продолжим работу.

— Он что, никогда не слышал о времени подготовки? Он думает, что ты можешь построить сеть плотин в высокогорной стране с использованием местного труда и почти без машин, просто потеряв лампу?

Спарлинг скривился:

— И он, и его люди не такие уж противные. Они не злы и не глупы. Мы можем протестовать и посылать петиции на Землю, и они не всегда будут с нами спорить. Все будет зависеть от того, что там решат, рассмотрев наши материалы. А пока что у них есть приказ. — Он перевел дыхание. — Бог их спросил насчет военной помощи Союзу. Дежерин сказал «нет». Они получили отдельное строгое предупреждение о невмешательстве в местные споры. Это относится и к нам, как он сказал. Мы не имеем права рисковать оборудованием, которое может пригодиться для военных целей, или рисковать тем, что силы будут вовлечены в конфликт, отличный от главного задания. Кроме того, парламентская комиссия объявила, что должно быть проведено расследование по нашим прошлым «вмешательствам», поскольку они очень напоминают «культурный империализм».

Джилл вытаращила глаза.

— Святой Иуда! — произнесла она.

— Я не очень удивился, — признался Спарлинг. — Когда я в прошлом году был на Земле, было похоже на появление новой интеллектуальной моды — насчет того, что развитие негуманоидов должно идти естественным путем.

— Если, конечно, это не наксанцы с Мундомара.

— Само собой. Тогда я не очень волновался насчет Иштар, потому что было достаточно ясно: если мы не поможем цивилизации выжить, умрут миллионы разумных существ. Но теперь...

— Теперь, — закончила за него Джилл, — мы должны будем найти это разумным, чтобы не дай Бог не обделить нашу любимую войну. И доктрина «невмешательства» — превосходное обезболивающее средство. — Она сплюнула. — Понимаешь, почему я никогда не летала на Землю?

— Ладно, не суди о целой нации по ее политикам. Я думал, что ты просто не спешишь увидеть кучу домов, толпы людей и полный мир чудес. Там еще много красивых мест, на Земле.

— Ты мне говорил. — Джилл стукнула кулаком по ладони. — Иен, что мы можем сделать?

— Постараться, чтобы приказы отменили, — вздохнул Спарлинг.

— Или найти в них лазейки?

— Если получится. Главное, я думаю, надо начать перетягивать людей Космофлота на нашу сторону. Заставить их согласиться с тем, что Союз Сехалы важнее, чем мелкая база в стороне от театра военных действий. Их слово в Мехико-Сити будет значить больше, чем наши страстные жалобы. Я повторяю, что Дежерин и его люди — в основе своей достойные и разумные люди. Они сторонники войны, но это не значит, что они фанатики.

— Ты планируешь для них большой тур?

— Пока нет. Я завтра должен быть в Сехале, чтобы сказать ассамблее... что любую помощь, которую они от нас рассчитывают получить, они могут получить нескоро. — Спарлинг поморщился. — Это нелегко сказать.

— Нелегко, — согласилась Джилл. — Я бы не хотела оказаться на твоём месте, Иен. Ты ведь понимаешь их лучше всякого другого, и они тебя Бог знает как высоко ставят. Но я хотела бы, чтобы тебе не пришлось этого делать.

Он взглянул на нее, как пораженный молнией. «Настолько я ей не безразличен?»

Она продолжала задумчиво:

— Допустим, что мне удастся переубедить этих землян. Ну, не переубедить, это за сутки не получится, но дать им понять наше дело, просто выложив факты. У меня нет здесь профессионального интереса — исследователь должен быть беспристрастным. И у меня брат в военной форме. Так что они должны будут прислушаться. Я буду говорить вежливо, даже сердечно. Как ты думаешь, Иен, это может помочь?

— Еще бы! — вырвалось у него. И сразу: «Я не верю, что ей пришло в голову, как может добиться своего очаровательная молодая женщина. Она понятия не имеет о том, как флиртовать». Это его тронуло, хотя он тут же понял, что заботится она о нем по-дружески, только по-дружески.

Она встряхнула головой:

— Ладно, нас еще не стерли в порошок. Это значит, что пока у нас есть еще что-то между ушами, мы можем надеяться. — И

серьезным голосом добавила: — Когда встретишь Ларреку, скажи ему от меня: «Яго барао».

— Как?

— Ты не знаешь? Это не по-сехалански. Это на языке тех островов, где Зера стоял десятилетия тому назад. Грубый эквивалент слов «Я еще не начал битву». Когда Ларрека это от меня услышит, ему станет приятно.

Спарлинг прищурился. Для них обоих поддразнивание давно стало общим удовольствием и привычным убежищем.

— Грубый, говоришь? А насколько грубый? Каков точный перевод?

— Я — леди, — ответила она с достоинством. — Я тебе этого не скажу, если только ты не считаешь, что мне полезна тренировка в искусстве краснеть. Или тебе полезна.

Они немного молча постояли, соединив руки.

— Слишком красив этот закат, чтобы думать о чем-нибудь еще, — сказала она, глядя на другой берег. Свет, отраженный от воды и облаков, обливал ее золотом. — На Земле на самом деле еще сохранились такие же красивые места?

— Немного. — Он чувствовал только ее пожатие.

— Твои любимые зеленые поля?

— Нет, они не такие. А вот горы, леса, моря, влажный климат...

— Глупый! Я же знаю, что ты из Британской Колумбии. Ты только подтвердил и без того известный мне факт, что ты воспринимаешь все буквально, как компьютер. Если я скажу «лягушка», то ты не просто прыгнешь, а очень постарайся позеленеть.

Он усмехнулся, преодолевая внутреннюю боль.

— Поезжай на Землю, найди там лягушку и преврати ее своим поцелуем в прекрасного принца. Только ты об этом пожалеешь, потому что по закону сохранения массы ты сама тут же превратишься в лягушку.

Поняла ли она, что назвала его старым и скучным? Потому что она снова заговорила серьезно.

— Понятно, что на Земле сохранились анклавы нетронутой природы, и тебе повезло в одном из них вырасти. Но не был ли ты впервые счастлив, когда приехал сюда? Разве не счастливее ты оттого, что *мы сами* — анклав? Свобода... — Вдруг она резко взмахнула рукой: — Смотри, смотри! Бипен!

Спарлинг посмотрел, куда она показала. Животное, которое медленно вылетало из-за деревьев, меньше походило на птицу, чем другие птероиды, что летали на виду. У него вместо четырех ног и двух крыльев были две ноги и четыре крыла — и куча других отличий, от скелета до формы перьев. Спарлинг видал

диптера, который ныряет за ихтиноидами на побережье Южного Бероннена. Но большинство четверокрылых, менее удачливых, чем двукрылые, не вылетали за пределы Хаэлена. Бипена ему раньше видеть не приходилось. Большой и красивый птеронид с плюмажем, светившимся ярко-фиолетовым в лучах заката.

— Они начинают двигаться на север, — выдохнула Джилл. — Я так и думала. Остались от прежнего цикла — сдвинулся пояс бурь... Иен, я правда сумасшедшая или зациклилась на влиянии прохода Ану на экологию?

«Нет, — хотел он сказать. — Нет, ты не можешь быть не права».

Сказать это вслух он не мог и только искал слова более убедительные, чем просто «конечно, нет». Его мысли прервал ее вскрик. Он вскинул глаза к небу.

Сару, который парил над ними, перешел в пике, подобрав когтистые лапы и выставив крючковатый клюв. Спарлинг слышал, как свистит разрезаемый воздух. Раздался звук удара, сломавшего шею бипена, и брызнула веером кровь. У ортоиштарианской жизни кровь пурпурная и сильно флюоресцирует. Сару тяжело полетел прочь, унося свою добычу.

Джилл затрясло. Он снова увидел слезы на ее ресницах, но она справилась с собой.

— Так должно быть, — тихо сказала она. — Каждую тысячу лет. Может быть, местные виды уже от этого даже стали зависеть. Но мы не обязаны. Верно?

Он покачал головой.

— Видит Бог — я имею в виду настоящего — мы не уйдем. — И, подавляя всхлипывание: — Извини. Я вообще стараюсь держаться, но эта бедная птица столько пролетела, чтобы тут погибнуть... Ладно, ну его. Спасибо тебе за все, Иен. Спокойной ночи.

Она выпустила его руку, повернулась и быстро пошла обратно, а Бел скрылся за краем мира.

Спарлинг остался на месте, набивая трубку, пока она не скрылась из виду, и потом еще несколько минут. В голубых сумерках темнели облака, и только луна подсвечивала их края. Начинали выступать ранние звезды, и спелым плодом сиял Мардук. Он подумал, как должна была страдать эта планета от бурь, что поднимал Ану в ее атмосфере. Но за сотню миллионов километров ничего не было видно, кроме мирной идиллии. Воздух становился все прохладнее, журчала вода, и вкус дыма во рту был вкусом горького поцелуя.

Конечно, думал он, здесь и сейчас гораздо более безоблачно, чем у него на родине. Не в том дело, что Земля более благосло-

венна по сравнению с Иштар, за исключением, может быть, того, что стала колыбелью человека. Западное побережье Канады и островные проливы никогда не были похожи на долину Джайина — там всегда было пасмурно, волны разбивались о выметенный штормами берег, и в редкий солнечный день было видно их суровое величие.

«Джилл права. Я везучий». То же самое в прошлом году сказала его дочь, когда он взял ее в путешествие по стране, которую так хорошо помнил. Ее колледж находился в мегалополисе — Рио-де-Жанейро.

Детство, проведенное среди деревьев и чистых рек, потому что отец был строителем космических кораблей, и когда бывал на Земле, сидел в Ванкувере, а мать была программистом и могла заниматься своим делом, не выезжая из дома, и они могли позволить себе поездку к Океанским водопадам. «Я видел Трущобы и Дно, — мысленно сказал он Дежерину то, о чем умолчал во время разговора. — Не поймите меня превратно, я им симпатизирую, я считаю, что эти люди заслуживают перемены к лучшему. И я горд принадлежностью к человечеству, мне было пятнадцать лет — возраст формирования, — когда Гуннар Хейм принес нам победу над Алерьоном. Я не просто знаю, я чувствую, что это для нас значит.

Но, работая в космосе, я встречал наксанцев, и черт меня побери — это ребята нашего склада. А после двадцати последних лет на Иштар здесь мой дом, и здесь мой долг...»

Он встряхнулся. Поздно уже говорить. Его ботинки застучали быстрее.

Когда он поднялся по короткому и крутому подъему от Риверсайд к Гумбольдт-стрит, подошел к своему дому и открыл калитку, сумерки уже сгущались в ночь и на небе проступало все больше и больше звезд. В окнах отражались увядающие розы и проплешины в траве. Земные растения, лишенные ухода, не вытеснялись сорняками. Для этого должно было пройти несколько лет, в течение которых погибли бы почвенные бактерии и черви, восстановилось бы исходное кислотно-щелочное равновесие, уровень азота и микроэлементов, что позволило бы местным микробам начать восстановление гумуса. Заброшенная экзотика просто увядала. «Мне бы надо заняться удобрением, осушением и вообще всем, что нужно. Когда будет возможность. Если будет». В Примавере, с ее нехваткой рабочих рук, садовника было не нанять. Раньше этим занималась Бекки.

«Если быть честным, то несколько часов я бы мог выкроить, кабы захотел. Дело в том, что я люблю сады, но не люблю с ними возиться. Предпочитаю плотничать или вырезать свистульки

для детишек — земных или иштарийских. А у Роды, как говорит Джилл (Джилл!), обе руки левые».

Он подошел к парадной двери. Жена отложила книгу. Он узнал роман, который был моден на Земле в последний его приезд. Библиотека заказала ролик для распечаток. Ему было любопытно, что происходит в современном романе, поэтому он и себе заказал экземпляр. К сожалению, у него то не было времени, а то он так уставал, что предпочитал знакомое и хорошее, вроде Киплинга, или что-нибудь захватывающее из иштарийской литературы, или...

— Привет! — сказала она. — Что случилось?

По-английски она говорила с едва заметным бразильским акцентом. Однажды он выучил португальский, и дома они на нем говорили, но потом эта привычка ушла, и он растерял запас слов.

— Боюсь, что какое-то время не смогу тебе сказать, — буркнул он в ответ. Чувство вины напомнило ему, что она не была болтуней, а Ольге Хэншоу было разрешено слушать. Он успокоил себя тем, что его специально просили не распространять информацию дальше — тем более что Роде, ограниченной своей маленькой должностью в отделе снабжения, пришлось бы подробно объяснять то, что Джилл видела с первого взгляда.

— Плохо, — сказала она, посмотрев на выражение его лица.

— Действительно плохо. — Он бросил свое долговязое тело в кресло и сказал тот минимум, который должен был сказать: — Я завтра уезжаю в Сехалу. Мне нужно, в общем, установить контакты с ассамблеей, пока она в сборе. Думаю успеть за несколько дней.

— Понимаю, — поднялась она. — Выпьешь перед обедом?

— Обязательно. Ром и чуть-чуть лимона. Примерно на два пальца. — Он поднял пальцы вертикально вверх.

Когда она улыбнулась, это чем-то напомнило ему ту застенчивую и прилежную девушку, с которой он встретился однажды на работе. Ничего особенного в ней не было, он ее оценил в одну миллиелену — одну тысячную от количества красоты, за которой стоит посылать отдельный корабль. Но ему никогда не везло с женщинами, а тут он увидел, что Роду Варгас он может получить, если хочет, и что она хороший друг. Он постепенно и систематично в нее влюбился. «Я так загадала наперед», — говорила она.

Она была моложе его, но седых волос у нее было больше. Лицо с приплюснутым носом несколько расплылось, как и низкорослое туловище. Но, проходя мимо него в кухню, она потрепала его ладонью по волосам, и он вспомнил их первые годы.

Оставшись один, он раскурил трубку и подумал, не в трудных ли родах Бекки причина этих медленных изменений. Доктор тогда сказал, что нет смысла выращивать ей новую матку — она все равно ее потеряет вместе с ребенком. Но ведь им не нужно было больше детей? Хотя, быть может, эта потеря имела более тонкие последствия, которые медикотехники не могли увидеть? Фактически же она оставалась столь же миловидной, популярной в обществе, прекрасной поварихой, но постепенно они стали все реже и реже бывать вместе — как духом, так и плотью.

«Либо, — подумал он уже не в первый и не в сотый раз, — дело здесь во мне? Это я изменился?» Ведь его работа заставляла его мотаться по всей планете, а ее работа и их ребенок удерживали ее дома. Он ездил по делам на Землю, а она, скучавшая по своим родным гораздо больше, чем он, хотя никогда не жаловалась, должна была довольствоваться несколькими неделями раз в четыре года. С другой стороны, у нее были друзья среди обитателей Примаверы, ее интересовали люди, а его в связи с его работой все больше интересовали иштарийцы и их склад ума.

Как бы там ни было, а теперь у него не оставалось к ней почти никаких чувств, кроме определенной симпатии — правда, в которой у него хватало хладнокровия (или мужества) сознаться только себе самому. Когда требовали его дела, он большую часть времени проводил в городе, планируя и давая указания, а не в поле, и главными чувствами при этом были скука и уныние.

Пока он не осознал, что существует Джилл Конуэй.

Он примял пальцем табак, смакуя легкий дым.

Рода принесла стаканы.

— Хорошо, что ты так рано пришел, дорогой, — сказала она. — Ты слишком напряженно работаешь. Я как раз решила приготовить что-нибудь особенное на случай, если ты сегодня придешь пораньше.

Глава 7

Капитан Дежерин с радостью принял приглашение на дневную экскурсию с человеком, который может объяснить ему, что он видит. Кроме того, что был шанс подружиться с представителем местного общества, чьим содействием необходимо заручиться, ему нравилась сама идея отдыха на природе после утомительного и трудного космического перелета. Когда че-

ловеком, которого рекомендовал Боггарт Хэншоу, оказалась Джилл Конуэй, его удовольствие перешло в восхищение.

Она заехала за ним до восхода Бел, в призрачном красном свете Ану, висевшей в северной части неба. Он и несколько его подчиненных были временно размещены в гостинице, а большинство людей оставались на орбите до строительства для них временного жилья. Ему предоставили одноколесник (Хэншоу полушутя сказал: «Давайте я окажу вам любезность, пока вы его не реквизировали»). Одноколесник Джилл был куда больше и мощнее. Сначала ему было трудно угнаться за ее машиной, но он стиснул зубы, а потом обнаружил, что скорость его радует. Тем временем они пересекли реку — на небольшом автоматическом пароме, поскольку в его машине не было скиммера, — и углубились в нетронутый иштарийский ландшафт.

Бел вышла на небо, появились двойные тени, и янтарный свет стал розовым. Джилл остановилась у роши, где бежал ручеек.

— Позавтракаем? — предложила она. — Потом можно прогуливаться не спеша.

— *Magnifique**. — Дежерин открыл багажник своей машины. — Я сожалею, что мой вклад так скромнен, но вот это — итальянская салями, если желаете...

— Еще как желаю! — Она всплеснула руками от радости. — Я лишь однажды в своей жизни ее пробовала. И можете мне поверить, первая любовь — ничто в сравнении с первой итальянской сухой колбасой. — «Врунья, — сказала она себе, вспомнив Сенцо. И все же... эта боль давно уже залечена. — И у тебя, милый, тоже, я надеюсь».

Дежерин помог ей расстелить скатерть и распаковал еду: хлеб, масло, сыр, варенье. «А он ничего, — подумала Джилл. — Чертовски хорош собой».

Когда она включала кофеварку в розетку машины, он вдруг сказал:

— У меня не было момента сказать это вам раньше, мисс Конуэй, из-за всей этой дипломатической процедуры. Но я знаю вашего брата Дональда. Он просил передать вам привет.

— А? — она быстро выпрямилась. — Знаете? Как он там? Куда его послали? Почему он не пишет?

— Последний раз, когда я его видел, он был в отличной форме. Мы с ним несколько часов проговорили. Понимаете ли, когда меня сюда назначили, я стал искать кого-нибудь с Иштар в надежде — как бы это сказать — на брифинг. И нашел Дона.

* Великолепно (фр.).

У него была пленительная улыбка, сопровождаемая взглядом, в котором было не любопытство праздного зеваки, а понимание.

— Он мне о вас и рассказывал. — Он стал серьезен так же быстро, как и она. — Куда его послали? Я только знаю, что на фронт. Вы только не волнуйтесь о нем слишком сильно. Мы во многих отношениях — в снаряжении, обучении, организации — превосходим противника. А насчет последнего — он был очень занят, признался, что терпеть не может писать писем и поэтому доверяет мне передать его слова. Я заставил его дать обещание, что он вскоре напишет.

Джилл вздохнула:

— Огромное спасибо. Это так на него похоже. — Она вернулась к кофейнику. — Ладно, оставим подробности на потом. Например, до сегодняшнего вечера, если не возражаете — мы могли бы остановиться у моих родителей. Сестра с мужем тоже хотели бы послушать.

— Как прикажете, — ответил он с легким поклоном. У него хватило соображения не пытаться ей помочь, чтобы не путаться под ногами. Вместо этого он любовался пейзажем.

Роща находилась на краю плоскогорья. В основном там были красноворшущечные мечелисты, но к ним добавляли вспышки желтого куполоростки. Затененный деревьями дерн состоял из низкорослой, плотной лиа, которую земляне называли «дромия». Ключ выбегал из-под большого камня с пятнами лишайника, стекал в овражек и вскоре пропадал в почве. Но до того он успевал напоить довольно большой участок, и много разных видов растений толпились около него, образуя чащу. Подальше трава сменялась стеблями остролиста по пояс и перышником в рост человека — тускло-золотые волны, тянущиеся на километры и километры. Дул ветер, сухой и теплый, принося запахи осени, накладывая тысячи шорохов на журчание воды.

— Вы знаете названия всех этих растений? — спросил Дежерин.

— Только самых обычных, — ответила Джилл. — Я не ботаник. Однако, — она показала вокруг себя, — все, что вы здесь видите, это разные виды лиа. Она здесь так же разнообразна и так же важна, как на земле трава. Кусты — вон там — это горькосердец. Иштарийцы используют его как приправу и тонизирующее средство, и людям он тоже служит для медицинских целей. А вот посмотрите на эту причудливую штуковину — это ночной вор. Иштариец от него заболит, если съест, а вы или я — умрем. Огнецветы здесь не видно — ему нужно больше

влаги, а вот гром-стебель в сезон дождей, который скоро наступит, — это действительно зрелище. А весной — пандарус.

— Простите, что?

Джилл хихикнула:

— Я забыла, что вы не знаете. Вот этот. Он привлекает для опыления энтомоидов, вырабатывая их половые аттрактанты, обоих полов. Это — зрелище.

В ту же минуту она пожалела о сказанном. Оно могло быть воспринято как приглашение. Но он просто спросил:

— А вы не переводите местные названия?

— Редко, — сказала она с чувством облегчения. «Отбить попытку я бы могла, но... Уж если таковая будет иметь место, я предпочла бы, чтобы по моей инициативе». Мысль пошла каким-то круглым путем. «Хотя я не собираюсь выигрывать трофеи какого бы то ни было вида в конкурсе на звание роковой женщины года». — Большая часть неперевода — как вы скажете по-сехалански «роза»? — а наш речевой аппарат не подходит для произнесения местных названий. Так что мы изобретаем свои. Кстати, «лиа» появилась именно так. Первую научную работу по этому семейству сделал ученый Ли Чанг-Ши.

— Гм-м. Я понимаю, что здешняя фотосинтезирующая молекула не идентична хлорофиллу, а только подобна. Но почему здесь так часто встречаются красный и желтый цвета?

— Есть теория, что сначала был желтый, а красный пигмент возник в Хаэлене как поглотитель энергии. Степь, заросшая пьющими солнце растениями, — поразительное зрелище. Это соединение оказалось достаточно крепким, чтобы распространиться по всей планете и развиться в самых разных направлениях. Это, как вы понимаете, всего лишь теория. Господи, тут же целый мир! За сто лет мы только начинаем понимать, как многого мы не знаем. Ладно, есть мы будем?

Пока они ели, небо потемнело от стаи пилигримов, наполнилось их криком и шумом их крыльев. Несколько удивленных азаров отошли от пасущегося стада, глядя вверх, их шестиногая походка была волнообразно-грациозной. Люди в бинокль могли разглядеть детали, которые Джилл тут же объяснила:

— У иштарианских тероидов нет настоящих рогов. Вот эти штуки более похожи на то, что растет у носорогов. А некоторые виды азаров — их известно множество — вырастили широкие наросты, но в основном для красоты. Вот посмотрите — видите особую форму передних ног? А копыта — это удобное острое оружие. Слово на Иштар стало традицией, чтобы две передние конечности занимались не только передвижением. В этом смысле, конечно, софонты и их родичи представляют

собой крайний случай: у них передние ноги превратились в руки.

Тем временем великолепное представление закончилось, и порывы ветра сменились тишиной. Дежерин посмотрел на нее серьезно и сказал:

— Я пытаюсь себе представить, как рожденные здесь должны любить эту планету.

— Она наша, — ответила Джилл. — Хотя каким-то странным образом. Наш народ никогда не занимал эту планету — разве что малую часть ее. Она принадлежит иштарийцам.

Он опустил взгляд к своей чашке:

— Поймите, я способен понять ваше отчаяние от крушения гуманитарных планов. Во время войны всегда у многих рушатся надежды. Я молю Бога, чтобы война закончилась поскорее. Со временем мы, может быть, сможем что-нибудь для вас сделать.

«Может быть, — подумала Джилл. — Не пережимай, девочка». Она улыбнулась и легко потрепала его по руке.

— Спасибо, капитан. Мы об этом еще поговорим. Но сегодня давайте наслаждаться прогулкой. Я хочу быть вашим гидом, а не надоедадой.

— Как прикажете. Кстати, вы упомянули родственные туземца виды. Мои источники описывают нечто вроде обезьян...

— Вроде, — кивнула Джилл. — Вроде тартара, он родственник иштарийцев, примерно как бабуин родствен человеку. А ближайшим родственником можно назвать парнишку по имени гоблин.

— Полуразумные виды? Ах да, я про это слышал. И много вы о них знаете?

— Очень мало. Их в Бероннене мало, и они прячутся. Их довольно много — по нашему мнению — в другом полушарии, но полностью закончившие развитие иштарийцы там бывают редко. Я могу только сказать, что они используют грубые инструменты и у них есть что-то вроде языка. Как если бы на Земле выжил австралопитек.

— Хм. — Дежерин задумчиво потрогал ус. — Странно, что им это удалось.

— Ничего странного. Вспомните, что здесь они отделены огромным океаном, где штормы даже чаще, чем на Земле.

— Я имею в виду, что там, где ареалы перекрываются, более высокоразвитый вид вытесняет менее развитый.

— На Иштар не так. Здесь даже воинственные варвары лишены нашей человеческой кровожадности. Например, здесь никогда не пытаются пленников для развлечения и не убивают их, чтобы отвести душу. Вы, наверное, думаете, что Союз Сехалы —

это империя? Это не так. Цивилизация здесь развивалась, не испытывая нужды в государстве. В конце концов, иштарийцы более развитая раса, чем мы.

Его изумление остановило ее, и ей пришлось сообразить, что мысль, с которой она уже сжилась, для него нова. Через минуту он медленно заговорил:

— В том, что я читал, что-то было насчет эволюции после млекопитающих. Но там так и не было ясно сказано, что имеется в виду. Я предполагаю — Tiens! Вы же не хотите сказать, что они разумнее нас? Этого у меня в книгах не было. — Он перевел дыхание. — Верно, в некоторых аспектах они приспособленнее нас, но в других — не так быстры и оригинальны, как мы. При сравнении разумных видов это всегда так. А итог всегда получается примерно сбалансированным. Я думаю, что такое объяснение разумно, что с некоторого момента давление естественного отбора уже не подстегивает развитие мозга, иначе это вызвало бы гротескный дисбаланс всего организма.

Она смотрела на него с возрастающим уважением. Неужто он, военный, столько читал и столько думал? «Ладно, я отвечу ему по-хорошему, не унижая его более чем необходимо».

— Вы выдержите лекцию? — спросила она.

Он улыбнулся, откинулся к стволу дерева, предложил ей сигарету из серебряного портсигара, а когда она отказалась, закурил сам.

— При таком лекторе? — сказал он восхищенно. — Мадемуазель, я стараюсь быть джентльменом, но мои железы в полном порядке.

Джилл улыбнулась:

— В конце проведем двадцатиминутный опрос. Итак.

Вы знаете что здешняя жизнь — имеется в виду орто-жизнь, а не Т-жизнь — развивалась точно так же, как и на Земле, и исходные среды были подобны. Одни и те же химические вещества, два пола, позвоночные развились из чего-то вроде ланцетников, и так далее. Мы можем обмениваться едой, хотя при полном переходе на чужое питание появляются болезни дефицита, и то, что выращивает один вид, может оказаться ядовитым для другого вида. Шестиногость вместо четвероногости — это просто тривиальная биологическая случайность.

На Иштар есть эквиваленты птиц, рыб, млекопитающих и т. д. Разница достаточно существенна, чтобы мы использовали названия с окончанием -оид. Например, тероиды — теплокровные, живородящие и кормят детенышей молоком, но у них нет ни волос, ни плаценты, они удивительно отличны от млекопитающих, и вариации бесконечны.

Может быть, они были бы больше похожи на нас, если бы Ану не стал красным гигантом около миллиарда лет тому назад. С тех пор он растет все больше и все больше причиняет неприятностей при своем приближении. Это значит, что пойкилотермные животные — фюить! Холоднокровные, если вам больше нравится этот термин. У них здесь были еще более невыгодные условия, чем на Земле, и они далеко не продвинулись. Среди окаменелостей нет ничего похожего на останки динозавров. Териоды рано захватили лидерство и уже его не выпускали.

Итак, на этом основании, с чем вы, несомненно, знакомы, но о котором я хотела вам напомнить, на этом основании мы полагаем — только полагаем, поскольку прямые свидетельства на сегодняшний день довольно слабы, — что териоды имели больше времени для эволюции, чем земные млекопитающие. Да, я понимаю, что млекопитающие очень древний класс, но все же они возникли только в олигоцене. А трюк, который придумали иштарийцы, а мы — нет, — это симбиоз.

Да, конечно, вы живете в симбиозе со многими организмами, например с кишечной флорой. Одно их определение включает даже митохондрии. А взрослый иштариец — это целый зоопарк и ботанический сад разных видов симбионтов.

Рассмотрим, к примеру, софонта и его нескольких наиболее подозрительных партнеров. Его или ее шкура — это мшистое растение с неглубокими корнями в коже, соединенными с кровотоком... потому что его кожа куда сложнее нашей. Грива и брови напоминают плющ. Их ветви создают крепкий панцирь над позвоночником и очень тонким черепом. Растения отбирают двуокись углерода, воду и другие продукты метаболизма животного для собственного потребления. Обратное они отдают кислород и целую кучу витаминopodobных веществ, которые мы только начали определять. Верно, что растения не составляют полную дыхательно-выделительную систему. Они только дополняют легкие, двойное сердце, кишечник — каждый орган со своими собственными симбионтами, — но в целом получается индивидуум, который функционирует лучше нас. У него гораздо шире диапазон питания. Он не так расходует воду при выделении с потом или просто при дыхании. Из-за Ану на Иштар вода бывает довольно-таки дефицитной. А кроме того, наш туземец несет с собой неприкосновенный запас еды — эти самые растения. Он может их съесть и все же выжить, хотя и много на этом теряет. А они скоро отрастут из оставшихся корней или из спор, содержащихся в почве и воздухе, и будут как новые.

— Уф! — перевела дыхание Джилл.

— Я вижу их преимущества, — медленно произнес Дежерин.

— Вы это все знали?

— Читал, конечно. Однако был рад услышать это в более полном контексте.

— Сейчас он, надеюсь, будет. — Захваченная своим предметом, никогда не терявшим для нее притягательности, Джилл продолжала: — Эти преимущества простираются куда дальше очевидных. Понимаете, такой симбиоз не просто напрямую помогает. Он еще и освобождает гены.

Увидев его озадаченную физиономию, Джилл пояснила:

— Давайте подумаем.

Гены, которые у иштарийской жизни тоже есть, хранят информацию. Их информационная емкость огромна, но все же конечна. Представьте себе тот объем, который занимает в генах информация об управлении процессами метаболизма. И теперь представьте, что эти функции любезно берет на себя ваш симбионт. Гены для этого больше не нужны и могут заняться другой работой. За этой работой наблюдают мутация и селекция. Скорость мутаций у иштарийских тероидов выше, чем у земных млекопитающих, хотя бы из-за более высокой температуры тела. На Иштар острее стоит проблема сохранения прохлады, а не тепла, и тероиды ее решают частично за счет своих растений — всякая эндотермическая химия, — а частично за счет повышения собственной температуры.

Я все время отклоняюсь, да?

Вот и природа так же. Мой тезис — это преимущество иштарийцев перед нами за счет более длительной эволюции теплокровных форм. Они могли достигнуть своего уровня разумности не так давно, как люди — Господь знает, когда это было, — но они подошли к нему гораздо более постепенно. Вот это одна из причин, по которым еще встречаются гоблины. А история учит постепенности. И преимущества иштарийцев заметны.

Дежерин нахмурился:

— В развитии мозга, вы имеете в виду?

Джилл кивнула. Концы ее волос шекотали обнаженную шею.

— Вообще нервной системы в целом. Человек построен довольно наспех. На скорую руку, можно сказать. Верно говорится, что у нас три мозга, один на другом. Сначала ствольный, мозг рептилии, потом мозг млекопитающего и затем — сверхразвитая кора. И они не очень между собой гармонируют — вспомните убийства, грабежи и социализм. У иштарийца в голове больше единства. Это видно по анатомии. Сумасшествие здесь,

кажется, неизвестно — оно просто не существует, если не считать лишения разума из-за серьезных физических повреждений. Так же и с болезнями. У иштарийцев крайне мало болезней из-за живущих с ними помощников. А уж неврозов... — Джилл пожала плечами. — Это ведь вопрос определения? Я не знаю ни одного иштарийца, которого я могла бы назвать нервным. И я могу добавить, что мы, люди, такие чужие и могущественные, не вызвали здесь культурного шока. Они нас уважают, они перенимают у нас предметы и идеи, но легко интегрируют их в свой старый образ жизни.

Охрипшая и с чуть закружившейся от быстрой и долгой речи головой, она откинулась на тот же ствол, на который опирался Дежерин, отпила из чашки остывший кофе и откусила кусок хлеба с вареньем. Она сама его сварила, наполовину из клубники и наполовину из местной смоквы Ньютона, и была довольна, когда землянин попросил второй бутерброд.

— М-м-м, — промычал он, — несомненно, что общее превосходство иштарийцев выражается и в продолжительности жизни. От трех до пяти сотен лет, правильно?

Джилл кивнула.

— Я думаю, что тут играет роль и другой фактор. На Земле частая смена поколений означает более быстрый оборот генов, более быструю эволюцию. Это для вида преимущество. Я согласна с теорией, что мы запрограммированы на начало старения где-то после сорока, и именно по этой причине. Но Иштар страдает от прохождений Ану каждое тысячелетие, и эффект длится около ста лет. Долгожительство дает возможность сохранить адаптацию к циклу и тем способствует выживанию вида.

Он посмотрел на нее внимательно:

— Какая суровая философия.

— В самом деле? Это мне все равно. — Джилл на минуту задумалась. «Ладно, буду с ним откровенной. Нам нужна его... его симпатия больше, чем умственное понимание». — Не стану опровергать, что каждый хотел бы прожить столько лет в добром здравии, — сказала она. — Но поскольку нам этого не дано, нет смысла плакать. Иштарийцы получают свою долю горя. Каждое второе поколение — Рагнарок*. И они не хнычут.

Он какое-то время помолчал, ощущая дуновения теплого утра, а потом сказал, глядя мимо нее куда-то за горизонт:

* Рагнарок — согласно скандинавской мифологии, война с силами зла, предшествующая концу света.

— На вас, жителей Примаверы, это должно оказывать любопытный эффект. Тот же самый кентавр, нисколько не изменившийся, что был другом вашего прадеда, теперь дружит с вами и будет дружить с вашими детьми — но пока вы растете, он учит вас многому, и не становится ли он вашим защитником, вашим кумиром? Простите меня, я не хотел бы быть слишком дерзким, но мне интересно, верна ли моя гипотеза, что для некоторых долго живущих здесь людей отдельные туземцы занимают место отца.

«Клянусь Дарвином, он с сюрпризами, этот тип!»

Его взгляд остановился на ней, и он не мог не заметить, что задел за живое. Так зачем отрицать то, что будет подтверждено любой городской сплетницей?

— Я полагаю, это верно, — ответила Джилл. — Наверное, в качестве примера можно взять меня. Ларрека, командир Зеры Победоносного... мы всегда были очень близки. Я позволю себе сказать, что я от него многому научилась. — И порывисто добавила: — Он провел меня через первый горький опыт так, как не мог бы никто на свете.

— Ох, — отозвался Дежерин. — Вы ведь не хотите говорить об этом, да?

Джилл качнула головой. «Почему я должна ему доверять — так во многом и так скоро? Он же враг?»

— Нет, не хотела бы. По крайней мере сейчас.

— Конечно, — сочувственно сказал он.

Она вспомнила...

Большие сухопутные животные на Иштар встречаются редко. Каждые тысячу лет для них в большинстве мест наступает голод. В Среднем и Южном Бероннене могут выжить некоторые, вроде древесного льва и почти слоноподобного вальваса. Но дальше к северу континент представляет собой сухую саванну, называемую Далаг. Там дичь помельче даже между проходами Ану: по крайней мере пятьдесят видов азара, некоторые даже довольно большие. Те звери, что за ними охотятся, вырастают величиной с собаку или поменьше и бегают стаями, хотя и обладают массивными челюстями, способными мгновенно проглотить огромные куски. Никаких пожирателей падали там не увидишь, кроме нескольких мелких беспозвоночных. Популяция софонтов невелика и сильно рассеяна, в основном состоит из пастухов, а не охотников. Но там и сям из зарослей лиа поднимаются циклопические руины, и считается, что цивилизация зародилась именно в этих местах.

Все эти парадоксы увязываются вместе одной причиной, которая называется саркофаг.

На свой одиннадцатый день рождения, который по земному счету был без нескольких месяцев двенадцатым, Джилл получила разрешение присоединиться к отряду Ларреки для похода в Далаг. Кроме чисто спортивной цели, командир хотел подыскать опорные пункты против вторжения варваров, когда придет красное солнце. Из взрослых людей к компании присоединилась Эллен Эвальдсен, любимая молодая тетушка Джилл. Она была планетологом и хотела изучить некоторые скальные формации, ну и испытать приключения за новым горизонтом.

Они весело шли вперед. Девочка часто ехала на Ларреке или его товарищах. Эллен говорила, что они ее избалуют, но не мешала. А по вечерам, в свете костра, звезд, луны, в зловещем свете Ану женщина рассказывала истории из земной жизни, слушая взамен местные сказки, и девочка не могла понять, какие же ей нравятся больше. Скоро они подошли к Далагу, и он оказался величественнее, чем можно выразить словами.

Шепчущие волны золота, среди которых встречались только черные кусты и огненно-красные деревья, таинственная тенистая прохлада колодца под охряным обрывом, высокий и горячий купол неба, ночью наполняющийся прохладой и звездами, встречи с немногочисленными пастухами, неспешные разговоры и чашка травяного чаю под войлочным пологом, благородная осанка во, охраняющего элов и овасов своего хозяина, огромные стада диких животных, чей стук копыт, казалось, исходил из середины мира. И жестокие картины тоже приходилось видеть: как ее друзья убивают добычу стрелой или копьем или как стая тартаров загоняет азара в заросли колючих кустов и сдирает живую плоть, пока бедное животное кричит от боли.

— Они по-другому не могут, — объяснил Ларрека Джилл. — Мы сохраняем мясо быстрым погружением в желудочный сок. Звери так не могут. Точнее, некоторые, у которых желудочный сок внутри, просто едят быстро. Тартары устроены иначе. Все, что они не смогут съесть с живой добычи, пропадет, и им придется убивать в восемь раз больше, чтобы насытиться. А когда не станет добычи, им придется голодать.

— Но почему нужна такая жестокость, — протестовала она. — Ведь мясо портится не быстрее, чем все остальное, правда?

Ларрека воззвал к Эллен, и та повторила другими словами то, что Джилл уже слышала. Здесь в воздухе была плесень, называемая людьми саркофаг, которая для живой ткани была безвредна. Но на мертвую плоть она немедленно оседала, размножалась со скоростью взрыва и за два или три часа съедала огромное животное до костей. Этой плесени требовался особый

климат, поэтому она водилась только здесь и на ближайших островах Огненного моря. В климате ли было дело? Или это был странный приспособительный механизм эволюции?

— Это не ужас, Джилл, а тайна, которую мы должны разгадать.

— Я слышал, что она была причиной возникновения первой цивилизации, — добавил Ларрека.

Джилл посмотрела на него удивленными глазами.

— Ну, я не знаю, — сказал Ларрека. — Насколько такой солдафон, как я, может судить. Но наши философы и ваши ученые думают, что это могло быть так. Когда здесь впервые появилось население, всем поневоле пришлось быть вегетарианцами — невозможно было сохранить хоть сколько-нибудь мяса. Но они обнаружили, что желудочный сок некоторых видов дичи для этого... для саркофага смертелен. Им понадобился аппарат вроде котлов для кипячения кишок таких животных и миски для засолки добычи. Это должны были быть пастухи — для охотников такая обработка непрактична, как ты видела на нашем примере. Аппараты были тяжелые, сделанные из камня и глины. Пастухам пришлось стать оседлыми, поселиться в землянках — это помогало сохранять прохладу, — разводить стада, выращивать корма... Потом идеи домов и ферм проникли на юг, где жизнь полечче, и с тех самых пор Южный Бероннен стал сердцем цивилизации. Но здесь она, возможно, зародилась.

— И в том числе множество мифов, легенд, религий, ритуалов, концепций жизни и смерти, что одинаковы от Валеннена до Хаэлена, — добавила Эллен Эвальдсен. — Мотив непрочности плоти так же обычен и распространен на Иштар, как мотив умирающего бога на Земле.

— Да? — хмыкнул Ларрека. — Ну, раз вы, леди, так утверждаете.

Так в Джилл тоже проснулось любопытство. Она знала, что разрушение уже посетило мир, и еще раз, и еще раз, и еще раз. И как она теперь могла понять, Ларрека готовился к следующему разу, а люди планировали сделать последствия не такими страшными, как раньше. Она быстро приняла Далаг таким, каким он был.

До дня смерти Эллен.

Это произошло до грубости быстро. Эллен поднималась по высокой черной скале, которая, как смеялась она, не имела никакого права торчать посреди саванны. Скала казалась безопасной. Но в ней оказалась скрытая слабость (от нагрева и штормов за миллионы лет в результате проходов Ану?), камень выпал, и они увидели, как падает Эллен.

Она лежала, неестественно подогнув голову. Когда Ларрека до нее добрался, разложение уже началось. Плоть расплывалась, издавала неприятный запах, переливалась радужными сине-зелеными пятнами, превращалась в мерзкую жижу и исчезала. Иштарийцы не могли своими инструментами выкопать могилу быстрее. Они похоронили только кости и оставшиеся красными, как Ану, волосы.

Ларрека отыскал Джилл. Он подобрал ее свернувшееся в клубок тельце, взял ее в свои объятия и потрусил прочь, подальше от лагеря. Бел заходил в огненном небе, янтарной свечкой сияла Эа. Он остановился, овеваемый сладким запахом лиа, прижал ее сильнее к своей груди и долго и осторожно гладил.

— Мне очень жаль, милая, — говорил он. — Я не думал. Я не должен был давать тебе это видеть.

Джилл плакала.

— Но ведь ты из легиона, — сказал он. — Верно, солдат? — Он взял ее за подбородок и поднял ее лицо к своему и к звездам.

Она вырвалась и кивнула, потому что больше ничего не могла сделать.

— Тогда слушай, — сказал Ларрека тихо, почти на пределе ее слышимости. — Ты, может быть, слыхала, что когда мы, четвероногие, теряем того, о ком горюем, то нам это тяжелее, чем людям. Уж если знаешь кого-то несколько сотен лет... Нам пришлось научиться, как это переживать. Давай я тебе расскажу, как это делается в легионе.

И он сперва рассказал ей о знаменах, на которых вытканы имена павших, а потом и о многом еще, и, когда проснулся рассвет, она вместе с ними танцевала танец прощания на могиле и старалась исполнить его как можно лучше: первый шаг в сторону от горя.

— Пошли, — поднялась Джилл. — Упакуемся — и в дорогу. Я хочу показать вам типичное ранчо, но, боюсь, мы задержались, и самые интересные члены семьи уже давно собрались и уехали на дальние пастбища.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Дежерин. Упаковывая вещи, он серьезно добавил: — Мисс Конузэй, вы очень добры, что повезли меня на такую экскурсию. Я вам глубоко благодарен. Но ведь ваша основная цель — это склонить мои чувства на сторону туземцев?

— Конечно! А что еще?

— Хорошо. Но вы не выслушаете ли с таким же вниманием и другую сторону? Я знаю, что вы нас считаете непрошеными разрушителями. Поверите ли вы, что у нас есть причины — кроме и сверх наших приказов — быть здесь?

Она секунду помедлила, прежде чем ответить:

— Конечно, я вас выслушаю.

— Отлично, — улыбнулся он. — Перехожу к делу. Я хотел бы собрать аудиторию, все население Примаверы, если это возможно, на просмотр ленты, что я привез с собой. Это не официальная пропаганда — это скорее критика позиции правительства, но это тоже важно. — Он сделал паузу. — Понимаете ли, я хочу, чтобы вы убедились, что я не фанатик.

Джилл коротко рассмеялась:

— А я должна смотреть ваш спектакль, чтобы показать, что и я не фанатик? — Подвижные черты его лица отразили душевную боль, и она добавила: — Не в обиду будь сказано. Мы с удовольствием посмотрим.

Глава 8

Выдержки из стереотелевизионной записи, синхронный перевод на английский.

ОЛАЙЯ

Добрый вечер. Луис Энрике Олайя Гонзалес снова приглашает вас в «Мир беседы». Наша сегодняшняя программа особенная как по длине, так, надеюсь, и по важности.

Ровно шесть месяцев тому назад Всемирный парламент удовлетворил запрос Органов охраны мира по поводу «соответствующего силового противодействия», обращенного на «учреждения, корабли, сооружения, персонал и технические средства» Наксанской лиги с целью «отвести угрозу и гарантировать урегулирование спорных вопросов путем переговоров». Говоря простым языком, Земля объявила Наксе войну. Официальные декларации всячески избегают подобных фраз — и по более серьезным причинам, чем простое лицемерие: некоторые слова могут вызывать непредсказуемые и непредвиденные последствия. Тем не менее резолюция парламента превратила череду стычек в систематические военные операции. Власти более не ограничивают себя протестами, пропагандой, политическим и экономическим давлением и отчаянными попытками дипломатов: решать будет

сила. Это и есть война, это всегда называли войной, и сегодня вечером так назовем ее и мы.

Мы сейчас исследуем эту войну, ее скрытые причины, ее прошлое, настоящее и, возможно, будущее течение; мы посмотрим на все, что с ней связано. Мы постараемся быть беспристрастными...

(Вид из космоса на планету земного типа, но сильно закрытую облаками. Наплыв.)

ОЛАЙЯ (голос за кадром)

Примерно в ста пятидесяти световых годах от Солнца находится тусклая оранжевая звезда, а вокруг нее вращается планета, на которой без специальных приспособлений может жить человек. Жить там не так уж удобно — или по крайней мере раньше было не очень удобно. Климат планеты слишком жаркий и бурный, она покрыта дикими джунглями, болотами и выветренными горами. Человек может какое-то время прокормиться местной флорой и фауной, но большая часть ее для него смертельно ядовита.

Эта планета больше подходит наксанцам. Когда они еще только начинали осваивать космические путешествия, они построили здесь несколько поселков, которые разрослись и размножились. Они называют этот мир Тсейякка (*набор записанных на пленку клекочущих и булькающих звуков*). Земляне, заинтересовавшись этим миром, назвали его Мундомар.

Земляне заинтересовались им, поскольку они могли бы здесь выжить, хотя это и требует геркулесовых усилий. В арктической зоне, прожаренной и увлажненной менее других, им легче всего существовать. Водолюбивые наксанцы избегают этих мест. У них нет никаких резонов не принимать колонистов с Земли, учитывая высокие цены на недвижимость.

(Камера проходит сквозь облака, панорамирует джунгли, топкие равнины, уходящие к океану. Она приостанавливается на тех местах, где разместились скромные поселения наксанцев. Огромные тела цвета и формы сгустков сургуча валяются в лужах, как это им свойственно, что многие люди находят отвратительным. Камера движется на север и наконец доходит до поросшего кустарником плато. Там садится земной космический корабль — модель, уже шестьдесят лет как устаревшая: это вставка из архива, гордый снимок исторического момента.)

Кто в корабле? Конечно, Земля перенаселена людьми. Конечно, редко попадаются планеты, на которых человек может жить, и на большинстве из них есть свое население. Конечно,

открытые и населенные им миры очень и очень осторожно впускают к себе новых иммигрантов. Но для того чтобы поселиться на Мундомаре — кто мог так отчаяться... или так надеяться?

Те, кому ничего другого не оставалось, кроме бесконечного отчаяния.

Жизнь целого поколения прошла с тех пор, как раздался пророческий голос Чарльза Бартона...

(Серия кадров, резюме диалогов и закадрового комментария.)

Серый, неприглядный, людный квартал Трущоб в типичном мегалополисе, куда технологическая цивилизация спускает людские отходы. Лень, скука, злость, чувство собственной никчемности; наркотики в бутылках, пилюлях, шприцах, аэрозолях, экраны стереовизоров для всех и каждого, дома радости с мозговыми стимуляторами для тех, кто может наскрести монету. Драки шаек у подростков, войны криминальных империй у взрослых; честное большинство дрожит от страха, но полиция — враг номер один. Гражданские службы, агентства социальной реабилитации, учреждения образования. Простите, ваша квалификация недостаточна. Ваша квалификация подходит, но нет вакансий. Извините, место уже занято. Но иногда открывается перспектива — с крыши городского корпуса, достаточно высокого, чтобы загородить вас от пронзительного городского света и дать увидеть несколько звезд.

А вот — Дно, где народ может выжить, только получая постоянную помощь. Но выжить — и не больше. Техника — не магия, и она не может заменить исчерпанный ресурс. Крестьяне сухой Африки сгрудились под поднятым на опоры акведуком, в котором не хватит воды уберечь их фермы от засухи. Улицы индийских городов ночью вымощены спящими вповалку людьми. Община побережья Гренландии поддерживает свое существование, отправляя всех мужчин старше двенадцати в море за исчезающей уже рыбой. Ни на Дне, ни в Трущобах никто не голодает. Но помощь — всего лишь затычка, а налогоплательщики чувствуют, что их выдаивают.

Все старые средства отказали. Образование? Нельзя научить человека — абсолютно нормального интеллектуально человека — специфическим способностям, которых у него нет от рождения, а спрос на рутинных исполнителей падает, хотя и без того низок. Контроль рождаемости? Невозможно уговорить целые народы вымереть. Перераспределение богатств? Законы сохранения действуют в экономике не хуже, чем в физике. Возврат

к природе? Предварительным условием является вымирание девяноста процентов человечества.

Но остаются звезды. И остается идеальная мечта — начать все сначала. И если у человека нет другого капитала, у него есть руки.

(Серия архивных кадров о пионерах Мундомара.)

Каторга, боль, горе, но всегда — та надежда, что не дает сдаться. Провидение будущего, что превращает босяков из Трущоб и подъяремных скотов со Дна в людей. Их дети не боятся ничего во всем космосе.

Дети. Их дети. И по мере того как растет колония, как она занимает весь север планеты, растет ее материальное богатство, и растет вклад Земли, потому что оказывается, что эта сумасшедшая идея эмиграции с Земли на небо — работает.

На укрощенных землях с лязганьем растут города. Природа укрощена и преобразована.

ОЛАЙЯ

Трения с наксанцами начались в тот момент, когда деятельность людей вышла за плохо определенные границы. Обычно споры удавалось урегулировать. Но социальная структура наксанской колонии такова, что потери отдельных индивидуумов не компенсировались. Она также позволяла ущемленным объединяться в порядке частной инициативы и искать удовлетворения своих претензий. В той культуре, у того вида это вполне легально и приемлемо. Однако у людей другие, несовместимые с таким подходом институты — или, позволю себе сказать, инстинкты? Они стали мстить за то, что считали бандитизмом.

Напряжение росло... Инциденты множились. Генерал-губернатор запросил помощи у Органов охраны мира. Наксанская лига дала ясно понять, что не оставит колонистов Тсейякки на произвол судьбы.

Тем временем индустриальные, экологические и климатологические проекты в человеческом секторе все больше и больше затрагивали природную среду на юге, с наксанской точки зрения — вредили ей. Негуманоидные обитатели планеты все больше и больше склонялись к мысли действовать заодно.

Пакт о ненападении между двумя материнскими планетами никого в колонии не устраивал. Обе группы чувствовали себя в опасности. Обе пользовались широкой поддержкой общественного мнения на своих планетах, но на Земле в этот момент преобладали пацифистские настроения.

Однако взрыв произошел, и вскоре война распространилась по всему Мундомару. Люди показали совершенно неожиданную силу. Они уступали противнику числом, вооружением были равны, а командованием, дисциплиной, боевым духом и самоотверженностью превосходили его несравненно.

(Сцена битвы. Война ограничена планетой, используется химическое и лишь изредка — тактическое ядерное оружие.

Над Домом Правительства в Бартоне поднимается флаг; с балкона человек в полевой форме зачитывает документ рукоплещущей толпе и всей Вселенной.)

ВРЕМЕННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ СИГУРДССОН

Эти события с трагической ясностью показали: в деле защиты наших прав, нашей безопасности, самой нашей жизни мы можем рассчитывать только на самих себя.

В силу этого мы торжественно провозглашаем Республику Элефтерию...

ОЛАЙЯ

Сразу после прекращения огня Земля признала новое образование, но не пригласила его войти в Федерацию. Это могло быть связано с боязнью эксцессов со стороны колонистов, поскольку они чувствовали себя преданными в час нужды. Это могло быть результатом секретных переговоров с Наксанской Лигой. Дипломаты Лиги могли сказать, что может быть признан *fait accompli**, но не его юридическое оформление. В конце концов, Накса не претендовала на весь Мундомар — достаточно широкий взгляд, но вполне естественный для наксанцев. Что они не могли бы позволить себе стерпеть, так это прямое управление властями Земли районом, который они считали аннексированным.

Мы не знаем, была ли заключена такая сделка. Записи о ней не были никогда нам показаны. Мы только знаем, что северная четверть Мундомара теперь называется Республика Элефтерия, что она стимулирует эмиграцию и инвестиции с Земли; что Земля признала ее, а Накса — нет и что наксанцы в тропиках злобятся и угрожают даже больше, чем раньше.

Вскоре после этого внимание Земли было отвлечено неким более свежим кризисом. Финальное Общество Алерииона оккупировало колониальный мир Новая Европа. Это был гораздо

* Свершившийся факт (*фр.*).

более определенный и достойный противник, чем Накса. В Федерации были сильны настроения достичь компромисса, и возникли конфликты между сторонниками компромисса или немногочисленными и презируемыми сторонниками сдачи, с одной стороны, и сторонниками твердой политики — с другой. Как вы знаете, победила партия сопротивления. Короткий и сильный удар из космоса заставил Алериион уступить по всем позициям.

С тех пор нрав Земли изменился. То, что во время войны Новая Европа последовала примеру Элефтерии и откололась, похоже, не затронуло уверенности в предназначении человечества, разделяемой в наше время большинством людей. Мы дезавуировали империализм, мы понимаем его абсурдность на межзвездном уровне, но большинство при каждом опросе в предыдущем поколении давало ответ: мы никогда больше не должны допускать, чтобы наш биологический вид был покорен чужаками.

Но наш вид или наша Федерация? Здесь есть разница.

(Кадры: процветание Элефтерии, рост ее промышленности, населения, территории. Вредное воздействие на наксанские общины и их земли, конфронтация, переходящая в необъявленную войну. Люди овладевают континентом Г' яару, изгоняют негуманоидов и создают укрепленный район.)

ПРЕЗИДЕНТ ГУПТА

Наши дети не должны и не будут жить в страхе. Территория Сигурдссонии жизненно важна для нашей безопасности, а значит — для поддержания мира на всей планете. Мы населим ее нашими гражданами...

(Радость в трущобах Шанхая. На весь экран, размером в полную стену, лицо политика, выражающего солидарность с любезной Элефтерией. Сам он богат, но ему нужны голоса бедноты.)

ОЛАЙЯ

...повторяю свое прошлогоднее интервью с адмиралом Алесандро Вителли, начальником штаба Сил охраны мира...

ВИТЕЛЛИ

...никаких сомнений. Все абсолютно ясно. За последними действиями стоит Наксанская Лига. Я не имею в виду, что это они снабжают тсейякканцев оружием и инструкторами. Это и так всем известно, как и то, что мы поддерживаем элефтерий-

цев. Нет, я имею в виду, что своими закулисными действиями Лига поощряет реваншизм. Иначе вы бы не услышали того, что говорится сейчас на Мундомаре. Наксанцы, в отличие от многих людей, не пойдут за безрассудной демагогией. Они будут сидеть тихо до тех пор, пока не почувствуют себя в силах выполнить свою задачу. Так что не будем принимать желаемое за действительное. Тсейякканцы, а тем самым и наксанцы хотят не возвратить себе Сигурдссонию. Они хотят полностью изгнать с планеты людей.

ОЛАЙЯ

Вы считаете, что Земля должна это допустить, адмирал?

ВИТЕЛЛИ

Простите, но моя должность не позволяет заниматься политикой. Я должен исполнять волю парламента. Что же касается моего частного мнения, я бы считал, что присутствие людей в этой части космоса позволит сохранить равновесие сил...

ОЛАЙЯ

...речь Его Превосходительства Толлог-а-Экруша, Генерального Посла Наксанской Лиги при Мировой Федерации, последняя перед его отозванием.

(Черничного цвета масса с желтыми и зелеными пятнами, мокро поблескивающая в своей наготе, с коротенькими ножками-тумбами, от которых отходят мембраны до самых локтей. Экран заполняет голова, похожая на голову ската. Голограмма не передает запаха, но пронзительный, отвратительный человеческому уху голос заполняет миллионы квартир.)

...истовисефкая дружба мевду нафымы наводами. Вевно, мы всегда бвыи конкувентами, но это н офмавьно. От тофгровли выигвывают все; ессе бовьсе от обмена идеями. Я хотфу, фтобы вы, вюди, знави, как мы, наксанцы, вами восфифсяемся. Как мы вам бвагодавны за все, тфему от вас науфивись. Как мы хотеви бы фить в миве с вами, фазвивая дух бватства. Но и вы не науфивись ви тфему-нибудь от нас, не дави ви мы вам фто-то взамен? Фто мовет выигвать один навод от войны? Да, мы поддевываем нафих водственников на Тсейякке пвотив непвиквытого завоевания. Я не могу повевить, фто Земвя, та Земвя, котовую мы влюбим, одобвит и даве помовет завоеванию и повабоффению безобидных фуффеств в из собственном доме. У Земви есть обязательства? Земвя мовавьно ствадает, когда за теми,

кто добився достойной визни на своей земве и мовет вить, как хоффет, не пвизнают такого пвава? Несомненно. Несомненно. Но ведь *не мы* отвеvгаем такое пваво!..

ОЛАЙЯ

Третий взрыв вражды на Мундомаре породил кризис, который кажется неразрешимым. Достигнув успеха вначале, элфтерийцы не смогли его развить, а тсейякканцы не проявили готовности еще раз признать поражение. Все согласительные комиссии третьих сторон фактически игнорировались без особой вежливости обоими участниками конфликта. Рос страх, что противная сторона раздобудет более современное и мощное оружие, или уже его имеет, и применит его в создавшейся патовой ситуации, истощающей обоих.

(Кадры: парады, демонстрации, поющие толпы на Земле, призывающие к спасению Элефтерии.)

Земные и наксанские корабли направлены в район планеты. Доклады об инцидентах. Кадры погибших кораблей, мертвых экипажей, агонизирующих раненых в госпиталях. Среди раненых пленные; их лечат как могут врачи чужой для них расы в ожидании обмена пленных.

Дипломатические попытки провалились.

Сессия парламента, призвала Землю помочь выживанию Элефтерии.

Еще инциденты. Посол Лиги передает ультиматум.

Парламент отдает флоту приказ вступить в сражение.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АЛЬ-ГАЗИ

Разумеется, мы не планируем атаку на Наксу, если не подвергнется нападению сама Земля, чего я не ожидаю. Это был бы акт войны. Более того, это было бы чудовищно и, позволю себе добавить, с военной точки зрения это был бы идиотизм, если принять во внимание средства защиты планеты. Нет, в той степени, в которой это зависит от нас, мы ограничимся операциями на самом Мундомаре и в его секторе с единственной целью — принудить противника согласиться на справедливый мир.

ОЛАЙЯ

Голосование никак нельзя было назвать единодушным. Выступавшие из разных стран протестовали против нашего вовлечения в конфликт и агитировали за отзыв наших сил. Отдельные лица и организации, составляющие меньшинство, также протестовали против нашего участия.

(Дождь на почти пустой улице. Несколько понурых пикетчиков перед адмиралтейством. Они несут лозунги вроде «ВЕРНИТЕ БРАТСТВО» и «НЕУЖЕЛИ У НАКСАНЦЕВ НЕТ ПРАВ?» Отдельные проезжающие в машинах останавливаются поругаться.)

ОЛАЙЯ

...наш гость Гуннар Хейм, бывший министр Космоса и Космического Флота в Новой Европе. Три десятилетия тому назад на Земле, как помнит каждый, одинокий голос капитана Хейма призвал к сопротивлению агрессии с Алерииона. В конце концов начались операции от имени Франции, что заставило Федерацию действовать. Позднее он был в первых рядах тех, кто объявил суверенной планету Новая Европа. Он был членом ее правительства до тех пор, пока не вернулся к частной жизни, хотя и не к безвестности. Находясь на Земле, капитан Хейм согласился дать нам интервью...

(Седой, но все еще с военной выправкой человек в старой гимнастерке с расстегнутым воротом сидит в кресле напротив ведущего и попыхивает трубкой.)

ОЛАЙЯ

...вы не считаете, что теперешняя ситуация похожа на ту, с которой вы когда-то встретились?

ХЕЙМ

Абсолютно нет. Алериион хотел, чтобы люди — да и наксанцы, например, и любой другой народ, умеющий выходить к звездам, — просто мы были развиты больше всех других и потому стояли в списке первыми, — ушли из космоса. На самом деле я думаю, что Алериион хотел нашей смерти.

ОЛАЙЯ

Почему?

ХЕЙМ

Можете назвать это идеологией. Мы не единственный вид, несущий такое проклятие. Дело в том, что притязания Алерииона были неограниченными, и потому Алериион был смертельной угрозой. Мы должны были применить силу, чтобы привести в чувство его правителей.

ОЛАЙЯ

И вы думаете, что с наксанцами не так?

ХЕЙМ

Я не думаю, я знаю. Чем эти существа могут угрожать Земле? Если не считать острой торговой конкуренции, никакие земные интересы они не затрагивают.

ОЛАЙЯ

Ладно, оставляя в стороне космические инциденты — которые можно списать на напряженность, — оставляя их в стороне, что вы скажете о взрыве бомбы у земной миссии в наксанской части Мундомара два года назад? Может быть, фанатики...

ХЕЙМ

Черта с два. У наксанцев не бывает фанатиков.

ОЛАЙЯ

Тогда это дело рук официальных властей, как говорили слухи.

ХЕЙМ

Сеньор Олайя, этот взрыв устроили элефтерийские агенты, чтобы вызвать возмущение на Земле. И преуспели. Немедленным результатом было прекращение переговоров о совместной экспедиции к центру Галактики; но гораздо важнее оказался эффект, достигнутый потом на выборах.

ОЛАЙЯ

Простите, вы можете это доказать?

ХЕЙМ

Я это слышал от людей из секретной службы Новой Европы. Естественно, что ваше правительство не хочет вам рассказывать.

ОЛАЙЯ

Вернемся к основной теме. Вы считаете, что мы должны бросить элефтерийцев на произвол судьбы?

ХЕЙМ

От вас я не ожидал такого тенденциозного вопроса.

ОЛАЙЯ

Это не мой вопрос. Я только цитирую бесчисленные речи и статьи.

ХЕЙМ (*с намеком на улыбку*)

Только имейте в виду, что я говорю как частное лицо и иностранный подданный. Спасибо Господу, каков бы он ни был, за то, что мое правительство остается строго нейтральным! Но мне бы хотелось напомнить, что мое правительство предлагало свое посредничество обеим сторонам...

ОЛАЙЯ

Я понимаю, капитан. Я просто хотел спросить, на чьей стороне вы. Ввиду аналогии между тем, что делают элфтерийцы, и тем, что сделали вы.

ХЕЙМ

А я утверждаю, что никакой аналогии нет. Я вам уже сказал, что Алерийон угрожал самому нашему существованию, а Накса этого не делает. Новая Европа объявила независимость, но не захватывала чужого.

ОЛАЙЯ

И все же...

ХЕЙМ

Ладно, если вы хотите послушать старого инженера-практика, который вышел в тираж уже много лет назад. И еще раз позвольте подчеркнуть, что я говорю от своего имени, и только от своего. Во-первых, меня просто восхищают элфтерийцы. Они совершили невероятное. Они преобразовали не только землю, но и собственные души. Но, во-вторых, у наксанцев на Тсейякке — на Мундомаре — тоже есть свой героизм. Согласны? И они тоже разумные существа. И они пришли туда первыми, как бы там ни было. Я не думаю, что они хотят прогнать с планеты элфтерийцев. Не думаю также, что этого хочет Лига. Изначальная идея была хороша. На планете много разных

природных зон, и два вида вполне могут колонизировать разные ее части. Их сотрудничество принесет пользу обеим сторонам. Вы же знаете, что гибридные сорта дают самый высокий урожай. О деталях можно договориться. Вспомните формулу Талейрана: «равная неудовлетворенность». Все дело в том, что элефтерийцев это не устроит. Например, сейчас у них и у их неизвестных единомышленников с Земли в Г'яру — в Сигурдсонию, если вам так больше нравится, — вложены такие деньги, что потерять их означает крах. Потому они и говорят о жизненных интересах и о своей безопасности. Чушь полная. И хотя большинство из них в это верит, — все равно чушь. Единственное, что дает народам безопасность, — это общий интерес.

ОЛАЙЯ

Вы возлагаете вину за конфликт целиком на Элефтерию?

ХЕЙМ

Да нет же, о Господи. Наксанцы по-своему так же неразумны, как люди. Но главное в том, что вот есть спор, который может быть разрешен каким-то необычным путем, что-то вроде какого-то неожиданного компромисса, но сначала будут истощены большие силы с обеих сторон, а это... Вот скажите мне, сеньор Олайя, какого черта туда полезли Силы охраны мира под руководством парламента Мировой Федерации — что это даст среднему землянину? За каким чертом ставить свою подпись под элефтерийским империализмом? Если им нужны новые завоевания, пусть ведут их на свой страх и риск.

(Дebarкадер в космопорту. Шеренга космолетчиков готовится к погрузке. Играет оркестр, и разносится усиленный микрофонами хор:

*Слава, слава, аллилуйя,
Слава, слава, аллилуйя,
Слава, слава, аллилуйя,
Наш день славы настает!)*

Глава 9

В Сехалу Спарлинг ехал в машине. Флаером было бы слишком быстро, а он хотел подумать. Ехать на лошади не было возможности — только на нескольких квадратных километ-

рах встречались растения, которыми она могла бы прокормиться. Как вьючные или тягловые животные использовались элы, но они страшно протестовали против того, чтобы на них ездили верхом. Большие вальвасы, хотя и поддавались одомашниванию, но им требовалось слишком много корма.

Как правило, иштарийцы были сами себе транспортом. Вдоль высокого берега реки шло движение: мускулистые специалисты-носильщики, легконогие специальные курьеры, запряженные в свои повозки крестьяне, путешественники без груза. Они все принадлежали к самым разным народам, от обитателей Южного Бероннена или Хаэлена до полудиких племен Эхурских островов близ Валеннена. Большинство было без одежды, но в уборах из перьев, драгоценностях, плащах, попонах, перевязях. Попадались орнаменты и украшения всех расцветок и фасонов. По реке шли лодки, баржи, галеры. Союз был в беде и уступал территории одну за другой, но его центральные области все еще, как магнитом, притягивали торговлю.

Спарлинг встречал патрули легионеров. У легиона, который очередь перестановок приводила в Сехалу — сейчас это был легион Скороходы Тамбуру, — было немного работы. Гражданская и полицейская службы, спасательные функции, разрешение небольших споров, те общественные работы, которые они традиционно вели, например ведение летописей или содержание маяков. Традиционных обязанностей полицейского офицера мало было в стране, в которой культура, основанная не склонным к насилию видом, определяла только одно преступное действие: неподчинение приговору суда. Пожары тоже случались нечасто, поскольку дома были каменными или кирпичными.

Теперь же Тамбуру казались настолько же занятыми, как когда приходилось вести стычки с бандитскими шайками варваров. Спарлинг знал, в чем тут дело. Все больше и больше народу шло из северных мест в надежде обосноваться здесь раньше, чем перемена погоды опустошит их дома. В Бероннене не было настоящего правительства, и поставить преграду на пути беженцев было бы трудно. Но начинающая сама испытывать непогоды и бури страна не могла их прокормить. Счастливое меньшинство могло найти постоянную работу, даже начать новое дело или вступить в брачный союз с держателями земли. Остальные же...

Эти прохожие уже не были так жизнерадостны и энергичны, как те, кого Спарлинг видел здесь же в прошлые годы. Многие, особенно среди чужаков, выглядели истомленными, голодными, отчаявшимися.

А вокруг, под синим небом и башнями облаков, лежала все та же богатая, мирная, золотая страна. Он видел большие стада и отдельные фермы, которые были основой здешней экономики и здешнего общества. Дальше на юг поля вокруг Сехалы уже были убраны. По пустым садам, жнивью и пахоте не было видно, насколько скуден бывал урожай, когда на севере дымилась Ану.

Он поставил машину на окраине возле гостиницы, в которой были удобства для людей.

— Если тебе все равно, гость-друг, я предпочел бы монеты твоей бумаге, — сказал хозяин. — У нас появилось столько искусных подделок под них, что мне трудно будет расплатиться бумажными деньгами. Вот, посмотри образец.

Спарлингу подделка земных денег показалась грубой. Но настоящие деньги редко выходили за пределы Примаверы. Кроме того, иштарийцы часто бывали нечувствительны к ясным для землянина оценкам — и наоборот, разумеется.

— Все эти иностранцы, — ворчал хозяин. — Мошенничество, воровство, грабежи. Их ловят, а что пользы? Только зря таскать их в суд. Им все равно нечем возместить убытки. Заставь их работать — только напортят. Изгнанием из общины их не напугать, никто из порядочных все равно с ними не водится. Битьем их тоже ничему не выучишь, а к смерти приговаривают лишь тех, кто попадает в суд хотя бы трижды. Провалились бы они, эти бездомные негодяи.

Он перечислил все имеющиеся наказания. Тюремное заключение, кроме предварительного задержания, — известное по описаниям людей, — показалось этому народу бессмысленной злобностью, и Спарлинг думал, что ни один иштариец даже не понял бы идею реабилитации, пораженный тем, что показалось бы ему психическим оскотлением. Может быть, иштарийцы и правы.

У себя в кармане он нашел горсть местных золотых, серебряных и бронзовых монет и щедро расплатился за короткий постой. Хозяин не потрудился их проверить. Он с первого взгляда увидел товар известных своей репутацией изготовителей. На монетных дворах состояния не составишь, но небольшой спрос на деньги всегда поддерживал несколько дворов. Точнее говоря, такой спрос существовал, когда экономика Союза росла.

— Я пойду в город и осмотрюсь, — сказал человек. — Здесь все так переменялось с последнего раза, как я тут был.

Причиной его визита была работа, которая в числе прочего требовала его присутствия на совещании местных лидеров. В Сехале почти никто не жил, кроме того времени, когда собира-

лась ассамблея. Сехала не была столичным городом, и во многих земных смыслах не была городом вообще. Это просто было самое большое и процветающее место среди всех, где происходила определенного рода деятельность и функционировали соответствующие учреждения, поэтому она более всего подходила для собрания. Спарлинг знал, что южноберонненское название для этих мест, где цивилизация была представлена во всей силе, переводилось неверно. Более точно было бы «Союз *при* Сехале».

Оба солнца еще стояли высоко, но облачность сменила мажево, а ветер, предупреждавший о дожде, приносил с реки прохладу. Спарлингу было нетрудно пройти несколько километров там, где не было улиц. И разумеется, он хотел лично увидеть, как обстоят дела сегодня. Те люди, что бывали здесь чаще, оказывались слепы ко всему, что не входило в круг их непосредственных интересов. Это было вполне понятно. Их интересы требовали неотступного внимания — приходилось, например, работать со студентами по разбору старых хроник или расспрашивать шкиперов о далеких заморских странах. Тем не менее...

Гостиница стояла возле доков. Это было здание обычного типа, где могло разместиться много народу. Оно возвышалось отвесным квадратом вокруг центрального двора с прудом и садом. Первые четыре яруса были сложены из известкового камня, остальные восемь — из необожженного кирпича с креплениями из дерева феникс. Отделка была достаточно разнообразна, чтобы здание, несмотря на суровые очертания, смотрелось приятно. Это ощущение разнообразия усиливалось от того, что кухня и кладовая были отдельными зданиями, по двору во всех направлениях вились дорожки, каждая комната имела балкон.

Отличная архитектура, подумал Спарлинг. Тяжелые стены обеспечивают изоляцию и прочность. В патио всегда прохладно, а центральный пруд создает воздушный поток, в жаркий день несущий через жалюзи прохладу в комнаты. Балконы и огороженная плоская крыша давали туземцам тот солнечный свет, без которого чахли их растения-симбионты. Дому было уже больше тысячи лет. Он пережил нападения во время последней катастрофы и может пережить еще и следующую.

Дверь дома выходила на откос, ведущий к широкой коричневой реке, докам и складам, мастерским и судам, что не разгрузились в Ливасе-на-Дельте, но продолжили свой путь досюда — небольшие каботажные суда. До Спарлинга долетали шум, крики, стук тяжелых грузов, скрип колес и лебедок, грохот бочек в

наклонных желобах. Это ему напомнило Гавану. Но здесь был центр цивилизации, оплот и надежда расы, которая, как считал Спарлинг, может быть, будет значить для Галактики больше, чем его собственная. Если бы только снять это красное проклятие...

Он пошел на юг. Сперва дорога шла среди полей. В отличие от того, что он знал на Земле, города в Бероннене зависели от сельского хозяйства своих пригородов, фактически выменивали на свои товары мясо и другую продукцию ферм. Фермы были экономическим и социальным приоритетом. Некоторыми из них фактически владела Сехала.

Спарлинг мимоходом вспомнил теорию, которую однажды ему развивал Боггарт Хэншоу. В молодые годы мэром был ксенокультурологом.

«Есть две причины, по которым сельскохозяйственный сектор имеет приоритет перед промышленным. Я не имею в виду то, что большинство делегатов ассамблеи из тех мест, где нет городов. Союз — это историческое новшество. Я же имею в виду сами истоки цивилизации.

Прежде всего, пастушеская цивилизация на Иштар более эффективна, чем на Земле. Здешний домашний скот берет с гектара больше, чем может корова или свинья. Кроме всего прочего, у пастухов больше шансов пережить проход Ану, чем у фермеров, к тому же эти бури, наводнения и засухи каждое тысячелетие делают много земель непригодными для земледелия. И вообще пастушество более созвучно темпераменту среднего иштарийца. (Это мое предположение, — может быть, и люди в большинстве предпочли бы быть ковбоями, а не ковыряться в земле.)

Второе — это время подъезда. Это то, что позволило высокой культуре развиваться среди рассеянных ферм. Вот смотри. В течение всей земной истории район ежедневной деятельности был ограничен временем проезда от дома до работы. Это всегда было одно и то же время, примерно час, что для вавилонского крестьянина, шагающего к отдаленной ферме, что для чиновника из Мехико-Сити, садящегося в аэробус на окраине Гуаймаса. Бывали, конечно, исключительные случаи и исключительные обстоятельства. Но в общем и целом, затрата на дорогу туда и обратно более одной двенадцатой от времени обращения планеты *не окупается*. Тот, кому приходится это делать, либо находит в конце концов работу поближе к жилью, либо переселяется поближе к работе. Даже первобытные охотники разбивали лагерь недалеко от мест обитания дичи. Это правило одного часа не отменили даже электронные средства сообщения — они толь-

ко изменили способ применения этого правила к определенным слоям населения.

На Иштар дело обстоит по-другому. Пеший иштариец движется быстрее человека, даже конного, и может дольше бежать, не уставая. Ночью он хорошо видит, так что короткий день ему не помеха. Ему редко нужно укрытие, а когда нужно, им может послужить любое заросшее место в стороне от дороги. Ему нет особого смысла устраивать жилье поблизости от работы. Короче, он лучший путешественник, чем мы, он путешествует быстрее и на гораздо большее расстояние. Потому-то скотоводы и могут здесь вести разнообразную деятельность на больших площадях. Когда у них возникает потребность в постоянном рынке, в промышленности, требующей оседлости, они сами такие места создают.

Город может рассылать фермеров достаточно широко для того, чтобы прокормить себя и еще иметь излишек провизии. Там, в городе, живут только некоторые специалисты, а в основном популяция кочует, потому что для большинства семейств Бероннена ранчо — наиболее приятная и наиболее интересная среда обитания. Говорить о “цивилизации” на этой планете — значит употреблять неточное наименование. Гораздо лучше было бы “культура, имеющая письменность”. Но уж будем придерживаться привычных терминов».

Спарлинг продолжал путь. Сейчас он уже шел среди зданий. Здесь не было городской стены, которая защищала такие города, как Порт-Руа (или потерянную Тарханну). В этих местах давно уже не случалось войн. И сейчас считалось, что легион обеспечивает достаточную защиту. Если бы он был побежден, то сехаланцам лучше было бы спастись по окрестным фермам и ранчо, чем запереться в ограниченном пространстве, со всех сторон обложенном противником, не испытывающим нехватки продовольствия. Да и большая часть богатств была тоже рассеяна по ранчо и фермам.

Город строился фактически без всякого плана. Строители выбирали место по собственному усмотрению. Тропы, которыми регулярно пользовались, становились утоптанными дорогами, кое-где замощенными. Строения стояли свободно, окруженные зарослями лиа, деревьями и кустами. Город не делился на районы с определенным составом населения или определенным промышленным уклоном. Многие кварталы состояли просто из шатров и палаток, раскинутых приезжими, не желающими или не могущими уплатить за постой. Дома были велики с точки зрения людей — потому что они были построены для больших существ. Многие из них напоминали ту гостиницу, где остано-

вился Спарлинг, а некоторые были просто шедеврами архитектуры.

Сехала росла вширь.

В ней не было ни вони, ни отходов. Для иштариЙцев санитария была гораздо менее острой проблемой, чем для людей. Их система водообмена не была связана с выделением мочи, а твердых отходов жизнедеятельности было гораздо меньше, чем у человека. И тем не менее иштариец очень ответственно относился к соблюдению чистоты — хотя бы потому, что иное поведение было бы воспринято как оскорбление его соседями. В Сехале пахло дымом, растениями, острым мужским и пряным женским ароматом.

Встреченные Спарлингом прохожие учтиво его приветствовали, независимо от того, были они знакомы или нет, но поговорить не останавливались. Навязывание пустого разговора тому, кто, быть может, спешит, считалось дурным тоном. Прохожих было меньше обычного.

Причину этого он понял, когда проходил мимо Башни Книг.

— Иен! — окликнул его кто-то. Он обернулся и узнал Ларреку, командира Зеры Победоносного. Они похлопали друг друга по плечам, и каждый заметил в глазах другого признаки озабоченности.

— Что случилось? — спросил Спарлинг.

Ларрека хлестнул себя хвостом по лодыжкам. Усы над клыками шевельнулись.

— Много чего, — буркнул он. — И здесь, и в Валеннене, и не знаю, что хуже. Новости из Порт-Руа: полк, направленный отбить Тарханну, попал в засаду и уничтожен. Волуа — ты его помнишь, мой первый офицер? Он убит. Выкуп, запрошенный варварами за пленников, — не золото, а оружие. И тот, кто составлял его список, очень хорошо знает, чем он может нанести нам наибольший вред.

Спарлинг присвистнул.

— Так что Оваззи созвала ассамблею на сегодняшнее утро. Скоро у меня не будет времени для речей, и я должен буду уйти.

«Вот почему нет никого на улицах, — понял Спарлинг. — Они в зале». Ассамблеи созывались раз в несколько лет и редко собирались полностью. Обычно старались найти общую точку зрения до начала формального голосования. А для этого лучше было проводить приватные встречи отдельных лиц. «Господи Боже мой! И я должен буду прийти туда без всякой подготовки,

прямо сейчас. Я-то собирался провести кое-какую работу, чтобы не вываливать на них вот так все сразу...»

Он услышал свои собственные слова:

— Ты ведь сказал им, что это еще одно подтверждение твоего мнения о необходимости послать в Валеннен подкрепления? Ведь сначала многие возражали?

— Верно, — ответил Ларрека. — Многие предложили полную эвакуацию. Отдайте им весь этот проклятый континент, и все. Ладно, Иен, а какие у тебя плохие новости?

Спарлинг рассказал ему. Ларрека стоял неподвижно, и только ветер шевелил его гриву. Шрам у него над бровью побелел. Наконец он сказал:

— Вот и выдай им это. Стукни покрепче, да прямо сейчас. Может, это им ума прибавит.

— Или выбьет остаток, — пробормотал Спарлинг. Он не видел другого выхода и поплелся рядом со своим товарищем.

Ассамблея собиралась в зале, своей мраморной колоннадой напоминавшем Парфенон. Это сходство обнаруживалось, несмотря на бесчисленные различия — от круглой формы в плане до абстрактных мозаичных фризов. Окна-витражи над набитыми зрителями ярусами отбрасывали свет прямо на середину, где стояли члены ассамблеи. В середине было возвышение для Чтеца Закона и для оратора.

Вид ассамблеи сверху был очень живописен. В ней были представлены все общества, входившие в Союз; по разнообразию социальных институтов иштарийцы намного превосходили людей. Племена, кланы, монархии, аристократии, коммунистические и анархические сообщества имели в этом зале свои аналоги. Но что сказать о народе, в котором правление ежегодно переходило от мужчин к женщинам и обратно; в котором для регуляции численности населения оазиса устраивались смертные поединки между подростками независимо от пола, причем бойцы могли быть лучшими друзьями; который практиковал обмен супругами по утвержденной схеме, направленной на образование всех возможных пар; который спорные вопросы решал метанием костей, определенно дающих случайный результат, — да и вообще, видела ли Земля когда-нибудь что-нибудь подобное самому Союзу?

Число членов ассамблеи слегка сократилось с прошлой встречи десять лет назад. Теперь дискуссия шла по вопросу о том, сколько территории может надеяться сохранить цивилизация, учитывая помощь людей, конкретные формы которой еще предстояло определить. С некоторых важных островов легионы уже были отозваны. К этому вынудили — и продолжали вынуждать —

усиление бурь, упадок экономики, натиск варваров. Но сдать целиком Валеннен прямо сейчас — это уже было другое дело.

Войдя с Ларрекой в зал, Спарлинг увидел, что оратором был Джерасса. Тот был широко известен: местный уроженец, выбренный хозяевами Сехалы за разум, красноречие и утонченные манеры. Он много времени провел в Примавере, со многими подружился и научился тому, чему его могли научить люди. В обыденной жизни он принадлежал к ученым и хроникерам из Башни Книг, которых субсидировал ради престижа легион Афе-ла Неодолимый. Но на Джерассе не было заметно книжной пыли — он был щеголем. Кроме энтомоидов, живущих у него в гриве как часть симбиоза, он выращивал еще и букашек с радужными крыльями. Когда он говорил, они образовывали вокруг его головы сверкающий нимб.

— ...в прошлые циклы. Я согласен, что было бы разумно пытаться закрепиться в Валеннене, усилить наши войска, особенно если командир Ларрека прав по поводу лидера, объединившего дикарей для чего-то большего, чем разбой.

Действительно, мы должны, насколько это возможно, препятствовать той миграции, которая, по нашему мнению, привела к упадку древних высоких культур.

Однако наше поколение оказалось счастливым. Нам на помощь пришли могущественные союзники. Ранее мы надеялись, что с помощью легионов и хорошо охраняемых складов провизии цивилизация сможет выжить в нескольких странах. Но потом прибыли люди. И теперь мы можем надеяться, что Союз выживет, не получив существенных повреждений, на всей своей территории.

Конечно, помощь людей ограничена. Они нам объяснили, что не могут рассчитывать на сильную поддержку из своего родного мира. Что еще важнее, они немногочисленны, и только они могут работать с некоторыми устройствами или спланировать наилучшее их применение. И все же один их боевой воздушный корабль превосходит по боевой силе целый легион, не говоря уже об орде варваров.

И потому я считаю, что нет смысла удерживать Валеннен. Мы сможем туда вернуться, когда захотим. И кроме того, что мы там теряем? Предметы роскоши, вроде шкур безногов, рыболовные зоны, которые все равно будут испорчены с приходом Бродяги, и минералы да материалы вроде феникса, которые мы действительно используем. Но при нужде мы можем обойтись и без них. А когда орды валенненцев разобьются о нашу линию обороны, которую мы с помощью землян сможем организовать,

они, помяните мое слово, будут очень озабочены, как бы им начать торговлю с нами.

И я предлагаю, чтобы мы дали нашему народу работу поближе к дому, где ее полно. Роль легионов в теперешнее время хаоса должна быть более гражданской, чем военной, им надо больше строить, чем драться. И я предлагаю не только воздержаться от просьбы к другому легиону присоединиться к Зере Победоносному, но и попросить сам легион Зера вернуться к нам. Он нужнее здесь, чем там.

Джерасса видел Ларреку и Спарлинга, не вошедших в зал и стоящих у входа. Он, очевидно, немедленно перестроил конец своей речи и сказал:

— Вы слышали от меня достаточно. Здесь присутствует тот, кто говорит от имени людей. Будет ли ваша воля выслушать его?

— Да! — пропела сотня голосов из зала, и говор прошел по ярусам зрителей. Джерасса сошел с возвышения. Чтица Закона Оваззи произнесла стандартную формулу:

— Добро пожаловать, Иен Спарлинг. Желаете ли ты обратиться к нам?

«Черта с два, — подумал человек. — И больше всего из-за тебя, старуха. Тыходишь в ту полудюжину во всей Вселенной, кому я меньше всего хотел бы причинить боль».

— Да! — произнес он вслух, вышел вперед и поднялся на возвышение.

Они с Оваззи похлопали друг друга по плечам. И ее плечи вдруг показались хрупкими. Старая даже по иштарийским меркам, она явно быстро постарела от печальных новостей последних лет. Это значило, что ей уже оставалось недолго, и она это знала. Как если бы какое-то божество захотело вознаградить иштарийцев за проклятие Ану, их раса была избавлена от медленного увядания, занимающего половину человеческой жизни, и от ужаса старческой немощи. На Спарлинга смотрели ясные глаза с истощенного, но лишенного морщин лица. И шкура ее оставалась зеленовато-коричневой, и грива — красной с проблесками золота, как в молодости.

— Ты знаешь, что здесь творится? — спросила она.

— Немножко, — ответил Спарлинг. И, стараясь потянуть время, добавил: — Лучше, если ты мне расскажешь.

Она быстро изложила ему содержание предыдущих дебатов ассамблеи — в этом состояла часть ее обязанностей. Хотя изначальной ролью Чтеца Закона было знать все законы Союза, эта роль сошла на нет по мере распространения грамотности. Тем не менее для кандидатов на этот пост было обязательным иметь превосходную память и уметь видеть картину в целом.

Оваззи была Чтицей Закона уже три сотни лет, и никто еще не предлагал ее сменить.

Спарлинг наполовину слушал, наполовину занимался подысканием слов, которые ему предстояло произнести вслух. Его задача состояла не в том, чтобы сказать горькую правду сладким языком, а в том, чтобы подвигнуть слушателей к решению и действиям, могущим облегчить резко ухудшающуюся ситуацию. Но к каким решениям и каким действиям? Он не мог сказать с уверенностью. Это же не парламент. Власть ассамблеи была чисто моральной.

«Я уже двадцать лет на Иштар, и я даже стал ксенологом, чтобы лучше выполнять свою работу инженера. Но я изучал страны, далекие от этой, и кроме того, я никогда не играл в местные политические игры. Моя политика — на Земле, где приходилось выбивать согласие властей и фонды для нашей работы. И мне следует помнить, что Союз — не империя, не федерация, не объединение союзников. Или нет, Союз — всего этого понемножку, и многое еще другое, чему даже нет названия. Что общего у этих делегатов? Да ведь многие из них даже и не делегаты!» И Спарлинг стал репетировать про себя то, что собирался сказать о прошлом и настоящем, прикидывая, как воспринял бы услышанное тот, кто только что прибыл и слышал это впервые.

При последнем проходе Ану цивилизация в Южном Беронене не исчезла полностью. Народ построил склады продовольствия, крепости, да еще укрытия для книг и инструментов, и тогда уже было несколько легионов. Еще им помогло долгожительство. Молодой и талантливый иштариец, обученный под руководством мастера, оказывался в расцвете сил во время катастрофы и, пережив ее, обучал тех, кто жил в начале следующего цикла. К тому же период творчества у иштарийцев длится дольше. Если у людей наиболее благоприятный для самостоятельного творчества возраст приходится, скажем, на период от двадцати до тридцати пяти, то у иштарийцев — от пятидесяти до ста пятидесяти, со всеми преимуществами более долгого накопления опыта и озарений.

И таким образом цивилизация была восстановлена и стала процветать, исследуя, торгуя, основывая колонии. А это означало, что нужна была и защита. У иштарийцев слабее, чем у людей, развиты тяга к насилию, жажда власти и вообще многие человеческие страсти, но некоторые аборигены не хуже людей понимали, что разбой часто приносит гораздо большую выгоду, чем честная работа, а другие боялись оказаться жертвами разбоя. У землян была тенденция устранять возникающие пробле-

мы, обращая в рабство возмутителей спокойствия, но в Бероннене не было правительства, которое могло бы доминировать. Ближе всего к правительственным структурам подходили легионы, но они были автономны. Они нанимались ко всякому, кто соглашался платить, или к тому, с кем договаривались об условиях; хотя никогда — к тому, кто нападал на Бероннен.

Менее развитые области старались нанимать отдельные легионы или отряды легионеров. Они получали от этого защиту и ценные гражданские службы — легионы ни в каком смысле не были чисто военными образованиями. Они еще вели торговлю с Беронненом и между собой, и их наниматели получали доступ к образованию и технологиям, известным в окрестностях Сехалы.

Оказалось, что очень удобно через определенные интервалы времени проводить встречи для обмена информацией и планирования совместных действий. Сехала оказалась естественным и едва ли не незаменимым для этого местом. Общество посылало своих лидеров или лидера, а могло послать просто дипломатических представителей или еще кого-нибудь. Могло послать одного представителя или нескольких. Формула голосования была выведена столь разумно, что не зависела от числа представителей. Но ассамблея не принимала законы. Она лишь давала рекомендации.

И этим рекомендациям обычно следовали и нации, и легионы. Оставшиеся в меньшинстве понимали, что выгоднее последовать за большинством, чем оставаться в изоляции. Солдаты считали себя хранителями цивилизации, но — в отличие от земной истории — не творцами ее политики. Этому способствовало долгожительство. Офицер возраста Ларреки видел на своем веку несчетное количество ярких вспышек, от которых вскоре оставался только пепел.

И поэтому Союз имел различное значение для разных входящих в него стран, не говоря уже о не входящих. Его названия на разных языках были непереводаемы на другие языки. Для некоторых он был просто видом полиции, для других — носителем и хранителем всего ценного, некоторые народы придавали ему мистическое значение, для других же он представлял собой чуждую культуру, не то чтобы изначально высшую, но верховенство которой было выгодно, если не благоразумно, признавать. И не было конца разнообразию.

Для валенненцев — рассеянных по огромной территории, неуправляемых, отсталых — он был чужаком, который присылал торговцев и вполне благоразумно организовывал их защиту, но который еще и отвечал карательными экспедициями на набеги, и цели этих экспедиций были выбраны если не всегда

правильно, то во всяком случае проницательно. Этот чужак своими гарнизонами и патрульными кораблями мешал старой традиции набегов и пиратства... И еще этот чужак, пока он в силе, не даст им захватить новые земли подальше от Злой звезды...

Оваззи закончила речь. Общее мнение, похоже, склонялось на сторону Джерассы. Конечно, никто не мог заставить легион Зера Победоносный вернуться домой, и те, кому было что терять в Валеннене, его поддержали бы, если бы он решил остаться. В любом случае он имел независимый источник дохода от тех служб, которые выполнял его состав в различных местах. Но большая часть делегатов ассамблеи считала, что в такое время лучше иметь легионы поближе к центру страны, и скорее всего командиры легионов согласятся с этим, а не присоединятся к Ларреке в этом судьбоносном вопросе. Таково было общее мнение, сказала Оваззи. Меньшинство указывало на то, что люди еще не определили конкретно, в чем будет состоять их помощь, а это следует сделать перед тем, как продолжить дальнейшее обсуждение вопроса. Не будет ли оратор от Примаверы, если он таковым является, столь любезен, чтобы высказаться по этому поводу.

— Это мой долг, — сухо сказал Спарлинг.

Он предпочел бы, чтобы здесь была трибуна земного типа, скрывающая оратора за пюпитром, а не выставляющая его целиком на обозрение сотен и сотен глаз. Как было заведено по традиции, он обернулся лицом к Чтице Закона. Набрав в легкие воздуха, он заговорил:

— Я думаю, что вы поймете, как нам всем горестно от тех новостей, что я должен принести вам. Будьте готовы к ним. — Бессмысленная человеческая фраза. Иштарийцы в политических делах говорят прямо, оставляя ораторское искусство для того, для чего оно нужно. — Совсем недавно мы узнали, что для помощи вам, любой помощи, наши руки могут оказаться связанными на годы и годы. Любой помощи.

Я не знаю, когда сможет продолжиться работа над моими дамбами, и Джейн Фадави не знает, когда получит сеятели воздуха для предотвращения смерчей, и мы не знаем, когда придут синтетическая пища и разборные укрытия для беженцев. Мы не можем рассчитывать на воздушные корабли для их эвакуации из пораженных районов. Мы не можем рассчитывать ни на что. В том числе и на оружие. В лучшем случае мы можем вести какие-то мелкие работы, можем помочь советом, можем попытаться продолжить работу в Примавере.

Я говорю: мы вас не бросим. Для сотен из нас здесь и наш дом тоже, и вы — наш народ. Без сомнения, вы догадались о причине. Вы знаете, что идет война среди звезд, война между нашим миром — Землей, и другим миром. Пока что она не очень разгорелась. Обе стороны только собирают свои силы. Теперь дело пойдет всерьез, и на него уйдут те ресурсы, на которые рассчитывали мы. Но у меня есть новости еще горше. Земля решила устроить базу в этом мире. Не бойтесь, вы далеко от места битвы. База не является необходимой. Мы, жители Примаверы, постараемся убедить в этом владык Земли.

«Сказать ли им, что и сама война не нужна? Нет, не сейчас. Они скоро увидят, как нам несладко».

— Если нам это удастся, то мы хотя бы сохраним действующие проекты. Например, может быть, удастся вовремя закончить плотины. Но если война не окажется краткой, нам не придется рассчитывать на транспорты с Земли, как мы планировали прежде. И нам, может быть, не удастся остановить строительство базы. Мы почти наверняка тогда не сможем оказать вам помощь в битве. Я полагаю, конечно, что мы сохраним при себе личное оружие и машины, и у вас останутся те, которыми вы владеете. Но несколько пистолетов, машин и флаеров не остановят орды варваров. Я не знаю, что будет дальше. Возможно, что война окажется скоротечной, и все продолжится так, как мы задумали. Но я считаю, что лучше готовиться к худшему.

Спарлинг остановился. «Дешевая риторика для человеческой публики, — подумал он. — Насколько она подходит для такого разношерстного собрания иштарийцев? Боюсь, не слишком».

В пугающей тишине слово взяла Оваззи.

— Множество тяжких мыслей должны мы передумать снова. Несомненно, ассамблея продлится дольше, чем мы думали, и рассмотрит способы и средства для наших действий в связи с непредвиденными обстоятельствами, возникшими у наших друзей-людей.

Возможности языка позволили ей употребить суффикс для различения людей-друзей и людей-недрузгов. Спарлингу она сказала:

— И поскольку ты здесь вместе с Ларрекой, я хотела бы знать, что думаешь ты о защите Валеннена.

Застигнутый врасплох, Спарлинг произнес, запинаясь:

— Я? Я ведь не солдат, я не знаю, я в этом не разбираюсь...

Джерасса с места откликнулся:

— Чтица Закона говорит верно. Мы должны подойти к решению очень ответственно. Но не кажется ли вам, что услышанное нами тройне призывает оттянуть *все* наши силы поближе к Бероннену?

Протесты вскипели, как волны в шторм. Никто не хотел ухода легионов из своей страны. Но — голоса были достаточно разборчивы, чтобы Спарлинг смог расслышать — лишь немногие оспаривали в принципе утверждение о том, что цивилизация в опасности должна стянуть свои силы поближе к центру, в частности оставить все свои владения к северу от экватора.

Оваззи прекратила шум, знаком призвав Ларреку на возвышение.

Когда наступила тишина, старый командир заговорил с удивительной для иштарийца монотонностью:

— Нет. Я старался вам объяснить раньше, но вы все еще не поняли. Вопрос не в том, чтобы защитить интересы коммерции. Вопрос в том, чтобы остановить завоевателя. Я это знаю, я вам это говорил. Я понял это по военному искусству противника, по последним событиям и по холодной дрожи, которую меня научила чувствовать проведенная на границе жизнь.

Если мы не можем получить помощь от людей, то защищать Валеннен не разумно, а просто необходимо. Иначе противник сможет ударить где захочет, от Эхура до Огненного моря. Он против каждого острова сможет выставить больше, чем мы на его защиту, и, истребив гарнизон, он перейдет к следующему. И нам ничего не даст выигрыш одной или двух битв, пока у него в руках будет целый материк, куда можно отойти, а у нас там не будет войск, что могли бы его встретить. И вскоре мы потеряем эти воды. А потом он пойдет на Северный Бероннен, а его корабли пойдут на запад в Аргент и на восток в Океан Циклонов, захватывая все, что смогут, вербуя союзников и обучая воинов. Может быть, мы и сможем защитить эту часть континента, но нам придется бросить на это все, что у нас останется. А это будет концом Союза. Цивилизация, может быть, и устоит, но только в Южном Бероннене и только для Южного Бероннена. Неужто вы не видите, что самый смысл Союза в том, чтобы пережить этот цикл и войти в следующий? Да, вы можете купить себе временную безопасность, оставив Валеннен на произвол судьбы.

Но мое мнение солдата таково, что лучше отдать часть наших земель и послать легионы мне на помощь, чтобы очистить Валеннен. Голосуйте, как вам угодно. Зера останется в Валеннене.

Глава 10

*Будем пить вино всю ночь,
Будем пить вино весь день.
Чем ни пытайся горю помочь,
Но выпьем, коли не лень.*

Закончив старую песню, Джилл Конузэй стала насвистывать мотив, продолжая перебирать струны гитары. Под звездами поплыли плавные переходы и трели, ноты и аккорды, то такие высокие, что мурашки бежали по коже, то глубокие, как распев колокола. Звуки проникали в уши, шли по нервам и превращали все тело в один большой резонатор, гудящий им в тон. Как будто они будили призраки, веселые, но все же призраки.

Глаза ее скользнули вверх. В эту теплую ночь они с Юрием Дежериним сидели на плоской крыше ее коттеджа под открытым небом. В Примавере не было нужды в уличном освещении, а высокая живая изгородь вокруг двора скрывала окна соседей. Только светится на столе шар-светильник рядом с бутылкой коньяка, которую он принес к приготовленному ей обеду. Над темной массой сладко пахнущих деревьев неисчислимыми армиями выстроились по обеим сторонам галактической реки звезды. Среди них мерцала Целестия. Но глаза Джилл смотрели мимо Эа, в сторону Крыльев. В этом созвездии лежала Земля, с которой пришли те слова и музыка, что она сейчас пропела своему гостю, где родилась вся ее раса, хотя вряд ли в ней самой остался хоть один атом, принадлежавший Земле...

«Крылья, — подумала она. — А ведь для Юрия это совершенно чуждое название. Мы привыкли пользоваться звездными картами Бероннена; а он через все эти световые годы узнает некоторые из созвездий, обозначенных на земных звездных картах, хотя и видит их в странном ракурсе — так он мне говорил. Интересно, которые из них? Световые годы. Свет...» Свет играл на траве, отражался от знаков различия на форме мужчины или, как она знала, от серебра ее сумочки. Может быть, слегка сиял для него в ее распущенных волосах. Она перестала играть.

— *Nom d'un nom!* — воскликнул Дежерин. Он всплеснул руками. — Я никогда ничего подобного не слышал! Откуда это?

— Я думаю, из Америки. — Джилл положила гитару на пол, откинулась на стуле, забросив ногу на ногу, и пригубила бокал. Это земное бренди — крепкая штука. «Помедленнее, — напомнила она себе. — Но не слишком медленно. Умеренность во всем, даже в самой умеренности».

Она когда-то сказала это Иену Спарлингу, и он ответил:

— Моя дорогая, твоя идея умеренности не понравилась бы Александру Македонскому, — и сразу снова спрятался в обсуждение чего-то безличного. «Действительно ли Иен в меня влюблен? Хотела бы я знать наверняка, чтобы знать, что делать, а уж тогда будь что будет». Она продолжила, слегка улыбаясь:

— Странно, что вам пришлось так далеко забраться, чтобы послушать песню вашей родной планеты. Может быть, там ее забыли. Надо сказать, что у нас тут сохраняется много странных архаизмов. Желаете с этим поспорить?

— Нет, нет, Джилл. — Дежерин покачал головой. Они стали называть друг друга по именам еще за обедом, который он хвалил с таким знанием дела, что сомнений в его искренности возникнуть не могло. Ей это было приятно, и она была горда своим искусством. — Я имел в виду эту вашу невероятную коду. Она так подошла к песне, но ведь она не может быть человеческого происхождения, правда?

— И да и нет. Я провела пару полевых сезонов в Грозных горах. Местные жители переговариваются на больших расстояниях посредством свиста, и у них есть основанная на этом музыка. Я ее выучила и адаптировала, насколько могла, а это не много. Иштарийцы гораздо лучше нас различают и воспроизводят звуки. Их музыка, как и танец, с нашей точки зрения невероятно сложны.

— То, что вы умеете, поразительно.

— Да, у меня свое небольшое искусство. Вы бы только послушали некоторые номера, — улыбнулась Джилл. — Откровенно непристойные.

Дежерин хмыкнул и наклонился к ней. Она надеялась, что он не принял шутку за приглашение к действию. Чтобы сменить тему, она сказала:

— Кстати, об особенностях культуры. Что за выражение вы употребили? «Nom d'un pot» — не так ли? Прошу простить мое произношение. Я права, что это значит «имя имени»?

Он кивнул, расслабился, взял сигару из пепельницы на столе и затащил ее.

«Он понял намек, — подумала Джилл. — Может быть, подсознательно. Он тонко чувствует».

— Французская фраза, — ответил он. — Никогда не понимал, какая в ней логика.

— А я понимаю. Что такое «имя имени»? Например, меня зовут Джилл. А мое имя зовут... — Она склонила голову набок и взялась пальцами за подбородок. — Я думаю, имя моего имени — Сьюзен. А вашего — м-м-м... Фред? Смотрите, мы открыли новую область науки!

Они вместе рассмеялись. Наступила пауза, и слышно было, как поет ночной перезвонщик.

— Какой приятный вечер, — наконец произнесла Джилл. — Мне он нравится. Вряд ли за всю жизнь случится много таких.

— Во всех смыслах приятный, — подтвердил он, — но в основном благодаря вам.

Она бросила на него быстрый взгляд, но он не двинулся с места, и тон его был скорее серьезным, чем легкомысленным. И она не отвела глаза.

— Я серьезно благодарен вам за приглашение, за вашу всеохватывающую доброту. Обосноваться здесь — тяжкая работа. И почти все здесь относится к нам холодно, а некоторые — открыто враждебно.

— А мне это кажется неправильным. На вас та же форма, что надел мой брат. Война не вами начата, и вы выполняете свой долг с максимальной человечностью, которая при этом возможна.

— Вы знаете, что я сторонник войны. Не ради завоеваний или славы — *short robergi*, нет! Просто я выбираю из двух зол меньшее. Если мы сохраним равновесие сил сегодня, нам не придется вести большую войну в ближайшие десять или двадцать лет.

— Вы мне это уже говорили. Я ведь... Юрий, вы сами мне очень нравитесь, но ведь вы наверняка сообразили, что я стараюсь на вас повлиять, чтобы вы помогли Иштар. Вы говорите о жертвах во имя большего добра. Так скажите, не большее ли добро сохранить миллионы разумных жизней? Конгломерат обществ, искусств, философий, которые мы могли бы перенять у расы, возможно, обогнавшей нас на лестнице эволюции?

Не занятая сигарой рука Юрия сжалась в кулак на подлокотнике кресла.

— Я лично хорошо понимаю, что у вас здесь есть друзья, которые сильно страдают, если сократить ваши программы. Но если уж говорить об абстрактных вопросах — Джилл, простите меня, но спросите у себя самой: какого масштаба должен быть прогресс науки, чтобы заплатить за него жизнью вашего брата?

— Не в этом дело! — взорвалась Джилл. — Ваша сволочная база...

Она осеклась, и он воспользовался паузой:

— Джилл, база — это деталь, важная, но все же деталь. Если строительство базы отменят, вы сможете кое-что сделать. И тем не менее война отберет те ресурсы и поставки, в которых вы нуждаетесь. И направит их на нужды людей, которые, оказывается, могут страдать не меньше иштарийцев.

— Не знаю, не знаю. — Она смотрела мимо него во тьму. — Уж так ли мы должны выручать элфтерийцев? Понадобилось ли бы нам то «равновесие сил», о котором вы говорите, если бы мы не поощряли их на территориальный захват? — Она покачала головой. — Я знаю только, что здесь мы упускаем шанс — чисто с эгоистической, практической точки зрения мы упускаем шанс получить знание, которое оказалось бы для нас не меньшим скачком вперед, чем молекулярная биология.

Боковым зрением она заметила, как он поморщился, но она понимала, что сейчас он так же, как и она, испытывает облегчение от того, что наконец эта партизанская война между ними пошла в открытую.

— Вы знаете, я сомневаюсь. Я верю вам на слово, что иштарийцы создали уникальные с точки зрения социологии институты. Но насколько их опыт применим к нам?

— Пока не попробуем, не узнаем. Но я говорю о чистой биологии. Скажите, вы можете себе представить жизнь в таком мире, где люди болеют раком? Или любой из тех мерзостей, от которых мы избавились, когда поняли химию клетки? *Нашу* химию. А мы только начали изучать, только начали — биологию внеземной жизни. Это должно произвести эйнштейновскую революцию и в земной биологии, причем самый интересный случай — как раз здесь на Иштар. Может быть, единственный во Вселенной.

— Джилл, но ведь ваши исследования не будут затронуты войной.

— Это если бы ограничиться естественной историей, да еще на наиболее землеподобной части планеты. А я имею в виду Т-жизнь. Для того чтобы изучать Т-жизнь, нужен свободный, постоянный и безопасный доступ к любым районам Валеннена. Сейчас же Союз стоит перед угрозой его потери. Мой почтенный дядюшка Ларрека там командует, и сейчас он приходил просить помощи для удержания плацдарма. — Она посмотрела на него в упор. — И как вам это понравится, капитан Дежерин? Возможная перестройка всех наших понятий о том, как устроена жизнь, возможное бессмертие человека — в руках старого мо-золистогого служаки-легионера!

— Я не совсем понял, — мягко сказал он. — Я просил бы вас мне объяснить.

Она удивилась. До сих пор у нее было впечатление, что он основательно подготовился. По его вопросам можно было заключить, что он хорошо информирован и что ему не нужны слишком подробные ответы, которые она первое время старалась давать. Откуда такое внезапное невежество?

«Уловка, чтобы снова пробудить во мне энтузиазм и хорошее настроение? А если так, то зачем: просто из добросердечия или?.. Он знает женщин не хуже, чем орбиты. Или во всяком случае не хуже, чем все, кого я до сих пор встречала. И уж точно лучше, чем я знаю мужчин. Хотя это и не так уж много».

Он сидел в свободной позе в звездных сумерках, держа в правой руке бокал, а в левой сигару, сердечный, но немножко таинственный, и какой же он был красавец, Дарвин его побери! Ее сердце забилося чаще.

«Нет, я не влюбляюсь, нет, ни в коем случае. Хотя из чисто научной объективности я должна заметить, что это нетрудно сделать. По крайней мере завести с ним роман. Который может стать или не стать постоянным. Да нет, что за глупости. Какая из меня жена космолетчика? Или из него поселенец Примаверы? Короткий роман...»

У нее перед глазами пролетела короткая вереница ее любовных историй. Нет, не друзья молодости — мальчишки; и они, и она были только частью группы, что называла себя «Декартовы ныряльщики» и в их солидной общине считалась дикарской. На самом-то деле они просто носились вокруг на бешеной скорости, откалывали головокружные трюки, пили и курили меньше, чем орали грубые песни, а грубые песни орали меньше, чем баллады, наполнявшие их грустью, которую она теперь называла немецким словом *Weltschmerz**; и оглядываясь назад, она видела, что ребята-«ныряльщики» немножко перед ней робели, как и она перед ними...

Наверно, они ее и подготовили к тому, чтобы швырнуть себя, как пушечное ядро, в Кимура Сенцо, когда ей было семнадцать-восемнадцать по земному счету. Он здесь был на два года в научной командировке, и это было потрясающее, захватывающее, страшное, райское, чертовское, бесстыдное, веселое, грустное, нежное, отчаянное время, которое они украли у богов, и оно бы не было таким, если бы он не был таким, что предупредил ее, перед тем как сдать ее штурму, что потом вернется к своей жене на Землю, потому что их маленькая дочка и так уже очень долго оставалась без папы, — а потом как предупреждал, так и сделал. Она еще пару лет приходила в себя.

Трое после этого были просто так, для забавы, просто хорошие друзья, удовольствие для тела, хотя и не очень надолго — потому что Примавера и в самом деле была старомодным местом, и она не хотела настраивать против себя тех, кто ей нравился.

* Вселенская грусть (нем.).

«Иен — ну, тут я не уверена, и к тому же бедняжка Рода... Джиллиан Ева Конуэй, — сказала она себе голосом Ларреки, — не поднимай хвост! Этот человек — враг, запомни! Может быть, хороший парень, но цель твоей игры — свратить его разум».

Против ее воли возник образ: мозг, страстно трущийся корой о другой мозг. Она прыснула.

— Простите? — спросил Дежерин.

— Да ничего, — отмахнулась она. — Это я своим мыслям. Шальная промелькнула.

Он испытующе на нее посмотрел.

— Если вы не хотите говорить о науке, я не против того, чтобы поговорить обо мне. Однако мне действительно интересно, что вы имели в виду, когда сказали «Т-жизнь».

— Ах да. Простите. — Она расслабилась (несколько) и отпила коньяка. Он приятно растекся по языку и нёбу. — Это сокращение от «Таммуз-индуцированная жизнь». В отличие от того, что мы называем «орто-иштарийской жизнью», которая зародилась здесь. Вы должны знать — и я уверена, что знаете, но все же повторю, чтобы мы пользовались одной и той же терминологией, — что у Ану есть планета, имеющая или имевшая земной тип, и на ней порядка миллиарда лет назад развилась разумная жизнь. Когда их солнце начало расти, они, очевидно, попытались основать колонию на Иштар.

Дежерин поднял бровь:

— Вы говорите «очевидно»? В моих источниках это считается фактом.

— Это всего лишь теория, — пожала плечами Джилл. — После миллиарда лет что за следы могли остаться? Я вам могу дать что-нибудь почитать о том, что нашли археологи на Таммузе. Увлекательное чтение, хотя и серьезное. — Она снова увлеклась. — Мысля нашими категориями, естественно предположить, что таммузианцы создали межпланетный транспорт и попытались колонизировать Иштар. Не все перебрались, конечно, это было бы невозможно, и кто может знать, какие эпопеи разыгрывались на планете-матери, когда ее солнце сжигало ее-дотла. Мы предполагаем, что они надеялись спасти немногих, которые могли бы возродить расу.

— Давайте посмотрим, правильно ли я понимаю, — встал Дежерин. — Поскольку на Иштар уже существовала жизнь с несовместимой биохимией, они стерилизовали целый район и заселили его жизнью своего типа. Это потребовало слишком больших усилий, либо же пространство выживания оказалось слишком узким. Как бы там ни было, а колонисты

вымерли, как и привезенные ими растения и животные. Выжили только микроскопические формы, определившие новую экологию и развившиеся со временем в многоклеточные виды. Правильно?

— Это наиболее популярная теория, — ответила Джилл. — Она довольно сильно окрашена нашими местными понятиями. Бесчисленные плохие стихи, песни, фантастические пьесы в нашем любительском театре... Но все же это только теория. Может быть, таммузианские споры были занесены метеоритом. Может быть, тамошние софонты по каким-то непонятным причинам послали эти споры ракетой. Может быть, их занесла какая-то экспедиция, и они прижились. В конце концов, таммузианская блоха несъедобна для местной микрофауны. Или софонты основали свою колонию, а потом поняли возможность использования принципа Маха, что нам стало ясно еще задолго до того, как мы стали способны совершать межпланетные перелеты, и вся раса ушла куда-то в другое место Галактики. Может быть, они еще где-то существуют, обогнавшие нас на миллиард лет. — Ее увлеченность угасла. Она подняла лицо к звездам, где в невообразимых далих могли — неведомые человечеству — существовать таммузианцы, и прошептала: — Теперь понимаете? Даже археологи не обязательно всегда копаются в старых костях.

По его голосу ей показалось, что космонавт тоже пронила дрожь при мысли о таммузианцах:

— Огромного масштаба идея. Ее трудно сразу воспринять.

Она вернулась к обыденному тону:

— Да, теорий много. Данных, на которых их можно строить, меньше. Мало нам самой Иштар с ее достаточно замечательной террестойдной биохимией, так еще здесь есть и Т-жизнь: тоже построенная на белке и воде, и так далее, но настолько чужеродная, что не могла здесь возникнуть. Во-первых, она использует правые аминокислоты и левые сахара, а вот орто-иштарийская жизнь, как и наша, — как раз наоборот. Я назвала только парочку различий, а сколько их еще! Во-вторых, планета Таммуз мертва, но по окаменелостям можно заключить, что на ней когда-то была Т-жизнь. В-третьих, на Иштар Т-жизнь строго ограничена Валенненом. Точнее, его северными тремя четвертями. Она проникает на остальную часть континента и на ближайшие острова, но там она сосуществует с орто-жизнью, которая доминирует. Это заставляет предположить, что Северный Валеннен, который когда-то был островом, а потом слился с другим и образовал материк, и есть ее источник. Пока он был изолирован, на нем могла развиваться Т-жизнь. Отсюда и наше

суждение о том, что колонисты стерилизовали почву, а потом заселили своими видами. Однако нет никаких настоящих доказательств. Эта территория не исследована.

— Не исследована после ста лет пребывания человека на Иштар? — удивился он. Но раньше, чем она успела ответить, он сам сказал: — Понимаю. Орбитальные наблюдения, разведывательные полеты, случайные посадки, образцы для коллекций. Но не более. У вас еще много других дел.

Джилл кивнула:

— Верно. Всем хватает работы с орто-жизнью. Должны пройти еще десятилетия. Но кое-что мы все-таки знаем по исследованиям промежуточной зоны в Южном Валеннене. Мы начинаем что-то узнавать о Т-жизни. И если удастся спасти Союз, у нас будет база для по-настоящему массивированной атаки на загадки севера.

И с неожиданной для самой себя серьезностью она сказала:

— Видите теперь, как важна Иштар для Земли? Я, конечно, знаю о планетах, где есть аналогичная Т-жизнь. Но на них нет больше ничего! Ничего, чем мы могли бы прокормиться, никаких шансов на занятие земледелием в не слишком отличной от нашей экологической обстановке, ни достаточно цивилизованных высокоразумных существ, которые согласны помогать. В любом другом месте тот, кто захочет исследовать зеркальную биохимию, должен делать это на конце тонкой, непрочной и дорогой линии снабжения. Здесь же это вопрос одного воздушного перелета. И к тому же у нас есть промежуточная зона.

— Это вы имеете в виду местность, где перекрываются зоны распространения Т-жизни и обычной жизни?

— А что же еще? В некотором смысле она накрывает всю планету. Некоторые виды Т-микробов тероиды включают в свой симбиоз, и это само по себе стоит изучения. Но только в Южном Валеннене можно увидеть взаимодействие между высшими растениями, или даже такими созданиями, которые мы затрудняемся классифицировать.

Дежерин моргнул и рассмеялся:

— Сдаюсь.

Она улыбнулась в ответ:

— Две разные экологии, и ни одна из них не могла использовать другую. По крайней мере до тех пор, пока не появились орто-софонты. Дерево феникс ценится не только за твердую древесину. Стоит его вынести из промежуточной зоны, и оно уже не сгниет никогда. Были попытки выращивать его ближе к дому, но безуспешно. Так что несколько Т-видов и орто-видов, и к тому же наличие отдельных минералов — достаточно

сильный резон для Союза утвердить свое присутствие в Ва-
леннене. Но с другой стороны, это взаимодействие очень
ограниченно. Растения заслоняют своих конкурентов от солнца и
вытесняют их с почвы, и тем ограничивают ареал распростра-
нения животных. Возможно, что лиа — основной барьер на пути
распространения Т-жизни. Животные — они не могут питать-
ся друг другом, так что, как правило, они просто друг друга не
трогают.

Он озадачил ее очевидной репликой:

— Как, никогда?

— Вряд ли когда-либо, — ответила она, озадачив его в свою
очередь.

— На самом деле, — добавила она, — есть какое-то вза-
имодействие типа кооперации, насколько мы можем знать, хотя
знаем мы ничтожно мало. — Она провела по пряди волос паль-
цами, как расческой. — Позвольте, я приведу пример. Я толь-
ко заменю названия на их земные аналоги, чтобы было проще,
и имейте в виду, что эти создания малы. — Вот, например,
кровожадный тигр. А вот аппетитная, сочная антилопа. И что
же, собирается ли тигр на нее напасть? Нет, не собирается. Он
не считает, что она годится для еды. Но посмотрите на тигра —
как он следит за антилопой. Следит, как она поднимает голову.
Как нюхает воздух. А вот антилопа побежала. Смотрите, тигр
бежит следом. Антилопа находит стадо оленей. А тигр может
съесть оленя. Тигр ест оленей. Антилопа — шпион. А вот лео-
пард, которому нравится бифштекс из антилопы. Тигр прогоня-
ет леопарда. Тигр — наемник. Это, деточки, и называется
кооперацией.

Джилл выпила остаток бренди из своего бокала. Дежерин
пошевелился, чтобы налить ей еще.

— После всего этого курса лекций, — сказала она, —
мне бы, я думаю, стоило пива себе принести. Но пить пиво после
такой благородной жидкости — позор. Наливайте.

— Вы действительно оживляете то, о чем говорите, — он
сделал едва заметный акцент на первом слове.

— Ладно, ваша очередь. Расскажите о местах, где вы бы-
вали.

— Только если вы потом еще споете.

— Тогда найдем такие песни, чтобы мы оба их знали. А
пока, пожалуйста, ваши воспоминания. — Джилл снова по-
глядела в небо. Целестия ушла из виду, и звезды замерцали еще
ярче. Ею вдруг овладела грустная задумчивость. — Такое уди-
вительное зрелище — эти звезды. А я там ни разу не была.

— А почему вы ни разу не слетали на Землю?

— Ну-у... я не знаю. Похоже, что все самое интересное на свете — здесь. Да, я знаю, что на Земле есть и Большой Каньон, и другие чудеса природы, но на Иштар их тоже много — и главным образом сделанных руками разумных существ. А в наших банках данных хранятся миллионы картин, записей, и чего только нет.

— Самая лучшая голограмма не заменит реальной вещи, Джилл. В ней нет той цельности, какая, например, есть у Шартрского Собора — не только красота, но и подлинность тех камней, к которым приходили несметные толпы пилигримов. И они молились, и становились на колени, и касались тех же камней, что сейчас перед вами. А кроме того, на Земле можно и развлекаться. Такая живая девушка, как вы...

Раздалась трель из открытой двери.

— Телефон. — Джилл поднялась. — Простите. — Кто бы это мог быть в такой час? Может быть, кто-то из офицеров Юрия, который его ищет?

Она включила флюоресцентную панель, и ее свет показался очень резким после загадочного мерцания звезд. Комната охватила ее, уютно-старомодная, слегка неряшливая. Ее однотонность нарушалась только алой драпировкой, на которой самой Джилл были нарисованы золотые завитки, и огненным языком плаща из перьев с острова Большой Ирен. Среди прочих сувениров на стенах висели инструменты и оружие местного производства, они перемежались картинами, портретами, ландшафтами, которые она сама снимала или рисовала. На полках были сложены в пачки распечатки, с которыми она работала.

Телефон снова зажурчал.

— А, чтоб тебя, — буркнула Джилл и нажала клавишу «Прием».

На экране появился Иен Спарлинг. Он осунулся, на лице пролегли морщины, глаза в глубоких впадинах горели голубым огнем. Тронутые сединой черные волосы были в беспорядке, и явно уже два или три дня его лицо не знало прикосновения бритвы.

Пульс у Джилл забился чаще.

— Привет, — поздоровалась она машинально. — Ты что-то устало выглядишь. Дела идут плохо?

— Я думаю, тебе надо сказать. — Он слегка хрипел. — Ты ведь так близка с Ларрекой...

Она вцепилась в угол стола и покачнулась.

— Нет, с ним все в порядке, — сказал ей Спарлинг. — Только... Понимаешь, я говорю из Сехалы. Мы здесь спорили, умоляли, пытались торговаться, вот почти уже восемь дней. Без

толку. Ассамблея проголосовала за сдачу Валеннена. Мы не смогли убедить их в том, что опасность так велика, как считает Ларрека. — Он заколебался. — Я и сам должен верить ему на слово, у меня нет опыта в таких делах. И не только командир Тамбуру решил, что мы — то есть Союз — можем пережить потерю и выжить. И командир Калайна — тоже. Послал курьера из Далага с сообщением, что его сухопутные и морские силы контролируют положение, но могут принять любое подкрепление от тех сил, что заняты сейчас в менее жизненно важных регионах. Ларрека не верит, что хоть один легион согласится присоединиться к Зере. Дело уж очень похоже на проигранное.

Джилл охватила ярость.

— Идиоты! Они что, сами не могли проверить?

— Это нелегко сделать, особенно когда им так много нужно сделать дома. Я думаю, мне стоит попытаться побеседовать с ключевыми фигурами насчет того, чтобы свозить туда и осмотреться на месте. Если нам удастся получить самолет. — В голосе Спарлинга прозвучало сомнение. — Понимаешь, я тебе звоню из-за Ларреки. Ему круто придется. Ты могла бы его... ну, ободрить, что ли, как-то отвлечь, в общем, поступить так, как, по-твоему, лучше.

Его усталые глаза смотрели на нее, как бы добавляя, что не один Ларрека в ней нуждается.

Подступили слезы, и Джилл пришлось сглотнуть, чтобы спросить:

— Что он собирается делать?

— Сразу вернуться к своему легиону. Он уже отправился. Ты его можешь перехватить на ранчо Якулен. Он там остановится, чтобы собраться в дорогу и попрощаться.

— Я могу его подвезти на самолете.

— Если наш дорогой космофлотовский правитель даст тебе корабль нужной величины. Спроси его, это было бы полезно. Ларрека не просто хочет принять командование — он говорит, что новый заместитель командира слишком осторожничают, — он должен убедить свои войска стоять насмерть.

Джилл кивнула. Легион выбирал командира тремя четвертями голосов старших офицеров и снимал его точно так же.

— Иен, — сказала она умоляющим голосом. — Это необходимо? Не может так случиться, что он положит себя и своих солдат ни за что?

— Он говорит, что должен не упустить шанс. Он сможет хотя бы эвакуировать выживших, если дойдет до худшего. Но он надеется на большее, чем просто связать варваров в битве. Он

надеется, что втянет их в такую битву, что станут ясны их истинные силы и намерения, а тогда он сможет получить подкрепления. По-моему, это отчаяние, а не надежда, но... — Спарлинг вздохнул. — Ладно, теперь ты знаешь, так что доложу-ка я Богу.

— Ты сначала позвонил мне? — не смогла она сдержаться. — Спасибо тебе, спасибо.

Он улыбнулся той кривой улыбкой, что всегда ей нравилась.

— Ты того стоишь, — сказал он. — Я буду дома через три дня — доделаю кое-какую работу. Приходи к нам. А пока — *дарейши таули*, Джилл. — Это означало и «иди с миром», и «иди с любовью». Он секунду помолчал и добавил: — Спокойной ночи.

Экран погас.

Секунду она была так же слепа, как погасший экран. Дорогой мой, нескладный Иен. Догадывался ли он, как она любила им, когда он колесил по всей планете, готовясь к битве с красным гигантом? И знал ли он о ее детском обожании за терпение и достоинство, за то, каким он был приятным собеседником, когда его не охватывала мрачность? Иногда она думала, как бы все могло повернуться, родись она на Земле и на двадцать лет раньше.

Она сморгнула, протерла глаза тыльной стороной ладони, снова проморгалась. Черт побери! Чего это я занялась сбором шерсти на планете без овец? У меня ведь есть работа. Только я не знаю, как ее сделать.

Она стремительно вышла из комнаты. Свет из распахнутой двери выхватил профиль Дежерина на фоне ночи, в которой она не сразу смогла увидеть звезды. Он поднялся, и лицо его выразило сочувствие:

— Плохие новости, Джилл?

Она кивнула. Ее опущенные руки были сжаты в кулаки. Он подошел и взял ее руки в свои. Их взгляды встретились.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он.

Надежда вспыхнула в ней с новой силой.

— Уж вы-то можете!

Решительно взяв себя в руки, Джилл в нескольких деловых и спокойных словах описала ситуацию.

Его подвижное лицо вдруг застыло. Он выпустил ее руки и отвел глаза.

— Боюсь, — сказал он без всякой интонации, — что это не в моих силах. Я сочувствую вашему горю. Что до правильности военного решения, я не считаю себя компетентным судить.

А мои приказы вы знаете, и они ясны. Моим людям запрещено вмешиваться в местные дела иначе как при вынужденной самозащите.

— Но вы же можете доложить. Объясните...

До этого он ее не перебивал.

— Это будет бессмысленно. В силу этого — противоречит служебному долгу, отнимает время у моего начальства.

— Ладно, поговорим об этом позже. Но в данный момент Ларреке нужен быстрый транспорт. Я слышала, что вы располагаете флаерами достаточного для перевозки иштарийца класса как ресурсами Федерации.

— Да, — подтвердил он почти вызывающим тоном. — У вас есть несколько таких, и мы могли привезти немногим больше. Для строительства наземных сооружений в короткий срок потребуются все грузовые самолеты.

— И вы не можете мне позволить одолжить один из них на пару дней? — Она чувствовала, как в горле застрял комок. — Ведь полномасштабное строительство еще не началось.

— Я боялся, что вы этого попросите. — Он покачал головой. — Нет. Поверьте мне, я хотел бы, чтобы это было возможно. Но даже не говоря обо всем прочем — каковы должны быть равноденственные бури во время периастрия? Здесь же последнее время никто не занимался метеорологией. Они должны быть непредсказуемой силы.

Джилл топнула ногой:

— Черт вас побери, меня не надо защищать от меня самой! — Она проглотила слезы и добавила: — Простите. Моя очередь просить извинения. Пусть самолет поведет кто-нибудь другой, если вы настаиваете.

Они снова встретились глазами, и на его лице мелькнула легкая сардоническая улыбка. «Он что, думает, что я думаю, что он волнуется, как бы не погубить меня, лапушку?»

Он стал серьезным, даже чуть грустным.

— Я не мог бы разрешить этого никому, — сказал он. — Это означало бы рискнуть самолетом для целей, не связанных с моей задачей. И хуже того, это вмешательство, хотя и микроскопическое. После такого прецедента где провести грань для последующих просьб? Нет, мне никогда бы не оправдаться перед моим командованием.

Горе и гнев вырвались наружу:

— Так ты выговора боишься! Записи в личном деле! — зашлась Джилл. — Задержки в присвоении звания! Убийства!

Пораженный, он пролепетал:

— Mais*... Простите... Я не имел в виду...

— Пошел вон, ты, гонокк! Или мне тебя выбросить отсюда — вот так?

Она схватила бутылку и швырнула ее на пол. Бутылка не разбилась, но содержимое плеснуло из нее, как кровь из раны. Его губы сжались, ноздри дрогнули.

Он поклонился:

— Примите мои извинения, мисс Конуэй. Спасибо за гостеприимство. Доброй ночи.

Широкими и ровными шагами он вышел и исчез в темноте.

«Глупо, да? Не лучше ли было бы... Но я не могла! Не могла!»

Она упала рядом с пролитым коньяком и зарыдала.

Глава 11

Когда Ларрека и его эскорт подходили к ранчо Якулен, с запада принесло сильную бурю. Сквозь донимавшую их жару прорезался лезвием холод, как меч сквозь плоть, и сожженная солнцем лиа заговорила и зашелестела на много километров вокруг. Где-то вдалеке пастух дал своим во команду согнать в кучу овасов, они терялись на фоне необозримой степи. От отдельно стоящих деревьев летели навстречу низким облакам клочья красно-охряной листвы. Между землей и нависшим небом понеслись сотни стручков, они лопались, и треск вылетающих семян терялся в столах и завываниях бури. Когда ударяли молнии цвета бронзы, облик мира менялся. На западе стоял черно-пурпурный утес, и молнии, казалось, скатывались водопадом по его груди. Шум этого потока медленно нарастал.

— Если бы я у себя дома увидел, что идет такая погода, — сказал солдат с острова Фосс, — я бы вытащил свою лодку как можно выше и привязал покрепче.

Ларрека едва его расслышал.

— Ладно, это, конечно, не смерч, но лучше бы оказаться сейчас под крышей, — согласился командир. — Рысью — марш!

Он заставил свое усталое тело удвоить скорость.

* Но (фр.).

На севере уже темнели знакомые строения. Он увидел, что у ветряной мельницы убраны крылья, а флаг на согнувшемся шесте, украшенном бронзовым навершием, скользит вниз. По письмам отсюда к ним с Мерао в Валеннен он уже знал, как мало здесь надеются на то, что бури не перейдут в ураганы.

Первые капли дождя уже упали, когда Ларрека вошел в крытый двор. Тот был длинен и низок, наполовину выложен бревнами, с острой черепичной крышей, и в его замощенном прямоугольнике размещались другие строения ранчо — амбары, сарай, хлева, загоны, конуры, склады, мастерские, пекарня, пивоварня, кухня, прачечная, операционная, школа, ателье, обсерватория, библиотека — не только то, что необходимо цивилизованной общине, но и то, благодаря чему можно поддерживать обмен с соседними фермами и городами. Издательство в Якулене торговало с канатным двором в Нелеке и с металлургическим заводом в Сорку, и так по всему Южному Бероннену и Союзу.

Туда и сюда сновали работники, закрепляя предметы от приближающейся бури. Когда один из них закрывал дверь, Ларрека увидел припаркованный под навесом небольшой флаер. «Нг-нг, у нас в гостях человек. Интересно кто».

Побелевший от града ветер танцевал по флагштокам, заставлял дрожать стены, бил по спине. Защищая глаза согнутой рукой, Ларрека вошел в холл. -

Огромный холл возвышался посреди двора. Камень, кирпич, дерево феникс, много балконов, фигурные водостоки уже несколько поизносились, но мозаика еще была яркой после десяти шестидесятичетырехлетий. Это в старейшем, восточном крыле. А за то время, что семья Якулен вырастала в богатстве, в числе, в ней прибавлялось пленников и гостей, добавлялись новые строения, каждое со своим патио. Стили менялись (последней модой был гераклит и армированное стекло из Примаверы) и сливались воедино, как утес, долина и каньон.

Кто-то видел их в окно, потому что перед Ларрекой и его солдатами, едва они вошли на террасу, сразу распахнулась дверь. За ее массивной медной створкой уже был полон коридор слуг, которые взяли у них багаж и помогли им вытереться. Ларрека не отдал своего хаэленского клинка — это была традиция. Солдаты говорили, что Одноухий даже спит с ним. Другое оружие здесь, среди своего народа, ему не было нужно. Что до героического умения пить — сегодня он выпьет столько, сколько захочет, и ни капель больше. В конце концов, он их всех перепивал уже годами.

Во главе шести легионеров он вошел по коридору в главный зал. Он был сложен из кирпича и застелен неолоном из Примаверы, а по стенам выложен деревянными панелями разных оттенков и структур. В светильниках билось и пело пламя. Между ними висели картины, охотничьи трофеи, щиты предков. Еще выше висели знамена, побывавшие в битвах и походах. В дальнем конце комнаты, наполовину скрытом беспокойными тенями, был маленький алтарь Ее и Его. Ему служили немногие — большинство членов семьи были триадистами, но среди прислуги практиковались самые разнообразные культы. Хотя бы только ради традиции следовало содержать алтарь. Комната была почти без мебели — длинный стол, матрасы, несколько кресел для гостей из Примаверы. В воздухе витал запах тел и дыма очага. Закрытые по случаю бури окна смягчали ее шум.

В зале было примерно шестнадцать мужчин и женщин. Они разговаривали, читали, просто бездельничали, иногда некоторые пели хором. В комнате они казались карликами. Большинство обитателей холла были на работе или в своих квартирах. Жена вышла навстречу Ларреке.

Мероа была крупной женщиной — примерно одного роста со своим коренастым мужем. У нее были фамильные черты Якуленов, большие серые глаза, изящный нос, заостренный подбородок. Ее сухощавое телосложение выдавало возраст, и округлости горба и ляжек, за которые когда-то любой парень был готов луну с неба достать, опали. Но ее объятие не было формальным приветствием родственников — так молодая девка обнимает солдата.

За два с половиной столетия он все еще не привык к тому чуду, что она согласилась за него выйти. Его к ней тянуло, и им было приятно друг с другом. Однако она отвергла два его более ранних предложения (последовавших за совсем иным предложением, на которое у нее хватило ума не обидеться — считалось, что легионер должен пытаться соблазнить любую привлекательную женщину). Он никогда не осмеливался вообразить, что она найдет в нем больше, чем просто умение рассказывать истории о его пятидесятилетних приключениях до вступления в легион.

Ее «да» он считал своим единственным богатством. Он поклялся:

— Я не охотник за приданым. Поверь мне. Я почти хотел бы, чтобы ты была бедна.

Она широко раскрыла свои бесподобные глаза и придвинулась к нему так близко, что листья их грив зашелестели.

— О чем ты говоришь? Я не богата.

— Но твой род — Якулены — у них же самое большое ранчо в здешних краях...

— *Чу-чью!* Понятно. — Она засмеялась. — Глупый, ты забыл, что ты не у себя в Хаэлене. Ранчо — это не тот обрубок, которым владеет одно хозяйство. Оно принадлежит семье — земля и воды. Но члены семьи работают для себя.

— *Иэй*, я и забыл. Я обо всем забыл, кроме тебя. — Он взял себя в руки и продолжал: — Мой срок в легионе продлится еще три года, а на следующий год мы должны принять пост далеко за морем. Но я вернусь — и клянусь Громоносцем, — он еще не принял религию Триады и более по привычке, нежели из-за веры, клялся богами своей родины, — я составляю для нас состояние!

Она оторвалась от него:

— Что за глупости? Ты что, думаешь оставить меня здесь? Нет, ты запишешься еще на один срок, а я поеду с тобой проследить за этим.

Вот тогда и вышло солнце из-за края мира.

Сейчас она прошептала ему в ухо приглашение, продиктованное страстным желанием, и добавила:

— Только нам придется немного подождать. И все равно тебе здесь придется пробыть на несколько дней дольше, чем ты рассчитывал.

— Почему?

Он решил, что она объяснит, когда захочет. Они разомкнули объятия, и он должным образом обменялся приветствиями с остальными. Потом он опустился на матрас рядом с Мероа с зажженной трубкой и кружкой горячего сидра со специями в руках. Рядом лежали несколько старейших членов семьи. Остальной народ собрался вокруг воинов в центре комнаты, потому что у них были свежие новости из Сехалы — и не такие горькие, как услышанные от Ларреки. Он по своей рации рассказал все, конечно, Мероа, а от нее узнали остальные.

(Между собой они уже все решили: когда он вернется в Валленн, она останется здесь. Такое случалось и раньше: они и прежде подчинялись разумным соображениям, например, когда риск был слишком велик или были трудности с транспортом, или из-за маленького ребенка. В этот раз она протестовала: «Дети уже выросли. И если варвары тебя победят, я хочу, чтобы они знали, что им придется иметь дело со мной». Он ответил: «Я не могу быть в двух местах одновременно. Плохие годы надвигаются и на Южный Бероннен, и на ранчо нужен кто-то, хорошо знающий военное дело, которому ты научилась. Для блага семьи,

во имя общего будущего, надо правильно распределить силы. Это приказ, солдат».)

— Что за человек у нас в гостях? — спросил он.

— Джилл Конуэй, — сказала Мероа. — Она очень взволнована, и они с Рафиком ушли. Их наверняка скоро пригонит домой бурей.

— Гр-м. — Ларрека приказал себе не волноваться. Его младший сын может справиться еще и не с такой бурей, что бушует вокруг. Но вот Джилл...

Но они умирали, умирали, эти бедные звездные странники. Если уж ты привыкал к кому-нибудь из них, то следовало привыкать к целым поколениям и родам, а не к отдельным представителям. Вот как у него с Конуэями. Однако в Джилл есть что-то такое особенное, может быть, потому что он помнил, как она топала по двору, еще не научившись ходить, и смеялась от радости, стоило ему ее позвать. Великий Хаос! Почему бы ей не размножиться и не подарить ему еще одну девочку, которой он был бы дядюшкой?

Мероа хмыкнула и потрепала его по руке:

— Брось переживать. Твой щенок уже взрослый. Она и в худшую погоду не пропадет. — И деловым тоном добавила: — Это из-за нее ты здесь не только переночуешь, но и на несколько дней задержишься.

Ларрека затаился дымом трубки и ждал продолжения.

— Она узнала о голосовании против тебя и позвонила мне, когда ты вышел из Сехалы. Она просто кровью обливается или дух жизни выпускает из-за тебя — я не настолько хорошо знаю людей — и очень хотела бы тебе помочь. Похоже, что новый босс, или кто он там есть в Примавере, не позволил ей отвезти тебя на север. Когда-нибудь ты мне объяснишь, почему, во имя разрушения, они слушаются подобных созданий. Но так или иначе, у меня возникла идея. Ты знаешь эти сублимированные рационы, которые люди берут с собой в поле — та еда, которая им нужна и которая не растет на естественной почве. Я спросила, может ли она сделать такую вещь для тебя. То есть мясо. Ты сможешь запастись фуражом на весь путь, но для того, чтобы быстро двигаться и иметь силы, нужно мясо. Если вместо охоты можно будет просто распушить порошок в миске воды... Пони-маешь?

— Еще как понимаю! — Ларрека хлопнул ее по крупу так, что это было почти как гром. — Почему я сам об этом не подумал?

— Ты об этом думал когда-то раньше, но никогда не было необходимости, — сказал кто-то из его зятьев. — А последнее время у тебя было много другого, о чем думать.

Едва ли Ларрека слышал. Он думал о Мероа. «Клянусь Тремя, у меня настоящая жена солдата, если вообще такие бывают». Те шестьдесят четыре женщины, с которыми он иногда имел дело в ее отсутствие, как бы и не существовали. (Это всегда было случайно, больше по привычке, чем по необходимости. Младшие офицеры легиона редко бывали женаты. Мероа только мурлыкала, когда он иногда рассказывал ей о таких случаях, прибавляя, насколько она лучше.) Слов он не нашел, но, взглянув ей в глаза, отсалютовал хвостом.

— Джилл собрала аппарат — она его выпросила у кого-то из друзей и привезла сюда, — продолжала Мероа. — Сделать на нем достаточный запас провизии займет два или три дня — так она сказала. Тебе это сэкономит больше времени, чем ты на это потратишь.

«А тем временем ты будешь со мной», — говорил ее взгляд.

Это было то, что люди могли бы понять, но никогда до конца: что значит, когда уходит кто-то, бывший частью тебя самого две сотни лет. Ларрека и Мероа скажут друг другу «прощай», и, хотя благословенное радио сможет их связать, когда он придет в Порт-Руа, нет никакой уверенности, что им еще придется друг друга коснуться.

Ну что ж. Она — жена солдата, а он — солдат.

(На самом деле все было не так просто. Легионы делали все что могли для облегчения скорби. Они не допускали вступления близких родственников в один и тот же легион, кроме того, они держали полки и роты как можно дальше друг от друга, что, как заметил Хэншоу, было бы невозможно для его расы. Они не поощряли браки и согласно древним стандартам мужественности поощряли промискуитет. Но даже обозные женщины время от времени удалялись от легиона. Каждую октаду легион менял дислокацию, и две последовательные дислокации находились как можно дальше друг от друга. И даже при всем при этом у них были тщательно разработанные ритуалы, обычаи, амулеты и все, чтобы помочь воину прийти в себя после того, как погибал его многолетний брат по оружию... Ларрека отогнал ненужные мысли. У них с Мероа была Триада и их работа. Выжившие выживут. В последние годы ему казалось, что его работа полезнее ему, чем Триада.)

— Остальное пусть лучше расскажет тебе сама Джилл, — добавила Мероа. Ее взгляд скользнул по группе. — Не прими-

те это за оскорбление. Вы не окажетесь виноваты перед новым хозяином Примаверы, если не сообщите ему о том, чего сами не знали. А Якулену может здорово понадобится его добрая воля.

Прочие выразили согласие.

— Что мы можем обсудить в открытую, — Мерао обращалась к Ларреке, — это Рафик. Он хочет вступить в легион — в Иссек, потому что ты считаешь, что Огненное море скоро подвергнется нападению. — И сухо добавила: — А я думаю, что из-за слухов о тропическом рае и шелковистых сладострастных девушках.

— Нет, — сказал Ларрека. — Нет, если я сумею его отговорить. Неужели он не видит, что самая главная служба сейчас здесь? Если мы удержим Валеннен, то несколько набегов на Огненные острова роли не сыграют. Если не удержим, то острова также придется отдать, а следующей линией обороны будет Бероннен.

— Чуи, вот и поговори с ним. И имей в виду, что его, может быть, не привлекает идея быть под командой своей матери.

— Еще меньше ему дела до этих островов. И Бродяга уже превратил их в противоположность рая. Иссек сейчас бьется с наводнениями и смерчами или с голодом, а не с боевыми ордами варваров. И шелковистые девушки сейчас слишком заняты спасением собственных жизней, чтобы у них оставалось хоть что-то для сладострастия.

— Я пыталась это ему объяснить, но это лишь увеличило его идеализм. Служи там, где нужна служба, и забудь о риске!

— Я ему лучше скажу, что от солдата, сознательно идущего на ненужный риск, легиону лучше избавиться сразу. Вспомни раммера, и он тут же прыгнет тебе в лодку.

Из прихожей, к огромному облегчению Ларреки, послышался шум, забежали слуги, раздался топот ног, молодой бас Рафика и грудной чистый голос Джилл. Девушка говорила: «... Мы думали найти укрытие, но из-за молний под деревьями было опасно, так что он подхватил меня на спину и пошел таким галопом...»

Его сын ввалился, мокрый, несмотря на обтирание, поприетствовал всех и свалился на матрас. Он выдержал поистине дьявольскую гонку. Мерао родила его когда-то на корабле, который трепало в Гиблом проливе восточным ветром, и дыхание того ветра в парне осталось. «Я тобой горжусь, тобой и всеми остальными. Я ведь Якулен только по свойству. И я не считаю

своей семьей октады двоюродных братьев, делящих со мной землю. Я старый хаэленец, и моя семья — это моя жена и мои дети».

Следом вошла Джилл. Свои вещи она спрятала под навес. Кожа у нее горела от растирания, а волосы были мокры, как листья у Рафика, и на каплях воды в прямых волосах играл отсвет пламени. Ее нес Рафик, поэтому она не устала и сразу бросилась к Ларреке:

— Привет, дядюшка Сахар!

Глядя на нее, Ларрека подумал, как она красива своей странной красотой. Однажды, когда она была подростком, они пошли поплавать, и она его спросила:

— Скажи мне, только честно, как я выгляжу в твоих глазах? Ужасно, да? Я понимаю, что ты меня любишь, но ты мне скажи, как я выгляжу? Четыре конечности, длинное тело, без горба, без усов, без хвоста, без растений, лысая, если не считать этих смешных заплаток, грудь болтается наверху, и эти... гениталии спереди, напоказ всем и каждому?

— А как выгляжу я, по-твоему? — ответил он.

— Ты красивый. Вот как кот бывает красивый.

— Ладно, а ты мне напоминаешь сару в полете, или мечелиста в сильный ветер, или что угодно еще. А теперь заткнись и пойдем завтракать.

Промигавшись с темноты, она пошла через комнату, а он в это время думал, что хорошо бы с часок побыть человеком — ее любовником. Заглянуть в эти забавные наполовину белые глаза, потереться клювом о клюв и почувствовать вкус толстых розовых губ, пустить пальцы вдоль горла с голубыми венами и через эту мякоть к верхушечкам цвета заката и по этой искривленной крутизне, пока они не окажутся меж ее бедрами... Интересно, у людей есть такие мысли по поводу иштарийцев? Непохоже, люди слишком хрупки. Он ощутил мимолетное дуновение грусти от того, что никогда не будет к ней ближе, чем сейчас. Черт ее побери! Когда она наконец найдет себе партнера и займется размножением?

Она бросилась на подстилку рядом с ним и запустила пальцы в его гриву.

Ларрека потребовал еще сидра. Джилл он тоже нравился.

— Я тебе привезла кило табака, — сообщила она.

— Ты привезла гораздо больше, я слышал. Замороженные высушенные рационы — это здорово.

Она перешла на английский. Он видел и чувствовал охватившую ее тревогу.

— Ты знаешь о нашем запрете на транспорт? Так я, чем биться головой в эту стенку, сидела тихо, а тем временем собрала кое-какое оружие и боеприпасы. В Валеннене у вас их мало. Я не могла действовать очень уж нагло, чтобы этот паразит Дежерин не пронюхал. Но я покупала, выпрашивала, одалживала, пару раз воровала — и теперь есть около двадцати винтовок и пистолетов и несколько тысяч обойм.

— Джилл, ты просто клад!

— Это самое меньшее, что я могла сделать. Однако вернемся к реальности. Прежде всего тебе надо организовать носильщиков для переправки всего этого на побережье.

— А ты не сможешь закинуть все это в Порт-Руа прямо на маленькой машине?

— Хм. Слишком очевидно. Дежерин может поинтересоваться, зачем это мисс Конузэй взяла корзинку для пикника. Он проверит и конфискует все, что найдет. А если я выехала в поле, а оружия не хватит еще неделями — понимаешь? И еще одно. Несколько тысяч обойм — этого очень мало. Ты знаешь, что девяносто девять процентов их теряется впустую, каким бы искусным ни был снайпер, а ведь снайперов в Валеннене не так уж много, правда? Тебе понадобится инструктор, который при минимуме затраченных патронов даст максимальную тренировку. И это сработает, если в сражении инструктор будет стоять в строю и посылать пули точно в цель.

Он понял раньше, чем она договорила.

— Ты что, хочешь сказать, что собираешься уйти со мной?

Она кивнула. Подтянув к себе колени, она обхватила их руками, концы мокрых волос оставили сверкающий след на коже.

— Именно это, дядя, я и имела в виду.

Глава 12

Дежерин обнаружил, что приобрести место под наземные сооружения на удивление трудно. Ему нужен был участок не очень далеко от Примаверы, и он нашел один в двухстах километрах, о котором его планетологическая команда сообщила как о подходящем. Эта земля была ни на что другое не пригодна: каменистая, пыльная, если не было дождя, обращавшего ее в грязь, покрытая кожистыми кустами, покинутая туземцами. Это явно было следствием повторяющихся периастров, когда

вслед за губящей все живое засухой налетала буря за бурей и смывала обнаженный верхний слой почвы. Таких регионов много было на планете. Но оставалось достаточно подпочвенной воды, в основании лежала твердая скала, а в окрестных холмах можно было добыть строительные материалы.

Он ожидал, что семья Таесса, владевшая этой пустыней, будет рада ее продать. Конечно, они поднимут цену как только смогут высоко, но у него было достаточно золота и разрешение на печатание песо, если потребуется валюта Федерации. Он был озадачен, когда после переговоров владельцы отказались.

Пользуясь своими ксенологическими познаниями, он ответил их представительнице:

— Я понимаю, что этой землей владеет не один индивидуум, а вся семья Таесса, и вам следует учесть права нерожденных поколений. Однако право собственности по тем или иным причинам переходит из рук в руки. Вправе ли вы отказать еще не рожденным в том, что они могли бы купить на мое золото?

— А что оно может? — спросила она через переводчика, которого предоставил Хэншоу. — Красное солнце уже здесь. Кто может есть золото или скрыться в нем?

— Я могу уплатить деньгами своего народа.

— А как мы их потратим, если не будет поставок с Земли?

В конце концов они сошлись на контракте, который обязывал Космофлот присылать определенные товары в течение указанного периода. Его командование должно было сделать ему за это колоссальный втык, но на другие условия не пошел бы ни один иштариец. Альтернативой было либо строиться у антиподов, где жили только гоблины — а это была бы сложнейшая работа, которой не видно конца, — либо плюнуть и захватить место силой (ай-я-й! империализм!). При написании рапорта, отправляемого домой со следующим посыльным кораблем, он тактично, но без недомолвок дал понять, что, если Космофлот не будет выполнять договор, он подаст в отставку со своего поста; и стал думать о том, как бы довести это до сведения Джилл Конуэй.

Получив землю, он сразу же бросил туда своих людей и устроил лагерь. Потом он позвонил в Примаверу и попросил Иена Спарлинга прибыть с визитом. Инженер мог дать ему много полезных советов, если бы удалось его уговорить.

Флаер Спарлинга появился на следующий день. Оба солнца, еще ближе друг к другу, высоко сияли в безоблачном небе.

Красная глина потрескалась и покоробилась от Солнца, холмы вокруг посерели и казались призрачными. На границе территории сгрудились уродливые разборные бараки в форме полуцилиндров, а на остальных пятидесяти квадратных километрах скрежетали машины, ползая, как динозавры, среди покрытых потом людей. Дежерин, который как раз производил осмотр стройки, провел его в офис, тесный и пустой, зато с кондиционером.

— Кофе или чай? — спросил он, когда они оба сели. — Сигару не хотите ли?

— Спасибо, нет. — В голосе Спарлинга было не меньше холода, чем на Южном полюсе. Он вытянулся в кресле во всю длину, достал трубку и табак и занялся делом.

— Я не рассчитываю задержаться здесь надолго.

— Я надеялся, что вы задержитесь.

— С какой стати?

— Я говорил о гонораре консультанта. Поскольку ваш проект приостановлен, у вас сейчас нет другой работы, верно? — Дежерин созерцал ястребиное лицо своего собеседника. — Я не буду сотрясать воздух насчет патриотизма. Будем откровенны: вы относитесь к моей задаче враждебно. Но чем быстрее я ее выполню, тем быстрее освободятся ресурсы для вас. Может быть, с этой точки зрения имеет смысл помочь? — Он остановился и продолжил: — Далее, я прошу вас понять: это не угроза и не подкуп — я хотел бы, чтобы снова начались регулярные поставки с Земли. Мои рекомендации будут иметь больший вес, если я сделаю свою работу быстро.

Спарлинг в свою очередь стал рассматривать своего собеседника. После долгой паузы он сказал:

— Ладно. Похоже, что вы из правильной породы. Насколько она среди нас, скверных людишек, возможна.

Дежерин затянулся сигарой. Такое потепление, как бы ни было незначительно, обнадеживало. К тому же этот инженер был близким другом Джилл. Надо воспользоваться возможностью узнать побольше об этих людях.

— Можно вам задать личный вопрос?

Спарлинг скупно улыбнулся:

— Попробуйте. Ответить не обещаю.

— Откуда у вас, постоянных жителей, такой комплекс неполноценности по отношению к иштарийцам?

Спарлинг взглянул на него озадаченно:

— В самом деле? Кто вам такое сказал?

— Может быть, я плохо сформулировал. Но я много раз слышал, как мне объясняли, что иштарийцы превосходят нас и

в том, и в этом, и еще в чем-нибудь как физически, так и умственно. И все же — у них тоже есть войны, правда?

— Не каждая война так бессмысленна, как ваша, — отрезал Спарлинг. Несколько секунд он помолчал, потом добавил: — Нет. Простите меня. Я не должен был этого говорить, как бы это ни соответствовало действительности. Но вот в том, каково поведение в бою, может быть, проявляется механизм выживания. Согласно имеющейся у меня информации, ни один иштариец не будет сражаться без сугубо практических причин. — И после еще одной паузы: — Не совсем точно. Мотивом может быть гордость или месть, особенно у молодых. Но мотив всегда должен быть индивидуальным. Ни один иштариец не будет пытаться подчинить своей нации или идеологии кого-то другого. При всех обстоятельствах убийство выглядит как достойное сожаления следствие крайней необходимости.

— Но ведь у них есть идеологии? И разные религии — тоже?

— Есть, но нет фанатиков. — По мере развития разговора Спарлинг оживлялся. — Я не думаю, что иштариец может быть, как мы бы сказали, болезненно религиозным. И уж точно на этой планете никогда не было прозелитической религии.

— И даже эта — триадическая — как они ее называют? — Дежерин улыбнулся. — Я ведь читал об этом, как видите. Как тогда приходят в церковь новообращенные?

— Когда находят в ней больше смысла, чем в язычестве. И в нее нелегко вступить. Сначала надо пройти через годы трудного учения, через экзамены, а потом — через довольно-таки финансово ощутимые жертвы. Но знаете ли, если бы у меня был религиозный склад ума, я бы подумал о том, как бы в нее вступить.

— Ну, вы шутите. Обожествлять три солнца...

— Всего лишь символ. Вы можете, но не обязаны подразумевать под ним любых богов в прямом смысле слова. Вы можете считать его аллегорией, отражением реальности. — Спарлинг задумчиво смотрел, как вьется дым из его трубки. — И вся мифология содержит достаточно большую долю правды о жизни, и с помощью поэзии и обрядов вы просто это чувствуете. Бел — Истинное Солнце — даритель жизни, но он может быть и ужасным. Эа — Янтарная звезда — диадема Тьмы, которая есть зима и смерть, но и та и другая в мире необходимы. Ану — Бродяга, приносит и Хаос, и шанс на обновление. Знаете, мне это кажется несколько разумнее, чем Бог христиан, который одновременно и одно лицо, и три, которого зовут милостивым и

который благословил нас такими своими созданиями, как рак и инсульт.

Дежерин, считавший себя христианином, сдержался и спросил только:

— А есть обращенные среди людей?

— Нет, — ответил Спарлинг. — И не будет, как я думаю. Кроме всего прочего, если мы не умеем видеть правильных снов, то мы половины не поймем. Мы будем вроде католика, который навек отлучен от мессы или от причастия. И даже хуже, потому что он может читать требник.

— Правильные сны? — поморщился Дежерин. — Вроде целительных снов примитивных гуманоидов?

— Ничего подобного. Вы не знаете? Ну, для нас эта идея настолько трудна и тонка, что, я подозреваю, о ней мало кому из нас на этой планете известно. Иштарийцы спят, как мы, и основная причина та же самая: мозгу надо отключиться от внешней информации и обработать накопившиеся данные. Но передний мозг иштарийца не отключается начисто, как у нас. Он до некоторой степени сохраняет сознание и даже может направлять сны.

— У меня бывало такое ощущение в полудреме.

— У всех у нас бывало. Но для нас это бесполезный рудимент. А для иштарийцев — норма. Он может выбирать тему для своего сна. Это становится нормальной частью эмоциональной жизни — и может быть, поэтому иштарийцы, употребляя некоторые наркотики, никогда не становятся наркоманами. Конечно, одни более способны, другие менее. Есть фактически профессиональные сновидцы. Они используют эту смесь сна и бодрствования для созерцания прекраснейших видений и с помощью целого искусства разработанных способов общения передают их аудитории. Слова, интонация, жесты, музыка, танец, огромный свод древних условностей, — все участвует. — Спарлинг вздохнул. — Мы никогда не сможем этого испытать, — я или вы. И поскольку я не могу видеть снов о Триаде, для меня она всегда останется только философским понятием.

Дежерин вдохнул дым.

— Да, — медленно произнес он, — я вижу, почему иштарийцы производят такое... такое ошеломляющее впечатление. Но я не испытываю по отношению к ним наследственного чувства неполноценности — разве что в нескольких областях.

— И я не испытываю, и ни один нормальный человек, — ответил Спарлинг. — Например, насколько мы можем разделить культуру и наследственность — которые не очень далеко друг от друга отстоят — похоже, что они хуже воспринимают

трехмерную геометрию, чем мы. Может быть, из-за отсутствия древолазающих предков? Многие из них до ужаса боятся летать, хотя они знают, что наши машины безопасны. И так далее. Нет, насчет комплекса неполноценности вы не правы. Мы просто считаем их своими друзьями, от которых мы бы могли многому научиться, если бы стряхнуть с нашей шеи земных *politicos*.

— Вы мне поверите, что у меня были друзья из негуманоидов? — мягко спросил Дежерин.

Спарлинг кивнул.

У Дежерина мелькнула мысль: «Мне удалось его к себе расположить. Не отнесет ли он оливковую ветвь Джилл?»

Я что, влюблен в нее, что ли? Или это просто очарование, наложенное на долгое воздержание — как сталь с кремнем? Не знаю. Я только знаю, что хочу ее видеть. И часто.

Он заговорил, тщательно подбирая слова:

— Вы не смогли бы сообщить об этом мисс Конуэй, если представится случай? Я боюсь, что она сердится на меня за то, что я не мог помочь ее близкому другу. Она мне даже не дала шанса объяснить, как мне жаль.

Спарлинг вдруг снова стал ледяным:

— А как я это сделаю?

Как будто чья-то рука схватила сердце Дежерина и стиснула.

— С ней что-нибудь случилось?

— Не могу сказать, — отрезал Спарлинг. — Она ушла с Ларрекой на север. Они уже несколько дней в пути.

— Как? Это же сумасшествие!

— А как можно было бы ее остановить? Если она решила провести исследование в Валеннене, пока он не стал нам недоступен, кто мог бы ей запретить? И она послала записку своим родителям и мне через посыльного, который должен был нам их передать после ее ухода. Я пролетел над маршрутом, но ничего не увидел. Я и не надеялся обнаружить маленький отряд в таком огромном и пестром ландшафте. Я их вызывал, но они, конечно, отключили рации, когда отошли от релейных линий.

— Зачем, ради всего Космоса, она так по-сумасшедшему поступила?

— Потому что она — Джилл, и она хочет помочь. Да, это «вмешательство». Но она называет это исследованием, и вы долго будете искать разницу, Дежерин. Она позвонит из Порт-Руа, и вполне вероятно, что я организую там себе проект для исследования примерно в то же время. И хватит с вас. Мало вы еще вреда принесли?

Глава 13

*И вечно девы будут сидеть,
Возлюбленных будут ждать,
И волны морские будут им петь,
А ветер — пряди трепать.*

*От Абердура за сорок миль
Пятьдесят сажень в глубину
Могилу нашел сэр Патрик Спенс
И взятые им на войну.*

Допев древние слова, переведенные ею на сехаланский — потому что иштарийцы, не знавшие английского, охотно слушали музыку Земли, Джилл, продолжая звенеть струнами, зашвистела, подражая свисту ветра над холодной гладью моря. В ее сознании промелькнуло, что она всегда считала такое исполнение правильным, но вот что сказал бы автор песни, встань он из могилы и перенесись сюда за тысячу световых лет?

В этот вечер отряд Ларреки стоял лагерем на северном склоне Красных холмов. Им предстояло еще пройти Плохие земли — Далаг и потом выйти к берегу и сесть на корабль легиона. В этой открытой тропической стране, большую часть дня под двумя солнцами, они двигались после заката, стараясь пройти как можно больше. Но здесь был лес, который давал тень, а когда с неба светили только луны и звезды, идти оказывалось просто темно. Поэтому они остановились на отдых.

Отблески пламени дгорающего костра выхватывали из темноты лица, гривы, профили товарищей Джилл по походу. Они расположились вокруг нее на отдых. Неподалеку от лагеря время от времени сверкали копыта часовых, и лишь самый отчаянный древесный лев осмелился бы напасть на легионеров. Рядом лежали вьюки с продовольствием, на случай внезапного шторма натянута палатка. Но похоже, он не ожидался. Лес огораживал поляну непроницаемой тьмой, мерцали звезды, дул теплый, напитанный запахами ветер. Джилл намеревалась сложить одежду под навесом и заночевать снаружи, подложив под голову мешок. Но никогда нельзя знать, какую погоду принесет Ану.

Ее голос затих. Какое-то время легионеры и носильщики лежали неподвижно и лишь шевелили хвостами — мужской жест, означающий «спасибо».

Наконец молодой солдат спросил:

— А что делали эти женщины?

— А? — переспросила Джилл. «Просто думая о том, что это все значит — жизнь и смерть, звезды и планеты, понима-

ешь, что такие вопросы будут задаваться снова и снова, но вряд ли на них найдутся ответы». — Человеческие женщины, в песне? Они горевали.

— Понятно, но как?

— А, понимаю. Обычно, когда умирает любимый человек, любящие всхлипывают и — как бы это сказать — источают воду из глаз. Потом стараются жить, как могут.

— А кто им помогает через это пройти?

— У нас нет, как у вас, таких традиций помощи потерявшему. Есть только молитвы да некоторые церемонии, но их не все используют. Нужда в этом меньше. — И Джилл быстро добавила: — Не думаю, что мы дорожим друг другом меньше вас. Как такое измерить? — Она представила образ долориметра — приборчик для измерения печали — в изящном корпусе для привлечения покупателей и со шкалой, откалиброванной по Международной Стандартной Змее, прикосновение чьего брюха люди ощущают как минимальную неприятность (таким образом, единица горя приобретала физический смысл). Но на самом деле она была серьезна. — И кроме того, во времена, когда была создана эта песня, люди верили во встречу в новой жизни после смерти.

— Как варвары Валеннена, — заметил солдат. — Я думаю, что это и дает им возможность идти вперед. Похоже, что у них ничего другого нет, кроме обычая съедать своих мертвых, коль подворачивается возможность.

Ларрека сел на задние ноги и внезапно оказался выше Джилл, опиравшейся спиной о кожистый ствол дерева.

— Ты им это лыко в строку не ставь, сынок, — протянул он. В голосе иштарийца было столько оттенков, что можно было бы вместо этого просто высказать слова презрения в открытую. — Отдать свое тело — это последняя твоя служба в голодной стране. А другие считают, что оказывают услугу тебе, освобождая твою душу быстрее, чем разложится тело. — И задумчиво добавил: — Я думаю, что это, как и многие другие религиозные концепции, возникло в Далаге. А их, религий, много — не забывай. Кто мы такие, чтобы утверждать, что какая-нибудь система, в том числе и созданная людьми, лучше остальных?

— Да, сэр, несколько я видел сам, а слышал о многих, — ответил солдат. — В большинстве есть смысл. Но разве можно принимать всерьез некоторые из них? Вроде той, на острове Малый Ирен, где они сами себя мучают после чьей-то смерти? Я сам видел, как одна старуха совала руку в кипящую воду.

— У некоторых людей был обычай увечить себя в горе. Не так сильно, но ведь у нас тела не умеют восстанавливаться быстро

и полностью, как у вас. Телесная боль, а в вашем случае — усилие для ее контроля, заглушает боль души. Но я не это пробовала сама, поймите меня правильно.

Ларрека вытащил кисет и принялся набивать трубку.

— Правильно то, что тебе помогает, — произнес он, — и никогда одно и то же не действует одинаково на двоих. Что хорошо в Союзе и, быть может, лучше всего прочего — это то, что у тебя есть возможность осмотреться и выбрать тот образ жизни, который тебе больше всего подходит; или вообще установить новый — если наберешь несколько последователей.

Его тон, хотя и лишенный намека на проповедь, был очень серьезен. Джилл подумала: «Я тебя знаю, дядя. Ты хочешь подержать веру в этих воинах. Они молоды, у них нет твоего видения цивилизации. Всю свою жизнь они знали, что когда-нибудь наступит время, которое пришло сейчас. В таком случае легионер первой или второй октады службы может задуматься, стоит ли стоять крепко и умирать за то, за что стоишь. Особенно если это «то» оставило тебя без помощи в критическую минуту. И ты, дядя, хочешь использовать каждый случай, чтобы им объяснить».

Она уверилась в своих предположениях, когда он сказал:

— Вот возьмем меня. Если бы не Союз, я стал бы бандитом или просто влачил бы довольно жалкое существование. А вместо этого жизнь поставила меня на правильную дорогу, малость пообтесала там и тут, но не более, чем было необходимо. Зато что я от этого получил!

Солдаты насторожили уши. Джилл тоже так сделала бы, если бы могла. Ларрека рассказывал ей истории из своей карьеры, но никогда с самого начала.

— Хотите послушать? — спросил Ларрека. — Я что-то сегодня в настроении повспоминать...

«Милый ты мой старый обманщик, — подумала Джилл. — Даже если тебя и в самом деле потянуло на воспоминания, то их наверняка подпирает какой-то здоровенный практический мотив».

— ...а все это было так давно и далеко, что никого мой рассказ не обидит. — Раздалось согласное бормотание. — О'кей, — сказал Ларрека. (Это слово уже перешло в сехаланский диалект.) Он сделал паузу, раскуривая трубку.

Из костра посыпались искры. Один из носильщиков подобрал в него дров, и красные с желтым языки пламени заплясали веселей. Звезды озаряли пепельным светом поднимавшийся к ним дым. Где-то протрубил какой-то зверь, и лес затих.

— Вы знаете, что я — уроженец Хаэлена, — сказал Ларрека между двумя затяжками. — Я там провел первые пятьдесят

с чем-то лет своей жизни. Песня Джилл разбудила воспоминания, потому что Хаэлен похож на то, что рассказывают о земной Шотландии, только там все еще выраженной, потому что он на полюсе. Даже летом, когда солнце — настоящее солнце — никогда не заходит за горизонт, даже тогда там облака, туманы, дожди, бури, болота и голые горы, коварный прибой бьется о берег... да вы про это слышали. И не удивительно, что хаэленцев называют «кремневыми шурами», и многие из них становятся солдатами или моряками. В общем, выбирают любую дорогу, чтобы уйти отсюда.

Но я не был непоседой. Клан Кераззи, к которому я принадлежу, считается богатым. Вы знаете, что хаэленцы объединены в кланы. Моему клану принадлежали первоклассные районы рыболовства и морской охоты, а на суше — приличный кусок земли, где водилась дичь, хотя, по меркам Бероннена, это не так уж и много. Но моя семья отнюдь не бедствовала. У отца имелся шлюп, которым он командовал, и еще пай в трех других судах. Мы жили в достатке в большом доме на побережье, куда течением выбрасывало плавник. Нам не нужно было покупать уголь, и мы меняли добычу на другие вещи. *Иаи-аи*, хорошая была жизнь.

Хаэленцы женятся рано, где-то около двадцати четырех, только-только из отрочества. Там так надо, потому что в этом климате много детей умирает рано, и нужно использовать весь репродуктивный возраст целиком. Кроме того, жениться нужно за пределами своего клана, и каждый озабочен установлением связей. В этом, наверное, и кроется смысл того закона о моногамии и теоретического запрета на внебрачные связи. Браки устраивают родители, но сверяются с желаниями молодых — если от партнера может зависеть жизнь, то лучше выбирать того, кому ты нравишься.

Ларрека замолк и только затягивался трубкой. Когда он снова заговорил, его взгляд был устремлен поверх голов в ночной лес.

— Мы с Арэн были счастливы. Мы могли бы попросить наши семьи построить нам дом рядом с домом моих родителей, и я бы стал работать с отцом. Но мы желали независимости. Так что Кераззи выделили нам кусок Бухты Северного Ветра — скупой, словно ростовщик, и бесплодной, как его жена, но с — нг-нг-нг — возможностями. Понимаете, рыбу ловить там было неплохо, а штормы часто загоняли в бухту и больших тварей, охота на которых стоила затраченного труда и риска. А на холмах за бухтой заложили оловянную шахту. Шахтеры переправляли добычу по берегу, но я сообразил, что, когда они станут

добывать больше, морской транспорт окажется лучше, а любой входящий в бухту корабль станет нуждаться в лоцмане. В конце концов так оно и вышло, и мы еще открыли маленькую таверну. Арен умела готовить, моряки после долгих рейсов бывали очень довольны, а из меня вышел отличный бармен, не боюсь похвастать. И у нас было четверо выживших детей, три мальчика и девочка, отличные детки.

Так что у меня имелся повод приносить жертвы богам. Я уже видел много чужестранцев и знал, что наши боги не правят Вселенной. Я, честно говоря, сомневался, есть ли они на самом деле. Однако мы страдали меньше других, и я играл честно. Кроме того, полезно иметь респектабельность. Отчего же не чтить ритуалы?

Так все и шло, пока после двадцати девяти лет такой жизни мы не поехали на Дэйстед...

Ларрека прервал свой рассказ. Джилл потрепала его по гриве, и он улыбнулся ей... с благодарностью?

— Дэйстед, сэр? — переспросил солдат с Огненного моря.

— Место сбора, — пояснил Ларрека. — Вы про это не знаете? Дело в том, что большая часть Хаэлена зимой солнца не видит, а растения на шкуре вымрут, если надолго останутся в темноте. Солнце бывает на нескольких полуостровах, выходящих к северу за Полярный круг, там зимой все и собираются. Этими собраниями правит закон и обычай. Клань строят и содержат дома, запасы еды и организуют все необходимое, в том числе стараются, чтобы никто не затенял другого и каждый получил свою порцию солнца.

Моя семья имела свое место в Дэйстеде. Мы всегда приезжали и возвращались на лодке, потому что по суше приходилось переходить горную гряду, где зимой обычно держалась удивительно подлая погода. А на этот раз непогода застала нас на море. Мы потеряли мачту, нахлебались воды и попали в водоворот. До берега добрался я один. Я схватил дочку за гриву, но лианы оборвались... ладно. Я влез на льдину, дрейфовавшую к берегу, и прихромал в Дэйстед — в основном чтобы дать знать нашему народу.

Он снова затаился и помолчал, глядя на угасающее пламя в трубке. Темнота сгустилась, и очень медленно, почти незаметно над деревьями поднялся, посеребрив верхушки деревьев, серп Урании — единственное, что оказалось холодным этой ночью, кроме воспоминаний о зиме в Хаэлене.

— Я это вам рассказал не для того, чтобы вы меня пожалели, а чтобы описать ситуацию. Вам следует знать еще кое-что. Помните, у разных народов разные способы поминания усопших.

Что делают кланы? Они дают ему или ей компаньона, который не отходит ни днем ни ночью, пока страдающий не исцелится. Рядом с горюющим всегда кто-то есть, готовый протянуть руку, поговорить или сделать что-нибудь еще, что понадобится. Обычно таких компаньонов несколько. Для многих это хорошо. По крайней мере, так лучше, чем бродить одному по стране, где часто бывает до ужаса пусто. Кроме того, в обычаях Хаэлена помогать соседу без ограничения, а жадность и скупость оставлять для чужаков, потому что никогда не знаешь, что и когда понадобится тебе самому от соседа. Так что родичи хотели мне добра. Но на протяжении трех октад моя семья жила более или менее сама по себе. В доме все время были гости, но то были охотники, шахтеры, моряки, рыбаки, торговцы — друзья, но не близкие, если вы меня понимаете. Я привык находиться в основном с женой и детьми. Мы страшно не любили толпы в Дэйстеде и держались отдельно — насколько это никого не обижало. А тут я внезапно оказался лишен частной жизни. И... ну ладно, Джилл поймет. Мне было чертовски больно, но не следовало обращаться со мной как с тем, кто потерял семью после двух или трех гипероктад совместной жизни. А они именно так и поступали. Таков обычай. И кроме того, нужно было что-то делать, чем-то заняться в эти долгие черные полосы между появлениями солнца. И от меня ждали почитания богов! «После того, что они со мной сделали?» — отвечал я сородичам. Это шокировало мой клан сильнее, чем что-либо другое: середина зимы — такое время, когда у всех жизнь висит на волоске. А я вызвал богов спуститься вниз и сразиться, как подобает мужчинам. Много тут рассказывать нечего. Вы понимаете, как надо мной сгущались тучи, и в основном по моей вине.

«Но никто не предположил, что у него временное помешательство, и не стал ждать выздоровления, — подумала Джилл, — потому что иштарийцы не знают, что такое сумасшествие».

— В конце концов я ушел, — продолжал Ларрека. — К тому времени солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы прожить вне дома, хотя то была бы достаточно жалкая жизнь — собирать ракушки и морскую траву на берегу и есть тех мелких зверюшек, которых можно подшибить камнем. Однако мой плохой характер меня же и выручил. Вскоре Дэйстед посетил поздний буран, по-настоящему злой. Нескольким он принес смерть, а остальным, когда кончилось топливо, — многие беды. Сейчас то большинство хаэленцев невеждами не назовешь. Большинство из них, в отличие от моих родственников, не увидели в моем вызове богам святотатства, но некоторые ужаснулись. Я не виню

их за приверженность к старым суевериям. Вы, северяне, не знаете, как влияют на душу времена года, холод, мгла и зори, которые зовутся «мертвый огонь».

Так вот, среди большинства соплеменников я не пользовался популярностью. Я затруднил им очень важное дело — пережить зиму, так что мне вряд ли предложили бы новую жену. А холостяк не может рассчитывать на большее, чем низкооплачиваемая работа по найму, — если он не займется грабежами, что я в своем отчаянном положении всерьез рассматривал. Да, но был еще и Союз. И торговля, которую он сделал возможной. Весной в наши гавани опять стали заходить купеческие корабли и покупать руду, соленых ихтиодов, консервированные яйца бипена. Выглядел я тогда неприглядно, но сумел уговорить капитана взять меня в палубную команду. И за следующие сорок восемь с чем-то лет я объехал полмира. До тех пор я не знал, насколько он велик и удивителен. В конце концов я вступил в Зеру, а потом нашел и женщину, которая до сих пор со мной. И все, что у меня есть, я получил от Союза. Ребята, это далеко еще не вся цивилизация — дальше броска копья. Но очень важная ее часть. Попробуйте вообразить, как бы вы жили, не будь Союза. И спросите себя, не обязаны ли мы дать своим детям шансы не хуже собственных.

Ларрека согнул задние ноги и улегся. Все поняли это как намек на то, что рассказ окончен, и приготовились отдыхать. Джилл пристроилась около старого командира и обняла его рукой за шею. Грива сухо зашелестела. Она почуяла его запах, мужской запах горячего железа и табачного дыма, ощутила под кожей налитые, словно резиновые, мышцы.

— Ты мне никогда этого не рассказывал, дядя, — сказала она по-английски.

— Случая не было. — Он не произнес: «Как тебе рассказать о жизни четверо длиннее той, на какую ты можешь рассчитывать?»

— Как насчет поспать? — тут же перевел он разговор на другую тему. — Ану выставит свое раскаленное брюхо, а нам предстоит пересечь суровую страну. Не упускай случая дать костям покой, солдат.

— Есть, сэр! Спокойной ночи.

Она провела пальцами по его мохнатой щеке. Кошачьи усы щекотнули ладонь. Вытянувшись на спальном мешке и прикрыв глаза согнутой рукой, она подумала о том, какой сон выберет себе Ларрека. И что приснится ей.

Или кто? Если выбирать, кого бы она выбрала?

В середине лета Истинное Солнце всегда начинало наступать Красного. Тем временем Злая звезда все росла и росла в небе. Как говорилось в старых рассказах, приблизившись вплотную, она превзойдет своего соперника по величине. Валеннен страдал от засух, а Огненное море исклестывали штормы.

Не отставали от нее и тассуры. Последние несколько октад оверлинги строили флоты, разоряли покидаемые легионерами острова и разбойничали на торговых путях. Арнанак был слишком занят на берегу, чтобы самому всерьез пиратствовать. Однако на верфи в Улу для него трудилось столько рабочих рук, сколько он мог собрать. Несколько кораблей он одолжил рейдерам, которых направил к восточному побережью и архипелагу Эхур. Они отвлекали внимание и силы противника от той сухопутной кампании, которую планировал Арнанак. Несколько вымпелов он держал в резерве, и теперь, кажется, настало время сомкнуть кольцо.

Легион Зера теперь сидел только в Порт-Руа, совершая безуспешные вылазки в те прибрежные районы, которые меньше года назад цивилизация считала своими. Объединенные Арнанак, воины Валеннена отбивали такие набеги либо скрывались с глаз, предоставляя противнику атаковать пустоту.

Арнанак не был этим доволен. Пока у Союза имелась здесь база с морским снабжением, его фланги и тыл оказывались в слишком большой опасности для планируемого им движения дальше на юг. Надо было спешить. Разведчики и шпионы докладывали со всего Союза, что движения подкреплений не наблюдается, но все могло перемениться. И пока этого не случилось, нужно осадить Порт-Руа с суши и заблокировать с моря, чтобы ни один солдат не подошел к городу перед последней битвой.

И для того Арнанак возглавил флотилию. Они подошли к острову Замок, опрокинули слабую охрану, всласть пограбили и снесли каменные строения, возведенные агентами Союза, чтобы их не превратили в крепости. Арнанак желал, чтобы тассуры остались хозяевами на островах, а еще лучше — сменили тамошних жителей. Кроме того, он хотел узнать, как станет действовать его флот, организованный по образцу флота легионеров. Надо было потренировать молодых мужчин и отвертеться от скучных обязанностей Оверлинга оверлингов.

Когда флот возвращался на северо-запад, корабли разметало тайфуном. Он не боялся гибели кораблей — его люди привыкли к сильным ветрам. Но у него оказалось всего два корабля, когда он заметил судно из Бероннена.

— О-хой! Парус!

Крик впередсмотрящего будто выдернул Арнанак на корму. Море катило высокие волны, по их серо-зеленым телам ползли кружева пены. Ослепляли и жалили срываемые ветром с гребней соленые брызги. Неслись нависшие серые тучи, и высокие облака клубились в их промоинах. Сквозь разрывы туч прорывались двойные солнечные столбы, окрашивая воду и небо в два цвета, от волн летели радуги. Ветер был почти холодный. Журчала и рокотала вода, палуба уходила из-под ног.

Арнанак заметил вдалеке странный корабль. За ним на фоне туманного горизонта возвышался пик вулкана Черного острова. Из жерла горы поднимался дым. Арнанак навел купленную когда-то у торговца подозрную трубу. Резче выступили обводы корабля — не узкий низкобортный корабль валенненцев, а высокобортное двухмачтовое судно, какие строят в Бероннене.

«Транспорт Союза идет в Порт-Руа», — решил Арнанак и протянул трубу своему помощнику Юсайюку.

— Он явно один. Пойдем на перехват и дадим «Ненасытному» сигнал подойти.

— По-моему, это легионер, а не купец, — осторожно заметил Юсайюк. — Похоже, у них там охрана на борту, и баллисты уже взведены.

— Тем больше причин посмотреть на них поближе. И не страшись. Мы можем юлить вокруг них, как клыкач-рыба вокруг морского толстяка.

Лицо Юсайюка окаменело.

— Я не говорил, что боюсь.

Арнанак скупно улыбнулся:

— Я тоже этого не сказал. Честно говоря, мне немного не по себе. Не знаю, зачем сюда появился этот корабль.

«Потому что если противник решил наконец любой ценой удержаться к северу от экватора... Нет, не так. Почему тогда одинокое судно? А может быть, это конвой, и его, как и нас, разметало бурей? Или оно везет что-то из того, что люди придумали для битвы...»

Арнанак отогнал мысли. Нет резона беспокоиться, пока он не знает намерений чужаков и их возможностей. А потому — смело вперед! Его судьба рождается в танце Трех, в мощных ритмах Истинного Солнца и Янтарной звезды, и в хаосе, что несет Бродяга, чья свободная воля может дать начало новому циклу судеб.

На палубе «Прыгуна» раздалась команды — судно меняло галс. Для перехвата чужого судна надо было идти почти по ветру. В громовом шелесте парусины повернулись реи грот-мачты. Арнанак приказал поставить грот, но по совету помощника

убрал кливера и стаксели. «Ненасытный» поступил так же. Оба судна рванулись вперед.

Матросы рассыпались по местам. Палубная команда бросилась к абордажным крючьям. Лучники полезли на мачты. Часть стала наготове у весел. Остальные оттягивали бревна и скрепляли их «ласточкиным хвостом», собирая платформу, ведущую от мачты. На ней уже приготовились к прыжку на чужой корабль несколько воинов, следующая партия стояла рядом. Арнанак был среди первых. На нем не было доспехов, кроме шлема и наплечников — они утянули бы его на дно, упади он за борт, — а из оружия имелись только щит, копье и меч.

Платформа нависла над водой. Он стоял на ее краю, балансируя при качке и рыскании корабля. Попутный ветер шелестел одеждой и трепал листья гривы. Пахло солью и простором. К нему подошел его сын, Игини, и спросил:

— Можно ли мне возглавить группу вторжения, когда мы нападём?

— Нет, это моя работа, — сказал Арнанак. — Но ты можешь идти сразу за мной. — К нему тотчас вернулась прежняя мысль: насколько глупо вождю возглавлять каждую стычку. Но ему, пожалуй, не увидеть, как тассуры станут цивилизованным и трезво рассчитывающим народом. — К тому же, если они достаточно сильные, нет смысла рисковать потерями, тем более что мы и так с добычей.

— Как это? Они же нападут на наших братьев на берегу!

— Лучше сказать, что они попадут в расставленную нами западню. Честно говоря, я бы с ними не связывался, но мне хочется заглянуть к ним на палубу и понять, насколько всерьез Сехала хочет удержать Порт-Руа.

Арнанак снова поднял подзорную трубу.

На корабле южан готовились к бою. Среди матросов он заметил немногочисленных легионеров. Возможно, их много внизу, готовых неожиданно выпрыгнуть на палубу, но Арнанак в это не верил: они вряд ли рассчитывали на такую встречу. Когда приходила Огненная пора, торговые экипажи тоже умели сражаться. И тем не менее корабль не походил на военный транспорт. Это могло оказаться посыльное судно, отдельный рейс снабжения или корабль, везущий персону со специальной миссией.

Так подходить или нет? Они встретят тассуров как следует. Два удачных попадания из носовой и кормовой баллист могут разнести в щепки его корабль. Его самого могут убить, и выкованный им Союз рассыплется... Но в деле нельзя без риска. А выиграть он мог сокровище или неоценимой важности сведения...

А что это за фигура вышла из рубки? Две ноги, горизонтального тела вообще нет, завернуто в материю, на голове пряди, перехваченные лентой...

— Сражаемся! — проревел Арнанак.

И пока вокруг него слышались крики и бряцание оружия, он наклонился с платформы и сказал Юсайюку:

— Слушай, у них на борту человек. Если мы его захватим, то кто знает, что он может рассказать, какой мы сможем за него получить выкуп или какую заключить сделку? Так что давай к ним поближе и быстро на abordаж. Я поведу штурмовую группу. Но нам нужен только человек. Едва он окажется на борту, отдавай швартовы — и вперед. Дай «Ненасытному» сигнал, чтобы штурмовали с правого борта, пока мы нападаем с левого.

— Человек? — с сомнением произнес Юсайюк. Как большинство тассуров, он об этих чужаках слышал только слухи, но те, кто слухи передавал, шептали о чародействе.

— Я не знаю, что он может против нас применить, — признал Арнанак. — *Ву-ва*, худшее, что может случиться, — нас убьют. А уж Союз никогда не дал бы нам по собственной воле доступа к одному из этих. — Гордо вскинув голову, он добавил: — А кроме того, я ведь в союзе с даурами.

Юсайюк и другие, кто слышал эти слова, сделали знак от глаза. И все же Арнанак смог их воодушевить. Хотя никто точно не знал, какой силой обладают дауры, они жили гораздо ближе людей.

Луч Поджигателя выхватил из дымки беронненское судно, и оно будто вспыхнуло огнем.

С верхушек мачт на палубу посыпались стрелы. Камень из баллисты поднял фонтан на расстоянии полета копья от «Прыгуна». Оба варварских судна спустили паруса и пошли на веслах. Они так удачно приблизились к жужанину, что паруса — его единственный движитель — понесли его прямо между кораблями противника.

Арнанак видел, как человек с помощником передавали солдатам какие-то трубы с ложами, похожими на арбалетные. Солдаты и матросы неумело прицелились. Он увидел, как один из его лучников согнулся, упал с мачты и разбился о палубу. Но чем это хуже смерти от стрелы? Да и времени бояться уже не было.

Еще раз ударили весла, и корабли соприкоснулись. Абортжные крючья впились в борт беронненского корабля.

Более быстрые и маневренные, корабли северян уступали жужанам в высоте бортов. Благодаря одному этому преимуществу в дни расцвета Союза пираты часто не рисковали нападать на

его корабли. Но Арнанак придумал свою abordажную платформу и широко развернул их строительство.

И та, на которой он сейчас стоял, возвышалась над пушечной палубой противника. Он спрыгнул вниз. Его меч зазвенел, столкнувшись со сталью врага.

Беронненцы навалились на него скопом. Он отскочил от опускающегося клинка, перехватил щитом удар топора, врубился в мясо и кость. Кто-то вскрикнул. Слышалось хриплое, тяжелое дыхание, в холодном воздухе поднимался пар от разгоряченных шкур. Все новые и новые тассуры прыгивали на палубу. Им удалось захватить плацдарм.

Поверх шлемов и голов Арнанак увидел человека. Тот стоял на фордеке рядом с легионером. И держал в руках чародейское оружие. Но в водовороте схватки оно было бесполезным — выстрел одинаково мог достаться и врагу, и другу. «Как бы там ни было — вперед!» Он испустил боевой клич народа Улу и рванулся в бой.

И с ним его воины. Противники не ждали массированного прорыва в одном месте — это не было в обычаях пиратов, пытающихся захватить судно. Арнанак с товарищами прорубился сквозь их массу и рванулся к трапу.

Игини опередил отца и первым вскочил на трап. Человек поднял свое оружие и нажал на крючок. Голова Игини взорвалась кровавым пузырем, и он свалился на палубу бесформенной красной грудой. Арнанак метнул топор. Он мог бы убить, но хотел только оглушить. Обух топора попал человеку в диафрагму. Он согнулся пополам и осел на палубу. Арнанак дотянулся до этой твари и схватил в охапку. Легионер, стоявший рядом с человеком, дрался с остервенением. Явно превосходящие силы противника загнали его на ростры.

Южане яростно нападали на маленький отряд, прижимая его к борту. Бойцы Арнанака пока еще удерживали трап. Он сам подскочил к фальшборту, под левой рукой у него болтался человек, а правой он махнул Юсайюку. Помощник дал команду убрать abordажные крючья, и «Прыгун», движимый веслами внешней стороны, прошел вперед так, чтобы его фордек оказался под Арнанаким. Арнанак прыгнул. Гребцы Юсайюка удерживали корабль на месте, пока за ним не последовали остальные.

Вернулись не все. Одни, заблокированные в середине корабля, могли теперь полагаться только на милость противника. Другие легли мертвыми, и среди них — Игини, полный жизни и радости. Но мужчина может гордиться потерей сына или жизни ради такого трофея, как пленник-человек.

— Отходим! — крикнул Юсайюк.

Из-за носа транспорта показался «Ненасытный». Только его нападение с правого борта и сделало возможным успех дерзкого рейда Арнанак. Оба тассурских корабля снова подняли паруса, и те сразу наполнились ветром. Теперь беронненцам их не догнать.

Человек встал, шатаясь, и что-то выкрикнул. Легионер, который пытался его защитить, появился у фальшборта. Он тащил коробку, которую явно в спешке принес из каюты. Хотя корабли разделяла широкая полоса воды, он обвязал коробку тросом, раскрутил и бросил. Этот отчаянный бросок оказался успешным — коробка ударилась о рубку и упала на палубу.

— Выбросить за борт! — крикнул Юсайюк, ибо коробка могла содержать смертельную угрозу.

Человек не понимал по-тассурски, но увидел, как матросы бросились выполнять приказ.

— Нет! — завопил он по-сехалански. — Я без этого умру...

— Отставить! — скомандовал Арнанак. — Этот сундук мы сохраним. — И добавил по-сехалански для человека (голос его был резок из-за Игини): — Я хочу, чтобы ты еще пожил. По крайней мере какое-то время.

Глава 15

Младший лейтенант Конуэй прибыл на Мундомар в составе большой группы летчиков. Старый войсковой транспорт был переполнен. Все приходилось делать по очереди, по номерам. Залезать в нишу, где до тебя уже кто-то спал, как в ячейку огромных сот, и лежать там, слушая храп братьев по оружию и ощущая издаваемый ими запах. Это как-то не очень гармонировало с идеей крестового похода на выручку благородным пионерам, осаждаемым ордами чудовищ, или спасения человечества в звездных битвах. Конечно, Конуэй не был настолько наивен — старый дядя Ларрека бывал довольно-таки откровенным в своих воспоминаниях, — но все же он воображал себя кем-то вроде легионера. Но не пришлось ли ему стать просто винтиком военной машины?

Зато он торжествовал при игре в покер, за что должен быть благодарен суровой школе сестрицы Джилл. Он начал вспоминать и представлять себе, что она там делает, и как там мать с отцом, и Алиса с мужем и ребятишками. Он скучал по ним гораздо больше, чем по кому-нибудь на Земле.

Чем ближе становилась цель, тем сильнее росло напряжение в конвое. В межпланетном пространстве их наверняка уже засекли наксанцы, чей флот тоже крутился возле этой звезды. Если они решат напасть...

Напряжение перерастало в страх. Наксанцы атаковали. И военным летчикам ничего не оставалось, как сидеть и ждать, подобно сардинам в консервной банке. Если бы им досталось прямое попадание, они бы об этом даже и не узнали. Конуэй на своей шкуре понял, до чего удачно американское выражение «страх вышел потом». По запаху собственного пота он мог бы заключить, что весь яд, который только вырабатывается его телом, выходит через кожу.

После многих часов, наполненных маневрами и расчетами, кратких вспышек боевой оборонительной активности и многих часов ожидания противник, очевидно, решил, что цена победы окажется слишком велика, и отозвал свои силы. Конвой подсчитал свои потери. Погиб рейнджер, в непосредственной близости от которого взорвался снаряд. Половину корпуса разворотило. Команда находилась в скафандрах, но некоторые оказались пробитыми, а люди получили контузии различной степени, термические и радиационные ожоги. Конвой подобрал тех, кого удалось спасти, и распределил их по оставшимся кораблям.

Летчикам с транспортного корабля нашлось занятие по уходу за ранеными на протяжении всего конца перелета. Дон Конуэй узнал, как выглядят перемолотые кости, сваренные заживо лица и выжженные глаза, что такое понос и рвота и как люди теряют волосы, кожу, мясо и разум. Он и раньше видел смерть — смерть животных и нескольких софонтов, но то была мирная кончина. Теперь он понял, почему еще год после гибели тети Эллен в Далаге Джилл снились кошмары. Он даже думал, что из-за этого она так сильно привязалась к Ларреке.

Но тетя Эллен стала жертвой слепого случая. Эти же люди умерли, умирают, останутся калеками — если не удастся клонирование — ради великой цели. Верно ведь?

Поначалу их часть разместили возле Бартона — столицы Элефтерии, самого большого поселения людей на Мундомаре. Военные действия по всей планете шли вяло. Фронт стабилизировался, что Конуэй про себя считал патовой ситуацией. В небе, на суше и на море происходили отдельные стычки.

— Ты подожди, — предупреждал его Эйно Салминен. — Это затишье из-за недостатка снабжения с обеих сторон. Сейчас Земля и Накса вольют свежую кровь, и скоро будет весело.

— Почему нам их не блокировать? — спросил Конуэй.

— Они бы попытались блокировать нас. Битва с тяжелым ядерным оружием началась бы на спутниковой высоте, а может быть, и в атмосфере. Такое сражение напрочь разрушило бы ту самую планету, за которую мы, как предполагается, воюем. А того хуже, могла бы начаться тотальная война между материнскими планетами.

Конуэй понял, насколько это было мудро. Ни элефтерийцы, ни тсейякканцы не обстреливали города противника. Последнее, стремясь вернуть себе Сигурдссонию, оккупировали некоторые поселения элефтерийцев, но он научился презрительно улыбаться (про себя) тем леденящим кровь историям, которые ему довелось услышать. Если проверить, то всегда оказывалось, что все ужасы сводились к неизбежным в бою случайностям вроде попавшего под шальную пулю ребенка. А военные власти тсейякканцев обращались с пленными людьми настолько же гуманно, насколько люди с тсейякканцами. Это походило на правду — тем более что военная цензура не пропускала сообщений на подобную тему.

Он был рад выбраться наконец из звездолета и свободно пройтись по открытому и безопасному месту. Однако оказалось, что на свободе делать особо нечего. В Бартоне почти не было ночных клубов, действующих театров и тому подобного. На Земле они показались бы скучными, переполненными и дорогими — уж лучше торчать на базе и смотреть стереовизор. Некоторые благотворительные организации пытались поближе познакомить граждан Элефтерии и их новых союзников, устраивая танцы и приглашения в дома. Но в общем и целом успеха они не достигали. Местные, несомненно, были приятным народом, смелость и преданность своему делу оказались у них просто фантастические, но не были ли они — как бы это сказать — малость зациклены?

Одна девушка спросила его во время танца:

— Почему вас так мало приехало?

Другая девушка, которую он пригласил было провести вместе вечер, отказалась:

— Я работаю на военном заводе, и работа каждый день, так что уж извините. Нет, не надо меня жалеть. Я делаю то, что хочу — служу своему делу. Вам этого не понять, вы всегда жили в довольстве и покое.

Хозяин, у которого они обедали и малость перепили, сказал:

— Да, я одного сына уже потерял. И там у меня еще двое. Земля поставляет оружие, а мы — пушечное мясо.

Когда Конуэй заметил, что то же верно насчет Наксы и тсейякканцев, хозяин обиделся.

За городом были дороги, прогулки по которым могли бы и понравиться. Но Конуэя они не привлекали. Как тщательно ни пытались переделать местность на земной лад, она оставалась однообразной, жаркой, влажной и почти всегда уныло заорганизованной. Среди посаженных по ранжиру деревьев и распланированных полей ему не хватало дикого иштариийского пурпура и золота, ему не хватало солнца, лун, звезд. Конечно, элефтерийцы были горды своей планетой. Но он не был обязан делить с ними это чувство.

Его часть послали на фронт. Действия разворачивались.

Но слово «фронт» обернулось почти что пустым звуком. Тсейякканцы удерживали часть Южной Сигурдссонии. Иногда они отступали, а элефтерийцы наступали — или наоборот: то ли в результате стычки, то ли в ходе выполнения какого-то большого плана. Точно так же люди имели плацдарм в западной части Хат'хары и на островах этого континента. Вне этих районов случались отдельные схватки в воздухе.

Эскадрилья Конуэя шла в свое первое патрулирование. Когда из наушников донеслось сообщение, что им наперехват идут воздушные силы противника, ему показалось, что он сходит с ума. Это бред, никто ведь не хочет убить его — его, которого все так любят. А тем временем его пальцы сами делали все, чему их обучили, и вот так находиться пассажиром в собственном теле тоже было странно. И тут появились тсейякканские самолеты и началась драка, как между двумя роями ос. Времени бояться не осталось.

Он понял, что испытывает радостное возбуждение — как при игре в покер, когда ставка больше, чем можешь позволить себе проиграть...

...И вдруг у тебя на руках оказываются четыре дамы. Самолеты противника летели, как капельки между свинцовым небом и ртутным морем, но были не лучше, чем его «Акула», а их пилоты явно не прошли его учебной тренировки. Один атаковал его самолет. Конуэй маневрировал в сторону от трассирующей дорожки, перевернулся через крыло и поймал бандита в свой прицел. Остальное доделала автоматика — вспышка фейерверка и долгая, дымная спираль уходящего вниз горящего самолета. От перегрузок Дональд почувствовал головокружение, словно слегка опьянел. Он что-то кричал от радости, пока не увидел второго противника, и тут он стал так занят, что было не до крика.

Дональд не смог бы поклясться, что второй самолет сбил тоже он. Он знал только, что его эскадрилья выиграла бой и со славой возвращалась на ничем другим не знаменитую базу в

джунглях. Ценой малых потерь они почти начисто уничтожили целую эскадрилью противника.

Вот только в эти «малые потери» входил Эйно Салминен, лучший друг Конуэя по службе, который женился как раз перед отлетом с Земли. Дважды Конуэй пытался написать в Финляндию, но так и не смог. Каждый раз, когда он брался за письмо, у него всплывала мысль: был ли женат тот летчик, который тогда попал под огонь его пушек? «Я не чувствую себя убийцей. Это война — или я, или он. Я просто интересуюсь».

По крыше барака стучал дождь. Кондиционера не было, и влажную духоту барака наполняли испарения болот. Люди, собравшиеся возле стереовизора, разделись до трусов. Ходить совсем голым не решался никто. Конуэй подозревал — по крайней мере сам он не разделся бы из опасения быть неправильно понятым — его друзья могли бы принять это за предложение или провокацию, — а может быть, он сам уже заразился их предрассудками? Непривычная обстановка и одновременно отсутствие женщин приводят к сдвигам в уме. В конце концов, садиться на стул голой задницей просто неприятно.

Из Бартона передавали запись последних новостей. В основном сообщалось о праздновании на Земле Рождества и хануки — в этом году особенно пышном из-за роста популярности Общества Всемирной Любви. Но была там и история о находке полного скелета неандертальца в Северной Африке, и почти полное изложение сообщения о том, как повернул назад «Аполлон», чтобы спасти маленького мальчика в сломанном моношаттле, и отчет об открытии новой термоядерной электростанции в Лиме, информация об острой предвыборной борьбе в России и сообщение о том, что король моды из Бангкока повелел носить треугольные плащи... Где-то ближе к концу промелькнула сводка о стычке межзвездных сил Земли и Наксы в секторе Веги. На Мундомаре без перемен.

Майор Сэмюэль Мак-Доуэлл, элефтерийский офицер связи, выругался.

— Вы заметили, от какого числа лента? В этот день убили мужа моей сестры.

— Да? — переспросил кто-то. — Примите мои соболезнования.

— И не только его, — добавил Мак-Доуэлл. — Враг вышел из джунглей и перестрелял всех в той деревне, где побывал его взвод. Террористы, гады.

— Своих людей в Хат'харе вы называете партизанами, — не смог промолчать Конуэй.

Мак-Дууэлл уставился на него тяжелым взглядом:

— Вы-то сами за кого болеете, младший лейтенант?

В духоте барака Конуэй почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Я не болельщик, а боевой летчик, майор! — отрезал он. — «Я ведь не обязан вытягиваться по стойке “смирно” перед старшим по званию иностранным офицером?» — Он чуть не добавил, что на Земле есть поговорка о зубах дареного коня, но сдержался. Если Мак-Дууэлл наступит капитану Якубовичу, младшего лейтенанта Конуэя могут вызвать на ковер. А кроме того, этот бедняга искренне горюет, и для него эта война — вопрос жизни и смерти. — Не имел в виду вас обидеть, сэр.

Майор уже несколько остыл:

— Я ведь не фанатик. Если бы эти жабы вели себя разумно... да ладно, я не про то. Для Земли все это — мелочь, шуршание за кадром или того меньше. Они там не видят, что мы кровью истекаем.

Серией быстрых и блестящих действий летчики очистили небо. Тсейякканцы не смогли им ничего противопоставить. После этого перерезать коммуникации и отрезать силы вторжения от их баз оказалось нетрудно. Лично Дон Конуэй пустил на дно один надводный корабль и, возможно, одну субмарину. Но в следующий вылет его зацепило ракетой — такое стало вдруг неожиданно часто случаться с самолетами его полка. Он катапультировался и болтался в океане, пока его не подобрал спасатель.

Этим он заработал неделю отдыха для восстановления сил в Бартоне. Ему в отель позвонил вежливый джентльмен с Земли, попросил о встрече и угостил таким обедом, о самой возможности которого на Мундомаре Конуэй не подозревал. После многих теплых слов джентльмен в конце концов перешел к делу.

— Я слышал, что вы были на Шканском побережье. Об этом месте дьявольски трудно получить достоверную информацию. Элефтерийские власти все держат в секрете и, вообще говоря — извините, лейтенант, но ведь вы не элефтериец? Вы — э-э — находитесь под юрисдикцией Мировой Федерации, что можно сейчас рассматривать как ваше подданство, — если говорить о том, кому вы должны быть лояльны. А в Федерации имеются люди — важные люди, — которые хотели бы точно знать, насколько обоснованны подозрения о наличии нефти в Шканском регионе.

— Как? — удивился Конуэй.

— Именно так. Я сам не геолог, но все очень похоже. На Мундомаре шла необычная эволюция, которая началась еще в пылевом облаке и создала крайне необычную планетологию и биохимию. И здешняя нефть содержит некоторые настолько необычные компоненты, такое исходное сырье для органического синтеза, например, лекарств, что... Мы, конечно, могли бы сами синтезировать такие вещества, но выкачать их отсюда и доставить туда в тысячи раз дешевле... Еще по одной? Официант, будьте добры!.. Вопрос в том, что после заключения мира и раздела планеты эти районы должны оказаться в дружественных руках, а не в руках неблагодарных сукиных сынов, которые вздуют цену до небес, или вообще в руках этих квакушек. Если бы на Земле могли точно и конфиденциально знать, о каких точно территориях идет речь, то и военную кампанию можно было бы спланировать получше, и политические цели стали бы яснее. Я понимаю, что у вас нет полной информации, но каждая крупница может помочь. Я имею в виду помощь Федерации.

Конузй чуть было не сказал, что ничего не знает, а если бы и знал, то не стал бы помогать спекулянтам, наживающимся на чужой крови. Но он вовремя овладел собой и сказал то, что следовало сказать согласно моментально разработанному им плану. Он говорил слово за словом, а землянин ставил выпивку за выпивкой, и Дональд закончил вечер в компании такой девушки, которую только могло нарисовать его воображение.

Он не думал, что этого топтуна очень уж смутит счет, который ему придется оплатить в обмен на всю эту туфту. В конце концов, его отпуск подходил к концу, и надо было возвращаться на войну.

На некоторое время война превратилась в полеты над глухоманью. Он обстреливал указанные районы и не получал ответов в виде пуль или ракет. Но беспокоило то, что такой работе не было видно конца.

— Они не уходят, скользкие вонючки, — сказал один капитан из бронепехоты. Однажды у Конузёй перегорел генератор, и он сел на вынужденную около элефтерийского аванпоста в недавно отбитой деревне. Руины мокли под дождем, стлался сладковатый запах гниения. Люди редко давали себе труд хоронить наксанцев, потому что их трупы не заражали людей. Капитан плюнул на один из них.

— Им тут легче выживать, чем нам. А родной мир их снабжает... — Он перевел глаза на загородку, за которой сгрудились пленные. С ними обращались без жестокости, но никто не

знал их языка, а врачей, которые умели бы лечить инопланетян, не хватало. Огромные, бесформенные, сургучного цвета твари старались помочь друг другу чем могли.

— Их еще много будет, — сказал капитан. — Горячее дело близится. Без работы не соскучишься, лейтенант.

Конузэй летел высоко над облаками, в стратосфере. Под ним сияла белизна, вокруг темно-синее небо и его боевые товарищи. Наверху светило солнце и несколько самых ярких звезд. Но он видел только Иштар.

И чувствовал ее, слышал, чуял ее запах и вкус. Как бесконечно высок им казался отец рядом с маленьким Доном, какая красивая была мама. И без Джилл и Алисы тоже трудно было жить. Когда появился Ларрека, Дон страшно ревновал его к Джилл, которой старик явно оказывал предпочтение. Зато именно его отец взял с собой в путешествие по Джайину, и только они вдвоем встречали туманный рассвет. Он вспоминал леса и моря, и как он впервые открыл для себя искусство Земли, и этот тройной рассвет на восхождении в Грозовых горах...

В наушниках пискнуло. Что? Неужто еще остались эти бандиты?

Скорость их приближения была просто пугающей. Таких они еще не видали. Зрелище острых стреловидных крыльев и эмблемы в виде колеса бичом хлестнуло по нервам. Накса. Сама Лага. Местные пилоты были любителями, полуобученными колонистами на случайных машинах. Теперь Накса последовала примеру Земли и прислала регулярные летные полки.

— За скальпами, парни! — крикнул командир Конузэя. Эскадрильи сцепились.

Когда он пришел в себя, шел дождь. Обломки самолета были почти скрыты джунглями. Он не помнил, как его сбили, не помнил жесткой посадки.

Он осознавал только боль. Вокруг все было в крови. Левая нога превратилась в мешок боли, набитый осколками костей. Сквозь дурман в мозгу он подумал, не сломал ли он и ребра, потому что дышать даже неглубоко было очень больно. На фоне мира виднелась царапина. Она была на правом глазу.

Он попробовал включить рацию. Безрезультатно. Люк кабины был сорван. По нему хлестал и стекал дождь. Где аптечка? Где эта, мать ее так, аптечка?

Наконец он отыскал ее и попытался нанести аэрозольную повязку, унять боль хотя бы настолько, чтобы можно было думать. Баллончик выпал из дрожащей руки. Он попытался дотянуться до него, но мешали привязные ремни и невыносимая боль.

Потом стало теплее, пришло беспамятство. Трещина в мироздании потускнела, а следом и весь мир. «Уходи, смерть, — подумал кто-то вне его. — Тебя сюда не звали».

— А почему нет? — спросила ласковая тьма.

«Потому что... Я занят, вот почему».

— Хорошо. Я подожду.

ПОГИБЛИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ: Ст. лейт. Джан Г. Барнвельд, мл. лейт. Дональд Р. Конуэй, мл. лейт. Джеймс Л. Камикона...

ОПЛАКИВАЮТСЯ: Кех'твиз-а-Сак Дзуакский, Вхиккр Храбрый, сын Нова Раккари...

Глава 16

Теоретически Дежерин мог сноситься с Примаверой по любому поводу прямо со своего рабочего места. Практически же ему нужен был отпуск из этой пустыни не меньше, чем всем его людям. И к тому же электронный образ не заменял живого присутствия. По отношению к первому гораздо легче оставаться холодным и безличным. И потому он довольно часто ездил в город для консультаций, да и просто для отдыха. Те, кто сильнее всего возражали против его миссии, видели перед собой живого человека, понимали, что не он это придумал, видели, что он болеет за интересы Иштар и что он может попытаться повлиять на правительство, чтобы изменить его политику.

Проведя пару часов за решением технических проблем в конторе у Спарлинга — наиболее естественное место для распоряжения ресурсами, которых требовал проект, — он вдруг услышал от инженера:

— Вот что я вам скажу. Сегодня в Стеббс-парке выступает Аниэф — лучшая сновидица. Что, если вы пойдете ко мне обедать, а потом мы вместе пойдем на представление?

— Вы очень любезны, — удивленно ответил Дежерин.

— Так и вы оказались не таким уж плохим человеком. И потом, чем лучше вы будете знать местную культуру, тем больше надежды, что вы попытаетесь помочь ее спасти.

— Я пытался разобрать некоторые записи таких выступлений из ваших архивов. Это не просто.

— Еще бы. Они не просто на иностранном языке. Здесь музыка, танец и драма имеют гораздо больше оттенков, чем мы,

люди, можем даже себе вообразить. Но во время представления Аниэф я вам буду комментировать происходящее.

— А наш разговор не помешает другим?

— У меня в браслете микропередатчик, а вам я дам микроприемник — вставьте в ухо. Так что мы не станем шуметь и никого не побеспокоим. Я думаю, что сегодняшнее представление ее сна, каково бы оно ни было, будет включать ветер как один из элементов языка...

Зазвонил телефон.

— Извините.

Спарлинг ткнул рычажок.

На экране проявились резкие черты Богтарта Хэншоу. Он был как-то зловеще серьезен — похоже, ненамеренно.

— Плохие новости, Иен. Я подумал, что тебе, как ее близкому другу, надо бы узнать сразу.

Мундштук трубки в зубах Спарлинга треснул и переломился. Автоматически подхватив чашечку, он с преувеличенной осторожностью положил ее в пепельницу. Пепельницей служила радужная раковина шелозавра...

— Ларрека позвонил из Порт-Руа. Джилл Конуэй захвачена варварами.

...которую она ему подарила.

Дежерин вскочил со стула.

— *Qu'est-ce que vous dites?**

Спарлинг махнул ему рукой: сядьте на место.

— Поподробнее, пожалуйста, — попросил он.

— Они одолжили корабль у легионеров Калэйна Славного на побережье Далага, но тамошний комендант дал им в сопровождение лишь малочисленную охрану. Он божился, что ему нужен каждый меч для обороны Северного Валеннена, — говорил Хэншоу. — Это могло быть правдой. Однако вышло так, что их встретила пара валенненских галер, несомненно, пиратских, и атаковала в Огненном море. Их взяли на abordаж, и часть пиратов была перебита и захвачена в плен, а часть ретировалась после захвата Джилл. По результатам допроса пленных — Ларрека не сказал, как их допрашивали, — он считает, что именно похищение и было целью нападения. Когда их предводитель увидел, что человек уже у него на борту, они отступили. Это дает надежду. Если она им нужна как заложница или аргумент в переговорах, они не будут причинять ей вреда — по крайней мере намеренно. Их корабли намного быстрее, и преследование не дало бы результата, так что Ларрека пошел

* Что вы сказали? (фр.)

своим курсом. Это случилось дня три назад. Он вызвал меня сразу же по прибытии.

Спарлинг ощутил тошноту.

— Что вы имеете в виду — «не причинят ей вреда»? На чистой иштарийской пище...

— Ларрека — сообразительный старый черт. Как только он увидел, что ее похитили, он тут же кинулся за ее питанием и перебрал коробку к ним на палубу.

Спарлинг осел на стуле. «Хотел бы я, чтобы Бог для меня был не только прозвищем нашего мэра. Я бы его возблагодарил».

И потом: «Но в этой адской стране они просто могут не сообщить, что она не выдержит того, что им кажется естественным. Да еще и неизвестно, какое суеверие может ими овладеть».

Спарлинг взял себя в руки.

— Я отправлюсь туда. Проверьте, чтобы для меня нашелся быстрый экипаж с хорошим радиусом действия. Хотя сначала я посмотрю, что могу сделать отсюда. Потом позвоню.

— Ладно. А мне... мне надо еще ее семье сообщить...

Изображение Хэншоу на экране померкло.

Спарлинг обернулся к Дежерину. Загорелое лицо офицера стало пепельно-серым, и на нем двумя яблочками мишени выделялись черные глаза.

— Вы слышали, — сказал Спарлинг. — Что бы вы предложили?

Дежерин пошевелил губами, прежде чем ответить.

— А что у вас на уме?

— Не волнуйтесь, ничего опрометчивого. Я попробую поторговаться за ее освобождение. Но если они не пойдут на контакт или выставят невыполнимые условия, я им покажу, что в их же интересах вернуть ее целой и невредимой.

— Вы станете угрожать?

— А что делать? Силу они понимают. Когда мы начнем топить их корабли, разрушать дома, рассеивать любую вооруженную банду, которую только увидим, до них дойдет. «А если Джилл умрет...»

— Коллективная ответственность, — медленно кивнул Дежерин. — А мой отряд должен предоставить средства.

— У вас они есть. А у нас — ни одной боевой машины. Мы не рассчитывали, что они понадобятся. — Злость поднималась, как ртуть в термометре. — Ладно, долго вы еще собираетесь вот так сидеть? До сих пор боевые самолеты, что вы привезли с собой, не были вам нужны. Теперь вы можете наконец оправдать свое присутствие на Иштар!

Дежерин собрал свою волю в кулак.

— С моей стороны это было бы неподчинением приказу. Ни при каких обстоятельствах, кроме прямого нападения, ни один человек и ни одна машина не могут принять участия в боевых действиях против туземцев. И в основе этой политики лежит не идеализм. Если мы вмешаемся в локальные стычки...

Левая рука Спарлинга стиснула подлокотник кресла, правый кулак со стуком ударил по левому. Иен заговорил, сам удивляясь, насколько ему удастся владеть собой:

— Вы не думаете, что в гораздо большей степени провалите свою миссию, если спровоцируете полный ее бойкот плюс бойкот всего вашего персонала? Если вы откажетесь ее спасти, случится именно так. И об этом позабочусь я сам.

Дежерин наклонился к нему, как через пропасть.

— Как вы не понимаете? — почти умоляюще произнес он. — Я сразу пошлю запрос на разрешение. Мне самому она дорога.

— И сколько времени ваш посыльный корабль будет добираться до Земли? Сколько времени эти заплывшие жиром штабные мозги будут думать — перед тем как отказать?

Тон Дежерина стал более жестким.

— Если я послушаюсь, меня снимут. После всех хлопот, что вы причинили Космофлоту, мой преемник окажется гораздо менее *simpatico**. Я выдержу наложенный вами бойкот, хотя это поведет к конфискациям и арестам, а также к уголовным наказаниям за попытку отказать нам в помощи. — Он поднялся, Спарлинг тоже встал. — Сэр, я вынужден вас покинуть. Покорнейше прошу заметить, что я не отдавал никому приказов воздержаться от помощи мисс Конуэй. Прошу вас также не делать того, что вы будете делать, столь демонстративно, чтобы это вынудило меня вмешаться. И... Я надеюсь, у вас хватит мудрости информировать меня о ходе событий... и моя благодарность может оказаться больше, чем вы можете предположить. — Он поклонился: — Разрешите откланяться, сэр.

Спарлинг еще минуту смотрел на закрытую дверь. «Он, несомненно, прав, — с отвращением подумал он. — Ладно, мне бы лучше поехать домой и собрать вещички».

Выйдя наружу, он попал в горячий, свистящий вдоль улицы вихрь, гнувший верхушки деревьев. Сиял Бел, и Ану горел красным; окрашенные в золото и пурпур облака мчались по безжалостной голубизне неба. В воздухе пахло пылью. Вокруг были какие-то люди. Он не помнил, здоровались они с ним или

* Симпатичный (*исп.*).

нет. Меряя путь широкими шагами, он строил планы, пытаясь найти хоть сколько-нибудь реальный.

Только бы Джилл была жива. Если ее смех ушел навеки, все остальное не имеет значения.

Жену он застал в гостинной. Из-за приостановки большинства проектов отдела снабжения Примаверы не нужно было много сотрудников.

— Хелло! — сказала она. — Что так рано сегодня?

Он повернулся к ней, и счастливое выражение у нее на лице исчезло.

— Случилось что-то страшное? — спросила она шепотом.

Он кивнул и кратко рассказал, в чем дело.

— Нет. *Naο permiτα Deus**. — Рода закрыла глаза, пошатнулась, но взяла себя в руки. Потом шагнула ближе и взяла его за запястья: — Что ты будешь делать?

— Отправлюсь туда.

— Один?

— Похоже на то, поскольку Космофлот не собирается защищать налогоплательщиков. — Бесенком мелькнула мысль, что сотрудники инопланетных предприятий не платят налогов. — Там, где дело пойдет о драке, воины Ларреки получше нас, штатских. А если нам понадобится помощь людей, ее можно вызвать за несколько часов, даже если нам разрешат воспользоваться только небольшой пассажирской машиной. И к тому же, пока у нас нет информации, зачем держать людей в Порт-Руа?

— Ты должен ехать сам? И немедленно?

— Нам лучше иметь человека там, на месте. — Он не в силах был больше смотреть ей в глаза и перевел взгляд на картину Бекки на стене. — Здесь мне сейчас делать нечего, Космофлоту мои советы уже не нужны. Про Иштар и иштарийцев я знаю не меньше всякого другого. Я к тому же и неплохой костоправ на тот случай, если она... ну ладно, ей в любом случае несладко пришлось.

Рода вдруг выпрямилась.

— А главная причина в том, — спокойно сказала она, — что ты ее любишь.

— Я? — воскликнул он. — Конечно, я к ней хорошо отношусь... Но это смешно! Мы друзья, но...

Она покачала головой:

* Господь этого не допустит (*португал.*).

— Не надо, querido*. — Она давно уже не употребляла это-го ласкательного обращения. Ей не удалось сдержать слез. — Я тебя знаю. Я знала все с самого начала, и знала, что вы оба передо мной чисты. Ты всегда ко мне хорошо относился, Иен. И я думаю, просто потому, что ты едешь туда, где опасно... Я хочу сказать, что благословляю тебя. Привези ее домой невредимую.

Он прижал ее к себе, начал возражать:

— Ты не права. Я даже и вообразить не мог, что тебе в голову придет такая дикая идея... — Он чувствовал, что это единственное, что он еще может сделать.

— Ну, может быть, я ошиблась, — она тоже прижалась к его груди. — Мы поговорим потом. Давай я тебе помогу собраться. А потом я позвоню Конуэям и спрошу, можем ли мы... могу ли я чем-нибудь им помочь.

«Должен ли я чувствовать себя виноватым оттого, что только испытываю неловкость? Или оттого, что некоторые мои планы опасны для жизни?»

Эта мысль пронзила его, как удар тока. Она почувствовала, как напряглось его тело.

— Что случилось? — робко спросила она.

— Ничего. Ничего особенного. — Он говорил автоматически, разум его где-то блуждал. — Мне пришла в голову мысль. Придется дня на два-три задержаться.

Глава 17

Порт-Руа — это казармы легионеров, их пристройки, мастерские, фабрики, склады, таверны, дома местных жителей; всё это сгрудилось вокруг узких и прямых улиц, чтобы прикрыться высокой стеной с башнями. За стену выползают палатки, киоски и навесы, где можно укрыться от дождя, но не от нападения. Еще дальше — фермы и пастбища, которые кормят город. Но большинство из них сейчас опустели и выжжены жарой. Некоторые разорены набегами тассуров. Легионеры рассылали отряды как на охоту и сбор провизии, так и для того, чтобы карать врагов.

С вершины горы, где стоял он во главе своих воинов, Арнанаку плохо был виден город. Гораздо лучше была видна длинная излучина реки Эзали, протекавшей через выжженное коричневое поле на пути к заливу Руа, да еще хорошо было видно, как блестит за скалами Эхурское море. В подзорную трубу он видел

* Дорогой (*португал.*).

несколько рыбацких лодок — далеко они не уходили, чтобы не попасться военным судам туземцев. Возле пристани виднелись бесчисленные мачты судов — линия снабжения и путь отхода Зеры Победоносного.

Два солнца, казалось, добела раскалили небо. Воздух был неподвижен, а шкуры и гривы трескались от сухости, и всё же, казалось, воздух кипел. Арнанак и его шестьдесят четыре воина не надели на себя ничего, кроме щитов и оружия, и не прикасались к его металлическим частям, и все же им было жарко. Каково же должно быть тем шестидесяти четырем из холодного Хаэлена и мягкого Бероннена, — там, на склоне, да еще в полном убранстве и вооружении?

Они подошли спокойной рысью, от которой вздрогнула потрескавшаяся почва на склоне холма да полетели ошметки выгоревшей лиа, и укрепили свое знамя. Они тоже выстроились в боевой порядок. Отряд разбит на взводы (три воина в тяжелой броне и оруженосец, четыре пары лучников и стрелonosцев с большим щитом для обоих у каждой пары, восемь легковооруженных воинов, разведчики или бойцы встречного боя, как придется, и трое из катапультной команды — носильщик, наводчик и заряжающий). Оставался еще один — командир, чтобы не превысить оговоренное число.

А оно было превышено, но Арнанак не стал беспокоиться. Потому что лишним был человек!

Облаченный в белое, с отчетливо вырисовывающейся на фоне неба головой, со своими загадочными повадками. Среди тассуров пробежал взволнованный говор.

— Стойте спокойно! — ободрил их Арнанак. — Это то, чего я ждал. Помните, что они смертны. Разве я не взял в плен одного из них?

Вновь прибывший был гораздо выше и шире, чем Джилл Конуэй, и без сомнения, мужчина. Арнанак подумал, не сотрет ли тот весь его отряд своим смертельным оружием, но решил, что нет. Как он тогда узнает, где женщина его народа? Он ведь наверняка прибыл на летающей лодке уже после того, как командир Зеры выпустил двух пленников с посланием, что хочет переговоров. Арнанак вышел из Улу в тот день, как известие до него дошло, и послал вперед курьера с сообщением о месте и условиях переговоров. Он только что прибыл и поставил лагерь. Поэтому он ничего не слышал о вновь прибывшем.

Легионеры остановились в двух полетах копья от него. Их знамя трижды наклонилось — знак мира. Арнанак вонзил меч в землю. Он и предводитель легионеров пошли навстречу друг другу.

Он с удивлением узнал не кого иного, как Ларреку. Про старого Одноухого знали все. Арнанак видел его несколько раз мельком, когда заходил в Порт-Руа еще до войны. Так он вернулся с Юга-за-Морем и рискует своей жизнью в расчете на благородство врагов? «А почему бы и нет, — подумал тассур. — Я-то здесь, а я для своих людей такой же источник силы, как и он — для своих».

— Приветствую тебя, могучий! — сказал Ларрека на тассурском. Он не добавил обычное пожелание удачи.

— Честь и счастье тебе, командир, и сотрудничество между нами! — ответил по-сехалански Арнанак.

Ларрека спокойно стоял, глядя в голубыми глазами в зеленые глаза собеседника. Тот бессознательно принял позу солдата: руки и торс прямо, ноги квадратом, хвост отведен назад. Ларрека подошел ближе и протянул левую руку. Они обменялись рукопожатием посвященных в тайну Триады и сказали условные фразы. Потом расцепили руки.

— Где ты служил? — спросил Ларрека.

— Скороходы Тамбуру, — ответил ему Арнанак. — Корпус военных инженеров, в основном на островах Ирен. Но это было давно.

— Да, должно быть. Ты оверлинг Улу? Боги знают, как много я о тебе слышал. — Ларрека помолчал. — Но мы встречались раньше. Ты меня не узнал в шлеме. Но я тебя узнал бы и в Последней Тьме. Ты похитил человека с моего корабля. Я перебрал ее еду тебе на палубу.

Сердца Арнанака дрогнули. Была ли это судьба, посланная Солнцем или Янтарной звездой, или сам Бродяга, что меняет судьбы народов, — или это просто совпадение?

Но Ларрека стоял неподвижно, и он перешел к своей цели:

— Тогда хорошо, что мы встретились снова. Да поклянемся мы в мире на два дня, и нашим воинам не нужно будет остерегаться друг друга. — Он махнул рукой, показывая на установленные в его лагере навесы. — Мы принесли пива для наших гостей.

— У тебя, у меня и у этого человека есть работа, которую надо сделать.

— Есть.

Тем временем воины давали клятву, каждый на свой лад, ряды смешались, бойцы разоружались, южане охотнее северян. Ларрека представил по-сехалански Иена Спарлинга, Арнанак вежливо ответил и пригласил их к себе в шатер. Это была обычная палатка, хотя два ее крыла были убраны, чтобы легче дышалось, и она стояла на пятачке, покрытом голубыми мече-

видными листьями. Семена старклендской жизни в Огненную пору прорастали лучше тех растений, что кормили иштариЙцев.

Под пологом была тень, помосты для отдыха, пиво, мехи с водой и бокалы. ИштариЙцы подогнули ноги, а человек резко сел, охватив руками колени, лицо опущено вниз, но его выражение можно разобрать. Арнанак сказал ему:

— Та из твоего народа, что зовет себя Джилл Конуэй, в добром здравии. Ей не причинили вреда, и я не собираюсь отдавать такого приказа.

— Это... рад это слышать, — хрипло произнес Иен Спарлинг.

— Я похитил ее, когда представился случай, для того, чтобы получить возможность такой встречи, а не для чего-нибудь другого. Мы хотели бы мира. Но мы не получали ответа...

— Ты и не посылал нам слов, — перебил Ларрека, и голос его был суше земли. — Ты только сказал, чтобы легионы ушли и не возвращались.

— Это наша страна, — сказал Арнанак, чтобы человек услышал эти слова.

— Не вся! — отрубил Ларрека. — Наши места мы октады и октады назад выкупили у владельцев, хотевших стать цивилизованными торговцами. И нам часто приходилось бороться с бандитами. А кто из вас, вооруженных варваров, имеет право на наши города?

Арнанак обратился к Иену Спарлингу:

— Мы, тассуры, охотно встречались бы и вели дела с твоим народом. Вы никогда не открывали нам дверь.

— Мы посылали сюда исследователей, — ответил человек. Его речь была очень похожа на речь Джилл Конуэй, но Арнанак уловил в его голосе напряжение. — Но это было задолго до того, как у здешних жителей появилась единая цель или что-то похожее на руководство. Потом у нас начались собственные хлопоты. — Он наклонился вперед. — А сейчас я пришел ее освободить. Если ты воистину жаждешь дружбы ее друзей, вели привести ее ко мне.

— А потом мы поговорим?

— Чего ты хотел бы от нас?

— Помощи. Я слышал, что вы собираетесь помогать Союзу ближайшие шестьдесят четыре года. Неужели мой народ менее заслуживает права на жизнь?

— Я не знаю... не знаю, что мы могли бы для вас сделать...

— Ага, — угрюмо ответил Арнанак. — Будто я не слышал ничего о работе всемогущих машин в Союзе и даже про обещанные чудеса.

Иен Спарлинг секунду помедлил, и у тассура мелькнуло уважение, когда он услышал ответ:

— Я мог бы тебе пообещать все что угодно, но зачем? Ты слишком умен. Лучше вместо этого сегодня, сейчас, мы обсудим выкуп этой женщины. Попроси невозможного — и ты не получишь ничего. Даже хуже, чем ничего: ты получишь нападение на свою страну и крушение твоих планов. Попроси чего-то разумного — и я сделаю все, чтобы ты это получил.

И тем не менее Арнанак продолжал нападать:

— Если вы можете разорить весь Южный Валеннен, почему вы до сих пор не ударили? Ведь мы же приносим беды Союзу, тому Союзу, который вы хотите спасти. Почему же вы не помогли ему военной силой? Может быть, потому, что у вас ее нет?

— Мы... мы просто не вмешиваемся в местные ссоры... — Спарлинг взял себя в руки. — Сейчас еще не время для угроз. Назови выкуп.

— Что вы можете предложить?

— Нашу добрую волю, прежде всего и больше всего. Кроме того, инструменты, материалы, советы, которые помогут вам пройти через плохие годы. Вот, например, вместо этой тяжелой ткани для палатки ты мог бы получить ткань во много раз легче и крепче, которая не пропускает воды и не боится огня. С такой палаткой гораздо легче искать еду.

— Нг-нг, я бы предпочел то оружие, которое оказалось у нескольких солдат. — Арнанак взглянул на Ларреку. — И еще — чтобы вы перестали помогать Союзу.

Командир легиона что-то неопределенно буркнул и отпил на два пальца из своей кружки.

— И это тоже не слишком хорошего вкуса.

— Я знаю, что вы двое переговаривали сначала. — Арнанак сидел, сохраняя стальное спокойствие. — Я не думаю на самом деле, что люди были бы согласны — и даже могли бы — отказаться от своей давней цели ради одного из своих. И конечно, та, что у меня в плену, мне об этом сказала. Да будет почтена ее гордость.

— Если так, — сказал Спарлинг, — давайте говорить о том, что можно сделать реально.

— Хорошо, — согласился Арнанак. — Давай, Ларрека. Оставит ли Зера Валеннен по собственной воле и с нашей доброй волей, или нам придется вас истребить? Здесь кости мертвых чтут и получают от них предсказания, но мало от них пользы в Бероннене. Не поздно еще поторговаться о том, какие острова Огненного моря вы можете себе оставить, — пока мы вас оттуда не вышвырнем, — и лучше для вашего дела будет, если вы вернетесь домой невредимыми.

— Кончай тратить время, — отрезал легионер. — Я думал, мы могли бы поторговаться о мелочах, имеющих кое-какое значение. Если вы оставите в покое наших охотников и рыбаков, они будут ходить малыми группами и не станут пускать пал там, где находятся ваши стоянки. Вот так.

— Об этом можно договориться, — ответил Арнанак. Это тоже не было неожиданным.

— Постойте! — воскликнул человек. — А как же Джилл? Арнанак вздохнул:

— Ты не предложил ничего такого, что отвечало бы ее цене как заложницы, не гарантировал, что ты и твои не встанут на сторону Зеры. Ты можешь что-либо такое назвать? Если нет, то мы будем держать ее до нашей победы, а время от времени вести разговоры о ее цене. И о многом другом. Понимаешь ли ты меня, Иен Спарлинг? Моя цель — да выживут тассуры! И не их обглоданные кости, а весь народ в силе и богатстве. Ты не думал, что мы можем стать теми, кто даст вам большую цену? Даже если позабыть об остальном, у нас сейчас первый настоящий шанс обменяться знанием, которое может стоить больше, чем целый флот товаров. И потому не страшись за нее. Лучше подумай, как передать ей все, что может понадобиться для ее здоровья, пока она среди моего народа.

Иен Спарлинг смотрел прямо перед собой. Издалека доносился говор солдат и воинов, бродивших по лагерю. Воздух под пологом сгустился и почти обжигал.

Молчание прервал Ларрека:

— Я знал, что вождь Валеннена должен быть столь же пронырателен, сколь и силен. Но до сего дня я не знал, что он еще и мудр. Очень жаль, что мы должны будем убить тебя, Арнанак. Лучше бы ты остался в своем легионе.

— Мне очень жаль, что ты не сдаешься, — не уступил в вежливости оверлинг.

Иен Спарлинг пошевелился.

— Отлично. Я был готов к такому исходу. Тогда возьмите меня к ней.

— Как? — удивленно переспросил Арнанак.

— Она одна среди чужого ей народа. У вас могут быть лучшие намерения, но вы не ее рода и не знаете, как с ней обращаться, а потому можете случайно принести ей вред. Пустите меня к ней. Что ты имеешь против? У тебя будут два заложника.

Арнанак смотрел не на его лицо, столь же непроницаемое и чужое, как лицо даура, а в глаза Ларреки. Командир застыл. Для него это предложение тоже было новостью.

Решение пришло. Что такое жизнь, если не сплошная цепь риска?

— Обещать я не могу, — предупредил Арнанак. — Чтобы добраться к ней — потребуется много дней трудной дороги. Да и там тоже не будет легко.

— Тем больше причин идти, — ответил Спарлинг.

— Сначала я хочу просмотреть все, что ты берешь с собой, каждую вещь, в том числе еду. Я все перешуipaю сам, и ты мне про все объяснишь, для чего это нужно, пока я не буду уверен, что ты не замыслил предательства.

— Согласен.

Глава 18

Джилл только-только прибыла в Улу, как Арнанак получил сообщение, снова позвавшее его в дорогу.

— Они предлагают переговоры в Порт-Руа, — сказал он ей. — Не сомневаюсь, что это из-за тебя. Но не особенно надейся. Тебе, скорее всего, придется остаться здесь. До осени или начала зимы.

Она поняла, что его совет был продиктован самыми лучшими намерениями. И вообще этот чернокожий варвар ни в коей мере не был злым. В глазах своего народа он был героем, а мог оказаться спасителем.

Они много разговаривали и очень сблизились. Сначала на борту его галеры, а потом в сухопутном путешествии от фиорда, где галеру оставили. Он очень старался облегчить ей переход через высокие горы. Она часто ехала на нем или на ком-нибудь из его воинов, как когда-то верхом на Ларреке. И это несмотря на то, что от ее руки погиб его сын, от которого даже косточки не осталось, чтобы вызывать в снах его душу.

Когда он отбыл, оказалось, что плен очень легко переносить. У нее была своя комната, в которую никто не мог войти без ее позволения. Она была свободна в своих передвижениях. Однако возможности бежать у нее не было, потому что запас витаминов и аминокислот в перерывах между едой у нее отбирали.

— Ты бы лучше не ходила туда, где тебя никто не видит, — говорила ей Иннукрат. — Можешь потеряться.

— Я умею ходить по лесу, — отвечала Джилл, — и не думаю, что в Валеннене есть опасные звери.

Иннукрат поколебалась, потом решила:

— Ты сначала дважды или трижды сходи с компанией и посмотри, найдешь ли дорогу домой.

Когда Джилл это проделала, других возражений не последовало.

Иннукрат была женой Арнанака, а после его отбытия — единственной из обитателей поселка, кто знал сехаланский. Дело в том, что раньше она занималась торговлей и, пока не началась война, доходила в своих странствиях даже до долины Эзали. В большинстве иштарийских сообществ соблюдалось равенство полов — исключения бывали в сторону как матриархата, так и патриархата, — но в суровых и примитивных условиях требовалось большее разделение ролей. Заграничной торговлей, как правило, занимались мужчины, а женщины среди прочих работ вели торговлю товарами внутри страны. Они не боялись нападения. Пока они не сходили с размеченных маршрутов, они сами и их груз считались священными. Джилл спросила, что будет, если это правило окажется нарушено.

— Редко когда приходилось мне слышать о таком, — ответила Иннукрат. — Соседи выследили злодеев, убили их и засолили тела.

Поначалу Джилл до того захватило ее новое окружение, что ей даже нравилось здесь, но ее мучила мысль о том, как волнуются все, кому она дорога, и что она оказалась козырной картой в руках противника Ларреки. Но одна только усадьба стоила целых дней исследовательской работы. По расположению она напоминала южные усадьбы, но все остальное было совсем по-другому. Одну сторону мощеного двора образовывал зал — огромное одноэтажное здание из неоштукатуренных камней, массивных бревен, дерновой кровли. Половина его была комнатой, где семья собиралась за едой, другая половина поделена на службы и личные помещения. Привыкнув со временем к их угловатому стилю, она даже сочла, что столь красивой резной балюстрады крыши и таких искусных деревянных стенных панелей она раньше не видала. Остаток усадьбы занимали строения попроще: навесы, сараи, мастерские, помещения для слуг и немногих домашних животных. Здесь всегда кипела жизнь, сотни слуг и работников сновали с места на место в трудах или забавах, а малыши были просто неотразимы. Но, не зная языка, Джилл могла только наблюдать. Валенненцы скоро научились не обращать на нее внимания.

Улу было расположено на восточных склонах холмов Стены Мира. Окрестный лес давал какую-то защиту от солнц, хотя многие деревья стояли голыми, и их красный или желтый наряд в этом году пожух, сморщился и опал. Попадающиеся тут и там голубые стебли Т-растений выглядели получше, а местами величественно расцветал феникс. В доме часто репетировали пожарную тревогу, и Джилл узнала, откуда феникс получил свое имя, переведенное с местного диалекта. Суть состояла в

том, что его воспроизведение зависело от периодов огненного опустошения, настигавшего эти места каждое тысячелетие.

В своих лесных странствиях она однажды набрела на какое-то здание. Два вооруженных стражника преградили ей путь. Она спросила у Иннукрата, в чем тут дело, и та ответила: «Об этом лучше не говорить. Дождемся оверлинга, и он расскажет, если захочет». Джилл решила, что это святилище или просто место, считающееся заколдованным. Хотя никто не мешал ей осматривать фамильные дольмены, из которых, как предполагалось, исходят вещие сны.

Но это стало единственным ограничением свободы ее передвижений. По любой другой дороге она могла заходить настолько далеко, насколько позволяли голод и усталость. В десяти километрах к юго-востоку лес подходил к обрыву, и она любовалась видом, открывавшимся с горного пика на запад, поверх умбрийных холмов на выжженную двумя солнцами степь.

Время от времени попадались фермы. Здешняя общественная система остановилась на чем-то вроде добровольного феодализма. Районом правил оверлинг, он вел в бой своих воинов или на работу — работников, в случае необходимости разрешал тяжбы, вел главные религиозные обряды. Семьи поменьше могли сохранять независимость, если хотели, но чаще считали выгодней стать «клятвенниками» — вассалами, обязанными сюзерену определенной службой в обмен на защиту своих владений и доступ к его продуктовым складам в лихую годину. Любая сторона имела право на расторжение контракта, и он никак не связывал следующие поколения — как только их представители проходили свой шестидесятичетырехлетний рубеж, до которого находились под абсолютной властью родителей.

Иннукрата говорили об убийствах, по большей части среди молодежи. Дети обоего пола росли воинственными и заносчивыми. «Они должны быть готовы к битве и уметь биться, когда на нас будет набег или мы сами пойдем в набег — ты же видишь, как скудна наша земля». Но оверлинги и отцы всегда держали кровопролитие под контролем и гасили огонь вражды. «Да, — думала Джилл, — иштарийцы действительно не люди».

Одиночество начинало ее тяготить. Она брала уроки языка у Иннукрата, и женщина старалась помочь ей, чем могла. Но возможностей для этого было у нее не очень много, поскольку обязанности хозяйки были многочисленны и разнообразны. Джилл предложила помочь, но вскоре поняла, что только путается под ногами. Кроме того что у нее не доставало силы, работа требовала еще и умения.

Она стала проводить большую часть дня вне дома. Открытые места были опасны солнечным ударом, к тому же в лесах было интереснее изучать природу. Она мало походила на природу южного полушария, но, чуть освоившись, Джилл так увлеклась, что часто возвращалась поздно.

Вот так и произошла эта встреча.

Она возвращалась домой, когда оба солнца (теперь близко сошедшиеся) уже сели. В тропиках сумерки коротки. Однако через скудную листву пробивался свет лун, и его было достаточно. Часто ее путь пролегал через то, что можно было бы назвать лугами, если бы они не были так иссушены. В начале одного из них тропа резко поворачивала около тростника, и она одним широким шагом вышла на открытое место.

Вокруг темными тенями стояли низкие искривленные деревья. За ними, справа от нее, серели в черно-пурпурном небе бастионы Стены Мира, а звезд виднелось меньше обычного, потому что Целестия выходила из-за горизонта почти полная, и рядом с ней уже сияла Урания. У них сейчас уже не было чистых фаз, и обе луны, если не считать золотого краешка, пылали бледно-красным. От их сияния над мертвой лиа и высохшими стеблями кустов воздух казался горячее, чем был. Над природой тяготело молчание.

Джилл заметила его и замерла. Только пульс ее участился, молоточками постукивая в горле и висках. Они застыли друг напротив друга. Существо пересекало луг, когда внезапно заметило ее.

«Этого не может быть — игра лунного света, — я просто проголодалась и устала от жары, вот воображение и отправило в свободный полет...»

Тень стала удаляться.

— Подожди, — крикнула она и неловко побежала вслед. Но существо уже исчезло между деревьями.

В мгновенном ужасе она стиснула рукоять кинжала, полученного от Арнанака. «Нет, оно убежало, а не... И все же мне лучше вернуться».

И удаляясь быстрее и быстрее от места встречи, она пыталась вспомнить контуры той фигуры, что показалась ей в красных лучах. Несомненно, Т-зверь. Каков бы ни был путь эволюции на Таммузе миллиард лет назад, он, возобновившись с микро-организмов на Иштар, не совпал с путем иштарийской орто-жизни или земной эволюции. Полов было три. Не было развитых симбиозов, не было ни шерсти, ни молока, а гомеотермные животные регулировали свой теплообмен не химией или испарением, а, как многие растения, сменой цвета. Были среди них и своего рода позвоночные, но они происходили не от древнего

червя, а скорее от морской звезды: ни головы, ни нормальных конечностей — просто пять членов, один из которых выполняет роль головы со ртом и органами чувств. Было среди них и несколько двуногих...

...но все они были малы. Это же было среди своей породы гигантом. Лепестки его верхней ветви доходили ей до груди. Ей показалось, что в области живота она успела заметить три глаза вокруг валика генитальной впадины. Длинные для его роста ноги были хорошо развиты, и существо скорее прыгало, чем ходило. Да и выглядевшие бескостными руки тоже были достаточно развиты, каждая кончалась звездообразной кистью с пятью пальцами.

Руки? Пальцы?

Именно так, если она не сошла с ума. Она видела поднятую правую руку с расставленными пальцами, и на ней остановила свой удивленный взгляд. В руке было нечто, похожее на нож.

«Иллюзия. Ничего другого. Я действительно сделала открытие — нашла никогда не виданного Т-зверя. Наверное, пришел с севера из-за изменившихся условий. Но всего лишь зверь!»

Впереди нее зажелтели окна. Она вбежала в холл, протолкалась через толпу его обитателей и одним духом выложила Иннукрат, что случилось.

Женщина сделала какой-то знак.

— Ты встретила даура, — сказала она с беспокойством.

— Кого? — переспросила Джилл.

— Подождем Арнанака, тогда и поговорим.

— Но ведь... — и тут во взволнованной памяти всплыли данные ксенологического изучения обитателей Валеннена, данные, полученные по большей части из вторых рук, от обитателей Союза, но внесенные в книги, которые ей довелось читать. «Даур. Дауры. Кажется, я вспоминаю, они верят во что-то вроде эльфов или духов или малых демонов...» — Это те, кто... э-э... живет в чаще и обладает волшебной силой?

— Я же тебе сказала — дождись Арнанака, — ответила жена вождя.

Он вернулся через несколько дней. Джилл не знала, через сколько точно, она уже потеряла им счет.

Она случайно была дома, когда он прибыл. Чтобы побережь человеческую одежду, она выпросила кусок грубой материи, которую туземцы делали из растительных волокон, и сшила себе несколько балахонов по колено, чтобы их можно было

носить с веревочным поясом. Она же не была иштарийкой, у которой жизнь зависит от обилия солнечного света; наоборот, Бел мог сжечь ей кожу. Лицо, руки и ноги у нее достаточно загорели, чтобы о них почти не беспокоиться. И еще ей потребовалась обувь — ботинки уже износились.

Большая часть того, что потреблялось в хозяйстве, в нем же и производилась. Иногда и валенники нуждались в обуви. Женщина, которая лучше других умела делать кожаные вещи, выражала желание сшить для Джилл две или три пары — то ли потому, что это было отдыхом от обычной рутины, то ли раззадоренная трудностью задачи, то ли из простого сочувствия, а может быть, по всем этим причинам. Ей требовалось, чтобы девушка все время была под рукой — и как живой манекен, и для того, чтобы объяснить с помощью жестов и небольшого запаса тассурских слов, подходит ли обувь.

Джилл стояла в мастерской, держа зонтик, который смастерила себе от жары и солнца. Вдруг раздались крики, топот ног, бряцание железа. Во двор влетел Арнанак и его свита. Джилл уронила зонтик. У нее на секунду закружилась голова. Потом с криком «Иен!» она сломя голову бросилась через двор, обжигавший ее подошвы.

— Иен, милый!

И в его объятия — она ткнулась лицом в его грудь, прижалась к телу сильного мужчины, ощутила твердость человеческого тела, запах человека. Оторвавшись от него на секунду, она впилась взглядом в его лицо с крючковатым носом и снова поцеловала его с трепетной нежностью, как любовника.

Наконец они смогли чуть отодвинуться друг от друга, сцепив руки и не отводя глаз. И им не было дела до всей толпы иштарийцев, толкавшихся вокруг в слепящем бело-багровом сиянии.

— Иен, — пролепетала она наконец, — ты приехал меня увезти?

С его лица исчезла радость, и кости скул выступили резче, как рифы в отлив.

— Прости, дорогая, — сказал он потухшим голосом, — пока еще нет.

Прежде всего она несказанно удивилась:

— Как? Тогда зачем ты здесь?

— Ну не мог же я оставить тебя здесь одну? — Он взял себя в руки и быстро заговорил: — Ты не бойся. Я здесь по соглашению. Арнанак не готов отпустить нас — они с Ларрекой смогли договориться только по мелочам, которые не касаются ничьих основных целей. Но он согласился на хорошие отношения с нами, людьми. В конце концов, он совершенно правильно считает, что два заложника лучше, чем один. Основная идея —

отпустить нас на соответствующих условиях, которые могут быть не чем иным, как дипломатическим признанием его королевства; а для этого лучше с нами обращаться хорошо. Мы много с ним беседовали по дороге. Он по-своему неплохой парень. А пока что я принес еду, лекарства, одежду и вообще все барахло, которое мог для тебя захватить. И еще — твои любимые книги.

Она смотрела в его зеленые глаза и думала: «Он меня любит. Как я могла не понимать?»

— Ты не должен был...

— Черта с два! Я тебе объясню ситуацию — у меня куча новостей для тебя — но давай по порядку. Как ты здесь?

— Все хорошо.

— Ты хорошо выглядишь. Немножко похудела, но выгоревшие волосы при загорелом лице — ты теперь просто платиновая блондинка. — И сразу же быстро: — Дома все о'кей, по крайней мере когда я последний раз говорил с ними из Порта-Руа. Тебе привёт. Все ждут твоего возвращения.

— Чуу, — вмешался по-сехалански в их английский разговор Арнанак, — не хотите ли войти в дом? Вы оба — мои гости, и комната вас ждет. Ваш багаж принесут. А вечером будет пир. Но до того вам, наверное, есть о чем поговорить.

Им было о чем поговорить.

Спарлинг понимал, что для Джилл не надо смягчать правду.

— Ничего реального, никакого компромисса. Пара мелких соглашений, чтобы смягчить последствия войны для обеих сторон — такие соглашения на результате не скажутся. Тассуры не остановятся, пока последний легионер не покинет Валеннен или не умрет. Зера будет держаться до последнего легионера в ожидании подкреплений. Я не могу обвинять варваров. Как объяснил Арнанак, если они останутся там, где живут сейчас, Огненная пора — так они ее называют — убьет почти всех. Это мы, люди, должны были бы о них раньше подумать, наметить программу для спасения и этой страны. Если бы эта свинья Дежерин не заставил нас все бросить.

— Юрий не негодяй, — возразила Джилл. От ее слов Спарлинг помрачнел и скривился, словно от боли, — ей пришлось погладить его по щеке и прильнуть к нему теснее. Они сидели бок о бок на соломенных матрасах, служивших ей постелью, вытянув ноги на глиняном полу. Единственное окно прикрывал войлочный козырек, и в комнате было даже прохладно. Вместо двери — такой же занавес отделял комнату от коридора, и через него слышался радостный шум подготовки к пиру.

— И Арнанак тоже, — ответил он, размягчаясь от ее ласки. — Но у каждого — своя миссия, и да поможет Господь тому, кто станет у них на пути. Арнанак хочет завоевать для своего народа территорию, не так поражаемую периастром, и выжить. А это, разумеется, влечет крушение Союза. Союз же не может смотреть и бездействовать, дожидаясь, пока входящие в него сообщества не будут разорены, выселены, опустошены или порабощены. А когда падет Союз, Бероннен останется беззащитным. И снова придет конец цивилизации на Иштар. Арнанак не оставил у меня сомнений по этому поводу.

— У меня тоже, — сказала Джилл. — Хотя он считает, что его потомки ее унаследуют и восстановят.

— В свое время. Учитывая продолжительность жизни иштарийцев, очень нескоро. А какой ужас будет твориться тем временем, и сколько окажется потеряно безвозвратно?

— Знаю, Иен.

— Нам остается очень мало времени на помощь Ларреке. Арнанак мне сказал, что рассылает гонцов собирать силы. Я думаю, что у Порт-Руа есть еще месяц, а потом Арнанак спустит дьяволов с цепи.

Джилл ненадолго затихла. Голос Спарлинга звучал не так, как должен был бы звучать голос человека в безнадежном положении. Наконец она сказала:

— Ты говоришь так, как будто бы мы что-то можем сделать.

Он кивнул. Качнулся вихор в его черных с проседью волосах.

— Мы можем попробовать. Джилл, я все равно пришел бы к тебе на помощь, но у меня был повод. — Он отогнул рукав на левой руке, на которой она так уютно устроилась. В часы был вделан микропередатчик. — Арнанак проверял мою кладь предмет за предметом, и только после этого разрешал мне его взять. Но, как я и надеялся, это он пропустил. Поверил моим объяснениям, что это талисман.

Она поморщилась:

— К чему это ты? Мы в трехстах километрах от Порт-Руа, если не дальше. Даже в идеальных условиях высокочувствительный приемник уловит этот сигнал не больше, чем на расстоянии километров в десять.

— Ага! — он погрозил ей пальцем. — Ты недооцениваешь мое низкое коварство.

Полная надежды от озарившей ее догадки, Джилл ответила:

— Если оно низкое, то я, пожалуй, готова пересмотреть оценку.

— Как тебе больше нравится — усмехнулся он. — Но вот что: Ларрека помог мне продумать детали. По одному из

условий соглашения туземцы дают возможность legionерам свободно охотиться, а солдаты за это не будут поджигать леса и саванны. Ну, я и дал им несколько этих релейных станций с солнечной батареей — те самые, пятой модели, которые ставят в Южном Бероннене в тех местах, где неудобно устанавливать стационарные. Так вот, некоторые из охотничьих партий поставят их там, где никто не увидит — на вершинах холмов, в группах деревьев и так далее.

— Иен, но как же они подберутся достаточно близко к нам?

— Они и не смогут, тем более что им неизвестно, где мы. Как Ларрека тебе наверняка говорил, он не знает, где находится Улу — главная ставка его противника. Арнанак оказался на этот счет очень хитер и предусмотрителен. Но ведь хотя бы одно из этих реле окажется не дальше ста километров отсюда. — Спарлинг перевел дыхание. Она про себя отметила, как ей приятно видеть его радость. — Так вот, я прихватил несколько пластиковых контейнеров с белковыми порошками, да еще и разной величины, чтобы запутать Арнанака. Он из каждого содержимое высыпал и засыпал обратно, как я и ожидал. Но двойного дна он не заметил. А в одной из банок контрабандой провезен передатчик чуть побольше и помощнее — как раз на этот случай. Он включается сигналом от моего микропередатчика. От него срабатывает релейная станция — уже на частоте пониже, не ограниченной пределами прямой видимости — а ее сигнал уже примут и дальше чем в ста километрах!

— О-о-о! — она смотрела на него в упор, тело ее возбужденно напряглось.

— Только не надо спешить, — предостерег Спарлинг, — наша схема зависит от каждого звена цепи. Сначала надо подождать, пока все остальные части попадут на место. Тогда мы установим радиокontakt с Порт-Руа. Да, они могут связаться с Примаверой, но все же... И наконец, с тем незначительным оборудованием, которое я смог пронести, мне нужно чуть больше времени для достаточно точных наблюдений местности.

— Наблюдений?

— Конечно. Я думаю, что можно будет определиться по звездам и по таким наземным ориентирам, как горные пики, чтобы привязать местность к карте. И тут мы уже сможем выбрать точку randеву, куда за нами прилетит флаер. — Он застенчиво улыбнулся: — Ничего другого я за такой короткий срок не придумал.

«Короткий, — подумала она. — Я никогда раньше не замечала этих смешных коротких складочек в углах твоих губ».

«Черт его побери! Я не хочу быть несчастной пленницей, тоскующей по своему рыцарю».

До нее дошло, каков может быть ее вклад.

Арнанак был в невероятно хорошем настроении. Пока он ел и пил и горделиво рассказывал, стоя на почетном месте у стола в зале, она не могла им не любоваться. Она не пыталась сделать вид, что перешла на его сторону — для этого он ее слишком хорошо знал. Но она ясно дала понять, что у нее сложилось благоприятное мнение о его народе и что она будет рада ходатайствовать за них перед людьми. «И это не ложь. Мы должны помочь — и им, и Союзу. Моя ложь — лишь только сокрытие правды о том, что наша жестокая и идиотская война делает это невозможным». Но чувство вины поубавилось, когда Арнанак ответил:

— Мы поговорим подробнее, когда я сокрошу их в Валенне. Это я должен сделать хотя бы для того, чтобы сохранить поддержку тассуров. Я снова и снова предупреждал легион: если не уйдете, погибнете. И теперь, когда мои воины собираются вместе, они должны увидеть, как держит свое слово Арнанак.

Спарлинг, послушавшись Джилл, оставался немногословным и не проявлял заинтересованности. Оверлинг уже имел представление о людских жестах и выражениях лица, а Йен лучше умел сдерживаться, чем притворяться.

Под конец пира Джилл стала серьезной и сказала:

— Я хотела тебя спросить кое о чем. Мы можем выйти все втроем?

Арнанак согласился. Выйдя со двора, Джилл тронула его за локоть и показала:

— Сюда.

Он напрягся:

— Этот путь ведет к запретному месту.

— Знаю. Пройдем чуть-чуть.

Он уступил. Они остановились, когда дом скрылся из виду. Оба солнца зашли за Стену Мира, но еще не спрятались в океане. Между низкими деревьями и сухими кустами лежали густые тени. Голубое небо темнело, белели на нем планеты и красным сияла Эа. Бриз принес призрак прохлады, зашелестели стебли лиа.

Глаза Арнанака зелеными фонарями светили из тени, отбрасываемой его гривой. Глубоким и звонким голосом он сказал:

— Говорите, но кратко, у меня у самого здесь есть дело.

Джилл сжала руку Спарлинга, ощущая его поддержку. У нее чаще забилось сердце.

— Кто такие дауры, и какие у тебя с ними дела?

Он бросил руку к рукояти меча:

— Зачем тебе это?

— Кажется, я встретила одного из них. — Джилл описала свою встречу. — Иннукрат ничего мне не сказала — только велела дожидаться тебя. Но я уверена, что о них все знают. Я вспоминаю, как я тоже что-то слышала.

Напряжение отпустило Арнанак.

— Да. Они — существа, создания, но не смертные. Наш народ верит, что у них есть волшебная сила, и многие приносят небольшие жертвы — вроде миски с едой — там, где видели даура. Но такие встречи редки.

— Но ведь дауру эта еда без пользы, правда?

— Что ты имеешь в виду?

— Полагаю, ты знаешь, о чем я. Помнишь, моя работа — изучать животных. И в дауре, которого я видела, не было ничего волшебного. Он был такой же смертный, как я или ты — просто это создание принадлежит к тому же виду жизни, что феникс или прыгоног, к тому виду, что полностью господствует в Старкленде. Но у него был нож. Я видела металл. — «А видела ли?» — Арнанак, если бы дауры так развились, что умели бы копать шахты или выплавлять металлы, мы, люди, это обнаружили бы. Я думаю, что нож они получили от тебя — по условиям сделки.

«Прыжок в темноту. Но Господи, иначе ведь и быть не может!»

Спарлинг добавил:

— Я тебе говорил, мы пришли сюда исследовать эти страны, понять, что они такое. И мои товарищи будут очень благодарны любому, кто внесет новый важный вклад в их работу, принесет новое знание.

Арнанак стоял неподвижно. Вскоре он принял решение.

— Ладно! — сказал он. — Это не такая уж тайна, в конце-то концов. Я кое-что говорил об этом другим тассурам. А вы двое останетесь здесь до завоевания Валеннена. Идите за мной.

Он повернулся и пошел по тропе.

В конце короткого пути Спарлинг наклонился и сказал на ухо Джилл:

— Ты была права. Целая разумная раса — и ты первая об этом догадалась.

— Ш-ш, — предостерегла она. — Не говори по-английски. Он подумает, что мы сговариваемся.

Они дошли до хижины. Часовые подняли копыя, приветствуя вождя, и отступили в стороны. Арнанак открыл дверь, пропустил людей вперед и тут же закрыл дверь, чтобы часовые, снова занявшие свой пост, не могли заглянуть внутрь.

Внутри хижины лили тусклый свет, рождая причудливые тени, два глиняных светильника. Единственная комната была обставлена примитивной миниатюрной мебелью. На полках стояли голуболистные растения, лежали странной формы куски мяса: еда для Т-жизни. Задняя дверь с защелкой изнутри давала возможность свободно входить и выходить тем, кто здесь жил.

У Спарлинга перехватило дыхание. Джилл стиснула его руку. Но сама этого не заметила — она смотрела на существа, напоминающие морских звезд. Они попятились, испуская тоненькие свисты и журчания.

Иштариец — орто-иштариец — успокоил их несколькими тассурскими словами, и они сгрудились около пришельцев, которые должны были казаться им невероятно странными.

— Вот история моих приключений, — сказал Арнанак.

И пока он рассказывал, Джилл смотрела и смотрела. Подобно большинству софонтов, дауры имели неспециализированное тело. Джилл нашла некоторые, слегка измененные черты, характерные для Т-существ. Внутри этих отдаленно напоминающих шар торсов находится скелет из сцепленных колец, с шарнирными соединениями для пяти конечностей. Верхняя ветвь заканчивается пятью лепестками, которые служат как хеморецепторы и как языки, проталкивающие пищу в пятиугольный рот. Под каждым лепестком осязательный усик и натянутые волокна слуховых мембран. На концах рук пять симметричных пальцев, которые не могли бы обхватить рукоять ножа так хорошо, как пальцы человека или иштарийца, но гораздо лучше держали бы что-либо вроде топора. Да, Джилл теперь увидела, как сделаны их ножи, и поразились изобретательности Арнанака, который, очевидно, это и придумал. Там, где руки переходили в туловище, находились хорошо развитые глаза, хотя и странного вида, потому что вся сфера глаза самозатемнялась в зависимости от яркости света. Под веткой головы находился более примитивный третий глаз для координации перекрывающихся полей зрения первых двух. Рудименты еще двух глаз превратились в выступы над ногами, по форме, цвету и запаху которых можно было сказать, что здесь представлены все три пола. Остальная часть тела в этом освещении казалась темно-пурпурной. При ярком дневном свете она блестела бы белым металлом — не очень редкое явле-

ние на этой планете, где многие растения приспособлялись именно так.

Да, замечательно, но вполне понятно, как всякая Т-жизнь — если бы не разум.

А когда Арнанак закончил свой рассказ и достал из ящика Дар, принесенный из Старкленда...

Оба человека вскрикнули. Хрустальный куб, со стороны около тридцати сантиметров, был наполнен чернотой с мерцающими всеми цветами точками. Когда Арнанак пошевелил предмет, видение изменилось, и рядом то с одной, то с другой искрой стали появляться какие-то символы.

— Смотрите хорошо, — сказал оверлинг из Улу. — Вы не скоро увидите его снова, если увидите вообще. И он, и эти дауры уйдут со мной через пару дней, дабы воодушевить моих воинов на ратный труд.

В их комнате уже горела лампа, а Спарлингу приготовили матрас, зашуршавший под ногами, когда они вошли. От горящего масла шел сосновый аромат, комнату наполнял теплый воздух, окно пропускало свет ярких звезд.

— Господи, Иен, что за чудо! — Джилл давно уже не испытывала такого радостного восхищения.

Черты его лица заострились сильнее обычного.

— Да. Но что толку? Как бы там ни было, мы передадим информацию.

— Мы. — Она снова схватила его за руки. — Как хорошо, что ты там был и видел это вместе со мной. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Я? Я очень рад, что мне посчастливилось там быть.

Охваченная внезапным порывом, она сказала:

— Иен, сейчас впервые предоставляется случай тебя отблагодарить. На самом деле это просто невозможно, но я уж сделаю, что смогу.

— Ну, вообще-то... — уголок губ у него приподнялся, но видно было, что ему неловко. — Слушай, я должен был бы настоять на двух отдельных комнатах. Если у них нет свободной, — а похоже, что нет, — я бы... ладно, я найду свой спальник, куда бы они его ни засунули. Спокойной ночи, Джилл.

— Что? Спокойной ночи? Не смейся меня!

Он попытался, но она обхватила его руками за шею и стала целовать. Через секунду он ответил на ее поцелуй.

— Перестань быть таким ужасно честным, — прошептала она наконец. — Я сама очень люблю Роду, и... тебе не надо говорить, что ты не ждал награды. Но я так хочу!

«Я хочу, хочу. Слишком долгим казалось воздержание. И потом, я не знаю, способствует ли открытие телесному возбуждению? Как бы там ни было, кому будет хуже от взаимной нежности двух людей, которые могут и не вернуться?»

Какой-то беспокойный внутренний голос успел подсказать, что у нее кончился срок действия последней противозачаточной прививки. «Да пошел ты», — ответила она ему. Мелькнула еще мысль, что Спарлинги всегда хотели еще ребенка, но в Примавере некого было усыновить.

— Мне кажется, что я тебя люблю, Иен, — сказала она.

Глава 19

Когда в Улу праздновали середину лета, солнцестояние Бел, и вовсю шли песнопения, пляски, бой барабанов и жертвоприношения, желтое солнце догнало красное в беге по небу. Теперь уже Ану стала гнаться за Бел. Жара плыла над материком, ревели сухие бури, днями длились степные пожары, и горький дымок курился над холмами. Белые груды облаков взлетали на Стену Мира, но ни одно не хотело пролить свою влагу над иссушенной страной.

Спарлингу на все неудобства было наплевать, Джилл говорила, что ей тоже. Он ей верил хотя бы потому, что она была самым откровенным человеком из всех, кого он знал. При почти нулевой влажности выносить жару легче — надо только расслабиться и дать телу действовать самому. Еда была спартанской, но ее хватало. Если не считать строгого контроля за диетой, туземцы очень дружелюбно относились к заложникам, всегда готовые помочь или предоставить их самим себе. Чаше всего им требовалось последнее, потому что мужчина и женщина брали от дней и ночей все, что могли.

Он никогда не был так счастлив, как теперь. Правда, для него это чувство переплеталось с чувством неловкости и вины не столько даже перед Родой, сколько за то, что он не посвящает свое время работе. Но, как он сам заметил, счастье никогда прямой дорогой не ходит — это свойственно только страху и боли.

О своем будущем они с Джилл не говорили никогда. Такие разговоры быстро оканчиваются тем, что любовь уходит. Он тоже, как и она, бросил считать дни — пусть себе идут своим

чередом. Потом уже он вспомнил, что их прошло сорок три, и пожалел, что они не были земными по длительности.

У них было чем заняться, кроме выяснения отношений.

Они сидели у пересыхающего ручья, чуть облизывавшего подошвы ранее скрытых камней. Над высоким кустарником, сохранившим еще достаточно листвы для тени, белело выгорающее небо, а солнца разбрасывали пятна золота и рубина. По ветке ковылял птероид, синий, словно зимородок, высматривая ихтионидов, которые уже вряд ли появятся. Он устало перебирал четырьмя ногами по ветке, как будто жара и голод успели наполвину высосать из него жизнь.

— Попробуем еще раз, — сказал Спарлинг, поворачивая рукоятку передатчика. Джилл теснее прильнула к его руке. Чистый запах ее волос обдал его волной.

— Вызываю Порт-Руа. Прошу ответить на этой частоте.

— Подразделение армейской разведки X-13 вызывает Порт-Руа, — торжественно добавила она. — Секретно и срочно. Нужны новые маски. Фальшивые бороды провоняли луком — носить невозможно.

«Хотел бы я иметь такое чувство юмора, как у нее, — подумал Спарлинг. — Не из-за него ли она так великолепна в постели? Не то чтобы мне было много с кем сравнивать. Я раньше даже не знал, что бывает разница».

— Честно говоря, я уже волнуюсь, — сказал он. — У Ларреки должен быть кто-то возле приемника круглосуточно. Либо наша идея не сработала, либо...

Его прервал тихий, как писк насекомого, но все же отчетливый в наступившей тишине звук:

— Говорит Порт-Руа. Вы — пленники-люди?

Джилл вскочила и заплясала от радости.

— Да, — ответил Спарлинг, тоже испытывая облегчение, но не так остро, как она. — У нас все в порядке. А у вас?

— Тихо. Слишком тихо, по-моему.

— Ага. Это ненадолго. Связать нас с командиром можете?

— Не так сразу. Он инспектирует систему сигнализации. Ждем к завтрашнему утру. Могу связать вас с Примаверой.

— Не надо. Лишний расход батарей. Я не смог протащить контрабандой достаточный запас. — «Да и с Родой я сейчас не хотел бы говорить». — Свяжитесь с ними и сообщите, что с нами очень хорошо обращаются. Я вызову вас снова — скажем, послезавтра, около полудня. А пока — до свидания. Удачи вам.

— Да снизойдет к тебе доброта Двоих, и да не причинит тебе зла Бродяга.

Спарлинг отключил рацию.

— Ну вот, — сказал он, — мы сделали большой шаг в нужном направлении.

— Ты сделал! — воскликнула она, бросаясь к нему на шею.

Они шли под звездами и лунами. Свет, падающий меж вершинами гор на безлесную грядку холмов, окрашивал ее лавандой, переходящей вдаль в пурпур — там, где сливалось небо с землей на закрытом дымкой горизонте. Мягкий теплый воздух был напитан запахами. Пели какие-то создания, напоминающие канторов Южного Бероннена.

— Я даже не думал, что Огненной порой возможны такие ночи, а ты? — спросил он. И взглянув на нее, добавил: — Это как у нас с тобой — все вокруг рассыпается и гибнет, а мы упиваемся радостью.

Они шли, сплетя пальцы, и она чуть-чуть их сжала:

— У людей всегда, наверное, так было. Иначе они бы умерли.

Он поднял глаза к звездам:

— Я вот думаю, не древнее ли иштарийское небо мы видели?

— Ты имеешь в виду тот Дар, что показывал Арнанак?

— Именно его. Я бы хотел, чтобы мы могли на него взглянуть получше. Я думаю, что это была модель неба, заключенная в микрокомпьютере на основе кристалла с питанием от солнечных батарей или долгоживущих изотопов. То ли для космической навигации, то ли для обучения, то ли... — он вздохнул. «Я здесь со своей возлюбленной, а занудствую, как профессор». — Кто может знать, что было на уме у покойника? Тем более у вымершего народа.

— Если они вымерли, — подхватывая эту тему не менее охотно, чем разговор о них самих, ответила Джилл. — Они могли уйти еще куда-нибудь. Посмотри, они же смогли создать предмет, который сопротивляется разрушительному влиянию времени более миллиарда лет. А где-то на севере лежат остатки их колонии — выветренные, полузасыпанные, и если мы их найдем, то посчитаем руинами. Но если они смогли сделать такое, может быть, они смогли и выжить?

— Если, если и если! — воскликнул он, ощутив, как кратковременна жизнь человека.

— Мне часто кажется, что это самое замечательное слово в человеческом языке, — заметила Джилл.

— Конечно, мы — то есть ты — сделали открытие, подобных которому не случалось с...

— Нет, милый. Мы сделали.

— Я много бы дал за то, чтобы знать, как передать эту информацию. Как бы сделать так, чтобы она не умерла с нами, если такое случится?

— А почему не сказать Ларреке? Что еще можно придумать? Он сообщит в Примаверу. И смотри, — Джилл поднялась, захваченная собственной мыслью. — Правда становится известна. Арнанак использует мифы и предрассудки в политических целях. Если тассуры поймут, что дауры смертны, что он просто договорился с представителями других видов и что они ему помогают в обмен на обещание лучших земель после гибели цивилизации — ты себе представляешь, какой это удар для боевого духа?

Он покачал головой:

— Нет, милая. Я об этом уже думал. Если слово разойдется, значит, его секрет выдали, а кто мог это сделать, кроме нас? Он там, в хижине, рассказал нам историю своего путешествия, и другим он тоже о нем рассказывал, но о своих политических целях не говорил — от этого исчезла бы его власть над их душами.

— Именно, — подтвердила она.

— И ему не надо будет знать технологию радиосвязи, чтобы понять, кто это разболтал секрет. А тогда...

— Не могу себе вообразить, чтобы он был мстителен.

— Может быть, да, может быть, нет. Он может убить нас из предосторожности. Так рисковать тобой я не могу.

— Да-а, я тебя понимаю. Я у себя одна. — Она остановилась, и ему пришлось остановиться тоже. В нежном свете он увидел, как она сморщила нос в улыбке. — Что еще важнее, ты у меня тоже один.

Он притянул ее к себе. Дерн был из Т-трав, пушистый и мягкий.

Позже он приподнялся на локте и глянул на это чудо — на нее. Подняв руку, она взъерошила его волосы.

— Беру обратно свои слова, — промурлыкала она.

— Какие?

— Насчет того, что «если» — самое чудесное слово. Ему — только второе место. А первое — хорошему английскому возвратному глаголу, произнесенному тобой после слова «давай-ка».

Некоторое время они могли прожить без своих дополнительных рационов. Но когда они объявили о своем желании уйти с ночевкой, Иннукрат выдала им небольшой паек.

— На западе крутые горы, — сказала она. — Вам лучше быть в хорошей форме.

— Ты хорошая женщина, — сказал Спарлинг. Его мучил совесть.

— Если ты говоришь, что думаешь, то, когда ты вернешься домой и снова обретишь силу, не забудь — не меня, а моих детей.

Покинув ферму, люди ускорили шаг. Спарлинг нес карманный компас, разрешенный ему, потому что тассуры видели подобия таких у легионеров, Джилл записывала наблюдения под его диктовку. Арнанак, не видя вреда в том, чтобы они вели записи того, что видят, не возражал против бумаги, карандашей и планшета.

— Ты действительно можешь так точно измерять расстояние шагами? — спросила Джилл.

— Довольно точно, — ответил он. — Конечно, я предпочел бы лазерный теодолит и переносной интегратор, но мне трудно было бы объяснить их назначение.

В результате они сделали наблюдения, которые дали возможность привязать Улу к карте с точностью до метров.

На следующий день, когда они возвращались, спускаясь серпантинном по раскаленным каменистым склонам, рация вдруг ожила. Спарлинг, пробормотав «Что за черт», нажал кнопку приема.

— Техник Адисса из Порт-Руа, — сказал тонкий голос. Вам сообщение из Примаверы.

— Святой Хануман! — он разозлился до красного каления, столь же яростного, как бешеный свет вокруг него. — Идиот ты этакий, мы могли бы быть среди тюремщиков!

— Ка-а, — сказал извиняющийся голос.

— Полегче, милый, — успокоила его Джилл. — Ничего плохого не случилось. Наверное, недавно нанят, прошел обучение у людей и рвется к службе. — Она наклонилась к браслету: — Как говорят у нас на сцене: не зови нас, мы тебя сами позовем.

— Прошу вашего извинения, — ответил смущенный иштариец.

— Считаю, что ты его получил. Мы не расскажем Ларреке, — пообещала Джилл. — Поскольку сейчас прием безопасен, в чем состоит сообщение?

— Прежде всего, что делается в легионе? — спросил Спарлинг, несколько смягчившись. Он прислонился к дереву, ища намека на тень от шуршащей сухой листвы.

— Оружие пока в ножнах, — ответил Адисса. — Но от огня пострадали ближайшие охотничьи угодья, и командир больше не посылает охотничьих групп. Корабль, на котором я прибыл, привез припасы и несколько солдат. Мне сказали, что это последнее, что может выделить наш легион — то есть те его части, которые не здесь, — и что больше солдат не будет.

Двое людей уселись под утесом. Адисса включил запись — раздался голос Боггарта Хэншоу.

— Привет, вы двое. Думаю, вы захотите услышать новости, хотя, честно говоря, мало что хорошего могу сказать. Спешу сообщить, что лично у нас все хорошо. Но в остальном у нас полное затишье, или, точнее, застой. А вы тут стали символом, целью, *je ne sais que** вас еще называть. Обычная ситуация. Люди живут как живется, но тем временем у них растет гнев, и наконец из пересыщенного раствора выпадают его кристаллы — ох и твердые. Что до данного случая, я могу сказать только вот что. Новости с фронта: снова патовая ситуация, только уже не затишье, а мясорубка. А сверх всего этого двое членов нашей общины стали пешками в руках варваров из-за той же идиотской войны. И вот вдруг в Примавере началась забастовка. Все постоянные жители и даже контрактники полностью отказались сотрудничать со строителями базы. Они даже разговаривать не хотят ни с человеком в форме, ни с «коллаборационистом». Те, кто предпочли бы вести себя по-другому, не считают, что это стоит того, чтобы стать предателем в глазах своих друзей. Как сами понимаете, от этого масса неприятностей. Капитан Дежерин взывает ко мне чуть не каждый день. По молчаливому согласию, я — единственный житель Примаверы, который может иметь дело с его людьми и остаться кошерным — все понимают, что кто-то должен. Он произвел несколько арестов, но быть арестованным рассматривается как высокая честь, и он выпустил арестованных и снял обвинения. Он не глуп и не зол, как вы знаете. Мне его жалко. Он очень трогательно просил сообщить ему, как только от вас что-нибудь будет. Но об этой связи мы ему не сказали. Между нами говоря, я не уверен, что община поступает разумно. Я понятия не имею, к чему может привести такое сопротивление. Может быть, к отмене проекта Космофлота, а может быть, к урезанию последних наших фондов — кто знает? Я считал, что вы должны знать, как обстоят дела, на тот случай, если вы будете пытаться договориться со своими тюремщиками. Я и дальше буду вам сообщать, что

* Не знаю как (*фр.*).

происходит. Вы о нас пока не волнуйтесь. Как говорит пословица, положение отчаянное, но не серьезное. Au revoir*. Теперь Рода.

— Bom dia, querido**, — произнес женский голос и продолжал говорить какие-то ласковые слова по-португальски. Спарлинг сжал руки в кулаки и стиснул зубы.

— Джилл, — закончила Рода по-английски, — твои родители, твоя сестра и ее семья передают тебе привет и поцелуй. — В самом ли деле в ее голосе слышались слезы? Она продолжала: — Я тебя тоже люблю и целую. Не болей. Спасибо тебе за то, какая ты есть, и за все, что ты делаешь. Я молюсь о твоём благополучном возвращении. До свидания.

Голос умолк.

— Это все, — сообщил Адисса.

— О'кей, — машинально ответил Спарлинг. — Отключаемся.

Он молча сидел, глядя на выжженные горы. Джилл обняла его за талию.

— Твоя жена заслуживает лучшего, чем я, — сказала она.

— Да нет, — вяло ответил он. — Я хочу сказать, что ты чистая, и храбрая и... слушай, мы же ничего ни с чем поделать не можем, правда? — «Трусливая уловка». — Вопреки моим собственным чувствам, — продолжал он, — я разделяю опасения Бога. Всеобщая забастовка против Космофлота — против Органов охраны мира — черт возьми, эти люди подставят нас всех!

— Не умирай раньше смерти, — ответила она. — Хотя...

Когда ее голос прервался, он повернулся и посмотрел на ее чистый профиль на фоне пылающих скал и горячего воздуха, обрамленный прядями, спадающими из-под головного обруча, что подарил ей один из солдат легиона.

— Я вот не понимаю, почему ни отец, ни мать, ни Алиса, ни даже Билл ничего не сказали сами? — спросила она, глядя в пространство. — Может быть, я слишком хорошо их знаю?

Она встряхнулась и расправила плечи.

— Теперь я стала генерировать беспокойство, — сказала она. — Черт с ним со всем. Потопали. Только поцелуй меня сначала.

И скоро кончилось время, что принадлежало только им.

* До свидания (фр.).

** Добрый день, дорогой (португал.).

С самой восточной сторожевой башни Ларрека, прищурясь, смотрел на доки Порт-Руа, на несколько кораблей легиона и на флот противника, вошедший в бухту. Он насчитал пятьдесят девять судов — пятьдесят девять гротов, окрашенных в красное восходом Бродяги. Невысоко еще поднявшийся шар обжигал глаза лучами, отраженными от аметистовых гребней волн. Ларреке с трудом удалось закончить счет, и сомнительно было, что наводчики гарнизонной артиллерии смогут хорошо нацелить камень или огненную стрелу против такого сияния. У варваров этих проблем не было, и к тому же ветер был для них попутным. Этот ветер трепал и рвал сейчас знамя над Ларрекой.

— *Ка-а*, — сказал Серода, его адъютант, — ты предполагал, что их будет столько?

— Их вождь — хитрая bestия, — ответил Ларрека. — Он их вел разными путями и малыми группами, пробираясь между островами и вдоль берегов. И потому мы не знали, сколько их на самом деле. Он просто сказал шкиперам, где и когда будет встреча — я думаю, в ночь летнего солнцестояния возле пролива Лемеха — и там отдал приказ. — Он шевельнул усами. — *Грр-м*, это вряд ли весь флот, далеко не весь. Добрая часть осталась держать блокаду на тот случай, если нам кто-то пошлет помощь.

— А зачем они тогда здесь?

— Отрезать нас. Если бы мы смогли сесть на корабли и ускользнуть от них в море, мы могли бы вернуться домой, чтобы усилить оборону там.

Взгляд Ларреки скользнул по городу, по низким скученным зданиям из необожженного кирпича, покрашенным в яркие цвета, по мелеющей день ото дня реке, к которой выходила западная стена и в которой блестели, как обсыхающие чудовища, обломки скал, по коричневой и черной земле, замыкавшей мир в круг. Пыльные смерчи кружились, как танцоры, передающие какой-то боевой сон.

— Да, — сказал он. — Вот и началась кампания. Скоро появится пехота.

И через минуту добавил:

— Их предводитель все-таки одну глупость сделал. Он забыл старое доброе военное правило: всегда оставь противнику, куда отступить.

— Они наверняка ждут, что в конце концов мы сдадимся.

— Тоже способ отступления, *иай*? Только он, видишь ли, нереален. Вон те корабли ему противоречат. В эти дни в Вален-

nene не прокормишь кучу пленных. Они нас или перебьют, или обратят в рабство — рассеют по всей стране, по шахтам и пашням прикованными к тачкам и плугам или к мельничным колесам. Я предпочитаю смерть. — И Ларрека выругался, потому что понял, что неплохо было бы собрать войска и это все им изложить. Но он терпеть не мог держать речь.

Серода, прослужив в легионе уже вторые шестьдесят четыре года, мог не бояться обвинений в трусости или недостатке преданности. Он мог позволить себе сказать:

— Ну ведь можно было бы договориться. В конце концов, взятие этой крепости им обойдется дорого. Может быть, они по-прежнему предпочли бы наш уход.

— Потому-то мы и остаемся, — ответил Ларрека.

Те варвары, которых перебьет Зера Победоносный в свой последний час, уже не смогут напасть на Мероа и ее детей.

Силы тассуров достигли Порт-Руа, когда двойной полдень уже горел. Они расположились лагерем в километре от стен, и от их поступи дрожала земля. Лагерь выгнулся дугой между рекой и морем. Гротескные штандарты варваров — воздетые на шест черепа животных-тотемов или предков, хвосты поверженных врагов — вставали лесом, и в нем наконечники копий блестели, как спелые фрукты меж ветвей. Трещали барабаны, трубили горны, под крики и песни галопом носились воины, поднимая пыль.

Земляные стены города заканчивались наверху частоколом заостренных бревен феникса. С углов они были защищены сторожевыми башнями и бастионами. В каждом из бастионов стояла катапульта, бросающая сразу несколько копий, или баллиста с запасом метательных снарядов. Под стеной был выкопан ров, его дно щетинилось кольями. По стенам выстроились солдаты, сверкали кольчуги и щиты, плюмажи развевались подобно реявшим в высоте знаменам. Среди лучников было рассеяно несколько стрелков с огнестрельным оружием.

По возвращении Ларрека эвакуировал большинство гражданского населения. Остались только жены и слуги, местные уроженцы — те, кто фактически входил в легион. Их помощь в уходе за ранеными и в обеспечении повседневных потребностей будет очень ценной. «Не так уж нам плохо, — подумал Ларрека. — Пока».

Трижды протрубил горн, и из высокого шатра вышли двое. Первым шел знаменосец с флагом, зовущим на переговоры. Второй был массивен и увешан золотом. «Арнанак собственной

персоной! — Ларрека задумался. — Говорить ли мне с ним? Их этика смотрит сквозь пальцы на коварство. Впрочем, он же брат по ложе».

Не обращая внимания на протесты своих офицеров, Ларрека приказал открыть северные ворота и спустить мост. Он пошел в одиночку. Броню он не надел — зачем париться? — и был при нем лишь хаэленский клинок, сумка да красный плащ. Плащ был ненужной обузой, но Серода настоял, что не должен командир выглядеть убого, встречаясь с гордым соперником.

Арнанак сказал что-то своему спутнику, и тот взмахнул флагом, приветствуя противника. Сам же он воткнул свой меч в землю. Они с Ларрекой обменялись рукопожатиями и таинственными словами их веры.

— Силы и здоровья тебе, господин! — сказал Арнанак. — Как я был бы рад, если бы мы могли отложить свои смертоносные копыя.

— Хорошая мысль, — ответил Ларрека, — и легко сделать. Просто вернись домой.

— И ты поступишь так же?

— Я дома.

— Мы все равно не могли бы отпустить вас на свободу, — вздохнул Арнанак. — Такой шанс был у вас раньше. А теперь я должен положить конец легиону Зера.

— Вперед, сынок, и за дело. Только зачем тогда мы тут стоим на солнцепеке, когда могли бы спокойно пить пиво в тени?

— Вы храбрые воины, и я хочу предложить вам выход. Сдавайтесь. Мы отрубим каждому правую руку, прокормим, пока вы поправитесь, и отпустим на корабли. Солдатами вы уже не будете, но вернетесь домой.

— Нг-нг. — Ларрека улыбнулся навстречу серьезному взгляду зеленых глаз. — Я бы мог сделать встречное предложение, только насчет других органов. Но зачем зря языком трепать?

— Я бы хотел сохранить тебе жизнь, — с нажимом сказал Арнанак. — Мы оставим невредимыми тех, кто к нам присоединится.

— Ты думаешь, такая жизнь стоит того, чтобы жить? — «С их точки зрения, да».

— Иначе — смерть всем, кроме тех несчастных, что попадают в рабство. — Арнанак развел большими черными руками, и зазвенели, сверкнув, его золотые браслеты. — У вас нет надежды. Мы могли бы просто уморить вас голодом.

— Мы запаслись, и наши колодцы глубже тех, что вы можете выкопать в устье. А эта земля — последний невыжженный кусочек. Посмотрим, кто первый оголодает?

— Верно. — Арнанак не казался смущенным этим блефом. — И позиция у вас хороша для защиты. Но ведь именно для защиты. Вы загнаны в угол, и у нас восьмикратное численное превосходство. Ты ждешь подмоги из Бероннена? Пусть попробуют, мои моряки с удовольствием развлекутся пиратством. На людей рассчитываешь? Они же даже не попробовали вырвать двух своих заложников.

— Не надо их недооценивать, друг. Я видал, что они могут.

— Неужели ты думаешь, что я работал, сражался, строил планы на годы и годы, не узнав о них как можно больше и не взяв это в расчет? Мои заложники лишь подтвердили то, что я знал. Они пришли за знанием, они торгуют с тем, кто лучше утолит эту их жажду, и они не будут сражаться без провокации, которой не будет, уж за этим я прослежу.

Арнанак помолчал. И добавил:

— Ты прав, мы не будем держать осаду, Одноухий. Мы возьмем вас штурмом. Если ты не примешь мои условия. Неужто ты ради своей чести отвергнешь их, губя свой народ?

— Так и сделаю, — ответил Ларрека.

Арнанак грустно улыбнулся:

— Я так и знал заранее. Он я должен был попытаться, верно? Ну, что ж теперь... Брат во Троиx, желаю тебе смело войти во Тьму.

— И да будут Они к тебе милостивы, — ответил древними словами Ларрека. И двое обнялись, объединенные верой, и разошлись своими путями.

К вечеру ветер сменил направление и усилился, так что пыль поднялась и закрыла звезды толстой темной завесой, и даже луны не пробивались сквозь нее. Под ее покровом варвары подтащили стенобитные орудия. Среди них были и те, что захватили у войск, шедших на север отбивать Тарханну. На рассвете начался обстрел стен из этих орудий, из луков и арбалетов. И когда поднялось Истинное Солнце, такое же красное, как Бродяга, оно увидело разгар битвы.

Небо было темно от пролетающих стрел, с тяжким вздохом слетали с пращей камни и со свистом летели, прикрывая воинов от снайперов легиона. Под этим прикрытием валенненцы заряжали катапульты и требушеты для метания тяжелых камней в стену, и каждые несколько минут вздрагивали тяжелые бревна

стен, и откалывались от них щепки. Вопли, вскрики, рев горнов и бой барабанов доносились от орды, осадившей дальний край рва. Солнца взбирались вверх, тени становились короче, росла жара. Ветер нес каменную крошку, она порошила глаза и скрипела на зубах.

Ларрека успевал надзирать за всем. За ним шел знаменосец с его личным знаменем, воздетым высоко на шест. Такая эмблема была у каждого командира легиона. Кроме всего прочего, она сообщала, где он, для тех, кому он был нужен, хотя, разумеется, привлекала и огонь противника. Ларрека к этому уже привык. Его девиз многих озадачивал: значение руки, поднявшей меч в небо, было понятным, но не все знали английские слова «Ответь Мечом».

Надо было отдавать приказы — «Собрать эти сувенирчики и отправить обратно», и ободрять легионеров, особенно раненых — «Хорошая работа, солдат!», и наблюдать за битвой, и иногда что-то делать самому.

Пока что лучники хорошо стреляли из башен: удавалось отбить все попытки перебросить мосты через ров. Голые варвары откатывались назад, вспоротые копьями и стрелами, или падали вниз со стен, и жизнь вытекала из них пурпуром. Но один требует им удалось подтащить поближе, и он бил в одно и то же место раз за разом, пока не разрушил одну сторожевую башню, а потом и другую. Это место было прикрыто только бастионом меж ними, и градом стрел его защитники были перебиты.

Ларрека видел это. Второе укрепление вышло из строя к концу дня. С воплями радости расступились варвары, пропускавшие носильщиков с длинными, тяжелыми досками — штурмовать брешь.

— Отлично! — сказал Ларрека. У него были свои доводы в этом споре: свежая команда с катапультой, каждый номер со своим щитоносцем, прикрывавшим и себя, и его. Они протрусились тяжелой рысью, взводя оружие. Их никто не заметил, пока Ларрека не скомандовал выпустить пару больших камней вдоль рядов наступающих. Плохо организованные туземцы не смогли выстроить правильной защиты и отступили в беспорядке. Тем временем атакующие подвели к брешу помост, показался отряд хорошо вооруженных воинов. Третьим и четвертым выстрелом Ларрека пустил зажигательные снаряды. Кувшины с горячей нефтью ударили в цель, взорвались огнем и далеко разбрызнули его языки. Удар был силен, и помост охватило пламя.

— Лучше бы укрыться, командир, — посоветовал легионер: дождь стрел стал куда гуще.

— Рано еще, — ответил Ларрека. «Здесь весело. Как в старые дни». — Нам бы надо еще достать вон тот требушет.

Для этого потребовалось три выстрела, и двое из его команды были смертельно ранены, но недаром: орудие противника, пораженное защитниками Порт-Руа, превратилось в сноп красного и желтого огня. Других потерь не было — Ларреке самому досталась царапина над бабкой, которую просто перевязали.

Ему недолго пришлось любоваться результатами. Он только увел свою группу в укрытие и говорил: «хорошая работа, солдаты» умирающему юноше, как прибежал гонец с известием, что шесть галер приближаются к устью. Арнанак, очевидно, собирався напасть с воды, предприняв одновременно новый штурм с берега.

Ларрека оглядел своих офицеров:

— Кто возьмется за по-настоящему отчаянную работу?

После мгновенной паузы вперед вышел молодой многообещающий командир когорты:

— Я возьмусь.

— Хорошо, — сказал Ларрека. — Набери добровольцев, столько, чтобы хватило поставить парус на корабле. Течение и прилив какие надо — ты войдешь сразу за этими гадами. Они могли бы высадиться на берег, но воспользуются причалом — я рад, что мы его не разрушили, — так будет куда удобнее. Подожги корабль, и пусть он врежется в них. Отходите на лодке или вплавь. Мы сделаем вылазку, перебьем экипажи и подберем вас.

— Пожертвовать целым кораблем? — удивился адъютант Серода.

— А мы никуда не собираемся плыть, — напомнил ему Ларрека. — Все равно придется поджигать остальные, чтобы не достались пиратам. Я только подожду с этим вот для такого случая.

Он внимательно смотрел на молодого офицера. Их глаза встретились, и сразу стали незаметны жара и пыль, ветер и крики битвы за стенами. Они оба знали, каковы шансы на успех. По лицу стоящего перед ним легионера Ларрека понял, что тот уже начал формировать сон, тот сон, что будет последним в его жизни и с которым он хочет перейти в смерть. Командир стиснул его руку в солдатском пожатии.

— Иди с любовью, легионер, — сказал он. — Это прощание пережило несколько циклов цивилизации.

В битве наступило затишье. Сухопутные силы тассуров отошли назад бесформенной и беспорядочной массой, чтобы отдохнуть и начать снова со свежими силами. Ларрека посчитал, что галеры останутся на рейде до темноты. А тогда моряки для под-

хода к берегу и установки штурмовых платформ подождут лунного света. Без этого они вряд ли считают себя способными перебраться через частокол. Хорошо бы, чтобы их оказалось на галерах побольше: отражение атаки с воды потребует жизни защитников, которых скоро будет очень не хватать на стенах.

«А мне бы самому лучше сейчас отдохнуть, пока есть возможность, — подумал Ларрека. По всем костям разливалась усталость. В сопровождении Сероды он тяжело прошел по свободным теперь улицам в здание штаба. Наверху скелетом на фоне неба виднелась радиомачта. Солнце закатилось, и Бродяга стоял низко: свет был цвета крови землянина, тень — иштарийца. — По крайней мере в следующем раунде будет прохладнее».

Иразен, заместитель командира после поражения экспедиции Волуа, встретил его при входе. Старый, массивный, покрытый шрамами ветеран, с недостатком воображения, но из тех, победа над кем дорого обходится врагу.

— Ты вовремя, — сказал он. — У нас на связи заложники-люди. Узнав, что происходит, они — по крайней мере женщины — требуют разговора с тобой.

«На то она и Джилл. И Иен почти настолько же хочет поговорить, но он терпеливее. Вот приятный сюрприз». Перед внутренним взором возникло лицо, обрамленное прямыми прядями из-под узкой ленты, светло-светло-желтые волосы, глаза голубее небес на тропических островах, где он странствовал в юности, и улыбка ярче солнечного блеска на пене прибоя. Тонкая и высокая стать, в которой скрыт призрак той маленькой девочки, что смеялась от радости, когда его видела. Пусть Трое дадут ей много таких же малышей, хоть он их и не увидит. Ларрека быстро пробежал к пульту связи.

— Он здесь, — сказал дежурный техник и отсалютовал командиру. Ларрека взял трубку, глядя на слепой экран.

— Дядя! — пробился голос Джилл. — Как ты там?

— Все еще на палубе, — ответил Ларрека хаэленской поговоркой. — А вы?

— С нами все в порядке — вышли прогуляться на закате и сидим на вершине холма, глядя, как сумерки заполняют долину. Дядя, ведь на тебя напали!

— Пока что им с того мало радости, — сказал Ларрека.

— Пока что? — переспросила она. — А что дальше?

— Того же самого побольше. А что еще?

Наступило молчание. Может быть, Иен и Джилл шептались. Или нет. Комната в этот вечер казалась самым нереальным местом в мире. Когда Джилл заговорила снова, голос был жестким:

— Сколько вы еще можете продержаться?

— Смотря по обстоятельствам, — ответил Ларрека.

Она оборвала его солдатским ругательством.

— Я расспросила твоего техника, пока тебя искали. Помощи не будет. Верно? Даже нас с тобой нет, хоть как-то помочь. Дядя, я тебя знаю, и, черт меня побери, я прошу привилегии солдата — говори со мной откровенно.

— Давай лучше потреплемся для отдыха, — предложил Ларрека, глядя в невозмутимые лица приборов.

— Я не в том возрасте, когда меня можно было утешить конфеткой, — сказала Джилл. — Послушай, я *знаю*. Ведь Союз тебя списал в убыток. Если даже они спохватятся и решат, что стоит удержать Валеннен, когда они увидят, против чего тебе приходится бороться, — даже если они спохватятся, будет поздно. Арнанак их перехитрил. Мой народ... он парализован или связан собственным Космофлотом. Отходы тебе заблокированы, а поскольку ты не сдаешься, ты будешь уничтожен. Арнанак и со мной, и с Иеном говорил откровенно. И теперь твоя цель — продать свою жизнь так дорого, чтобы цивилизация имела хотя бы время вздохнуть. Верно? — Голос Джилл сорвался: — Черт побери, этого не должно быть!

— Мы все когда-нибудь умрем, — ответил он ей с неожиданной мягкостью. — Ты лучше подумай: это избавит меня от необходимости смотреть, что будет с тобой.

В ответ прозвучало:

— Мы с Иеном решили, что мы заставим людей в Примавере оторвать задницу от стула. Еще не знаем как, но, черт побери... Иен, мы сделаем это! — Овладев собой, она заговорила спокойно: — Держи эту линию свободной для нас. И зарезервируй время для связи с Хэншоу каждый час. Просекаешь?

— Что у вас на уме? — От страха за нее голос прозвучал резко.

— Так, кое-что. Пока не знаем.

— Ты не имеешь права рисковать собой. Это приказ, солдат.

— Даже чтобы спасти Порт-Руа?

Ларрека смотрел в черную бездну, припоминая, как послал командира когорты на огненный корабль. А Джилл всегда любила считать себя приписанной к Зере Победоносному.

— Хорошо, — медленно сказал он, — только свяжись со мной сначала, о'кей?

— О'кей, старик, — шепнула она.

Сухой голос Спарлинга:

— Гхм, батареи садятся, и нам лучше держаться необходимых частностей. Можешь ли ты оценить, сколько времени вы продержитесь без подкреплений?

— Где-то от завтрашнего утра и до осеннего равноденствия. Слишком многое не поддается учету, — сказал Ларрека и подумал, какой бы прекрасной парой для Джилл был этот Иен, если бы у людей двадцать лет не составляли такой гротескно большой разницы. — В конце концов они проломают нашу защиту и снесут стены. Мы не сможем обеспечить достаточную плотность огня, чтобы это предотвратить. Но если они понесут большие потери вначале, Арнанак может решить действовать медленно и не терять бойцов, которые ему еще понадобятся. Когда они вломятся, мы заставим их брать город дом за домом. — Он прикинул и добавил: — Нг-нг, для разумной оценки поделим разницу и назовем тридцать два дня.

— И не больше? — тихо спросил Спарлинг. — Ну что ж... придется думать и действовать быстро. У меня есть какой-то зародыш идеи. Удача да сопутствует тебе, Ларрека.

Через километры выгоревших гор и те самые двадцать лет маленькая девочка Джилл сказала «Чммоок!» — и связь прервалась, а то, подумал Ларрека, пришлось бы слышать, как она плачет.

Он повернулся к ожидавшему Иразену:

— Еще что-нибудь?

— Ничего важного, командир.

— Я хочу поспать. После восхода первой луны дело начнется снова. Пошлите тогда за мной.

Ларрека отправился к себе. Дом принадлежал и Мерао, здесь еще хранились ее вещи и память о ней. Сняв доспехи, он остановился возле их фотографии с последним ребенком, сделанной одним человеком в первые годы Примаверы. Якоб Цопф умер холостяком, и его народ не сохранил о нем памяти кроме той, что осталась в архивах, но Мерао, когда бывала там, всегда приносила земные цветы на его могилу. *Да, ты такая*, подумал Ларрека.

Вытянувшись на левом боку — один на двойном матрасе, — Ларрека закрыл глаза и задумался, о чем бы посмотреть сон. Лучше всего какая-нибудь веселая фантазия — например, заиметь крылья и посмотреть, что случится. Слишком грустно было бы проснуться с разумом, полным призраков. И много ли ему еще осталось времени блуждать среди того, что было или могло быть? Если уж он хочет иметь хороший смертный сон, то планировать и экспериментировать надо начинать сейчас. Конечно, он может быть убит и не таким образом, который даст ему возможность уйти из жизни так и в той компании, как ему хотелось бы... «А, черт его побери», — буркнул он, сосредоточился на свадьбе Джилл и Иена и погрузился в атмосферу пира, веселого до буйства.

Свет лампы Сероды разбудил Ларреку, согласно его приказанию. Варвары на берегу снова задвигались. Их галеры подняли якоря и направлялись от середины бухты к рыбацким причалам. Они не пытались напасть на большой корабль, стоящий в стороне. Несомненно, они считали, что он высматривает очень мало вероятный шанс проскользнуть через шеренгу блокировавших бухту кораблей.

— О'кей, сейчас иду, — сказал Ларрека, то ли зевнув, то ли хмыкнув в ответ на то, что творилось на пиру в его сне. Серода принес ему миску супа и помог надеть снаряжение. Ларрека вышел из штаба взбодрившись. Кто знает, может быть, его друзья и в самом деле найдут способ его выручить.

Нападение с морского берега не принесло никаких неожиданностей, с которыми не могли бы справиться офицеры на месте. На реке было менее предсказуемо и более интересно. Ларрека перевел взгляд туда, наблюдая с надвратной башни.

Западные холмы осветила быстро поднимающаяся среди звезд Целестия. Отсюда она выглядела подобно красному щиту с причудливым гербом. Свет ее струился сквозь горячий воздух, разливался по оголенной земле, тусклый, пока не касался воды, — и тут же превращался в серебристо-холодный дрожащий мост. Через эту серебряную полосу двигались черные силуэты кораблей варваров. Они причалили, и вопли их экипажей разрушили даже тот остаток тишины, что еще был в этой ночи.

Хитрость была в том, чтобы занять их до тех пор, пока не подойдет корабль-брандер — как они старались отвлечь легион от другого конца города, где должны были ударить их товарищи. Ларрека уже слышал над залитыми луной крышами шум той атаки. Пропели луки, свистнули стрелы. Остановились только те из нападавших, кто был ранен или убит. Остальные мчались вперед зигзагом, сливаясь с тенями и прячась среди них. У многих были факелы, оставлявшие на бегу дорожки из искр.

За ними, как призраки в лунном свете, вдруг залитые языками пламени, показались паруса. Удар корабля в причал отдался в земле и в костях. Пламя с ревом рванулось наружу. Но валенцы, как бы ни были растеряны, не повернулись и не побежали. Они рвались через земляной вал к частоколу, поливали его маслом из кожаных мехов и поджигали своими факелами.

«Неужто Арнанак меня перехитрил, заставив думать, что это диверсия? Хаос, это же главный удар!»

— На вылазку! — проревел Ларрека. — Сбросить их со стены — пока она вся не загорелась!

Он бросился к воротам. Обнажив меч, он повел в бой своих солдат. Ударяясь друг о друга, пели мечи. Варвары рвались впе-

ред, отчаянно бесстрашные, и рубили, рубили. Подавляемые численным превосходством противника, legionеры укрылись за щитами и отражали атаку. Они вклинивались между поджигателями и теми, кто их прикрывал. На поле битвы появился резерв, и солдаты пошли вперед. Шаг за шагом, удар за ударом они прогнали врага на горящие корабли и в поднявшийся прилив.

— Молодцы, ребята! — крикнул Ларрека. — Вперед, кончай их во имя Зеры!

От удара он покачулся. От правого глаза разлилась боль. За ней тьма. Он выронил хаэленский клинок и схватился за древко торчавшей из глаза стрелы.

— Уже все? — громко спросил он.

На место удивления пришли вихрь и гром, ноги подломились. Какой-то солдат подошел ближе, Ларрека не обратил внимания. В багровом свете луны и пламени он собрал остаток сил, пока они не покинули его навсегда, и постарался создать себе смертный сон, хотя бы и такой краткий, как последний миг.

Глава 21

Благодаря толстым стенам Башни Книг в комнате было почти прохладно. Свет двойного солнца косыми лучами лился в окна и рассыпался в нитях бисера, порождая бесчисленные оттенки и переливы на каменном полу. Теми же цветами играли воздушные, похожие на бабочек энтомоиды в гриве Джерассы. Ученый стоял у стола с развернутым пергаментом; такими же пергамен-тами были заполнены длинные полки вдоль стен. Он говорил по-английски с совершенством педанта, но ни один иштариец не мог не придать языку напевность:

— Вот чертежи различных экипажей, приводимых в движение силой мускулов, имевших распространение в момент прибытия людей. В некоторых регионах они еще могут быть в ходу. Основная трудность состоит в том, что, хотя представители нашего вида имеют большую индивидуальную силу, мы при этом еще и больше по размерам. В данном судне может поместиться ограниченное число гребцов. Как лучше распределить имеющиеся силы? — Он показал указкой. — Здесь мы видим приспособление, позволяющее использовать для гребли силу не только рук, но и передних ног. На этом чертеже показан ножной переступательный привод для приведения в действие гребного колеса, или гребного винта в более поздних моделях. Однако подобные устройства неэффективны и подвержены поломкам, если они не выполнены из достаточно прочной стали, выдержи-

вающей большие крутящие моменты. В силу этого валенненцы и островитяне Огненного моря комбинируют носовые и кормовые косые паруса с обычными веслами, что делает судно весьма маневренным, но ограниченным по дальности плавания. Мы же, обитатели Южного Бероннена, как вы, может быть, заметили, предпочитаем большие прямые паруса. Их недостаток — медленность в управлении, поскольку наши команды даже при использовании подъемных кресел и лодыжечных крюков не могут взбираться наверх так же быстро, как ваши.

— Поскольку ваши эмиссары научили нас более совершенной металлургии, наши конструкторы стали экспериментировать с винтами, приводимыми в движение силой ветра. В свое время мы собирались построить и двигатели, но в связи с отсутствием у нас промышленной базы и приближающимся периастром вряд ли что-то в этом направлении удастся сделать в ближайшие столетия.

Он не добавил: «Удалось бы, если бы Примавера по-прежнему могла нам помогать». В его богатом интонациями, но спокойном голосе упрек не прозвучал. Однако стоявший рядом с ним Дежерин поморщился.

— Эти чертежи — просто настоящее искусство, — наконец произнес человек совершенно искренне. — И сколько ума и воли — добиться таких результатов, когда Ану всегда возвращается...

И тут его прорвало.

— Почему вы меня принимаете? — спросил он. — Почему ваш народ держится дружелюбно с моими людьми, когда их собственное племя даже говорить с ними не хочет?

Золотые глаза Джерассы спокойно встретились с черными глазами человека.

— Чего мы добились бы, отринув одиноких юношей, кроме того, что лишили бы себя самих всего того интересного, что можем от них узнать? В большинстве своем мы сознаем, что они не свободны в выборе своей цели. Население Примаверы надеется оказать влияние на ваших главных лидеров через вас, отказывая вам в искусстве и средствах, которые вам нужны. У нас же нет ни того ни другого.

Дежерин слотнул.

— Вы завоевали наши симпатии, — признал он. — Из-за достоинства, с которым вы переносите свою беду, из-за всех чудес, которых лишится мир, если погибнет ваша цивилизация. — «И я задумался о войне в космосе. Стоит ли она всех затрат и страданий? Можно ли ее вообще выиграть? И вообще — дело ли Земли туда лезть?» Но у нас есть долг.

— Я принадлежу к легиону, — напомнил ему Джерасса.

Иштариец был готов возобновить обсуждение научного и технического состояния Сехалы до появления землян, но тут зажужжал передатчик Дежерина. Он вытащил из кармана рубашки его плоскую коробочку и рывкнул:

— Слушаю. Что стряслось?

— Говорит лейтенант Маевский, сэр, — раздался голос, говоривший по-испански и прозвучавший по контрасту как оловянная труба. — Секретная полиция. Простите, что беспокою вас в выходной день, но дело срочное.

— А да, вы получили задание проследить за нашими добрыми местными гражданами. Говорите.

Дежерин почувствовал, как какое-то напряжение поднялось вдоль позвоночника.

— Как вы помните, сэр, у них были накоплены большие запасы взрывчатых веществ для их проектов. Мы их оставили в складе, только опечатав. Когда у нас начались трения, я решил поставить там радиосигнал тревоги, им неизвестный, и выполнил это под прикрытием очередной инвентаризации. Сегодня незадолго до рассвета сигнал сработал. К сожалению, никого из нас вблизи города не оказалось — очевидно, взломщики в этом удостоверились. Когда мне со взводом удалось добраться туда с базы; дело было сделано. Очень профессионально. На печати нет видимых следов вскрытия. Внутри тоже все выглядело как обычно, так что нам пришлось пересчитать буквально все предметы. Было обнаружено исчезновение десяти упаковок торпеды и пятидесяти подрывных шашек.

Дежерин присвистнул.

— Да, у нас там работали отличные техники, — продолжал Маевский. — Вот потому-то никого из них и не оказалось в городе — они получили бы сигнал тревоги одновременно с нами. Но мэр Хэншоу просил их помочь в поиске флаера, который сообщил, что идет на вынужденную посадку из-за бури в Каменных горах. Вы приказали, сэр, удовлетворять все разумные просьбы. Они все четверо отбыли. Я подозреваю отвлекающий маневр, но доказать не могу.

— Вы с ума сошли! — возразил Дежерин. — Уж кто-кто, а Хэншоу не связался бы с саботажниками... Он знает, что вам известно об ограблении?

— Он спросил, зачем мы вернулись на склад. Я решил, что лучше проконсультироваться с вами, и выдал ему сомнительную историю о том, что мне доложили о нарушении условий хранения. Он поднял брови, но ничего не сказал.

— Вы правильно действовали, Маевский. Я прослежу, чтобы это было записано в вашем деле. Про tempore* вы и ваша группа останетесь на месте и не будете отвечать ни на какие вопросы. Я выезжаю.

Дежерин дал отбой, пробормотал какие-то извинения Джерасе и заторопился к выходу. День был не по сезону жаркий. На западе громоздились грозовые тучи. Небо заливал еще более злобно-красный свет, чем прежде. Он с облегчением вскочил в свой флаер и взлетел.

Во время короткого перелета в Примаверу он вызвал Хэншоу. С облегчением услышал, что мэр дома: а то ему мерещились какие-то апокалипсические, хотя и мало вероятные видения.

— Говорит Дежерин. Мне срочно нужно вас видеть.

— Да, капитан, я вас вроде как и ждал. Лучше бы нам поговорить с глазу на глаз, да?

Дежерин приземлился возле дома. Двое прохожих смотрели сквозь него. Он заехал под навес. Ольга Хэншоу с каменным лицом провела его в гостиную и плотно закрыла за собой дверь, выходя. Ее муж, выпятив круглый живот, сидел возле магнитофона. Он не встал, но приветственно поднял руку и слегка улыбнулся сквозь сигарный дым.

— Привет, — сказал он. — Устраивайтесь.

Дежерин небрежно отдал приветствие и напряженно сел в кресло напротив. Сказал по-английски:

— Я только что получил страшные новости.

— Да что вы?

— Сэр, позвольте мне говорить прямо. Слишком серьезное дело, чтобы ходить вокруг да около. Украдены сильные взрывчатые вещества, и есть серьезные подозрения, что вы можете быть к этой краже причастны.

— Я бы не назвал это кражей. Взрывчатка принадлежит нам.

— Так вы признаете свою вину?

— И виной я бы это тоже не назвал.

— Материалы были секвестрованы для нужд Космофлота. Сэр, несмотря на все наши несогласия, я вообразить не мог, что вы можете быть замешаны в предательстве.

— Да бросьте вы, — Хэншоу выпустил голубое кольцо дыма. — Я признаю, что мы надеялись, что сможем сработать без шума. Но ведь вы там поставили жучка? Но успокойтесь, мы не помогли врагам Земли. А вам никогда не понадобится то, что мы... гм... резкспроприировали.

* В настоящий момент (исп.).

— Где оно?

— Где-то в надежном месте, с техниками и аппаратурой. Я не могу вам сказать, где это — специально не хотел знать, на случай, если вы меня будете допрашивать. Вам их никак не арестовать, пока они не закончат своего дела. И... Юрий, я понимаю, что вы ухватитесь за малейшее оправдание, чтобы им не помешать.

— Говорите. — Дежерин стиснул кулаки на коленях.

— Лучше я вам дам послушать запись одного разговора, который у меня был несколько дней тому назад. — Из-под легкости манер Хэншоу проглядывала суровость. — Я такие вещи всегда записываю. Вы припоминаете ситуацию в Валеннене? Джилл Конуэй и Иен Спарлинг в плену где-то в глубинке, а Порт-Руа постоянно штурмуют все, кажется, храбрецы, которых мог собрать континент.

Дежерин почувствовал будто бы удар тока. Джилл...

— Да, — сказал он.

— Когда Иен туда отправился, он протащил с собой микропередатчик, а солдаты поставили ретрансляторы, которые связали его с Порт-Руа. А тем самым и с нами при случае.

— Вы мне этого не сказали! — Дежерину стало больно от обиды.

— Ну, вы человек занятой, — хмыкнул Хэншоу.

Дежерин подумал об улицах, по которым проходил, как призрак, о работе в пустыне, что ползла по-черепашьи, о часах, проведенных за составлением рапортов на Землю в поисках эвфемизмов, которые позволили бы хотя бы отсрочить наложение на Примаверу карающей длани Федерации.

— А вы не думали, что меня это тоже интересует? Эти двое от меня отвернулись, но я по-прежнему считаю себя их другом...

И снова Джилл неслась по долине, и ветер трепал ее длинные волосы; и снова она жестикулировала и показывала ему диковины, которые ее увлечение превращало в чудеса, и снова она кормила его в живописном беспорядке своего дома, и пела и играла для него под высокими звездами своей планеты. И снова он ругал себя за то, что в душе так и остался подростком, и снова говорил себе, что на самом-то деле он не влюблен — просто она его привлекает, как всякого нормального человека привлекла бы такая женщина, но не более, чем это возможно для такого короткого знакомства. И надо еще учесть его одиночество — и в постели, и вне ее, которое никогда не было заполнено после ухода Элеаноры...

Дежерин окаменел от приступа гнева.

— Если вы полностью закончили меня наказывать, — проговорил он, — можете включить магнитофон.

— Touche*, — согласился Хэншоу, и черты его лица смягчились. — Понимаете, у них ограниченный ресурс батарей, и они до того не выходили с нами на прямой контакт. Через Португа мы знали, что они в добром здравьи и в хорошем настроении, что с ними хорошо обращаются и что они находятся в чем-то вроде имения где-то на западном нагорье. Я им передал весть насчет забастовки, что могло бы повлиять на их планы или действия. Позавчера они вызвали меня напрямую.

Он поднес палец к выключателю.

— Если вы хотите себе представить все наглядно, — начал он, — мы знаем этот район по аэрофотосъемке и орбитальным фотографиям, а также по рассказам иштарийцев. Тамашние холмы и расположенные за ними горы довольно красивы — на свой суровый манер. Деревья в лесах низкорослые и извилистые, почти без подлеска, красно-желтая листва затеняет от безоблачного неба. Кое-где попадаете Т-растительность с голубой листвой; некоторые образчики, например феникс, весьма впечатляют. Там жарко, как в печи для обжига, и так же сухо. Диких животных мало, и журчащая вода попадаете редко, поэтому там почти безмолвие. Джилл и Иен выбрались за пределы слышимости и видимости своих сторожей, и вот они вдвоем в этом опаленном и умирающем лесу.

— Спасибо, — кивнул Дежерин. — Я все себе представил. — «Ее тонкую фигурку среди скрюченных карликовых деревьев, солнце высвечивает платину и медь в ее волосах, ее сияющие глаза и влекущую улыбку... и рядом тот, кто долго был ее единственным товарищем по плену... Assez! Arrêtons, imbecile!**».

Но ее голос поразил его, не тот чистый и звонкий, что он знал, а хриплый и неуверенный.

— Привет, Бог, это ты? Вызывают Джилл Конуэй и Иен Спарлинг из Валеннена.

— А? — отозвался голос Хэншоу. — Да-да, это я. Что-нибудь не так, девочка?

ДЖИЛЛ: Все не так.

СПАРЛИНГ: Мы лично не находимся в опасности.

ХЭНШОУ: Где вы? Что случилось?

СПАРЛИНГ: Мы в том же месте и в тех же условиях. Мы прикинули, что ты в это время будешь дома. Ты один?

ХЭНШОУ: У меня жена, дети и Примавера. Но в комнате я один, и пока так и будет.

* Попал (*фр.*) — фехтовальный термин.

** Хватит! Прекрати, идиот! (*фр.*)

ДЖИЛЛ (не реагируя на неуклюжую шутку): Мониторы включены? Мы не хотим, чтобы разговор подслушали.

ХЭНШОУ: Космофлот вас не услышит, если вы его имеете в виду. Они не прослушивают вещание на планету и местные передачи тоже, поскольку много говорится на сехаланском. Ко мне время от времени приходит Джо Зелигман со своими инструментами и проверяет мой дом на предмет жучков, но пока не нашел ничего. Капитан Дежерин в душе джентльмен. И он знает, что я не устраиваю заговоров.

ДЖИЛЛ: Теперь будешь.

ХЭНШОУ: Как?

ДЖИЛЛ: Если я тебя знаю, то после услышанного начнешь.

ХЭНШОУ: Если так, то давай к делу. Что случилось?

ДЖИЛЛ: Ларрека... мертв. Погиб. Он...

ХЭНШОУ: Нет, не может быть. Когда? Как?

СПАРЛИНГ (на фоне подавляемых всхлипов): Ты услышишь во время доклада легиона на основную базу. Мы интересовались ходом битвы, и этим утром связались с Порт-Руа. Он погиб в эту ночь, командуя вылазкой. Вылазка удалась, но он получил стрелу между прутьями забрала, и... Гарнизон пока держится, но я не думаю, чтобы они могли продержаться так же долго, как с ним.

ХЭНШОУ: Бедная Мерао...

ДЖИЛЛ: Пусть она узнает от поста Зеры в Сехале, когда там станет известно... Пусть ее известят, как положено извещать жену солдата.

ХЭНШОУ: Разумеется.

ДЖИЛЛ: В этом все дело. Мы тогда поклялись, что найдем способ ему помочь. Теперь — теперь надо это сделать, чтобы он не погиб зря!

ХЭНШОУ: Что можно сделать?

СПАРЛИНГ: Мы тут много думали. Но хотели бы узнать, как там у вас.

ХЭНШОУ: Ничего обнадеживающего. Космофлот прочно загреб под себя все мало-мальски полезное. Я не думаю, что несколько пассажирских флаеров, жужжащих над варварами, сильно их испугают, а вы как думаете? Они видали издали несколько машин, да и слышали о нас раньше. От огнестрельного оружия они тоже не паникуют, верно?

СПАРЛИНГ: Тебе не удастся убедить Дежерина выделить настоящее оружие или даже просто посмотреть в другую сторону, пока мы будем работать? В конце концов, дело идет о нашем освобождении. Я привязал наше место к карте. Пилот, который полетит за нами, промахнуться не сможет. Ты ведь сказал, что именно наше пленение положило начало забастовке. Так не

может ли Дежерин понадеяться, что, если нас освободят, забастовка кончится?

ХЭНШОУ: Я, честно говоря, не верю, что она закончилась бы. Здесь под гладкой поверхностью бушует океан эмоций. Конечно, мы пошлем за вами флаер. Но если Дежерин позволит нам использовать оборудование или хотя бы позволит людям Примаверы рискнуть ради спасения цивилизации, которое не является прямой задачей, связанной с его заданием и его войной, — дети мои, я не могу даже вообразить, к какому расколу может это привести, — как с Элефтерией и Новой Европой; разве что Примавера вступит в Союз. А дальше Земля должна будет либо потерять нас, либо послать оккупационные войска, если сможет себе позволить такую роскошь. А Дежерин будет просто стерт в порошок за «злоупотребление властью» или «преступную бездеятельность». И я думаю, что Дежерин предвидит то же самое. Нет, как местный политик я могу вам сказать, что здесь все с виду очень спокойно, потому что мы не связаны так уж тесно с Зерой Победоносным. Мы огорчены, может быть, даже больше, чем нам самим это кажется, но ведь это Союз, а не мы, отступился от них, когда они отказались вернуться домой. Если бы мы присоединились к ним в бою... Я ведь сказал, что чувства здесь пугающе сильны, как их ни сдерживай. Тебе будет очень трудно, Джилл, не стать пылающим символом — тебе, дважды обездоленной этой проклятой войной, потому что каждый знает, чем был для тебя Ларрека. Но я прошу тебя не поддаваться этому соблазну. Меньше всего нам здесь нужен взрыв.

ДЖИЛЛ: Дважды обездоленной?

ХЭНШОУ: Я так сказал? Как-то неуклюже выразился. Ладно, не будем зря сотрясать воздух, давайте лучше обсудим, как вас выручать. Иен, почему ты не связался с нами сразу, когда закончил наблюдения?

ДЖИЛЛ: Погоди минуту.

ХЭНШОУ: Э-э...

ДЖИЛЛ: Погоди, черт тебя возьми, минуту! Ты сказал, что мое пленение вызвало забастовку. Но я попала в плен много дней назад. Ты что-то имел в виду другое, Бог. Что случилось позже?

СПАРЛИНГ: Погоди, Джилл. Он нам расскажет, когда мы вернемся.

ДЖИЛЛ: Бог, что ты скрываешь?

ХЭНШОУ: Иен прав, девочка. Подожди.

Молчание.

ДЖИЛЛ (без выражения): Дон, да? Новости про моего брата.

Молчание.

ХЭНШОУ: Да. Он погиб в бою.

Молчание.

СПАРЛИНГ: Джилл, милая, успокойся...

ДЖИЛЛ: Странно. Я просто одеревенела.

СПАРЛИНГ: Это тебя поразило в сердце.

ДЖИЛЛ: Как переносит семья?

ХЭНШОУ: Держатся. Все вы, Конуэи, одного покроя. Но мой длинный язык... Джилл, я... мне очень жаль...

ДЖИЛЛ: Ты правильно сделал. Я хочу знать... Иен, давай я посижу на этом бревне и возьму тебя за руку, а ты обсудишь все остальное?

СПАРЛИНГ: Конечно. Я люблю тебя.

Молчание.

СПАРЛИНГ: Алло, Бог? Извини нас. Для меня тоже потрясение.

ХЭНШОУ: Дона все любили, а войну никто. Его гибель подтолкнула взрыв сопротивления.

СПАРЛИНГ (*с легким затруднением*): Тем более надо выручать Порт-Руа. В память... Но послушай, Бог, есть еще одна причина. Она все меняет. Это наш способ, мы думаем, заставить кого-нибудь прийти на помощь. В этих местах и на север от них есть разумная Т-жизнь.

ХЭНШОУ: Что?!

СПАРЛИНГ: Да. Самые странные маленькие существа, которых видел мир. Святой Иуда! Я думаю, что только изучение их психологии уже вызовет революцию.

ХЭНШОУ: Ты уверен, что они разумны?

СПАРЛИНГ: Мы встречали нескольких. Мы видели, как они используют орудия. Арнанак — король варваров — вошел с ними в контакт, посещал их страну, и он использует их для укрепления своего влияния. Валенненцы приписывают им сверхъестественные силы. На самом деле он заключил с ними сделку. Они разделят с ними лучшие земли, когда завоевание будет закончено. Но это только видимая часть айсберга. Они малочисленны и примитивны, но они знают, где находятся древние таммузианские руины. Я понятия не имею сейчас, после миллиарда лет, что это было такое. Но Арнанак вынес оттуда предмет — по-моему, нечто вроде переносного звездного глобуса, который не тронуло время. Ты пошевели мозгами на эту тему!

ХЭНШОУ: Фью-у...

СПАРЛИНГ: Конечно, мы, люди, можем предложить этим даурам гораздо больше, чем он, и узнать их получше («ну Джилл, Джилл») — но только если мы сможем эффективно

действовать здесь, на Иштар. Это значит, что нам потребуется помощь Союза, а значит, надо его спасти, а дауры живут в Валеннене, и поэтому очень неплохо было бы начать с Порт-Руа.

Молчание

ХЭНШОУ: М-да, я-то согласен. Как минимум мы должны отбить варваров, организовать заставу, и тогда Союз сможет охранять север, и не будет такого страшного давления на юг. Да. Но как, Иен?

СПАРЛИНГ: Может ли флаер, а лучше — флаеры, которые прилетят за нами, нести самодельные бомбы? Ясно, что противник атакует большой массой, пытаюсь достичь стен и пробиться благодаря численному превосходству. Сбросить бомбы в их гущу — мне даже думать об этом противно, но придумаю другой вариант.

ХЭНШОУ: Ты уверен, что это поможет?

СПАРЛИНГ: Нет. Но мы ничего лучше не смогли придумать.

ХЭНШОУ: Уг-гу. Дайте-ка я подумаю. Наша взрывчатка сейчас заперта, но — м-м-м, придется составить заговор, как вы предлагали, и посоветоваться с надежными людьми, и... Вы несколько дней можете подождать?

СПАРЛИНГ: Мы полагали, что нам придется это сделать.

ХЭНШОУ: Мы будем оставаться на связи. Как насчет того, что я вызывал бы вас ежедневно — ну, скажем, в полдень?

СПАРЛИНГ: Звучит разумно.

ХЭНШОУ: Начнем с завтрашнего дня.

СПАРЛИНГ: А теперь лучше попрощаться.

ХЭНШОУ: До завтра. Джилл, я не могу сказать, как тебе почувствую.

ДЖИЛЛ: Все в порядке, Бог. Давайте продолжим. И спасем то, для чего они оба жили.

Щелчок.

Полминуты прошло в молчании. Потом Хэншоу добавил:

— Для чего живет вся Примавера. Попробуете подавить попытки помощи на фоне этих новостей — получите бунт.

Дежерин кивнул. Он был оглушен и опустошен.

— Все, что вам нужно сделать, — сказал Хэншоу, — это не реагировать слишком бурно на историю со складом. Укажите в рапорте, что вы воздерживаетесь от действий на время расследования. Штаб согласится, что это разумная политика, я в этом уверен. Мы думаем, что сможем организовать экспедицию при-

мерно за пять дней. А потом мы готовы слушать музыку на своих похоронах.

Решение не пришло к Дежерину озарением. Он осознал его как нечто, что уже все время присутствовало в нем, как эмбрион, а теперь вдруг распрямилось и наполнило его силой и спокойствием.

— Нет, — сказал он. — Нет необходимости откладывать.

— Что вы имеете в виду?

— Полечу я, в самолете Космофлота. Куда эффективнее, не говоря уже о том, что безопаснее, в случае внезапного ухудшения погоды. Завтра во время вашего вызова я буду здесь, и мы договоримся.

— Что значит «эффективнее»? Вы говорили, что не можете связываться в битву.

— Я могу выполнить спасательную операцию, поскольку частью моей задачи является улучшение отношений Космофлота с общественностью. Ведь нет необходимости в присутствии мисс Конуэй и мистера Спарлинга при нанесении удара вашими бомбардировщиками?

Хэншоу внимательно посмотрел на Дежерина и лишь потом спросил:

— Вы полетите сами и один?

— Да. Чтобы сохранить благоразумие.

— Понимаю. — Мэр поднялся на ноги и протянул ему руку. — О'кей, Юрий. Как насчет пива?

Глава 22

Утром накануне встречи Спарлинг и Джилл объявили, что опять хотят уйти с ночевкой. Иннукрат внимательно на них посмотрела.

— Для чего? — спросила она.

— Ты знаешь, что моя работа — изучать животных, — ответила Джилл. — Мы хотим понаблюдать тех, что активны в темноте.

— Ага. И все-таки... — Жена Арнанак вздохнула. — У вас изменилось поведение. Хотела бы я лучше знать вашу породу, чтобы понять, как и почему. Однако я это вижу и по вашей речи слышу. — Она раздула ноздри. — Я это чую, как запах.

Джилл была захвачена врасплох. Спарлинг бросился на выручку:

— Ты права. Битва за Порт-Руа идет давно и уже могла закончиться. У нас там друзья. Ты не боишься за тех, кто тебе дорог, и не ждешь от них вестей? Пусть даже и дурных, но все лучше, чем неизвестность?

— Мы так похожи? — очень спокойно сказала Иннукрат. — Тогда идите, куда хотите. У меня, к счастью, есть работа, которая не дает мне очень сильно задумываться.

Она отмерила им щедрый запас местной еды и их специального питания.

Когда они уже были в пути, Джилл сказала:

— Я думала, я фанатик (начинающий). А сейчас я чувствую себя предателем.

— Не надо, — сказал Спарлинг. — Никто из живых не может быть так верен, как ты. Но нельзя быть верным всему на свете.

«Как я недавно обнаружил, Рода, — мелькнула мысль. — А завтра я должен встретиться с тобой, с тобой, которая не переставала меня любить. И я должен сделать это без наручников на руках. Не потому ли я надеюсь, что моя сумасшедшая затея выгорит?» Он коснулся охотничьего ножа, который он, как и Джилл, носил с собой. «Почему эта идея стукнула мне в голову сразу же, когда Дежерин нам сказал? Не в том ли дело, что этот любительский заговор бомбистов может доставить нам столько хлопот, что любовь отойдет на задний план?»

Он посмотрел на профиль Джилл, позавидовал ее целеустремленности, а потом сказал себе: «Брось терзаться! Дурацкое занятие в эти последние часы вдвоем».

Потом они говорили мало, потому что карабкаться пришлось долго и трудно. Когда они увидели место своего назначения, они одновременно произнесли его название и засмеялись этому совпадению. Оно должно было удовлетворять нескольким условиям: быть далеко от Улу, быть легко обнаруживаемым и таким, чтобы там мог сесть самолет. Другие места были удобнее, но здесь они могли спокойно провести вечер.

Растительность в Валеннене была истощена не холодом, а сухью. Эволюция в Старкленде гораздо лучше приучила Т-жизнь к таким условиям. На месте их лагеря красный и желтый лес на километры отступил перед растениями другой формы, с голубыми листьями, бахромчатыми и кожистыми на ощупь. В отдалении росли кусты, еще дальше — деревья. Но там, где огромным выступом выдавались горы (народ Улу называл этот выступ Огузок Арнанак в присутствии оверлинга), с южной стороны образовалась затененная низменность. Из-под ног бил родник. Рядом с ним возвышались темно-бронзовые стволы феникса, чья развесистая крона давала дополнительную тень.

Почва была покрыта лазурным дерном, и в нем огоньками вспыхивали там и сям ярко-оранжевые вроде бы цветы. На запад плато простиралось далеко, и взгляд не встречал препятствий до самой Стены Мира.

Люди припали к воде и пили, пили. Спарлинг почувствовал привкус железа в долгожданной прохладе воды, а больше всего — щеку Джилл рядом со своей, заметил длинную светлую прядь в струе ручья. Напившись, они устроились в тени багрянца и золота. Странно было, что почва ничем не пахнет — человеческие носы не улавливали ее запаха, — но все равно оба дышали всей грудью, ощущая усталость тела после трудной дороги.

— У-ух, — сказала Джилл. — Посидим немножко, пусть усталость потом выйдет.

Спарлинг ласкал ее взглядом, выбирая слова:

— Я счастливее, чем могу выразить, когда вижу, что ты не в отчаянии.

Она встряхнула головой:

— Я не позволяю себе. Дон, Ларрека — я буду горевать потом. И мне не хотелось бы, чтобы я это делала сейчас... и тебе, Иен, тоже.

— Я хотел бы, Джилл, чтобы у меня была твоя способность — ну, твоя храбрость не печалиться.

Она криво улыбнулась:

— Ты думаешь, это получается само собой? Это борьба, и не каждый раунд я выигрываю. — Она протянула руку и взъерошила его волосы. — Давай поможем друг другу радоваться, amante*. Сегодня обед у капитана, потом кутеж. А завтра — в порт.

— И что тогда?

— Кто знает? — Она вдруг стала серьезной. — Я об одном тебя прошу, Иен. Обещай мне торжественно.

— Что? — *Проси все, что я посмею дать.*

— Дай честное слово. Что бы я ни делала, не пытайся меня остановить.

— Что ты задумала? — «Самоубийство? Не может быть!»

Ее глаза скользнули вниз, пальцы стиснули колени.

— Я не могу точно сказать. Все перепуталось — концов не найти. Но представь себе, что я решила — ехать на Землю с пропагандой в пользу Иштар. Я могу потребовать свой накопившийся отпуск, у меня есть право на поездку. Ты не можешь поехать, и я сомневаюсь, что тебе удастся купить билет, пока

* Любимый (исп.).

тянется война. Но ты мог бы меня удержать, если бы попросил остаться и быть твоей любовницей.

— Ты думаешь, что я настолько эгоист? Заставить тебя действовать против совести? Когда мы вернемся, у меня будут... обязательства, и тебе не придется тратить свою жизнь на старика, который никогда не сможет дать тебе ничего реального... — «Если я вообще там буду».

Она закрыла ему рот рукой. Он поцеловал ее ладонь.

— Ш-ш, — сказала она. — Мы об этом подумаем позже, когда поймем, какой путь будет лучшим, менее жестоким. — И быстро добавила: — Понимаешь, мне почему нужно твое слово, немедленно, сейчас же. Мне надо, чтобы ты дал мне найти мой путь, как бы дело ни повернулось. Мне надо, чтобы я могла эти вопросы решать свободно.

Он кивнул. Она отпустила его, и он смог ответить:

— Да. Мне бы надо было ожидать от тебя такой просьбы. Свобода... — И он спросил себя, отчего же она поморщилась. Но она тут же настойчиво продолжила:

— Так ты обещаешь?

— Да.

Она обняла его.

— Спасибо, спасибо тебе! — Она старалась сдержать рыдания. — Я никогда еще так тебя не любила!

Он старался ее успокоить, как мог. На удивление быстро она подняла глаза с озорными чертиками и выдохнула:

— Я уже придумала, что бы это такое сделать, чему ты обещал не мешать. — И вскоре добавила: — Ага, я так и думала, что ты даже поможешь.

Позже, когда Ану повисла над вершинами пиков, они разложили костер и сварили ужин. Потом появились звезды и луны. Они немножко поспали и снова прильнули друг к другу.

Спасательный самолет прибыл в середине утра.

— Вот он летит! — крикнула Джилл. Спарлинг посмотрел туда, куда она показывала. С юга появилась слепящая искорка, увеличилась, приняла форму крылатой барракуды, пролетела высоко над ними, оставив за собой гром. Они наспех обнялись последний раз и выбежали из-под скалы и деревьев в жару и свет под обнаженным небом, чтобы их могли увидеть.

Самолет пошел на снижение. Джилл присвистнула.

— Это же *большой Буджум*, — сказала она.

«Виципуцли, — узнал модель самолета Спарлинг. — Шесть пулеметов, три пушки, излучатель энергии и пара кило-

тонных ракет». У него в голове чуть шумело, но это чувство вдруг исчезло от наплыва возбуждения.

Передачик на руке пискнул. Он нажал кнопку, и голос Дежерина спросил:

— Эй, на земле! Все чисто?

— Все чисто, — ответила Джилл. — Присоединяйтесь к компании.

Самолет так и сделал. У Спарлинга забилося сердце. Был ли офицер на борту один, как он говорил раньше? Датчики, компьютеры и прочее, но ведь машина все-таки слишком сложна для одного. «Мне бы немножко хотелось, чтобы он был с экипажем или...» Машина остановилась. Они побежали к ней.

Открылся люк, высунулся трап. Наверху появился Дежерин — тонкая фигура в хорошо подогнанной полевой форме. Он махнул рукой. Джилл махнула в ответ. Под ботинками дробно загрохотал металл.

Дежерин пожал им руки. Радостным было его пожатие. Но не казался ли он усталым, нервным, слегка подозрительным? «Ну после всего, что ему пришлось перенести... но при нем нет оружия. Нет оружия».

— Добро пожаловать, — пригласил их Дежерин. — Господи, до чего же я счастлив вас видеть.

Он смотрел на Джилл. «А куда же еще? Она говорила, что он вроде бы к ней равнодушен. А кто бы устоял?»

— Ты в самом деле прилетел сам, один? — спросила она.

— Да — ответил Дежерин.

Спарлинг испытывал и ликование, и горе.

— Мы можем прямо сейчас стартовать домой, — сказал Дежерин. — Полет захватывающий. Эта планета красивее, чем можно себе представить.

«Так почему же ты нам не даешь ее спасти, ты, даже не сукин ты сын, а просто военная машина? Спарлинг, возьми себя в руки. Не устраивай истерик».

Они вошли, и люк закрылся. Кондиционированный воздух поразил прохладой и влажностью. По обе стороны от прохода виднелись какие-то приборы и оборудование.

Дежерин пальцем смахнул пот над щеточкой усов.

— Не представляю себе, как вы выдержали так долго в этой печи.

— Седрах, Мисах, Авденаго*, — пропела Джилл sotto voce**.

* Имена библейских отроков в пещи огненной (Книга пророка Даниила, гл. 3).

** Вполголоса (*um.*).

— Я привез еду, питье, лекарства и чистую одежду, — продолжал Дежерин: — Когда взлетим, я включу автопилот, а пока — могу я еще что-нибудь сделать для вас до взлета?

Сейчас! И нет времени для сомнений или сожалений.

Спарлинг выхватил нож. .

— Можете. — Собственный голос эхом отдавался у него в голове. — Вы можете приготовиться перебросить легион. Не двигаться! Это захват.

Джилл втянула воздух, оливковое лицо Дежерина побледнело, хотя он стоял на удивление спокойно, и его черты ничего не выражали бы, если бы не темные глаза.

— Это моя собственная идея, — сказал Спарлинг, — я Джилл даже не намекнул. Но мне известны обстоятельства — когда я подумал о том, что наша слабая и неуклюжая попытка из Примаверы может не сработать, в лучшем случае только дать временное облегчение, в то время как этот монстр может так запугать на всю оставшуюся жизнь любых воинов, которым удастся от него ускользнуть — понимаете? Я готов потом сдаться вам, предстать перед судом и понести наказание. Но я также готов и обезвредить вас и попытаться вести самолет самому, если вы не подчинитесь моим приказам.

— Иен! — ее голос был, как звон стекла.

Дежерин прыгнул. Расстояние было малым, он был молод и свеж и прошел обучение рукопашному бою. Но Спарлинг легко ушел в сторону, ударил ногой и небрежным движением руки отправил противника в нокдаун.

— Больше не пробуй, сынок, — посоветовал инженер. — Ты умеешь, но я провел многие годы там, где мне пришлось научиться драться как следует, — против иштарийцев. Этот нож — скорее атрибут, чем угроза.

Дежерин медленно поднялся на ноги, потирая ушибленные места, облизнул губы и медленно произнес:

— Если я откажусь — а я присягал служить Федерации, — вы почти наверняка разобьетесь. К управлению этой машиной не допускается ни один человек с квалификацией ниже мастера-пилота. Как же будет с Джилл?

— Я ее отправлю обратно в Улу с каким-нибудь объяснением моего отсутствия, — сказал Спарлинг.

Она рванулась вперед:

— Черта с два вы это сделаете, мистер!

— Черта с два я этого не сделаю, — ответил Спарлинг и добавил для Дежерина: — Я повторяю, она не состояла со мной в заговоре, она не знала о моем плане и все время вела себя лояльно.

Джилл стиснула кулаки и топнула ногой.

— Идиот! Зачем же я, как^а ты думаешь, выманила у тебя обещание мне не мешать, что бы я ни делала? Я же задумала то же самое!

Он не мог взглянуть на нее, потому что должен был наблюдать за Дежерин^{ом} и не дать ему дотянуться до Джилл. Он только уголком глаза мог заметить сверкнувшие белые зубы и горящие синие глаза. «Она бы так и поступила», это он знал. И вслух:

— Это бред!

— Именно так, — быстро сказал Дежерин. — Перегрелась на солнце. Спарлинг, я понимаю, что вы честный человек, как бы вы ни заблуждались. Если я под принуждением сделаю то, что вы требуете, а потом вы сдадитесь, мы вернемся сюда и заберем Джилл. Но мы должны оставить ее в безопасности.

Девушка выхватила нож.

— Нет. — Ее голос обрел непререкаемость, какой ни одному из мужчин еще не довелось слышать. — Я в этом участвую, нравится это вам или нет. Напоминаю тебе твою клятву, Иен. Нарушь ее — и тебе придется драться со мной. Этого ты хочешь? А теперь слушай. Если ты будешь с ним один, у Юрия будет шанс тебя одолеть. Он сделает какую-нибудь фигуру высшего пилотажа — он космонавт, и он моложе, он может вынести большую перегрузку, а ты потеряешь сознание. Тогда он выиграл. А если нас будет двое — слишком рискованно. Верно, Юрий? Против двоих у тебя не будет другого выбора. Твой долг будет требовать, чтобы ты вел машину — хотя бы потому, что двое болванов ее не смогут вернуть Федерации без повреждений.

«Что бы я ни делал, я не смогу ее сейчас оставить здесь. Она сожгла свои корабли». Осознание этого обрушилось на Спарлинга как удар.

Дежерин казался не менее ошеломленным. Плечи согнулись, он закусил губу, и воцарилось молчание. Наконец, не отводя от девушки взгляда, он заговорил:

— Правильно. Вы все рассчитали верно. Я буду вашим пилотом.

Он повернулся и повел их в рубку. Шел он распрямив плечи, но скованно. И Спарлинг подумал: «Он предполагал, что я так сделаю. Не Джилл, это был неприятный сюрприз, но именно я. И он подставился».

Взглянув на Джилл, Спарлинг прочел на ее лице жалость. «Она тоже все поняла».

Арнанак выхватил меч. Свет полыхнул на лезвии.

— Вперед! — крикнул он.

С яростным ревом две дюжины сильных воинов навалились на рычаги. И медленно, с треском и кряхтением, мост качнулся и пошел. Пыль и пепел курились над его колесами, из тучи пыли появлялись глаза, уши, носы, гривы. Солнце и Мародер нещадно жгли опустошенную равнину. Справа медью сияла река. Стены и выброшенная земля нереальными видениями смотрелись через марево нагретого воздуха.

Мост шел вперед, и Арнанак бежал рядом. Команда, двигавшая сооружение, нуждалась в воодушевлении, а его присутствие и щит легионера увеличат их шансы, когда они подойдут на расстояние выстрела.

И снова при взгляде на это грубое и уродливое устройство его наполняла гордость. Это он придумал и он свершил. Инженеры Союза никогда ничего подобного не делали — их противники не создавали крепостей, подобных Порт-Руа. Ходовая часть от трех поставленных в ряд фургонов несла массивные бревна, выдававшиеся достаточно далеко, чтобы перехлестнуть через ров. Бревна уравнивались сзади грудой камней. Массивная кровля защищала тех, кто двигал тяжеленную конструкцию. Ничто не могло бы ее остановить, кроме прямого попадания самого тяжелого камня из требушета, и Арнанак потратил много жизни и оставшихся снарядов, чтобы заставить замолчать бастионы северной стороны.

С частокола свистели стрелы. Многие из них несли огонь и некоторые попали в цель. Но трудно было поджечь такие массивные бревна, тем более что их сплавляли в плотках по реке из Тарханни и они хорошо промокли, да и потом их все время поливали специально для того приставленные воины с ведрами. И несмотря на жару, приятно было чувствовать слаженные усилия своих мышц, наваливаясь на рычаг.

Он все еще не видел знамени Ларреки. С тех самых пор как Зера отбил его попытку штурма с реки, и Арнанак отменил все атаки, кроме обстрелов, и сосредоточился на завершении своего нового и неиспытанного устройства, сколько бы ни ворчали воины. Может быть, командир погиб? Если да, то спи спокойно, брат во Трои. Но Ларрека хитер, и быть может...

Они достигли пролома!

Гролом прокатился радостный рев тассуров, когда они увидели, как ударился мост в кладку надо рвом. Арнанак повернулся и поскакал назад. Усталая команда вытащила крепления,

удерживавшие кровлю над мостом, и отходила под ее прикрытием. На стене раздался сигнал трубы, прекращая бесполезную стрельбу лучников.

Арнанак дал сигнал, и двинулась следующая машина, последняя из отбитых у неудачливого отряда Волуа. Это было подвешенное на цепях бревно под кровлей, черепаха, рассчитанная на шестьдесят четыре солдата. Хотя медь крыши, защищающая от стрел, была зачернена, смотреть на нее под прямыми лучами солнца было невозможно.

— Готовьтесь ударить, — приказал Арнанак своим гвардейцам. Это слово прокатилось по всей орде. Мелькнули клинки во взвихрившейся пыли. Арнанак отошел в сторону, чтобы пыль не мешала видеть.

Издали ему просигналили флагом. Он засмеялся:

— Я так и знал!

Восточные ворота широко распахнулись, подъемный мост опустился. Арнанак выхватил меч и перешел на рысь. За ним потоком хлынули его воины.

Теперь галопом! От доспехов впереди в глаза ударил свет. Из крепости вышел отряд — перехватить команду тарана, перебить ее и захватить орудие, прежде чем оно достигнет крепостной стены.

Отряд был многочисленным. Легионеры, скорее всего, попытались бы отрезать воинам путь к отступлению. Однако, увидев нападающих тассуров, они перестроились из походной колонны в боевой порядок и контратаковали. Их потеря сильно ослабила бы гарнизон.

— Рассыпаться! — крикнул Арнанак. — Зигзагом! С разных сторон!

Как бы хорошо он ни натренировал своих воинов, не лишнее будет напомнить. Их дикарские способы битвы были слишком неглубоко похоронены.

Его приказ едва не опоздал. Портативные катапульты изрыгали целые пучки стрел, и они летели дальше, чем если бы стрельба велась из луков. Снова и снова смерть шелестела рядом. Арнанак видел воинов, падавших и катившихся по земле; некоторые поднимались и поворачивали назад или шли вперед, другие оставались лежать в судорогах или неподвижно, и их пурпурную кровь жадно впитывала сухая земля. Но пораженных было мало, и почти сразу тассуры схватились с южанами вплотную.

Арнанак и восемь его телохранителей бросились на тройку легионеров в тяжелой броне. Звенели мечи, чавкали края щитов, врубаясь в живую плоть; сверкали топоры и мечи над щитами. Арнанак и его противник, сцепившись, напирала друг на друга, стараясь найти брешь в обороне врага. По шлему, по наплечникам и латам градом сыпались удары. Вокруг бились его товарищи. Легковооруженным, им трудно было противостоять тяжеловооруженному воину. Но пока их оверлинг вел с ним схватку, они старались пробиться в любую щель, в любой просвет между латами, найти незащищенное место. И наконец длинная пика вонзилась в низ живота легионера. Он взвизгнул, когда наружу вывалились кишки, упал на их грудь и приготовился к смерти. Его товарищи, задавленные численным превосходством противника, были перебиты.

Арнанак увидел рядом легковооруженного солдата и атаковал. Тот легко мог бы уйти от тяжелого противника, но предпочел остаться со своим взводом. Арнанак отбил его щит и разрубил легионера пополам.

И повсюду искусные меченосцы Улу торжествовали победу. Они проломили строй легионеров, о который чаще всего разбивались необученные варвары. Арнанак протрубил в рог. В барабанной дробі ног вперед ринулась вся орда, уничтожая рассеянных солдат.

Когда осела пыль, Арнанак увидел, что черепаха стоит на мосту напротив стены. Ударил таран. «Охай-я!» — испустил оверлинг радостный клич и повел туда войско своего клана. Нельзя было допустить вылазки, которая могла бы отрезать саперов. Они будут под сильным обстрелом, пока не проломают стену, а потом там появится лишь малая брешь, и защищать ее будут отчаянно, но тассуры прорвутся. Сегодня они будут в Порт-Руа.

«А значит, через шестьдесят четыре года он будет в Сехале».

С неба раздался рокот. Арнанак всмотрелся. Какая-то металлическая фигура выплывала, будто из Дьявольского Солнца. У него вздрогнули сердца. «Люди! Что им здесь надо?»

От воздушного корабля отделился какой-то тощий силуэт и устремился в гущу воинов.

Небо раскололось в море огня и молний. Арнанак подбросило и понесло вверх. Грохот был так силен, что даже не был слышен, он наполнял все тело, овладевал им, был им, и каждая косточка кричала. Он ударился о землю, и она закачалась, как море. Он горел, и осколки души заходились в крике.

Но часть ее держалась. Это был камень, который назывался Арнанак, и хотя накатывались на него волны и волны огня, в глубине жила воля. В раскаленной добела слепоте, где метались яростные вихри, она собирала разорванную и уничтоженную

душу Арнанак. И после миллионов возвращений Злой звезды собралась.

Он отогнал страдание и поднял глаза. Он лежал на земле, безмолвной, как пепелище, потому что он не слышал стонов умирающих, лежащих на куче мертвых, он не слышал вообще ни звука. С поля столбом поднялось облако, такое большое, что нельзя было поверить, и стало расширяться на вершине, как призрак огромного дерева феникс. Город не был поврежден, и брошенный таран стоял рядом со стеной. «Наверное, меня только задело краем взрыва», — мелькнуло у него в голове.

«Нужно пойти и найти сыновей». Но ноги не слушались. Когда он увидел торчащие из-под содранной шкуры острые обломки костей, он понял почему. Он приподнялся на руках и передних ногах, волоча за собой мертвую половину тела.

— Торнак, — хотел он позвать, — Уверни, Алко, Татара, Игини, — нет, ведь Игини погиб в Ласковом море, — Корвиак, Митусу, Навано, — гордостью и честью его были его сыновья, но он не мог припомнить их имен, — Кусарат, Юсайюк, Иннукрат, Алирнак, — друзья, жены, все, кто был ему дорог, всех собрал вихрь там, где темнота пожирала края сознания, — но он сам не слышал, есть ли у него голос.

— Люди, зачем? — казалось, воззвал он. — Я бы тоже стал вашим другом. Я бы принес вам мой Дар и моих дауров.

Всматриваясь вдаль, он не мог сказать, парит ли еще в небе корабль-убийца, потому что его взгляд туманился все сильнее. И он не был уверен, что труп, возле которого ему пришлось остановиться, был телом кого-то, кого он знал. В водовороте его сознания мелькнула мысль, что это мог быть Торнак, но слишком он был изуверчен, чтобы можно было сказать наверняка. Был ли он теперь близко к тому месту, куда ударило оружие?

Если, несмотря на слабость, он смог так далеко добраться, то... то, может быть, не все убиты. Хорошо бы, если бы выжило достаточно много, чтобы вернуться домой и чтобы некоторые смогли пережить Огненную пору. Если люди не последуют за ними как мстители — но зачем? Это им не нужно. Они всемогущи.

Арнанак вздохнул и прилег отдохнуть. Наступала Ночь. Слишком быстро для сна смерти? Нет. Не должно быть. Он не допустит. Он не животное, чтобы просто умереть, он — оверлинг Улу.

Он поднял меч и взмахнул им.

— Отдай мне мою честь, — сказал он не имеющему лица. Свет соскользнул со стали. Меч ударил в гущу летавших вокруг черных крыльев, зазвенел по когтям и клювам. Они завывали вокруг, эти вихри.

Арнанак шел вперед. Он шел через свистящий серый вереск, где было так холодно, что от мороза звенел меч. Вереск цеплялся колючками, но котурны предохраняли от них. На спине лежали тюки, к ним были приторочены доспехи, с плеч свисал щит, основная тяжесть его приходилась на горб. Арнанак высоко нес голову и уверенно смотрел вперед. Правая передняя — левая задняя, левая передняя — правая задняя...

*Труби, рожок, барабан, бей!
Эй, дружок, пиво допей!
Девки, прощайте, без нас не скучайте,
Последний раз, хозяйка, налей!*

*«Топай в поход, топай в поход», —
Труба с барабаном зовут.
А пусть их лучше черт поберет,
А я бы остался тут.*

*Шагай на границу, шагай на границу,
Там новые девки ждут.
Пока им снится, пока им снится,
Как Скороходы идут.*

*Не хочешь ли ты, солдат, обручиться
С девкой костлявою тут?
Хватит лениться, хватит лениться.
Трубы в поход зовут.*

И так шагают Скороходы Тамбуру. И присоединился к ним Зера, потому что надо взять мост.

— Что за зимнюю страну выбрал я родиться! — сказал Ларрека, добавив грязное ругательство. — Единственная хорошая вещь в Хаэлене — это корабль, что увозит тебя оттуда.

— Моя родина понравится тебе не больше, — предупредил Арнанак.

— Так оно и оказалось. Но ведь мы с тобой должны были пройти через этот мир.

— Ты жалеешь?

— Конечно, нет.

— И я нет.

Мост был тонок, как лезвие клинка. Он дрожал и трепетал над ущельем, где океан низвергался в ад. Стоявшие на нем наводили ужас.

— Их надо взять натиском, — решил Арнанак. Ларрека согласился. Надев доспехи, он взял сталь в левую руку. Это разумно, когда двое идут щитом к щиту, прикрывая друг друга.

Арнанак метнул копье. Оно загорелось в гуще врагов. За ним рванулись он и Ларрека. Хей! Они повергли врагов в пучину вод и прошли.

В дальней стороне была пустая и сухая земля, горы терялись в небе, долины казались выжженными шрамами под солнцами. Огонь обжигал кости.

— Теперь ты понимаешь, почему они воюют? — спросил Арнанак. — Но идем. Я знаю дорогу.

Они все собрались в зале Улу, чтобы радостно приветствовать их — сыновья, товарищи, любимые и любящие, из одних тесных объятий в другие. Он провел Ларреку к месту, которым гордился. Здесь воздух был холоден и слегка мрачен, хотя свет ламп вспыхивал на оружии, развешанном по стенам. И всю ночь звенело веселье. Пир шел горой, они хвастались, пили, любили женщин, рассказывали истории, боролись, играли, пели песни, не устая, и помнили — помнили — помнили.

А на рассвете мужчины снова надели оружие, сказали последнее «прости» и вышли. Охай-я, что за вид открылся им! Склоненные среди знамен копья, развевающиеся плюмажи, клинки и топоры, щиты грянули, и единым криком встретило войско своих предводителей.

— Настало время! — позвал Арнанак, и Ларрека крикнул:

— Иаи!

И с радостью шагнул каждый тассур и каждый легионер, погибшие в боях, в которых рубились они вместе, и вверх по спиральному пути, туда, где ждал их напора вечный красный хаос Бродяги.

Глава 24

Джилл плакала. Спарлинг прижал ее к груди; они расположились на заднем сиденье в рубке. Его лицо было непроницаемо, как забрало шлема, и только рот чуть скривился и горели угольно-сухие глаза.

Слезы медленно катились по щекам Дежерина, отдаваясь горьким вкусом во рту. Время от времени его пробирала дрожь. Но руки его уверенно управляли приборами, а мозг просчитывал их показания.

Кратер взрыва блестел черным, почва спеклась в стекло. Волнистая воронка не была широка — ракета была точным

инструментом, рассчитанным на малый радиус поражения и минимум жесткого излучения. Конечно, совершенной она не могла быть. Вокруг лежало кольцо убитых и раненых, тех, кто не превратился в пар. Чтобы наказать самого себя, он увеличил изображение какого-то случайно выбранного места. Какая-то часть этого мяса двигалась, и это было хуже всего.

Он не мог этого вынести и включил энергетическую пушку. Ударил гром, и через минуту на земле лежали только дымящиеся угли. Может быть, можно было спасти кого-то при соответствующем лечении, но откуда его взять?

«Прости меня, отче, — взмолился бы он, если бы мог, — ибо я не ведал, что творил». Никогда раньше он не видел настоящего сражения. Но он чувствовал, что не может молиться, и лишь звенели в нем слова:

«Так! На скользких путях поставил Ты их, и низвергаешь их в пропасти. Как нечаянно пришли они в разорение, исчезли, погибли от ужасов! Как сновидение по пробуждении, так Ты, Господи, пробудив их, уничтожишь мечты их. Когда кипело сердце мое и терзалась внутренность моя».*

Джилл перестала плакать. Тихий и дрожащий, прозвучал ее голос:

— Со мной все о'кей. Спасибо, милый. Страшное было зрелище. Я даже представить себе не могла, что так может быть. Но я только потрясена, я не убита и не изувечена.

— Спокойней, девочка, — сказал Спарлинг.

— Пока не могу, дорогой. — Девушка поднялась. Дежерин слышал звук ее шагов. Ее рука протянулась над его плечом. — Вот, возьми, — сказала она. В руке она держала ножи — свой и Спарлинга. Пока самолет приближался к цели, вооруженные Джилл и Спарлинг сидели в креслах второго пилота и штурмана. — Возьми их.

— Мне они не нужны, — ответил Дежерин.

— Чтобы все выглядело как надо, когда мы вернемся. — Джилл бросила их себе под ноги. Лезвия звякнули.

Он беспомощно встретил взор ее голубых глаз.

— Что же мне делать?

Она обошла вокруг своего кресла и села, не потрудившись привязаться.

— Прежде всего следует произвести разведку вокруг, — сказала она. С каждым словом жизнь возвращалась к ней.

Казалось, все тяготение Иштар навалилось на Дежерина; тем не менее самолет слушался малейшего движения. Медленно кру-

* Библия. Псалтырь. Псалом 72.

жа, он облетел километры территории. На экранах было одно и то же: варвары в панике бежали, по воде и по суше. Тем временем Спарлинг занял третье сиденье, вытащил табак и трубку из кармана куртки, набил, разжег и затянулся. Запах табака поплыл как воспоминание о Земле. К нему вернулось спокойствие.

Наконец он без всякого выражения спросил:

— Как вы думаете, сколько на нашем счету?

Дежерин дважды сглотнул, потом ответил:

— Две или три тысячи.

— Хм-м, это из тех как минимум пятидесяти тысяч, что мы видели?

Дежерин надтреснуто засмеялся:

— Шесть процентов. Они дешево отделались. Приходится по какой-то тысяче на брата.

— На Мундомаре творится похлеще. А кроме того, в здешнем гарнизоне гораздо больше трех тысяч, и каждый из них был бы убит или умер медленной смертью за несколько лет рабства на самой тяжелой работе.

Спарлинг наклонился поближе и мягко произнес:

— Поверьте, мне никакой нет радости от того, что мы сейчас сделали. Я не чувствую себя правым. Но и виноватым себя не ощущаю. И мы ваши вечные должники. Ваши, Юрий. Вы предложили один большой удар. Я думал, что на них надо будет охотиться с пулеметами.

— А какая, Христа ради, тут разница?

— Морально — никакой. Но их погибло меньше, и большая часть даже не успела понять, что погибает. А кроме того, — Спарлинг на минуту замолк, — кроме того, это племя воинов. Пули или химические бомбы их бы притормозили, но я не думаю, чтобы остановили надолго. Они бы сменили тактику, изобрели бы защиту, крали бы у нас оружие, изготавливали бы копии его и снова шли бы в бой до скончания веков, пока не была бы перебита вся их раса, или не погибла бы цивилизация на Иштар, или мы сами не сдались бы на их милость. А вот после того, что было сегодня, — я не думаю, чтобы они вернулись.

— И еще одно маленькое замечание, — сказала Джилл. — Теперь наши люди не должны будут совершать налет из Примаверы и смогут вернуть на место то, что они, так сказать, позаимствовали. Это ведь позволит тебе закрыть дело, верно, Юрий?

Дежерин коротко кивнул.

— Что делать теперь? — спросил он.

— Ты теперь хозяин, — ответила Джилл, как бы удивившись пустоте в его голосе. Она заговорила быстрее, даже живее. — На самом деле стоило бы связаться по радио с легионом, успокоить их, дать советы — слушай, а мы можем приземлить-

ся? Переночевать? Осмотреть лагерь варваров? Кто знает, может быть, удастся найти этот предмет с Таммуза. Или нескольких дауров. Этим бедняжкам наверняка понадобятся помощь и утешение.

Осмотр самой большой палатки показал, что странные маленькие существа, похожие на морских звезд, здесь наверняка были. Но они ушли, сбежали в ужасе еще большем, чем тот, что испытывали варвары. По рассказам Джилл Дежерин представил себе, как они пробираются по стране, которая им ничего, кроме голода, предложить не может, и даже сам удивился, как ему хочется верить, что они доберутся до Старкленда живыми.

Звездный куб дауры с собой не взяли. Дежерин с благоговением отнес его в свой самолет.

Когда он вошел в ворота Порт-Руа, солдаты отсалютовали ему, как своему спасителю. Приветственных криков не было. Спарлинг объяснил, что они слишком устали, слишком многих потеряли в этот день. Радость победы придет потом. Остаток дня был посвящен работе похоронных команд за пределами стен.

Нежданно задул суховей, раскаленный, как из горна, обдирающий кожу. Он гнал тучи пыли, и Бел стал таким же красным, как Ану.

— Мы выстоим, — сказал временный командир Иразен, — если получим подмогу.

Он обращался к людям в кабинете, который раньше принадлежал Ларреке. Это была оштукатуренная комната с глинобитным полом, почти пустая, только на полу лежало несколько разноцветных матрасов и на полках по стенам — немногочисленные книги и сувениры. Знамя с изображенным на нем коротким мечом висело напротив места Иразена. Окна были закрыты от бури. Тусклое пламя желтых фонарей источало острый теплый запах, но жара была не так беспощадна, как снаружи.

Дежерин переводил взгляд с похожего на льва существа, которое также служило цивилизации, на сидящих рука об руку Джилл и Спарлинга и с них снова на командира. Джилл переводила. Какой тонкой и светлой казалась она! Пламя фонаря сияло в ее волосах и отражалось в зрачках.

— Что мне ему сказать? — спросила она, когда молчание затянулось.

— Скажите ему... — *Dieu m'assiste** — да что тут можно сказать? — Дежерин развел руками. — Он наверняка

* Помогите мне, Боже (*фр.*).

думает, что Земля изменила свою точку зрения. У вас хватит духу сказать ему правду?

— Нет, нет, — прошептала она. — Я не настолько смелая. — Повернувшись к Иразену, она произнесла, запинаясь, несколько коротких фраз. Иштариец пророкотал ответ, который, казалось, чуть облегчил ей душу.

— Я объяснила, что это был особый случай, что ты превысил свою власть и что Земля больше военной помощи не предоставит. Он не был разочарован. В конце концов, они думают, что Конфедерация Валеннена этого удара не переживет. Теперь останутся разрозненные банды, иногда даже враждующие между собой. Он еще сказал... что пока существует Зера Победоносный, наши имена будут в его списках.

— Наверное, блокада будет снята, как только эти новости перелетят через море, — ответил Дежерин. И неожиданно для себя добавил: — А если нет, я ее прорву!

Джилл перевела дыхание. Спарлинг испустил замысловатое ругательство. Девушка перевела слова Дежерина солдату, и тот стиснул плечи Юрия до боли.

«Ну и дурацкое же обещание я дал, — подумал офицер-человек. — Откуда я знаю, что смогу его выполнить? И почему я не унываю?» Он посмотрел на Джилл и понял почему.

Или все же он не прав? Она не принадлежит ему. Им со Спарлингом предстоит космическое путешествие и суд, и это может связать их друг с другом на всю оставшуюся после отбытия наказания жизнь. Он, Юрий Пьер Дежерин, ничего, кроме неприятностей, не приобрел. Откуда же это ликование?

«Однако я не думаю, что меня позовут на помощь. Пираты немедленно разбегутся по домам для встречи — как они ее называют — Огненной поры. А если нет — я могу найти предлог для того, чтобы ускользнуть одному и выполнить задачу втайне».

Чувство кровавой вины вернулось опять. «Да, я способен потопить корабль с разумными существами, беспомощными против меня».

Джилл подмигнула:

— Мы на тебя не настучим, — поклялась она. — Верно, Иен?

— Никогда и ни за что, — подтвердил тот. Чувство вины опалило Юрия, как огнем.

Снова заговорил Иразен. Джилл и Спарлинг несколько умили свою радость.

— А теперь что? — спросил Дежерин, пытаясь справиться с сердцебиением.

— Он говорит, — девушка крепче взяла за руку своего спутника, — он говорит, что он — не Ларрека. Он сделает все, на что способен, но легион больше не сможет здесь себя прокормить, и, если Союз не будет их снабжать, они отойдут.

Она попыталась улыбнуться.

— Не хмурься, Юрий, — добавила она. — Валеннен уже не представляет угрозы, как раньше, а Зера будет наготове на юге.

— Но будет лучше, если вы... то есть если они смогут остаться? — спросил Дежерин.

— Конечно, — ответил Спарлинг. — Вы же из Космофлота — посмотрите на карту. Здесь ключевой пункт защиты Огненного моря, который позволяет уберечь цивилизацию на этих островах и в Северном Бероннене и иметь ресурсы, доступные для применения в других местах — ресурсы, которые будут очень нужны даже в лучшем случае и жизненно важные, если мы, Примавера, не сможем им помочь так, как собирались.

Джилл кивнула. Пряди волос скользнули по ее шее. В груди у Дежерина взорвалась сверхновая.

— Что с тобой? Юрий, с тобой все в порядке?

Он осознал, что прошла минута или больше. Она поддерживала его за талию. У нее и у Спарлинга на лице читалась самая искренняя забота о нем. Иразен, почувствовав это, протянул руки, как бы предлагая любую помощь, на которую способен чужак.

— Oui... Ça va bien, merci. Une idee*... — Дежерин встряхнулся. — Пардон, мне надо подумать.

Он сел, подняв колени, взялся за виски, глядя на разноцветный матрас, и — нет, мыслей не было, но как волна умиротворения пришло понимание.

Наконец он поднялся. Он понял, почему эти двое с таким легким сердцем готовы были идти в тюрьму. Та же сила теперь звенела и в его словах.

Он не то чтобы стал красноречив. Он скорее запинался и искал пути, чтобы передать открывшееся ему. Он хотел бы обладать, или хотя бы уметь воспринимать иштарийское искусство слов.

— Друзья мои, я не знаю, что вы можете ему сказать. Пожалуй, лучше всего будет не обещать ничего. Скажите, что ограниченные поставки наверняка будут. Скажите, что мы верим, что Союз не оставит их в нужде и что цивилизация дальше не

* Да... Все хорошо, спасибо. Есть идея... (фр.)

отступит. Entre nous*, могу вас заверить, что все работы на базе будут приостановлены. Все, чем вы располагаете в Примавере, возвращается вам. И Космофлот постарается вам помочь в меру своих возможностей.

— Ах, Юрий, — пропела Джилл, и ее голубые глаза на миг заволоклись слезами.

— Святой Иуда! — сказал Спарлинг таким голосом, каким можно было бы объявить прощение предателю.

Дежерин быстро продолжал. «Нужно лишить себя возможности отступления».

— Почему? Потому что внутри я чувствую так же, как вы. И у меня оставалось все меньше и меньше уверенности в том, что я поступаю правильно. Поэтому я и полетел на север забирать вас с туманной идеей, что Иен может захватить самолет и заставить меня сделать то, что мы сделали. Если бы ему это удалось, вина была бы не моя, верно? И последствия легли бы на его совесть. А вы... все стали бы ко мне относиться лучше, хоть меня и заставили. Но я не ожидал, что эти последствия лягут и на вас тоже, Джилл. Я не знал, каково жечь людей, которые не могут ответить ударом на удар. Неважно, добрыми или дурными были их побуждения — ответить ударом на удар они не могут. Вы, когда попадете на Землю, должны быть свободны от этого чувства. Но убивать — этого мало. Мы должны помогать и строить. Я — командир. Мои люди с удовольствием последуют тем приказам, которые я буду отдавать, пока меня не сменят. Примавера останется в Федерации, а мы трое, когда за нами пришлют, будем говорить от имени Иштар. Теперь понимаете?

— Я понимаю, — сказал Спарлинг.

Джилл кинулась к Дежерину и поцеловала его.

Эпилог

Свой рассказ мы закончили глубокой ночью.

Эспина как будто знал все наперед, настолько остры и точны были его вопросы. Он не ослабил внимания, хотя мы, моложе его на два поколения, устали. Но сказав наконец: «*Yo comprendo...***», он закрыл глаза, и в комнате воцарилась тишина. Только дедовские часы продолжали говорить, и медленное тикание казалось падающими каплями времени.

* Между нами говоря (фр.).

** Я понял (исп.).

Все это время свет был приглушен. Час за часом мы смотрели на вращение звездного колеса. Теперь звезды окружали голову Эспины тусклой короной, а край неба на востоке засеребрился. В страхе и надежде мы ждали.

И вновь вперился в нас взгляд орла, и сверкнули из-под морщинистых век яркие глаза.

— Прошу прощения, — сказал президент Федерального Трибунала. — Я не должен был томить вас неизвестностью, но я должен был все обдумать.

— Разумеется, сэр, — промямлил я.

— Вы, несомненно, интересуетесь, не хотел ли я просто поиграть с вами, как кот с мышью...

— Нет, нет, сэр!

Эспина усмехнулся:

— Я вам не дал даже намека на свои истинные цели и фактические намерения. Я не мог этого сделать, иначе бы я не получил столь полной откровенности. Вы, возможно, думали, что, представив свое дело так, как вы хотите, вы могли бы убедить меня вынести вам мягкий приговор. А возможно, вы считали, будто я потакаю своему любопытству или холодной жестокости и изобрел для вас более тонкую пытку, чем разрешено законом. Но что бы там ни было, это уже почти позади.

Он посуровел:

— Почти. Прежде чем я все объясню вам, придется причинить еще одну боль. Вы должны осознать, насколько серьезны выдвинутые против вас обвинения.

Вы, Иен Спарлинг, и вы, Джилл Конуэй, совершили акт пиратства в отношении военного судна государства, находящегося в состоянии войны. Вы нарушили не только приказ, что само по себе уже преступление, но основные законы самой Федерации. После этого вы, Юрий Дежерин, офицер Космофлота, продолжили это нарушение. Пользуясь подложными приказами, вы приостановили ход вверенной вам операции и использовали подчиненных вам людей, а также приданные средства для гражданских целей, не относящихся к вашей задаче. Плюс к тому, вы действовали в постоянном сговоре, что является уголовным преступлением *per se**.

Да, я понимаю, что вы все это уже слышали. Теперь же я узнал от вас более подробно, чем в нескольких эмоционально заряженных фразах, ваше оправдание: вы помогали отдаленной, негуманоидной, технически отсталой цивилизации, не интересной никому, кроме ученых, ваши действия были на-

* Само по себе (лат.).

правлены на помощь нескольким тысячам местных жителей, которые в противном случае не устояли бы, на сопротивление завоеванию, не имевшему, в случае своего успеха, никакого значения для Земли. Короче говоря, вы поставили свои мелкие цели и суждения выше суждения любого властного органа и каждого из нескольких миллиардов частных лиц и присвоили себе право действовать соответственно. Так почему бы во исполнение этого вам не расплатиться всей оставшейся жизнью?

Перед лицом подобной суровости я оставил свои мечтания, и, думаю, что мои товарищи сделали так же.

Но не все и не более чем на один удар часов. А потом Джилл выпрямилась на стуле, и ее голос ответил:

— Сэр, что бы мы ни сделали, закон, на страже которого вы стоите, дает нам права. В том числе право быть, черт возьми, услышанными! И публично! Какого черта мы иначе, как вы думаете, пошли, как бараны, под арест, когда за нами приехали? Мы могли взять запас пищи и уйти в глушь, где нас ни одна собака не нашла бы, не то что ваши одомашненные сыщики! Но мы хотели, чтобы Земля знала правду!

Мы с Иеном приняли у нее эстафету.

— Да, — сказал Иен, — капитан Дежерин связан дисциплиной Космофлота, но мы с мисс Конуэй — нет. И ваши закрытые слушания, и содержание нас *incommunicado* незаконны с точки зрения Хартии Мировой Федерации. Ваш Трибунал может вынести приговор, но не имеет права лишать нас возможности высказать свое суждение.

— Так же, как и Космофлот, — добавил я. — И это одна из причин, по которой я всегда гордился своей формой — надеюсь, мне не придется начать ее стыдиться.

Эспина встретился с нами взглядом. Часы пробили час.

Он улыбнулся.

— Отлично, — сказал он. Я не думал, что он может говорить так мягко. — Я оцениваю ваш дух так же высоко, как и ваше терпение. Чувствуйте себя свободно. Ваша попытка окончена.

Он нажал кнопку на подлокотнике. В его голос вернулся металл.

— Эта ее часть окончена, — поправился он. — То, что будет дальше, будет во многих смыслах хуже. Понимаете ли, рассказанное вами подтверждает то, что мне было ясно по моим собственным расследованиям; теперь пробелы заполнены. Господу известно, что я не милосерден, но я стараюсь быть справедливым. Когда заседания суда возобновятся, слушания будут открытыми. Теперешние слухи о процессе обеспечат всемирную рекламу. Мы пройдем по всем этапам — от

предъявления обвинения через разбирательство, ваше признание вины к приговору, который мои коллеги, разумеется, планируют крайне жестким. Затем я своей властью вас полностью оправдаю.

Следующих нескольких минут я не помню — помню только, как мы трое обнялись и смеялись сквозь слезы.

Когда мы успокоились, оказалось, что слуга принес бренди. Это был благородный благословенный коньяк. В ответ на наш тост согбенный в свете поздних звезд Эспина закурил еще одну сигарету, закашлялся, выдохнул дым и сказал тем же твердым голосом, что и прежде:

— В сущности, вы планировали получить *cause celebre**, чтобы вызвать рост симпатий к Иштар, достаточный для возобновления поставок. Сегодня вы помогли мне прийти к окончательному решению. С моей помощью — а я сделаю все для того, чтобы процесс оказался сенсационным, — вы просто вызовете бурю. Приготовьтесь. Вы не знаете, как это отнимает силы — быть символом. Мои намерения идут гораздо дальше. С точки зрения долгосрочных расчетов ваша цель и больше, и значительней. Но с точки зрения ближайшего будущего она связана с моей. Я хочу положить конец войне.

Он выдохнул дым и решительно отхлебнул коньяка, а мы погрузились во внутреннее спокойствие, вызванное изнеможением.

— Конец войне. — Его лицо мумии исказила презрительная гримаса. — Этой бессмысленной, беспощадной, несправедливой, бесконечной войне. Единственное, что мы должны были сделать, — это предложить свою помощь в урегулировании конфликтов. Мы же вместо этого из романтизма или чего-то еще превращаем друзей во врагов. Из чистой сентиментальности мы сами стали мясниками. Из чувства вины мы берем на себя во сто крат большую, чудовищную вину. И настало время положить этому конец. Это можно сделать. Земля и Накса могут договориться и установить условия, не слишком несправедливые для каждой стороны. Во всяком случае, не такие несправедливые, как то, что старые остаются жить, когда молодые умирают. Этого подспудно хочет вся Федерация, потому что наши затраты и жертвы возрастают беспредельно и безрезультатно. Но это желание пока что подспудное. Политики, средства массовой информации — практически никто не хочет взять на себя инициативу. Они просто не затрагивают политически неудобную

* Громкое дело (фр.).

тему о мирных переговорах. И вас я использую, чтобы их подхлестнуть.

Он снова улыбнулся, взмахнув рукой, держащей сигарету.

— У меня, конечно, есть и свои эгоистичные причины, — признался он. Его смешок прозвучал как соударение двух сухих ветвей феникса под вихрем Огненной поры. — Какая прекрасная последняя битва! Они закричат о моем импичменте, о проверке нормальности, о пересмотре Хартии, чтобы сместить меня с поста, обо всем, что может подказать истерия мести. А я буду драться с ними по-своему... И выиграю я или проиграю, вам о себе тревожиться не надо. Вы будете защищены законом о непривлечении к повторной ответственности. Но и вы тоже должны будете драться.

В его голосе прозвучал сарказм:

— И не бойтесь, что вам придется стать модными радикалами. Оставьте речи, манифестации, бунты, статьи в желтых журналах, единение с великим делом, проповеди, в которых Бог не упоминается, потому что не имеет к ним отношения, — оставьте это обезьянам. А еще лучше — просто откажитесь от этого, отвергните. Вы должны быть просто свидетелями правды. Это окажется не так легко, как вы думаете. Интеллектуальный истеблишмент, противостоящий вам, будет располагать хорошими пикадорами и жонглерами. Тяжелее всего будет оставаться спокойными, разумными и — да, правдивыми.

Его губы скривились:

— Что за правду можете вы сказать? Как на вас лично сказалась это ненужная война? Возможность предотвратить смерть миллионов существ, что вполне могут превосходить нас с точки зрения вечности, поставлена под сомнение. Поставлена в опасность высокая цивилизация, которая, как мы знаем наверное, может нас чему-то научить и в не очень отдаленном будущем занять достойное место в межзвездном сообществе. Вы были свидетелями разрушения и горя, в которых совсем не было необходимости, и, кроме того, гибели двух лидеров, которые могли бы работать вместе ради неисчислимых благ, если бы мы дали им шанс. И Земля... на Иштар Земля потеряла доверие лучших умов, доверие, которое не так легко будет восстановить. Земля потеряла выдающегося офицера — хотя вы будете прощены, капитан Дежерин, Космофлот не сможет себе позволить не списать вас. — И снова у него в лице проглянула неожиданно мягкая улыбка. — Я позволю себе сказать, что они предложат вам место вне Космофлота, где вам будут рады.

И он продолжил так же мягко:

— Вы доставили также сведения о целой разумной расе и реликты от сильного исчезнувшего народа; каждое такое откры-

тие — это открытие новой вселенной. Но чтобы развить эти открытия, понадобится помощь всего Союза, и, более того, надо будет помочь народу Валеннена, чтобы он помог нам в ответ. А для этого нужен мир! Я думаю, что в течение примерно года Земля поймет, в чем заключаются ее истинные интересы.

Он уронил голову на грудь. Даниэль Эспина тоже был всего лишь смертным.

Мы вскоре попрощались, и слуга разбудил нашего пилота, который должен был доставить нас туда, где нас содержали.

Мы ждали его снаружи. Воздух был тих, холоден и невероятно чист. Солнце уже высветило пики, и по их гранитным склонам заскользили тени, а небо стало сапфировым.

— Год, — вздохнул Иен. С каждым вздохом выходил белесый пар. — Или максимум два. А потом отправимся домой.

«И если нам повезет, начнем нашу работу», — подумал я.

— Как еще долго, — ответила ему Джилл. Они больше не прятали от меня своих секретов, как и я от них — своих. Нас было трое, но этот час принадлежал им. — Тебе бы вызвать сюда Роду.

— Как она сможет приехать, — возразил он, хотя и знал ответ.

— Судья это устроит. Ты не был бы сам собой, если бы его об этом не попросил. — Она расправила плечи. — А пока что... Потом... Ладно, мы посмотрим.

Она не стала говорить о том, что любить и быть любимым приносит и обязанности. Ее взгляд сказал мне, что я тоже вхожу в это «мы».

Пришел пилот. Джилл повела нас к флаеру. Идя вслед за ней, я лелеял в душе надежду.

Содержание

Зима над миром, роман, <i>перевод с английского Н. Виленской</i>	13
Огненная пора, роман, <i>перевод с английского М. Левина</i>	189

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том первый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *Т. Бережных, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Оформление шмүцтитүлов: *А. Бибанаев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 18.09.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 25000 экз.

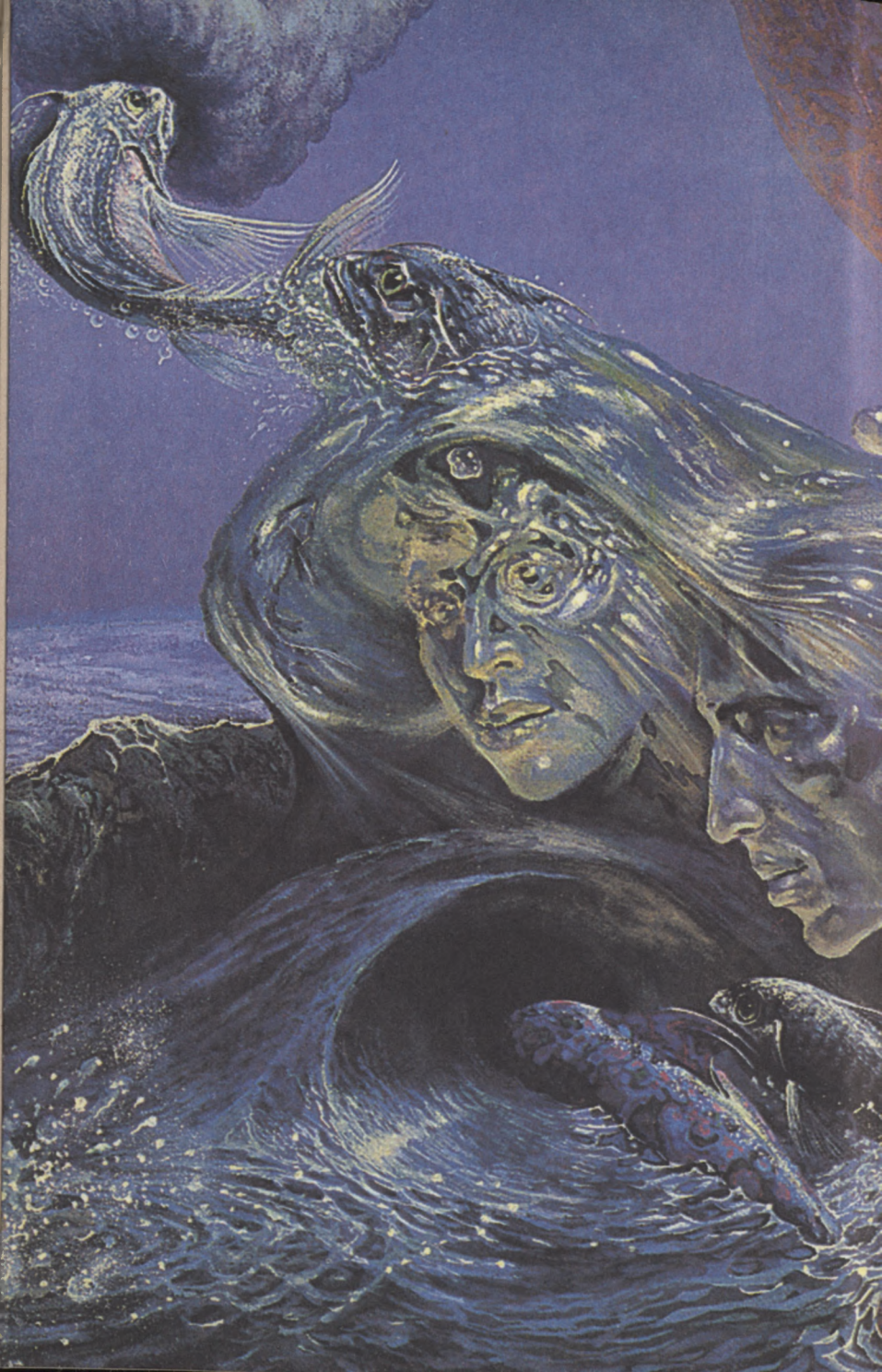
Заказ № 1030. С 128.

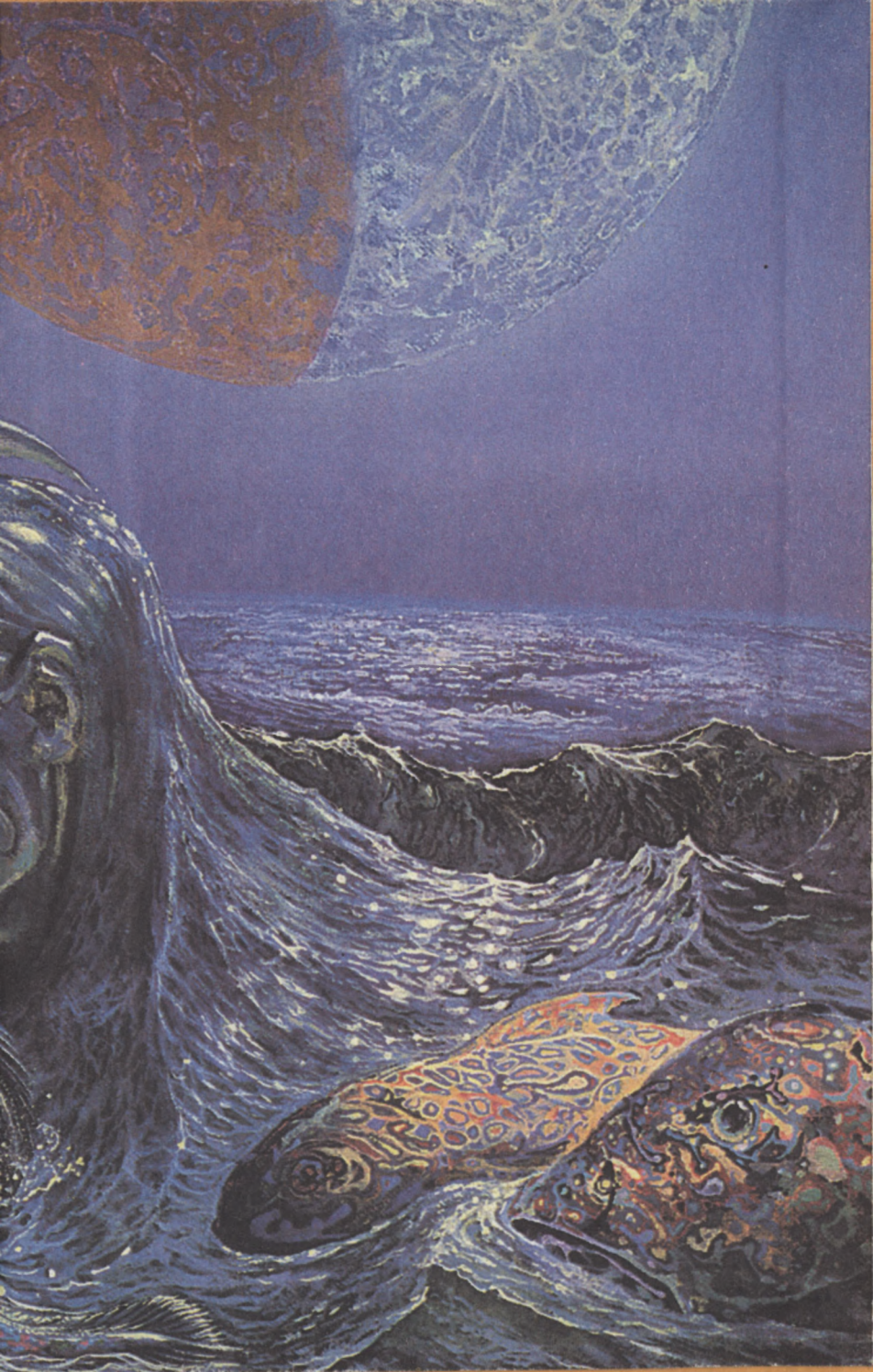
Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным ,
издательством.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Зима над миром

Земля изуродована ядерной войной, охвачена новым ледниковым периодом. Варварская империя, раскинувшаяся на месте Флориды, стремится захватить богатые земли. Но нелегко подчинить народ, в чьих генах заложена свобода...

Огненная пора

Когда красный гигант приближается к планете Иштар, выжигая ее своими лучами, орды дикарей устремляются к экватору из полярных областей планеты. Земные поселенцы вынуждены бороться за выживание среди враждующих племен аборигенов в то время, когда из дальних пустошей выходят последние потомки погибшей расы...

